

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

**Советский Союз —
за мир и безопасность
на Азиатском континенте**

**Страны Индокитая по пути
социального прогресса**

**Плодотворное сотрудничество
СССР и КНДР**

Рабочий класс КНР

**Япония: неустойчивое
политическое равновесие**

**Сэн Катаяма —
борец против империализма**

1

1984

CHIEF OF BUREAU
GENERAL
MILITARY ACADEMY

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

13 февраля 1984 года состоялся внеочередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

По поручению Политбюро ЦК Пленум открыл член Политбюро, секретарь ЦК КПСС тов. К. У. Черненко.

В связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова участники Пленума ЦК почтили память Юрия Владимировича Андропова минутой скорбного молчания.

Пленум ЦК отметил, что Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства, пламенный патриот, ленинец, неутомимый борец за мир и коммунизм.

Находясь по воле партии на важнейших постах партийной и государственной работы, Юрий Владимирович Андропов отдавал все свои силы, знания и огромный жизненный опыт осуществлению политики партии, упрочению ее связей с массами, укреплению экономического и оборонного могущества Советского Союза.

Много внимания уделял Ю. В. Андропов проведению в жизнь выработанной XXVI съездом КПСС и последующими Пленумами ЦК КПСС линии на всемерную интенсификацию производства, ускорение научно-технического прогресса, совершенствование управления народным хозяйством, усиление ответственности кадров, организованности и дисциплины, на неуклонный рост материального и духовного уровня жизни народа.

Большой вклад внес Ю. В. Андропов в развитие всестороннего сотрудничества стран социалистического содружества, в укрепление единства и сплоченности международного коммунистического и рабочего движения, в поддержку справедливой борьбы народов за свою свободу и независимость. Под его руководством последовательно и настойчиво осуществлялся на международной арене ленинский внешнеполитический курс нашей партии и государства — курс на устранение угрозы термоядерной войны, на твердый отпор агрессивным проискам империализма, на упрочение мира и безопасности народов.

Пленум подчеркнул, что в эти скорбные дни коммунисты, весь советский народ еще теснее сплывают свои ряды вокруг ленинского Центрального Комитета партии, Политбюро ЦК КПСС, полны решимости беззаветно бороться за претворение в жизнь ленинской внутренней и внешней политики партии.

Участники Пленума ЦК выразили глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС.

По поручению Политбюро ЦК с речью по этому вопросу выступил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР тов. Н. А. Тихонов. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. К. У. Черненко.

Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Пленум единогласно избрал тов. Черненко Константина Устиновича.

Затем на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. К. У. Черненко. Он выразил сердечную благодарность за высокое доверие, оказанное ему Центральным Комитетом партии.

Тов. К. У. Черненко заверил Центральный Комитет КПСС, Коммунистическую партию, что приложит все свои силы, знания и жизненный опыт для успешного выполнения задач коммунистического строительства в нашей стране, обеспечения преемственности в решении поставленных XXVI съездом КПСС задач дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества СССР, повышения благосостояния советского народа, упрочения мира, в осуществлении ленинской внутренней и внешней политики, которую проводят Коммунистическая партия и Советское государство.

На этом Пленум ЦК закончил свою работу.

Речь Генерального секретаря ЦК КПСС товарища К. У. ЧЕРНЕНКО

Дорогие товарищи!

Сердечно благодарю членов Центрального Комитета за оказанную мне высокую честь — избрание Генеральным секретарем ЦК. Я полностью сознаю громадную ответственность, которая ложится на меня. Понимаю, какая важная, исключительно сложная предстоит работа. Завещаю Центральный Комитет, партию, что приложу все свои силы, знания, весь свой опыт, чтобы оправдать доверие, чтобы вместе с вами продолжить ту принципиальную линию нашей партии, которую последовательно и настойчиво проводил в жизнь Юрий Владимирович Андропов.

Организаторский талант, ясный творческий ум, верность ленинизму в теории и политике, острое чувство нового и способность аккумулировать живой опыт масс, непримиримость ко всему, что чуждо нашему мировоззрению и образу жизни, нашей морали, личное обаяние и скромность — все это снискало Юрию Владимировичу огромный авторитет и уважение в партии и народе.

Партия поручала ему сложные и ответственные участки работы. Особенно ярко раскрылись лучшие политические и человеческие качества Юрия Владимировича Андропова на постах Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Он не щадил себя, стремясь всегда быть на высоте стоящих перед ним задач.

Юрий Владимирович внес весомый личный вклад в коллективную деятельность Центрального Комитета, Политбюро ЦК по разработке всесторонне взвешенного и реалистичного курса партии на современном этапе — курса на совершенствование развитого социализма. Под его руководством прошли ноябрьский (1982 г.), июньский и декабрьский (1983 г.) Пленумы ЦК КПСС, которые стали важными вехами в жизни партии и народа. В решениях Пленумов получила дальнейшее творческое развитие и конкретизацию политическая линия XXVI съезда КПСС.

Много сил и энергии отдавал Ю. В. Андропов борьбе за обеспечение мирных условий созидательного труда советских людей, за упрочение позиций социализма на международной арене.

Юрий Владимирович хорошо понимал: источник авторитета партии в том, что свое руководящее положение, свою почетную авангардную роль она завоевала и подкрепляет самоотверженным служением народу, умением точно выразить интересы трудящихся, вооружить их верной марксистско-ленинской программой действий.

Убедительным свидетельством правильности внутренней и внешней политики КПСС, ее соответствия требованиям и духу времени является горячая всенародная поддержка этой политики. Партия твердо идет избранным путем — путем коммунистического созидания и мира.

Так было раньше. Так будет всегда!

Но все мы понимаем, товарищи, что одного желания идти этим путем мало. Нужно уметь не только поставить правильные цели, но и упорно добиваться их, преодолевая любые трудности. Нужно реалистически оценивать достигнутое, не преувеличивая, но и не преуменьшая его. Только такой подход предохраняет от ошибок в политике, от соблазна принять желаемое за действительное, позволяет отчетливо видеть, как говорил Ленин, «что именно мы «доделали» и чего не доделали...».

Недолгий, до обидного недолгий, товарищи, срок суждено было Юрию Владимировичу Андропову трудиться во главе нашей партии и государства. Всем нам будет не хватать его. Он ушел из жизни в самый

разгар большой и напряженной работы, направленной на то, чтобы придать мощное ускорение развитию народного хозяйства, преодолеть трудности, с которыми столкнулась страна на рубеже 70—80-х годов. Но все мы знаем, как много удалось сделать партии за это короткое время, как много нового, плодотворного получило права гражданства и утвердилось на практике. Продолжать и коллективными усилиями двигать дальше начатую под руководством Юрия Владимировича работу — лучший способ воздать должное его памяти, обеспечить преемственность в политике.

Преемственность — не отвлеченное понятие, а живое, реальное дело. И суть ее прежде всего в том, чтобы, не останавливаясь, идти вперед. Идти, опираясь на все достигнутое раньше, творчески обогащая его, концентрируя коллективную мысль, энергию коммунистов, рабочего класса, всего народа на нерешенных задачах, на ключевых проблемах настоящего и будущего. И это всех нас ко многому обязывает.

Сила нашей партии — в ее единстве, верности марксизму-ленинизму, в способности развивать и направлять творческую активность масс, сплачивать их идейно и организационно, руководствуясь испытанными ленинскими принципами и методами. Вы знаете, товарищи, какое огромное внимание уделяли в последнее время наш Центральный Комитет, Политбюро ЦК, Юрий Владимирович Андропов вопросам совершенствования работы государственного аппарата, улучшения стиля партийного руководства. Один из них — четкое разграничение функций партийных комитетов с задачами государственных и хозяйственных органов, устранение дублирования в их работе. Это крупный вопрос политического значения. И не все, говоря откровенно, отлажено тут как следует. Бывает, что работники Советов, министерств, предприятий не проявляют необходимой самостоятельности, перекладывают на партийные органы вопросы, которые должны решаться ими самими. Практика подмены хозяйственных руководителей расхолаживает кадры. Более того, она таит в себе опасность ослабления роли партийного комитета как органа политического руководства. Для партийных комитетов заниматься хозяйством — значит прежде всего заниматься людьми, ведущими хозяйство. Это надо помнить всегда.

Товарищи! Полтора месяца назад, на декабрьском Пленуме ЦК, мы дали всестороннюю оценку положению дел в области социально-экономического развития страны. В принятом постановлении особо подчеркнуто, что сейчас важно сохранить набранный темп, общий настрой на практическое решение задач, неуклонно повышать уровень партийного и государственного руководства экономикой, активнее развивать позитивные тенденции, придать им устойчивый характер. Последовательно выполнять эти установки Пленума — наша прямая обязанность.

Весь наш опыт подтверждает: важнейшим источником силы партии всегда была, есть и будет ее связь с массами, гражданская активность миллионов трудящихся, их хозяйский подход к делам на производстве, к проблемам общественной жизни.

Долг партии коммунистов — постоянно сверять свой курс, свои решения, действия прежде всего с мыслями рабочего класса, с его громадным социально-политическим и классовым чутьем. Владимир Ильич Ленин всегда высоко ценил прямоту, жизненную обоснованность и ясность суждений рабочего человека, чутко прислушивался к его мнению, оценкам событий и людей, искал и находил в них ответы на самые злободневные вопросы.

Прислушиваться к слову, идущему из рабочей среды, с переднего края социалистического строительства, держать совет с людьми труда — это и сегодня должно быть первейшей обязанностью, глубокой внутренней потребностью каждого коммуниста-руководителя.

Уметь вовремя увидеть и поддержать народную инициативу, причем в самом широком смысле — от хозяйского, творческого отношения

к делу на рабочем месте до активного участия в управлении государством, обществом, — в этом величайший, можно сказать, неисчерпаемый резерв нашего прогресса. Каждым крупным своим достижением наша экономика в той или иной мере обязана творческим починам трудовых коллективов, их собственным, как принято говорить, встречным планам.

Глубокое удовлетворение вызывает широкий отклик трудовых коллективов страны на призыв декабрьского Пленума — добиться сверхпланового повышения производительности труда на 1 процент и дополнительного снижения себестоимости продукции на 0,5 процента. Патриотический подъем, энергия и деловитость, с которыми трудящиеся, партийные, профсоюзные, комсомольские организации взялись за решение этой задачи, вселяют уверенность, что успех будет обеспечен.

Думаю, что следует рассмотреть вопрос о том, чтобы все средства и ресурсы, которые будут получены за счет этого, а они немалые — направлять на улучшение условий труда и быта советских людей, медицинское обслуживание, строительство жилья. Это полностью отвечало бы высшей цели политики партии — всемерной заботе о благе человека.

Вообще, товарищи, нам, видимо, следует подумать о том, чтобы творческие начинания, новаторство трудящихся лучше стимулировались материально и морально.

В самой основе советского строя заложена социальная справедливость. И в этом его огромная сила. Потому столь важно, чтобы она неукоснительно соблюдалась в повседневных делах, идет ли речь о заработной плате и премиях, распределении квартир или путевок, о награждениях, — словом, чтобы все делалось по справедливости, в соответствии с трудовым вкладом каждого человека в наше общее дело.

Здесь есть над чем поработать партийным, профсоюзным, комсомольским организациям, хозяйственным руководителям. Многие зависят от самих трудовых коллективов. У них сейчас — большие, закрепленные в законодательном порядке права. Дело за тем, чтобы полнее их использовать.

За последнее время партия обогатилась новым опытом руководства социалистическим обществом. Мы стали лучше использовать преимущества, возможности нашего строя. К их числу, безусловно, относятся организованность и сознательность масс. Отсюда наше внимание к укреплению порядка, дисциплины.

Вопрос об организованности, о порядке — для нас ключевой, принципиальный. Насчет этого двух мнений быть не может. Всякая разболтанность, безответственность оборачиваются для общества не только материальными издержками. Они причиняют серьезный социальный, нравственный ущерб. Это хорошо понимаем мы, коммунисты, понимают миллионы советских людей. И вполне закономерно, что поистине всенародное одобрение получили меры, принятые партией в целях повышения трудовой, производственной, плановой, государственной дисциплины, по укреплению социалистической законности.

В этой области удалось уже кое-что сделать. И все знают, как это благотворно подействовало на производственные дела, на нашу общественную жизнь, да и просто на настроение людей. Но неверно было бы полагать, что сделано уже все. Нет, товарищи, жизнь учит, что тут расслабляться никак нельзя.

Что касается основных направлений развития нашей экономики, они четко определены партией. Интенсификация, ускоренное внедрение в производство достижений науки и техники, осуществление крупных комплексных программ — все это в конечном счете должно поднять на качественно новый уровень производительные силы нашего общества.

В серьезной перестройке нуждаются система управления экономикой, весь наш хозяйственный механизм. Работа в этом плане только началась. Она включает в себя широкомасштабный экономический экс-

эксперимент по расширению прав и повышению ответственности предприятий. Идут поиски новых форм и методов хозяйствования в сфере услуг. Несомненно, они дадут много полезного, помогут нам решить стратегически важную проблему — поднять эффективность всего народного хозяйства.

Давайте, однако, спросим себя: а не получается ли так, что для иных хозяйственных руководителей ожидание результатов экспериментов служит прикрытием их пассивности, стремления работать по старинке? Конечно, обновление экономических структур — дело ответственное. Здесь не мешает соблюдать и старое мудрое правило: семь раз отмерь, один отрежь. Но это вовсе не оправдывает тех, кто вообще не желает считаться с изменившимися условиями, с новыми требованиями жизни.

Проявлять на всех уровнях больше самостоятельности, смело вести поиски, идти, если надо, на оправданный риск во имя повышения эффективности экономики, роста благосостояния народа — вот чего мы ждем от наших хозяйственных кадров.

Вы знаете, что в минувшем году ЦК КПСС и правительство разработали и приняли ряд постановлений по принципиальным вопросам развития экономики. Эти решения дали в руки партийных и хозяйственных органов определенные рычаги повышения эффективности производства, ускорения экономического развития страны.

Намеченные меры, а они имеют не только хозяйственное, но и большое политическое значение, будут претворены в жизнь лишь в том случае, если их выполнение станет главным содержанием повседневной работы каждой партийной организации, каждого работника.

Решая задачи сегодняшнего дня, мы создаем предпосылки для достижения гораздо более высоких рубежей в будущем. Может быть, о нашем завтрашнем дне, о двенадцатой пятилетке, еще рано говорить в деталях, но главные проблемы, главные направления предстоящей работы видны уже сейчас.

Новая пятилетка прежде всего должна стать началом глубоких качественных изменений в производстве, пятилеткой решающего перелома в деле интенсификации всех отраслей нашего народного хозяйства. Современная материально-техническая база и система управления должны обрести новые, более высокие качества.

Не менее важно сейчас обеспечивать все более тесную взаимосвязь экономического, социального и духовного прогресса советского общества. Невозможно поднимать экономику на качественно новый уровень, не создавая необходимые для этого социальные и идеологические предпосылки. Равным образом невозможно решать назревшие проблемы развития социалистического сознания, не опираясь на прочный фундамент экономической и социальной политики.

Строить новый мир — это значит неустанно заботиться о формировании человека нового мира, о его идейно-нравственном росте. Именно под этим углом зрения, как известно, рассмотрел вопросы идеологической, массово-политической работы июньский Пленум ЦК. В соответствии с его установками партия будет добиваться, чтобы эта работа полностью отвечала характеру больших и сложных задач совершенствования развитого социализма.

Осмыслить эти задачи в их комплексе, наметить четкую долгосрочную стратегию их решения, показать связь наших текущих дел с коммунистической перспективой — вот что должна нам дать новая редакция партийной программы. Ее подготовке Центральный Комитет придает огромное значение.

Товарищи! Разрабатывая планы дальнейшего развития нашей страны, мы не можем не учитывать положения, складывающегося в мире. А оно сейчас, как вы знаете, сложное и напряженное. Тем большее зна-

чение приобретает в этих условиях верный курс партии и Советского государства в области внешней политики.

Борьба за дело прочного мира, свободы и независимости народов всегда была в центре внимания Юрия Владимировича Андропова. Под его руководством Политбюро ЦК и высшие органы нашей государственной власти формировали активную внешнюю политику, отвечающую этим благородным принципам. Политику, направленную на избавление человечества от угрозы мировой ядерной войны. Эта ленинская политика мира, основные черты которой на современном историческом этапе определены решениями последних съездов КПСС, отвечает коренным интересам советского народа, да, в сущности, и других народов мира. И мы решительно заявляем: от этой политики мы не отступим ни на шаг.

Совершенно ясно, товарищи, что успех дела сохранения и укрепления мира в значительной мере зависит от того, насколько велико будет влияние на мировой арене социалистических стран, насколько активны, целеустремленны и согласованны будут их действия. Наши страны кровно заинтересованы в мире. Во имя этой цели мы будем стремиться к расширению сотрудничества со всеми странами социализма. Всемерно развивая и углубляя сплоченность и сотрудничество со странами социалистического содружества — во всех сферах, включая, конечно, и такую важную сферу, как экономическая, — мы тем самым вносим большой вклад в дело мира, прогресса и безопасности народов.

Обращаясь к братским странам, мы говорим: в лице Советского Союза вы и впредь будете иметь надежного друга и верного союзника.

Одной из основ внешней политики нашей партии и Советского государства была и будет солидарность с народами, сбросившими ярмо колониальной зависимости и вступившими на путь самостоятельного развития. И особенно, конечно, с народами, которым приходится отражать атаки агрессивных сил империализма, создающего то в одном, то в другом районе мира опаснейшие очаги кровавого насилия и военных пожаров. Быть на стороне правого дела народов, выступать за устранение таких очагов — это сегодня тоже необходимое и важное направление борьбы за прочный мир на земле. Принципиальная позиция нашей партии в этих вопросах ясна, чиста и благородна, и ее мы будем придерживаться неуклонно.

Теперь об отношениях с капиталистическими странами. Великий Ленин завещал нам принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Мы этому принципу неизменно верны. Сейчас, в век ядерного оружия и сверхточных ракет, он необходим народам, как никогда ранее. К сожалению, некоторые руководители капиталистических стран, судя по всему, не отдают себе в этом ясного отчета. Или не хотят отдавать.

Мы хорошо видим угрозу, которую создают сегодня для человечества безрассудные, авантюристические действия агрессивных сил империализма, — и говорим об этом в полный голос, обращая на эту опасность внимание народов всей земли. Нам не требуется военное превосходство, мы не намерены диктовать другим свою волю. Но сломать достигнутое военное равновесие мы не позволим. И пусть ни у кого не остается ни малейших сомнений: мы и впредь будем заботиться о том, чтобы крепить обороноспособность нашей страны, чтобы у нас было достаточно средств, с помощью которых можно охладить горячие головы воинствующих авантюристов. Это, товарищи, очень существенная предпосылка сохранения мира.

Советский Союз как великая социалистическая держава полностью сознает свою ответственность перед народами за сохранение и укрепление мира. Мы открыты для мирного взаимовыгодного сотрудничества с государствами всех континентов. Мы за мирное решение всех спорных международных проблем путем серьезных, равноправных, конструктивных переговоров. СССР будет в полной мере взаимодействовать со все-

ми государствами, которые готовы практическими делами помогать уменьшению международной напряженности, создавать в мире атмосферу доверия. Иными словами — с теми, кто действительно будет вести дело не к подготовке войны, а к укреплению устоев мира. И мы считаем, что в этих же целях должны быть в полной мере использованы все имеющиеся рычаги, включая, конечно, и такой, как Организация Объединенных Наций, которая и создана была для сохранения и укрепления мира.

Товарищи, нас, советских коммунистов, искренне радует, что в борьбе за мирное будущее и прогресс человечества мы идем рука об руку с миллионами братьев по классу, с многочисленными отрядами мирового коммунистического и рабочего движения. Неизменно верные принципам пролетарского интернационализма, мы с горячей симпатией и глубоким уважением относимся к борьбе наших зарубежных товарищей за интересы и права трудящихся и видим свой долг в том, чтобы всемерно крепить связывающие нас узы.

Вот что хотелось бы сказать сегодня о линии нашей партии в международных делах. И мы уверены, что ее всей душой горячо поддерживает советский народ.

Товарищи!

Все свои достижения советские люди неразрывно связывают с деятельностью партии. Беззаветно преданная массам, партия пользуется полным доверием масс.

Только что в партийных организациях завершилась отчетно-выборная кампания. Она вновь показала высокий уровень сознательности и активности коммунистов. На руководящие посты избраны авторитетные, опытные, знающие люди.

В работе Пленума участвуют первые секретари крайкомов и обкомов партии. К вам, товарищи, хотелось бы обратиться особо. Центральный Комитет хорошо знает, как широк круг ваших обязанностей, ваших забот. Знает, как много от вас зависит в решении и наших текущих, ближайших и стратегических задач. Политбюро ЦК уверено, что вы сделаете все необходимое для обеспечения устойчивых темпов роста промышленного производства, успешного выполнения Продовольственной программы, развития трудовой активности масс, для реализации мер, направленных на подъем народного благосостояния. И тем самым — для повышения авангардной роли партии.

Любой выборный пост в нашей партии — пост ответственный. Избрание в партийный комитет надо рассматривать как своего рода кредит доверия, выданный членами партии своим товарищам. И это доверие должно быть оправдано самоотверженным трудом. Таков наказ участников прошедших собраний и конференций. Сейчас, на пороге выборов в Верховный Совет СССР, этот требовательный наказ партия передает и тем коммунистам, которые выдвинуты кандидатами в депутаты, войдут в высший орган государственной власти.

Неисчерпаемая сила советских коммунистов — в сплоченности их рядов. В полной мере эта сила раскрывается, когда, говоря словами Ленина, «мы все, члены партии, действуем как один человек». Именно так дружно, сплоченно действует ленинский Центральный Комитет КПСС, его руководящее ядро — Политбюро ЦК. Это позволяет принимать выверенные, всесторонне взвешенные решения, ведущие к упрочению союза рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, братской дружбы народов Союза ССР.

Подлинно партийная, деловая и творческая атмосфера, в создание которой так много сил вложил Юрий Владимирович Андропов, была и будет обязательным условием работы Центрального Комитета партии. Это — залог дальнейшего роста авторитета КПСС, успешного решения стоящих перед нами больших и сложных задач коммунистического созидания.

Речь члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР товарища Н. А. ТИХОНОВА

Дорогие товарищи!

Коммунистическая партия, наш народ, мировое коммунистическое и рабочее движение понесли тяжелую утрату. Оборвалась жизнь Юрия Владимировича Андропова — выдающегося деятеля нашей партии и Советского государства, пламенного патриота социалистической Родины, неутомимого борца за мир и коммунизм.

Короткий срок, год с небольшим, возглавлял Юрий Владимирович Центральный Комитет. Но как много за это время сделано. Следуя курсом XXVI съезда, творчески обогащая его, партия под руководством ЦК КПСС добилась уверенного продвижения страны на всех направлениях экономического и социального прогресса.

Многогранной была деятельность Юрия Владимировича, и на ответственных постах, которые доверяла ему партия, он отдавал все свои силы и знания служению интересам народа.

У каждого из нас свежи в памяти глубокие выступления Юрия Владимировича на ноябрьском (1982 г.) и последующих Пленумах ЦК, в которых дана четкая программа реализации преимуществ социализма, решения актуальных проблем коммунистического строительства.

Он умело и энергично направлял деятельность Центрального Комитета, Политбюро по мобилизации коммунистов, всех трудящихся на ускоренное развитие экономики, совершенствование управления народным хозяйством, укрепление организованности и дисциплины.

Опираясь на коллективный опыт, чутко улавливая потребности общественного развития, Юрий Владимирович внес большой личный вклад в работу партии по усилению могущества Советского государства, повышению благосостояния советских людей.

Он настойчиво боролся за последовательную реализацию миролюбивого внешнеполитического курса партии, курса на устранение угрозы термоядерной войны, на решительный отпор агрессивным проискам империализма.

Мы все глубоко переживаем большое горе, которое постигло нашу партию, весь советский народ. Но долг коммунистов-ленинцев состоит в том, чтобы еще теснее сплотить свои ряды, крепить единство партии и народа.

Политбюро ЦК выражает твердую убежденность в том, что Пленум Центрального Комитета продемонстрирует перед всей страной, перед всем миром непреклонную волю партии твердо и последовательно идти и дальше верным ленинским курсом.

Настойчиво и целеустремленно будет проводиться линия, выработанная историческим XXVI съездом КПСС и последующими Пленумами ЦК, на интенсификацию производства, повышение эффективности экономики, ускорение научно-технического прогресса, реализацию Продовольственной программы, на все более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей советских людей.

Партия и впредь будет крепить нерушимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, братскую дружбу народов нашей Родины.

КПСС и Советское государство всегда будут верны идеалам мира, дружбы и сотрудничества между народами всех стран, идеалам социального прогресса.

Дорогие товарищи!

Политбюро обсудило вопрос о Генеральном секретаре ЦК КПСС и единодушно поручило мне предложить Пленуму избрать Генеральным секретарем Центрального Комитета нашей партии товарища Черненко Константина Устиновича.

Константин Устинович прошел богатую жизненную школу. Знает он и нелегкий крестьянский труд, и солдатскую службу, и будни сельского райкома.

Многие годы он возглавлял ответственные участки партийной работы в Красноярской, Пензенской, Молдавской партийных организациях, в аппарате ЦК КПСС.

Где бы ни трудился Константин Устинович, он всегда проявлял себя как талантливый организатор масс, пламенный пропагандист марксистско-ленинских идей, непоколебимый борец за претворение в жизнь политики нашей великой партии.

Коммунистам, советским людям Константин Устинович хорошо известен как выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства, верный соратник таких руководителей ленинского типа, какими были Леонид Ильич Брежнев и Юрий Владимирович Андропов.

Работая в Политбюро и Секретариате ЦК, Константин Устинович многое сделал для развития и утверждения ленинского стиля партийного и государственного руководства, для которого характерны глубокое понимание ключевых вопросов общественного развития, реалистический подход к оценке достигнутого и нерешенных проблем, высокая требовательность к кадрам и в то же время доброжелательное отношение к ним, опора на инициативу и опыт трудящихся.

Константина Устиновича отличает умение зажечь людей своей энергией, новаторским отношением к любому делу, сплотить товарищей на дружную коллективную работу.

Хотелось бы особо подчеркнуть его постоянную потребность в общении с массами, его внимание к каждой человеческой судьбе — будь то талантливый ученый или знатный металлург, солдатская мать или молодой писатель.

Константину Устиновичу принадлежит видная роль в разработке крупных теоретических проблем совершенствования развитого социалистического общества, в создании целостной концепции идеологической деятельности КПСС на длительную перспективу.

Константин Устинович принимает самое активное участие в формировании стратегических направлений нашей миролюбивой внешней политики, в деятельности КПСС по укреплению единства и сплоченности международного коммунистического и рабочего движения.

Наши военные работники знают, как много занимается Константин Устинович вопросами укрепления обороноспособности страны, оснащением Вооруженных Сил современной техникой, идейной закалкой личного состава армий и флота.

Политбюро уверено, что Константин Устинович Черненко на посту Генерального секретаря ЦК КПСС будет достойно возглавлять боевой штаб нашей партии.

Тесно сплотившись вокруг ленинского Центрального Комитета и его руководящего ядра, вооруженные ясной и четкой программой действий, выработанной XXVI съездом партии, последующими Пленумами ее Центрального Комитета, коммунисты, все советские люди с оптимизмом смотрят в будущее и полны решимости своим самоотверженным трудом обеспечить дальнейший расцвет нашей великой Родины.

Выступление члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС товарища М. С. ГОРБАЧЕВА

Товарищи! Мы завершаем наш внеочередной Пленум ЦК, собравшийся в ответственный момент жизни партии и народа. Пленум прошел в обстановке единства и сплоченности. На Пленуме с чувством огромной ответственности перед партией и народом решены вопросы преемственности руководства.

Пленум показал, что партия пойдет и дальше ленинским курсом, выработанным XXVI съездом КПСС, ноябрьским (1982 г.), июньским и декабрьским (1983 г.) Пленумами ЦК. С особой силой это проявилось в единодушном избрании товарища Черненко Константина Устиновича на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, в полной поддержке положений и выводов по проблемам внутренней политики и внешнеполитической деятельности партии и государства, высказанных в его выступлении на сегодняшнем Пленуме ЦК КПСС.

Позвольте от имени Политбюро выразить уверенность, что члены ЦК, все участники Пленума, возвратившись на места, в партийные организации, будут действовать в духе единства и сплоченности, высокой требовательности и ответственности, которые характеризуют настоящий Пленум Центрального Комитета партии.

Желаем вам всем успехов в работе.

Пленум объявляется закрытым.

Константин Устинович ЧЕРНЕНКО

Константин Устинович Черненко родился 24 сентября 1911 года в деревне Большая Тесь Новоселовского района Красноярского края, русский.

Член КПСС с 1931 года. Образование высшее — окончил педагогический институт и Высшую школу парторганизаторов при ЦК ВКП(б).

Трудовую жизнь К. У. Черненко начал с ранних лет, работая по найму у кулаков. Вся его дальнейшая трудовая деятельность связана с руководящей работой в комсомольских, а затем в партийных органах. В 1929—1930 годах К. У. Черненко заведовал отделом пропаганды и агитации Новоселовского райкома ВЛКСМ Красноярского края. В 1930 году он пошел добровольцем в Красную Армию. До 1933 года служил в пограничных войсках, был секретарем партийной организации пограничной заставы.

После окончания службы в армии К. У. Черненко работал в Красноярском крае: заведующим отделом пропаганды и агитации Новоселовского и Уярского райкомов партии, директором Красноярского краевого дома партийного просвещения, заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации, секретарем Красноярского крайкома партии.

С 1943 года К. У. Черненко учится в Высшей школе парторганизаторов при ЦК ВКП(б). По окончании учебы с 1945 года работает секретарем Пензенского обкома партии. В 1948 году был направлен в Молдавскую ССР и утвержден заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Молдавии. Работая в этой должности, он много сил и знаний отдал экономическому и культурному строительству в республике, коммунистическому воспитанию трудящихся.

В 1956 году К. У. Черненко выдвигается на работу в аппарат ЦК КПСС, где он возглавил сектор в Отделе пропаганды, и одновременно был утвержден членом редакционной коллегии журнала «Агитатор». С 1960 года он работает начальником Секретариата Президиума Верховного Совета СССР. В 1965 году К. У. Черненко утверждается заведующим Общим отделом ЦК КПСС. В 1966—1971 годах он — кандидат в члены ЦК КПСС. На XXIV съезде партии (март 1971 г.) избирается членом Центрального Комитета КПСС, а в марте 1976 года на Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся после XXV съезда партии, — секретарем ЦК КПСС.

С 1977 года он — кандидат в члены Политбюро, а с 1978 года — член Политбюро ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР 7—10-го созывов. Депутат Верховного Совета РСФСР 10-го созыва. К. У. Черненко был членом советской делегации на международном Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.), участвовал в переговорах в Вене по вопросам разоружения (1979 г.).

Константин Устинович Черненко — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. На всех постах, которые поручала ему партия, он проявил высокие организаторские способности, партийную принципиальность, преданность великому делу Ленина, идеалам коммунизма. К. У. Черненко — автор ряда научных трудов по актуальным вопросам повышения руководящей роли партии в жизни советского общества, совершенствования стиля и методов партийной и государственной работы, развития социалистической демократии. На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС К. У. Черненко выступил с докладом, в котором определены главные направления улучшения идеологической деятельности КПСС в современных условиях.

За большие заслуги перед Родиной Константин Устинович Черненко дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда и награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени, многими медалями Советского Союза. Он является лауреатом Ленинской премии.

К. У. Черненко награжден высшими наградами социалистических стран.

ОБРАЩЕНИЕ

Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР к Коммунистической партии, к советскому народу

Дорогие товарищи!

Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Оборвалась жизнь выдающегося деятеля ленинской партии и Советского государства, пламенного патриота социалистической Родины, неутомимого борца за мир и коммунизм Юрия Владимировича Андропова.

Его жизнь — образец беззаветного служения интересам партии и народа, великому делу Ленина. На всех постах, где по воле партии трудился Юрий Владимирович Андропов, он отдавал свои силы, знания, огромный жизненный опыт неуклонному осуществлению политики партии, борьбе за торжество коммунистических идей. Качества крупного политического руководителя ярко проявились во всей многогранной деятельности Ю. В. Андропова — на комсомольской работе и в организации партизанского движения в Карелии в годы Великой Отечественной войны, на ответственных участках партийной и дипломатической деятельности. Много труда вложил он в укрепление безопасности нашего государства.

Со всей силой выдающиеся способности и организаторский талант товарища Андропова — руководителя ленинского типа — раскрылись в его работе на постах Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Короткий срок довелось Ю. В. Андропову возглавлять Центральный Комитет КПСС. Но за это время партия, следуя курсом XXVI съезда, творчески обогащая его, обеспечила уверенное продвижение страны на всех направлениях экономического и социального прогресса.

Важными вехами в жизни партии и народа, в укреплении их нерушимого единства стали ноябрьский [1982 г.], июньский и декабрьский [1983 г.] Пленумы ЦК КПСС. В решениях Пленумов, в выступлениях Ю. В. Андропова была развита и конкретизирована современная стратегия партии — стратегия совершенствования зрелого социализма.

В этот период усилия партии и народа были сконцентрированы на ускорении развития экономики, на улучшении управления народным хозяйством, укреплении партийной, государственной и трудовой дисциплины, повышении ответственности кадров, на развитии творческой активности масс.

Принятые партией меры подчинены одной цели — росту благосостояния советских людей, усилению могущества Советского государства. Во всем этом велики заслуги Юрия Владимировича Андропова.

Значителен вклад Ю. В. Андропова в развитие всестороннего сотрудничества стран социалистического содружества, в укрепление единства и сплоченности международного коммунистического и рабочего дви-

жения, в поддержку борьбы народов за свободу и независимость.

Под его руководством ЦК КПСС и Советское государство последовательно и настойчиво осуществляли на международной арене ленинский внешнеполитический курс — курс на устранение угрозы термоядерной войны, на твердый отпор агрессивным проискам империализма, на упрочение мира и безопасности народов.

В эти скорбные дни коммунисты, весь советский народ еще теснее сплачивают свои ряды вокруг ленинского Центрального Комитета партии, Политбюро ЦК КПСС. Трудящиеся Советского Союза видят в Коммунистической партии своего испытанного, коллективного вождя, полны решимости беззаветно бороться за претворение в жизнь ее внутренней и внешней политики, выражающей коренные интересы народа. Ленинский курс партии непоколебим. Партия вооружена ясной и четкой программой действий, выработанной XXVI съездом КПСС, последующими пленумами ее Центрального Комитета.

КПСС будет и впредь настойчиво и целеустремленно проводить линию на всемерную интенсификацию производства, ускорение научно-технического прогресса, усиление организованности и дисциплины, на неуклонный рост материального и духовного уровня жизни народа. Она будет крепить нерушимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, братскую дружбу народов СССР, развивать социалистическую демократию, воспитывать людей в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма, преданности великим идеалам коммунизма.

В нынешней сложной, опасно обострившейся международной обстановке КПСС, Советское государство считают своим первейшим долгом последовательно отстаивать дело мира, проявлять выдержку и бдительность, решительно срывать авантюристические замыслы империализма, укреплять оборонную мощь страны.

Советский народ — убежденный противник решения спорных международных вопросов силой. Мир без войн — наш идеал. В борьбе за прочный мир вместе с нами — братские страны социализма, коммунистические и рабочие партии, борцы за национальное и социальное освобождение, широкие народные массы, выступающие за предотвращение термоядерной катастрофы.

Наша партия и государство будут и впредь твердо и неуклонно проводить в жизнь принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Мы желаем жить в мире со всеми странами, активно сотрудничать с теми правительствами и организациями, кто готов честно и конструктивно работать во имя мира.

Советский народ твердо знает: партия, Центральный Комитет, его руководящее ядро непоколебимо верны ленинскому знамени, делу Великого Октября. Партия свято дорожит доверием народа и считает высшей целью своей деятельности заботу о благе и счастье советских людей. Единство партии и народа было, есть и будет источником нашей силы.

В памяти коммунистов, всех советских людей Юрий Владимирович Андропов навсегда останется как человек, беспредельно преданный учению Маркса — Энгельса — Ленина, принципиальный и скромный, близкий к людям труда, чуткий к их нуждам и заботам, умеющий подчинить все интересам социалистической Отчизны.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР выражают глубокую уверенность в том, что коммунисты, все советские люди с новой силой проявят свою классовую сознательность и организованность, свои высокие коллективистские качества, целеустремленным самоотверженным трудом обеспечат выполнение народнохозяйственных планов и социалистических обязательств, дальнейший расцвет нашей великой Родины.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

СОДЕРЖАНИЕ

- 2 Советский Союз — за мир и безопасность на Азиатском континенте
- ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА**
- 15 Индокитай: по пути перерастания национально-освободительных революций в социалистические
М. П. ИСАЕВ
- 28 Плодотворное сотрудничество СССР и КНДР
*В. И. АНДРИАНОВ,
В. И. МЕЛЬНИКОВ*
- 38 Национальное возрождение Кампучии
Д. В. МОСЯКОВ
- 50 Военная политика Я. Накасонэ
В. Н. БУНИН
- 63 Рабочий класс КНР как производительная сила общества
А. В. ОСТРОВСКИЙ
- 74 Япония: неустойчивое политическое равновесие
Ю. Д. КУЗНЕЦОВ
- ИДЕОЛОГИЯ**
- 83 Проблема элиты в трактовке китайской буржуазной социологии
С. Р. БЕЛОУСОВ
- ИСТОРИЯ**
- 98 Работы Г. В. Ефимова по истории Китая
В. Н. НИКИФОРОВ
- Борцы за народное дело
- Сэн Катаяма — борец против империализма, интернационалист
104 *А. И. СЕНАТОРОВ*
- КУЛЬТУРА**
- 116 Новаторство Цюй Юаня
Н. Т. ФЕДОРЕНКО
- КОММЕНТАРИИ**
- Вашингтон — Пекин: новый этап сотрудничества
*И. А. Ильин,
Ф. И. Лукин*
131
- 137 Страны Индокитая за нормализацию отношений с КНР
Д. М. ПОСПЕЛОВ

ОБЗОРЫ. ИНФОРМАЦИЯ. СПРАВКИ

- 143 Китайские исследования конца 70-х—начала 80-х годов по международным отношениям
В. Я. ЖУРАВЛЕВ
- 153 Периодические издания КНР о борьбе с «духовным загрязнением»
В. В. ИЛЬИН
- 160 Форумы общественных организаций КНР в минувшем году
*О. Б. ГОРОДОВИКОВА,
Т. М. ЕМЕЛЬЯНОВА,
В. Н. УСОВ,
Т. В. ХАРИТОНОВА*
- 170 О едином фронте Китая
Г. А. СТЕПАНОВА

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- 178 Страницы революционной борьбы на Дальнем Востоке
Б. Н. ГОРБАЧЕВ
- 181 Незабываемое в истории
А. Г. ЯКОВЛЕВ
- 183 Рабочее движение в Китае
В. И. ГЛУНИН
- 186 Ежегодник «Азиатская безопасность, 1982» о разоружении и мерах доверия
К. Е. ЧЕРЕВКО
- 189 Актуальные проблемы современной Японии
Ю. Е. БУГАЕВ
- 190 Китайско-французские отношения: 1949—1981 гг.
Е. Д. СТЕПАНОВ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 193 Создание Всесоюзной ассоциации китаеведов
Американское китаеведение на современном этапе
П. Ю. МАСЛОВ

ЮБИЛЕИ УЧЕНОГО

- 198 75-летие Г. В. Астафьева

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1984

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (главный редактор),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора), *Г. В. АСТАФЬЕВ*, *Р. С. БЕЛОУСОВ*, *Г. А. БОГДАНОВ*,
Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ (зам. главного редактора),
М. С. КАПИЦА, *И. И. КОВАЛЕНКО*, *В. А. КРИВЦОВ*, *О. Б. РАХМАНИН*, *Б. В. САГАРЕВ* (отв. секретарь), *В. М. СОЛНЦЕВ*, *М. Л. ТИТАРЕНКО*,
С. Л. ТИХВИНСКИЙ, *Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ*,
Н. Т. ФЕДОРЕНКО, *В. И. ШАБАЛИН*

Советский Союз — за мир и безопасность на Азиатском континенте

Отвечая сокровенным интересам и желаниям советского народа, политика СССР неизменно направлена на сохранение и упрочение мира, на обуздание гонки вооружений, на расширение и углубление сотрудничества между государствами. «Благополучие нашего народа, безопасность Советского государства,— заявил 29 сентября 1983 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов,— мы не отделяем, а тем более не противопоставляем благополучию и безопасности других народов, других стран».

Миролюбивая внешняя политика Советского государства коренным образом отличается и противостоит курсу нынешней администрации США, проводимому в международных делах,— милитаристскому курсу, направленному на то, чтобы обеспечить американскому империализму доминирующие позиции в мире, не считаясь с интересами других государств и народов.

Противоположность внешней политики Советского Союза, олицетворяющей принципы социализма и подлинного гуманизма, и внешнеполитического курса США, выражающего агрессивную сущность империализма, наглядно проявляется в различных сферах.

Сделав ставку на достижение превосходства в ракетно-ядерном оружии, запугивая мир возможностью пустить в ход оружие массового уничтожения людей, в беспрецедентных масштабах наращивая его потенциал, расширяя военное присутствие далеко за пределами США, американский империализм бесцеремонно вмешивается в дела других государств, вплоть до прямой вооруженной агрессии, возводит произвол в норму своего поведения на международной арене. Нынешняя администрация США во главе с президентом Р. Рейганом, одержимым идеей «крестового похода» против коммунизма и сил прогресса, является виновником обострения напряженности во всех районах мира — в Европе, на Ближнем Востоке, в Центральной Америке, в Азии и Африке.

Советская же внешняя политика, определенная решениями XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС, неизменно оставалась и остается направленной на обеспечение мира, защиту права народов на независимость и социальный прогресс. Она проводится принципиально, последовательно и взвешенно.

Одним из важнейших направлений советской внешней политики является борьба за обеспечение мира и безопасности на Азиатском континенте.

Со времени Великой Октябрьской социалистической революции, которая разбудила Азию, в борьбе за свое национальное и социальное освобождение народы этого континента, где ныне проживает более половины населения всего мира, добились немалых перемен. Потерпела полный крах позорная колониальная система. Угнетенные народы Азии получили политическую самостоятельность или отстояли ее от попыток прямого империалистического порабощения, получив возможность

строить свою жизнь по собственному выбору. Народы Монголии, КНДР, Китая, стран Индокитайского полуострова избрали путь построения социализма. Эти перемены пришли не сами по себе, они — результат большой и трудной антиимпериалистической борьбы народов Азии, в ходе которой Советский Союз всегда был на их стороне, способствуя становлению их политической и экономической самостоятельности.

Новые, позитивные перемены, охватившие всю Азию, не нравятся силам империализма. Они хотели бы остановить поступательный ход исторического процесса, помешать социальному прогрессу и упрочению самостоятельности азиатских народов, внося в складывающиеся между ними отношения настороженность и подозрительность друг к другу, подталкивая их к конфронтации, мешая окончательно ликвидировать остающиеся еще здесь очаги напряженности. Обстановка конфронтации нужна им, чтобы успешнее заменять прежние колониальные методы угнетения более утонченным неокOLONИализмом, прикрываемым кощунственной заботой о сохранении связей стран Азии со «свободным миром».

Сейчас отчетливо вырисовываются следующие главные моменты внешнеполитической деятельности администрации США с целью попытаться направить развитие обстановки в Азии в отвечающее интересам американского империализма русло.

Это, во-первых, сохранение и усиление военного присутствия всех видов вооруженных сил США, в особенности оснащенных ракетно-ядерным оружием, на территории стран Азии и в прилегающих морских и океанских пространствах.

Во-вторых, дальнейшее углубление военно-политического сотрудничества с империалистической Японией, полное ее включение в собственные глобальные замыслы американского империализма, в конфронтацию с Советским Союзом и странами социалистического содружества.

В-третьих, формирование в азиатско-тихоокеанском районе военно-политической группировки по образцу блока НАТО, которая смогла бы беспрекословно служить далеко идущим экспансионистским планам монополий США.

В-четвертых, принятие всех возможных мер к тому, чтобы не допустить возвращения Китая к добрососедским отношениям с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

В-пятых, всесторонняя поддержка реакционных режимов в странах Азии, носящая, однако, не бескорыстный характер, а сопровождающаяся усиленным проникновением американского капитала в экономику его партнеров; политика изоляции, дискриминации и различного рода «санкций» в отношении стран, осуществляющих прогрессивные социально-экономические преобразования, которые не устраивают США.

В-шестых, содействие сохранению очагов напряженности в отношениях между странами Азии, вплоть до прямого вмешательства в их внутренние дела в форме военной поддержки различного рода контрреволюционного отребья, укрывающегося на территории соседних государств.

Наконец, возведенное в систему распространение лжи и клеветы о социалистических странах, в первую очередь о Советском Союзе, запугивание азиатских народов некоей «угрозой» со стороны их социалистических соседей, во имя чего американский империализм готов идти на любые провокации.

Усилиями США, Японии и других связанных с Вашингтоном стран в Азии и в зоне Тихого океана создана огромная военная машина, направленная против Советского Союза и других прогрессивных сил региона. По сообщениям западной печати, на Дальнем Востоке находится вторая по мощи заморская группировка американских вооруженных сил. США разместили здесь свыше 300 военных объектов, в частности в Японии — 32 военные базы, в Южной Корее — 40 баз, на Филиппинах — 11 баз.

Содержа вблизи территории СССР тысячу самолетов в составе ядерных средств передового базирования, США разместили часть их на Дальнем Востоке и в Индийском океане. В группировку ракетно-ядерных сил США в этом районе входят также атомные подводные лодки.

О том, что политика США на Дальнем Востоке игнорирует интересы безопасности народов Азии, свидетельствуют многочисленные факты последнего времени, в особенности визит в ноябре 1983 г. президента США Р. Рейгана в Японию и Южную Корею, главная цель которого состояла в подхлестывании военных приготовлений Японии и Южной Кореи, в ускорении образования тройственного военного союза Вашингтон — Токио — Сеул как костяка новой, многосторонней реакционной военно-политической группировки в районе Азии и Тихого океана.

Не случайно Р. Рейгану пришлось ограничить свой визит только наиболее близкими союзниками, отменив запланированную поездку в страны Юго-Восточной Азии — Индонезию, Таиланд и на Филиппины, в которых гегемонистский, империалистический курс США встречает растущее сопротивление со стороны широкой общественности. Да и в Японии прогрессивная общественность встретила американского президента резким неодобрением, протестами. Большую обеспокоенность визит Рейгана вызвал в КНДР и других странах Азии. Всемирный Совет Мира и Организация солидарности стран Азии и Африки оценили визит американского президента в Японию и Южную Корею как звено милитаристских стратегических планов США, призвали осудить опасное наращивание США вооружений на Дальнем Востоке и в районе Тихого океана.

В отличие от американской администрации Советское правительство заинтересовано в том, чтобы конфронтация на Азиатском континенте уступила место диалогам и сближению, напряженность и подозрительность — доверию, а изоляция и различного рода отчужденность сменились широким политическим, экономическим и культурным сотрудничеством стран региона независимо от их социального строя.

В основу советской внешней политики в отношении со странами Азии положен ленинский принцип мирного сосуществования стран с различным социальным строем. В Советском Союзе помнят и осуществляют на практике и такие намеченные В. И. Лениным конкретные задачи политики и дипломатии социализма в отношении государств, являющихся объектом империалистической эксплуатации, как поддержка усилий по укреплению национальной независимости и содействие всем прогрессивным начинаниям, помощь в преодолении экономической и культурной отсталости, соблюдение строгого равноправия и невмешательства во внутренние дела, проявление понимания и уважения к национальным и историческим традициям, содействие полноправному участию в решении международных проблем, солидарность в борьбе с силами империализма.

С большим вниманием в нашей стране следят за разработкой в послевоенный период самими азиатскими странами принципов новых взаимоотношений между ними. С этой точки зрения позитивную оценку получили в нашей стране решения Бандунгской конференции 1955 г. Важным фактором современных международных отношений мы считаем движение неприсоединения, сила которого — в направленности против империализма и колониализма, против войны и агрессии. В приветственном послании Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР VII конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран (Дели, март 1983 г.) отмечалось, что «в Советском Союзе всегда находили и находят горячую поддержку усилия движения неприсоединения в борьбе за мир и безопасность народов, за прекращение гонки вооружений и разоружение, за перестройку международных экономических отношений на справедливых демократических началах, за полную и всестороннюю деколонизацию».

Советский Союз активно участвует в поисках путей к укреплению ми-

ра и безопасности на Азиатском континенте, к развитию здесь равноправного сотрудничества. На XXV съезде КПСС в 1976 г. была провозглашена готовность нашей страны «со всем вниманием отнестись к любым предложениям, диктуемым заботой о прочном мире и безопасности в Азии, об их обеспечении коллективными усилиями»¹. В числе первоочередных, назревших задач борьбы за мир, свободу и независимость народов съезд КПСС указал на необходимость вести дело к обеспечению безопасности в Азии на основе совместных усилий государств этого континента².

Рассматривая борьбу за ослабление угрозы войны и обуздание гонки вооружений как стержневое направление внешнеполитической деятельности Советского Союза, КПСС на своем XXVI съезде предложила целый ряд новых конструктивных мер политического и военного характера. Многие из них непосредственно касаются различных районов Азии — от Ближнего до Дальнего Востока.

Заботой о предотвращении возникновения очагов военных конфликтов было вызвано выражение Советским Союзом готовности провести конкретные переговоры по мерам доверия на Дальнем Востоке со всеми заинтересованными странами. При этом с самого начала отмечалось, что советская сторона считает необходимым в процессе разработки и применения мер доверия в полной мере учитывать специфику данного региона, где соседствуют такие державы, как СССР, Китай, Япония, а также размещены американские военные базы. Советский Союз исходил и из того, что само осуществление мер доверия будет содействовать прогрессу также в деле разоружения.

В марте 1982 г. Советский Союз выдвинул еще одно важное предложение, реализация которого могла бы существенно разрядить обстановку как в мире в целом, так и вокруг стран Азиатского континента. Было заявлено о готовности нашей страны договориться о взаимном ограничении действий военно-морских флотов противостоящих друг другу блоков, в частности о выведении подводных лодок-ракетоносцев обеих сторон из нынешних обширных районов боевого патрулирования, об ограничении их плавания взаимно согласованными рубежами. Советский Союз выразил также готовность обсудить вопрос о распространении мер доверия на акватории морей и океанов, особенно на те районы, где пролегают наиболее оживленные морские пути. Практически речь шла о том, чтобы возможно большую часть мирового океана сделать зоной мира уже в ближайшее время.

В июне 1982 г. в обращении ко Второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам разоружения Советское государство торжественно заявило о принятии на себя обязательства не применять первым ядерное оружие. Если и другие ядерные державы взяли бы на себя столь же ясное и четкое обязательство не применять первыми ядерное оружие, это на практике было бы равносильно запрещению вообще применения ядерного оружия.

На состоявшемся в начале 1983 г. в Праге заседании Политического консультативного комитета государств — участников Организации Варшавского Договора было выдвинуто предложение заключить договор о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира между государствами — членами Организации Варшавского Договора и НАТО, а также отказаться от распространения зоны действия указанных блоков на другие районы мира, в том числе и на Азию.

О большом внимании Советского Союза и других стран социалистического содружества к задачам обеспечения мира и безопасности на Азиатском континенте свидетельствует консультативная встреча заместителей министров иностранных дел НРБ, ВНР, СРВ, ГДР, НРК, Кубы,

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 15.

² См. там же, с. 26.

ЛНДР, МНР, ПНР, СССР и ЧССР, состоявшаяся 26—27 октября 1983 г. в Улан-Баторе. Участники встречи выразили готовность внимательно изучить любые позитивные инициативы, конструктивно обсудить их с целью выработки мер по предотвращению дальнейшего ухудшения ситуации в Азии, укреплению взаимного доверия и безопасности государств континента. Они подтвердили решимость своих стран и впредь вести настойчивую борьбу за обеспечение прочного мира в Азии, согласовали конкретные шаги по дальнейшему расширению сотрудничества и координации деятельности в этом важном вопросе современности.

Ведя с США переговоры о сокращении ракетно-ядерного оружия средней дальности в Европе, Советский Союз заботился не только о том, чтобы эти переговоры завершились результатами, обеспечивающими равную безопасность странам Организации Варшавского Договора и государствам — участникам НАТО. В нашей стране искренне желали такого исхода переговоров, который благотворно сказался бы на оздоровлении обстановки во всем мире. Была в полной мере принята во внимание высказывавшаяся азиатскими странами — Китаем и Японией — озабоченность по поводу возможности перебазирования советских ракет средней дальности СС-20 из Европы на Восток. В этой связи было четко заявлено о намерении Советского Союза в случае достижения с США взаимоприемлемого соглашения сокращаемые ракеты не перемещать куда-либо, а ликвидировать.

27 октября 1983 г. Ю. В. Андропов, разъясняя позицию советской стороны на переговорах с США, заявил: «...В случае достижения соглашения об ограничении ядерных вооружений в Европе и его вступления в силу с этого момента будет также прекращено развертывание ракет СС-20 в восточных районах СССР. И мы будем твердо исходить из этого при условии, что в азиатском регионе не имели бы места существенные изменения стратегической ситуации. Это означает, прежде всего, что США не будут развертывать новых ядерных средств средней дальности в районах, откуда они могли бы достичь восточной части территории СССР».

В решении проблем устранения угрозы войны и прекращения гонки вооружений Советский Союз добивается того, чтобы создать условия прочного мира для всех районов земного шара, включая Азию. Напротив, США, приступив к размещению «першингов» и крылатых ракет в Западной Европе и сорвав переговоры по ракетно-ядерному оружию средней дальности, одновременно ведут упорную линию на наращивание собственных ракетно-ядерных и иных вооружений практически во всех стратегически важных для них районах мира, включая Азию, требуют усиления военных приготовлений и от своих союзников.

Провозгласив свое стремление добиваться обеспечения безопасности в Азии коллективными усилиями стран континента, Советский Союз с одобрением встречает конструктивные инициативы других государств, направленные на оздоровление обстановки в районе Азии. Среди них следует отметить прежде всего предложение МНР, выдвинутое XVIII съездом МНРП в мае 1981 г. о разработке и заключении конвенции о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и Тихого океана. К концу 1982 г. МНР направила специальные обращения с изложением своей мирной инициативы главам государств и правительств 60 стран. Предложение МНР получило активную поддержку со стороны Советского Союза.

Наша страна — за реализацию выдвинутой неприсоединившимися странами идеи превращения Индийского океана в зону мира. Мы выступаем за вывод отсюда всех военно-морских сил, не принадлежащих прибрежным государствам. Советский Союз считает необходимым проведение международной конференции по этому вопросу, выражал готовность возобновить переговоры с США об ограничении и последующем сокращении военной деятельности в Индийском океане. Осуществ-

ление этой идеи блокируется Соединенными Штатами, которые сосредоточили здесь крупные силы своего военного флота, обладающего ядерным потенциалом, и создали разветвленную сеть американских военных баз с центральной стратегической базой на острове Диего-Гарсия. Такое положение не только создает угрозу безопасности Советского Союза с южного направления, оно угрожает безопасности и самостоятельности азиатских и африканских государств бассейна Индийского океана.

В двусторонних отношениях со странами Азии, будь то государства социалистические, развивающиеся или капиталистические, Советскому Союзу чужды проявления гегемонизма. Советскую внешнюю политику отличает признание на деле равноправия всех государств, всех рас и национальностей.

По-настоящему справедливые, равноправные братские отношения сложились у СССР с Монголией, Вьетнамом, Лаосом и Кампучией. С этими странами у нас утвердилось принципиальное единство взглядов по всем крупным проблемам современности и международной политики. Советский Союз стремится углублять и обогащать связи с Корейской Народно-Демократической Республикой.

В условиях нынешнего обострения международной обстановки особую важность и актуальность приобретает оздоровление отношений между СССР и КНР. То состояние советско-китайских отношений, в котором они находились на протяжении двух десятилетий, в Советском Союзе считали и считают аномалией. В соответствии с курсом XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС Советский Союз последовательно добивался построения связей с КНР на добрососедской основе. Советский народ неизменно сохраняет чувства уважения и дружбы к китайскому народу.

Советская сторона выдвинула и руководствуется идеей нормализации, постепенного оздоровления отношений между СССР и КНР на основе здравого смысла, взаимного уважения и взаимной выгоды.

«КПСС и Советское государство,— заявил Ю. В. Андропов на Пленуме ЦК КПСС в ноябре 1982 г.,— искренне хотят развития и улучшения отношений со всеми социалистическими странами. Обоюдная добрая воля, уважение к законным интересам друг друга, общая забота об интересах социализма и мира должны подсказывать правильные решения и там, где по разным причинам все еще нет нужного доверия и взаимопонимания.

Это относится и к нашему великому соседу — Китайской Народной Республике».

В октябре 1982 г. в Пекине состоялся первый тур советско-китайских политических консультаций специальных представителей правительств двух стран. Затем в течение 1983 г. консультации были продолжены в Москве и вновь в Пекине. Третий раунд советско-китайских консультаций, состоявшийся с 6 по 20 октября 1983 г., проходил, как и предыдущие, в спокойной и откровенной атмосфере. Стороны признали консультации полезными и договорились провести следующий их раунд в марте 1984 г. в Москве.

Заметно вырос за последние два года объем советско-китайской торговли, постепенно развиваются контакты в ряде других отраслей.

Во всех сферах отношений с КНР — политических, экономических, научных, культурных — Советский Союз готов договариваться без всяких предварительных условий о приемлемых для обеих сторон мерах по улучшению советско-китайских отношений на основе взаимного уважения интересов, невмешательства в дела друг друга и обоюдной пользы — разумеется, не в ущерб третьим странам.

Нынешний уровень двусторонних отношений между СССР и КНР далеко не достаточен. В Советском Союзе полагают, что имеются существенные возможности дальнейшего расширения торговли, налаживания экономического и научно-технического сотрудничества, культурных,

спортивных и иных связей. Ожидают решения вопросы совместной разработки и осуществления мер доверия в районе советско-китайской границы, что в значительной мере способствовало бы улучшению атмосферы в отношениях между двумя странами.

В июне 1983 г. Советское правительство передало правительству КНР памятную записку с предложением о том, чтобы все державы, обладающие ядерным оружием, заморозили все имеющиеся у них ядерные вооружения в количественном и качественном отношении. Советский Союз готов к политическому диалогу с Китаем по коренным вопросам мирового развития, прежде всего по вопросам укрепления мира и международной безопасности.

«Конечно, у нас с Китаем,— отмечал 27 августа 1983 г. Ю. В. Андропов,— есть немалые различия в подходах к некоторым важным международным проблемам, к отношениям с отдельными государствами. Но мы твердо исходим из того, что советско-китайские отношения должны строиться таким образом, чтобы они не наносили ущерба третьим странам. Этого мы ожидаем и от китайской стороны».

Неуклонно расширяются и углубляются связи Советского Союза со многими развивающимися странами Азии, что, по общему признанию, способствует укреплению их политической и экономической самостоятельности, стало серьезным фактором упрочения мира в Азии.

Традиционно дружественными являются отношения СССР с Индией, характеризующиеся уважением и доверием между руководителями и народами, многообразием сфер и форм сотрудничества обеих стран. Основываясь на строгом соблюдении принципов суверенитета, равенства, независимости, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела друг друга, советско-индийские отношения являют яркий пример мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами. В Советском Союзе приветствуют возрастание роли Индии в международных делах, чему способствует и то обстоятельство, что Индия является сейчас председателем движения неприсоединения.

В Советском Союзе не видят препятствий к налаживанию доброго сотрудничества с Индонезией и другими странами — членами АСЕАН.

Последовательно добивается Советский Союз установления прочных, по-настоящему добрососедских отношений с Японией. Этот наш дальневосточный сосед, вышедший на второе место по экономической мощи в капиталистическом мире, мог бы играть важную роль в деле упрочения мира на Дальнем Востоке уже в силу наличия в стране конституции, запрещающей создавать вооруженные силы, провозгласившей отказ от войны.

Однако во внешнеполитическом курсе Японии, располагающей сейчас, в обход мирной конституции, современными видами хорошо оснащенных и обученных вооруженных сил и являющейся партнером США по военно-политическому союзу, все более усиливаются негативные моменты: тенденция к милитаризации и втягивание в опасные глобальные планы Вашингтона. Как отметил недавно Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, японское правительство не без оглядки на противоположную сторону Тихого океана сознательно взяло курс на демонтаж всей системы советско-японских отношений, созданной усилиями двух стран в послевоенный период.

Япония откликается на призывы администрации США к различного рода санкциям против СССР и других социалистических стран. Более того, японские лидеры стремятся играть активную роль в «сплочении» Запада вокруг США, требуя, как это делал премьер-министр Я. Накасонэ на встрече «семерки» в Вильямсберге, от европейских капиталистических держав безоговорочной поддержки авантюристической политики Рейгана.

По темпам ежегодного прироста военных расходов (6—8 %) Япония далеко опережает европейские страны НАТО. Правящие круги ведут ин-

тенсивную психологическую обработку населения, запугивая его мифом о «советской угрозе», разжигая реваншистские настроения путем непрекращающейся кампании притязаний на советские территории, выдвигая требования пересмотра «мирной статьи» конституции, которая мешает им открыть все шлюзы для ремилитаризации и превращения Японии в мощную военную державу.

Тем временем расширяется сфера действия японо-американского «договора безопасности», Япония взяла на себя «ответственность» за военные операции на морских и океанских коммуникациях в зоне до 1000 миль от берегов своей страны, углубляется координация военной деятельности с американскими вооруженными силами, включая планы блокирования проливов для советского флота на Дальнем Востоке. Япония предоставляет свои военно-морские базы для авианосцев и других американских надводных и подводных кораблей с ракетно-ядерным оружием на борту, готовит авиационную базу Мисава для приема новых боевых самолетов военно-воздушных сил США — носителей ядерного оружия. Американская военщина считает территорию Японии объектом размещения в дальнейшем также и крылатых ракет «Томагавк». Вопреки провозглашению Японией «трех неядерных принципов» американцы, по их собственным признаниям, беззастенчиво попирают их, ввозят на территорию Японии и провозят через нее свое ядерное оружие.

Символом нынешнего японского внешнеполитического курса стали произнесенные премьер-министром Я. Накасонэ во время визита в Вашингтон в январе 1983 г. слова о его намерении сделать Японию «непотопляемым авианосцем». В ходе состоявшегося в ноябре 1983 г. визита Р. Рейгана в Токио японский премьер-министр еще раз продемонстрировал стремление идти и дальше по пути солидарности с линией США на обострение международной напряженности, на тройственный военный союз США, Японии и Южной Кореи.

В Японии имеются влиятельные политические силы, трезво оценивающие возможные последствия такого внешнеполитического курса. Как пишет крупная газета «Майнити», «дипломатия Накасонэ, которая выражается в подчеркивании роли Японии как «одного из членов Западного мира» и нацеливается на превращение Японии в великую с точки зрения влияния на мировую политику державу, приведет Токио к непосредственному участию в процессе обострения напряженности между Востоком и Западом и дестабилизации положения в Азии»³.

В Советском Союзе считают, что интересам не только советского народа, но и японского, делу упрочения мира в Азии отвечает не конфронтация, а надежные отношения добрососедства, взаимовыгодного сотрудничества и взаимного доверия между СССР и Японией. Советская позиция в отношении Японии пронизана духом миролюбия и конструктивности.

За последние годы Советский Союз обратился к Японии с целым комплексом конструктивных инициатив:

— С 1973 г. Советский Союз предлагает заключить соглашение о принципах экономического сотрудничества двух стран по типу уже действующих и хорошо оправдывающих себя на практике подобных соглашений СССР с Англией, Францией, Канадой и некоторыми другими странами.

— В 1976 г. советской стороной выдвинута идея совместной разработки долговременной, на десять-пятнадцать лет, программы экономического сотрудничества между СССР и Японией, главным образом за счет более интенсивного использования ресурсов Сибири и Дальнего Востока.

— В 1975 г. было сформулировано предложение обменяться мнениями и подписать договор о добрососедстве и сотрудничестве между

³ «Майнити симбун», 25.XI.1983.

СССР и Японией, охватывающий те области наших отношений, которые уже созрели для того, чтобы поставить их на прочную договорную основу. В январе 1978 г. японской стороне передан конкретный проект договора. Была выражена также готовность Советского Союза рассмотреть возможные инициативы японской стороны в этом направлении, учитывалось, что Япония пока не готова пойти на заключение мирного договора.

— В соответствии с решениями XXVI съезда КПСС Советский Союз обратился в 1981 г. к Японии с предложением провести конкретные переговоры по мерам доверия на Дальнем Востоке. В 1982 г. было разъяснено, что это предложение не обязательно предполагает участие всех стран региона и начать движение по этому пути можно и на двусторонней основе, например между СССР и Японией.

— Как известно, Советский Союз выражает готовность гарантировать в договорном порядке неприменение ядерного оружия против тех государств, которые не владеют ядерным оружием, не производят его и не имеют на своей территории. В 1982 г. было заявлено, что СССР не видит препятствий к тому, чтобы начать обмен мнениями по этому вопросу и с Японией — как в рамках предложения о проведении переговоров по мерам доверия на Дальнем Востоке, так в любых других приемлемых для обеих сторон формах.

Все эти предложения остаются в силе и в настоящее время. «В Советском Союзе,— еще раз подтвердил Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов,— с уважением и симпатией относятся к народу Японии и искренне желают, чтобы в наших отношениях взяли верх доверие и добрососедство. Никаких других помыслов у советских людей не было и нет»⁴.

Советский Союз неизменно заинтересован в ликвидации всех очагов напряженности в Азии. На Дальнем Востоке одним из таких районов в течение длительного времени остается Корейский полуостров. Стремясь иметь во что бы то ни стало в южной части полуострова важный плацдарм для своих вооруженных сил на Азиатском континенте, США добиваются увековечения расчленения Кореи на два государства, находящихся в отношениях постоянной конфронтации. С целью реализации этих своих замыслов они содержат в южной части полуострова более 40 тысяч военнослужащих, разместили свои крупные военно-воздушные, ракетные и другие базы. В Южную Корею американские вооруженные силы завезли оружие массового поражения; не скрывается тот факт, что здесь хранится около тысячи ядерных боезарядов. Американская военщина, готовясь к развертыванию на Дальнем Востоке ядерных средств первого удара — «першингов-2» и крылатых ракет, считает Южную Корею одним из самых подходящих мест для этого.

Южнокорейский режим создал громадную армию — 24 дивизии численностью 600 тыс. военнослужащих. На ее содержание ежегодно затрачивается до 6 % валового национального продукта Южной Кореи. Militarистские амбиции южнокорейского режима непрерывно поощряются Вашингтоном, который требует и от Японии расширения ее помощи Южной Корее с целью наращивания военно-экономического потенциала последней. В ходе визита премьер-министра Японии Я. Накасонэ в Сеул в январе 1983 г. японская сторона в значительной мере пошла навстречу «пожеланиям» американской администрации и выделила Чон Ду Хвану на льготных условиях заем в сумме 4 млрд. долл.

Военная истерия в районе Корейского полуострова подогревается систематически проводимыми здесь крупными военными маневрами с участием южнокорейских и американских вооруженных сил — наземных, воздушных и морских. Так, в многомесячных маневрах «Тим-спирит-83» в начале 1983 г. было задействовано около 200 тыс. американских и юж-

⁴ «Правда», 2.1.1984.

нокорейских военнослужащих, отработывалась переброска на Корейский полуостров американских войсковых соединений из США и с баз в Тихоокеанском бассейне. Осенью 1983 г. под аккомпанемент угроз «северу» в Южной Корее прошли учения «Два дракона-83». Еще в более крупном масштабе, чем прежде, проводятся маневры «Тим спирит-84».

Посетив Сеул в ноябре 1983 г., президент США Р. Рейган заверил южнокорейский режим в поддержке его намерений и дальше делать упор на милитаризацию, а также обещал «при необходимости» расширить и контингент американских вооруженных сил в южной части Корейского полуострова.

Путь, на который толкает американская администрация лидеров южнокорейского режима, — это опасный путь конфронтации, он таит в себе угрозу не только для корейского народа, но и для народов соседних стран: Советского Союза, Китая и Японии.

В Советском Союзе считают, что корейскую проблему можно и нужно урегулировать другим, мирным путем, без всякого вмешательства извне. Вот почему Советский Союз считает подходящей основой решения этой проблемы предложения КНДР, предусматривающие вывод американских войск из Южной Кореи и создание условий для объединения страны мирными средствами.

Напряженное положение сохраняется и в районе Юго-Восточной Азии. У народов стран Индокитая, которые вынуждены были отстаивать свою свободу и независимость от японских, французских, а затем американских империалистов и пережить более чем 30-летнюю кровопролитную войну, сегодня нет более насущного чаяния, чем стремление жить в мире. Причиной нынешнего напряженного положения в Юго-Восточной Азии по-прежнему является политика внешних сил, которая направлена на то, чтобы помешать Вьетнаму, Лаосу, Кампучии отстоять независимость и затруднить процесс созидания новой, мирной жизни.

Силы империализма и гегемонизма, посягая на безопасность Вьетнама, пытаются изолировать его в политическом и экономическом плане, ведут против него «психологическую войну». Они непрерывно запугивают страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) «вьетнамской опасностью», подталкивают их к военной конфронтации со странами Индокитая.

Как известно, одна из стран Индокитая — Кампучия — не столь давно пережила страшную трагедию: господствовавшая там полпотовская хлика уничтожила около 2750 тыс. человек, в те же годы по ее вине пропало без вести более 568 тыс. кампучийцев. Но и теперь, когда кампучийский народ, свергнув варварский полпотовский режим, всецело занят делом экономического, социального и культурного возрождения своей страны, за рубежом находятся силы, которые не хотели бы оставить кампучийский народ в покое. Они делают ставку на остатки полпотовских банд, укрывающихся на территории Таиланда, вооружают и оснащают их, поощряют на вооруженные вылазки против Народной Республики Кампучии. Столь же благосклонное отношение в ряде столиц иностранных государств находят и буржуазные реакционные группировки Н. Сианука и Сон Санна. В июне 1982 г. врагам НРК удалось сколотить из всех этих группировок, обанкротившихся и отвергнутых кампучийским народом, так называемое «коалиционное правительство». Цель этого замысла состоит в том, чтобы замаскировать фактическую поддержку виновников трагедии кампучийского народа — полпотовцев, придать вмешательству извне в дела Кампучии видимость «законности» и создать у мировой общественности впечатление, будто в этой стране существует некий фронт сил, противостоящих правительству НРК.

Важное место во всех этих планах террористической кампании (именно так можно назвать поощрение полпотовцев и других мастеров массового террора) отводится Таиланду. Именно здесь обосновались полпотовские и другие банды, территория этой страны служит базой их снаб-

жения, плацдармом для проникновения в Кампучию с целью мешать ее народу заниматься делом национального возрождения.

В противоположность тем силам, которые хотели бы сохранения и в дальнейшем очага напряженности в районе Юго-Восточной Азии, Советский Союз поддерживает идею превращения этого района в зону мира, добрососедства и сотрудничества. В нашей стране приветствуют инициативы трех стран Индокитая по налаживанию политического диалога между государствами региона.

Советский Союз неизменно отвергает вмешательство извне во внутренние дела государств, угрозы и применение вооруженной силы. Как подчеркнул Ю. В. Андропов во время встречи с американскими сенаторами 18 августа 1983 г., существующие очаги напряженности и конфликтов, в том числе и в Юго-Восточной Азии, следует ликвидировать мирными средствами, путем поиска взаимоприемлемых решений.

В феврале 1983 г. во Вьетнаме состоялось совещание высших руководителей СРВ, ЛНДР и НРК. В Советском Союзе с большим удовлетворением встретили еще раз подтвержденное в совместном заявлении руководителей трех стран намерение активно вести борьбу в защиту мира, против гонки вооружений, за разоружение и международную разрядку.

Руководители трех государств Индокитая подчеркнули свою готовность развивать добрые отношения со своими соседями, а также со всеми странами, независимо от их политической и социальной системы, на принципах мирного сосуществования. Они выразили стремление не жалеть усилий для восстановления нормальных отношений с КНР на основе мирного сосуществования, подтвердили желание иметь нормальные отношения с США. Важным фактором мира и стабильности в Юго-Восточной Азии они считают установление отношений дружбы и сотрудничества государств Индокитая со странами АСЕАН. «Все спорные вопросы между двумя группами стран, — говорилось в совместном заявлении руководителей СРВ, ЛНДР и НРК, — должны решаться путем переговоров между ними в духе добрососедства, мирного сосуществования, сотрудничества и дружбы, без вмешательства и попыток раскола извне, без предоставления своей собственной территории для действий против другой страны, в духе превращения Юго-Восточной Азии в зону мира, стабильности и сотрудничества»⁵.

Большой интерес в нашей стране вызвали решения совещания руководителей СРВ, ЛНДР и НРК, касающиеся обстановки, сложившейся вокруг Кампучии. На совещании было объявлено о договоренности правительств НРК и СРВ о том, что вьетнамские добровольческие войска, которые присутствуют в Кампучии по просьбе правительства НРК с целью помочь народу Кампучии и его вооруженным силам в деле строительства и защиты страны, будут выведены из Кампучии, когда исчезнет угроза безопасности этой страны извне и территория Таиланда не будет использоваться против НРК, и что ежегодно будут приниматься решения о частичном выводе вьетнамских добровольческих войск с учетом конкретного состояния безопасности в Кампучии. Одновременно правительство НРК еще раз подтвердило решимость строить свою страну как государство мирное, независимое и неприсоединившееся. Три страны Индокитая совместно напомнили о своем предложении заключить договоры о ненападении с Китаем и странами АСЕАН, направленные на нормализацию отношений с этими государствами. Они высказались за проведение международной конференции по Юго-Восточной Азии для решения проблем мира и стабильности в регионе.

Таким образом, три страны Индокитая четко заявляют о своем желании на основе усилий всех заинтересованных сторон превратить Юго-Восточную Азию в зону мира, стабильности, дружбы и сотрудничества,

⁵ «Правда», 24.11.1983.

свободную от иностранных военных баз и огражденную от вмешательства извне.

Миролюбивая политика трех стран Индокитая, их курс на плодотворное сотрудничество и добрососедство между всеми государствами Юго-Восточной Азии имеют особое значение в условиях, когда внешние силы провоцируют трения между странами этого региона. В телеграмме ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, направленной руководителям трех государств Индокитая по случаю проведения их совещания, указывалось, что солидарность СССР с этими государствами «отражает общность высоких идеалов социализма, нашу решимость совместно бороться против империализма, за мир, безопасность и социальный прогресс»⁶.

Во время встречи Ю. В. Андропова с Генеральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном, состоявшейся в Москве 29 июля 1983 г., было заявлено, что СССР и впредь будет содействовать конструктивным усилиям социалистического Вьетнама, предпринимаемым совместно с Лаосом и Кампучией и направленным на превращение Юго-Восточной Азии в зону мира, сотрудничества и стабильности.

В сентябре 1983 г. в ходе состоявшихся в Москве советско-кампучийских переговоров министров иностранных дел двух стран было выражено совместное убеждение, что ликвидация напряженности в Юго-Восточной Азии, установление там атмосферы доверия и добрососедства отвечали бы как интересам народов и государств этого района, так и широким интересам безопасности во всей Азии и в мире в целом. С советской стороны было выражено решительное осуждение попыток использования ООН для прикрытия вмешательства во внутренние дела НРК, было заявлено, что СССР будет последовательно выступать за предоставление НРК возможности занять ее законное место в этой международной организации.

В октябре—ноябре 1983 г. во время дружественного визита во Вьетнам партийно-правительственной делегации СССР во главе с Г. А. Алиевым состоялся обмен мнениями по актуальным проблемам современной международной обстановки. Большое внимание было уделено проблемам, относящимся к Юго-Восточной Азии. В Совместном советско-вьетнамском заявлении, опубликованном по итогам переговоров, заявлено о полной поддержке Советским Союзом борьбы трех стран Индокитая против происков сил гегемонизма и империализма, угрожающих суверенитету и территориальной целостности СРВ, ЛНДР и НРК. Стороны выразили убеждение в том, что для нормализации положения в Юго-Восточной Азии необходимо прежде всего прекратить иностранное вмешательство во внутренние дела государств региона. Визит партийно-правительственной делегации СССР во Вьетнам служит делу дальнейшего углубления интернационального братства и многогранного сотрудничества СССР и СРВ и одновременно явился новым вкладом в укрепление мира в Азии.

Многогранная внешнеполитическая деятельность Советского Союза в Азии способствует созданию благоприятных условий для мирного созидательного труда советского народа. Вместе с тем усилия Советского Союза направлены на то, чтобы отвести угрозу войны, сохранить мир для нынешних и грядущих поколений не только народа нашей страны, но и всего человечества. Борьба Советского Союза за мир и безопасность народов Азии способствует тому, чтобы они смогли сконцентрировать свои усилия на решении стоящих перед ними сложных социально-экономических проблем. В этой борьбе Советский Союз готов к самому широкому сотрудничеству со всеми миролюбивыми силами. Путь к упрочению мира в Азии — в объединении усилий народов континента.

⁶ «Правда», 24.11.1983.

Индокитай: по пути перерастания национально-освободительных революций в социалистические

М. П. ИСАЕВ

Национально-освободительное движение, являясь составной частью мирового революционного процесса, революционной силой, подрывающей империализм и выступающей против феодальных и дофеодальных отношений в колониальных и зависимых странах, ныне имеет тенденцию перерасти в фактор антикапиталистической борьбы за социалистическое переустройство общества. С распадом колониальной системы империализма и завоеванием независимости в ряде стран Азии и Африки начался новый этап в развитии национально-освободительных революций, социальная сущность которого состоит в том, что борьба за национальное освобождение стала практически перерастать в борьбу против эксплуататорских отношений — как феодальных, так и капиталистических. Тезис о перерастании национально-освободительной борьбы трудящихся масс колоний и полуколоний в борьбу за социализм В. И. Ленин сформулировал в докладе на III Конгрессе Коминтерна: «...В грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма и, может быть, сыграет гораздо большую революционную роль, чем мы ожидаем»¹.

Увеличение в последнее время числа освободившихся стран, отвергнувших путь капиталистического развития и сделавших социалистический выбор, свидетельствует о том, что такой выбор пути развития не является результатом лишь субъективных устремлений тех или иных общественных сил и групп, что в современных условиях все более рельефно проявляется выдвинутая В. И. Лениным идея возможности перехода народов экономически отсталых стран при помощи победившего пролетариата более развитых государств к социализму, минуя капиталистическую стадию. Практика стран Индокитая, вступивших под руководством марксистско-ленинских партий на путь социалистического переустройства общества, показывает, что именно этот путь обеспечивает действенные результаты в борьбе за национальное освобождение и социальный прогресс.

Тип национально-освободительной революции как всякой социальной революции определяется прежде всего производственными отношениями, устанавливаемыми пришедшими к власти классами и социальными силами. Как известно, не существует национально-освободительных революций в чистом виде; в самой национально-освободительной революции можно выделить как бы два процесса: с одной стороны, завоевание политической независимости, а с другой, в более широком плане, ликвидацию старых производственных отношений и постепенную замену их новыми, однотипными.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 38.

Опыт стран Индокитая убедителен в том смысле, что современная национально-освободительная революция, руководимая коммунистической партией, не ограничивается завоеванием политической власти. С захватом власти силами революции в странах Индокитая начался еще более сложный и ответственный процесс — поэтапный переход к строительству новой общественно-экономической формации, социалистической. Особое значение в этом процессе приобретает международный фактор: дальнейшее упрочение мирового социализма способствует умножению сил, революционных потенций национально-освободительных революций. В современную эпоху, и практика Индокитая подтверждает это, рельефно прослеживается общая тенденция, которую можно было бы сформулировать ленинскими словами о том, что революционными силами «вперед идти нельзя, не идя к социализму»².

Национально-освободительные революции представляют собой высший этап в развитии национально-освободительного движения, на котором находит разрешение противоречие между угнетенными народами и империализмом. В результате победы в 1975 г. национальных народно-демократических революций в Южном Вьетнаме и Лаосе и перехода там власти в руки трудящихся, возглавляемых марксистско-ленинскими партиями — Коммунистической партией Вьетнама и Народно-революционной партией Лаоса, это противоречие было разрешено полностью. Итогом этих революций стало объединение Вьетнама, образование в 1976 г. Социалистической Республики Вьетнам, провозглашение в 1975 г. Лаосской Народно-Демократической Республики.

Национально-освободительная борьба кампучийского народа под руководством подлинных коммунистов этой страны завершилась в апреле 1975 г. свержением продажного проимпериалистического режима, однако итогами этой победы воспользовались узурпировавшие власть в этой стране экстремистские элементы. Их антинародная, реакционная политика поставила кампучийскую революцию на грань поражения. Понадобились огромные усилия подлинных патриотов этой страны, чтобы при поддержке революционных сил Вьетнама в условиях созревания в Кампучии революционной ситуации свергнуть в январе 1979 г. полпотовскую клику и повернуть революционный процесс в Кампучии в русло правильного развития.

Национальные народно-демократические революции в Южном Вьетнаме и Лаосе 1975 г. стали возможны в современную эпоху на третьем этапе мирового революционного процесса на основе кардинальных сдвигов внутри самих этих стран и коренных изменений на мировой арене. Эти революции рельефно отражают тенденцию поэтапного перерастания национально-освободительных революций в социалистические. Ведь, как показывает опыт не только Вьетнама, Лаоса, но и Кубы, между этапом, имеющим народно-демократический, антиимпериалистический характер, и социалистическим этапом не существует непреодолимого барьера, оба они являются составными частями единого революционного процесса, в котором меры демократического характера, зачастую уже имеющие социалистический оттенок, готовят почву для мер чисто социалистических. Решающим в этом процессе, наряду с международным фактором, является то, что руководство им осуществляют марксистско-ленинские партии, а политическая власть находится в руках выступающих в тесном союзе рабочего класса и крестьянства.

Вместе с тем нельзя упускать из виду, что перерастание национальной народно-демократической революции в социалистическую в странах с неразвитой экономикой, не прошедших стадию капиталистического развития либо в которых капитализм к началу революционных преобразований не стал господствующим строем, — это весьма сложный, длительный процесс, требующий значительных усилий марксистско-ленин-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 192.

ских партий, всех трудящихся. «...Ведь одно дело — провозгласить социализм как цель, а другое — строить его, — подчеркивал в речи на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов. — Для этого нужен определенный уровень производительных сил, культуры и общественного сознания»³.

В развитии национально-освободительных революций в странах Индокитая рельефно проявилась роль в революционном процессе субъективного фактора. В. И. Ленин подчеркивал, что наличие объективных предпосылок революции всегда должно быть подкреплено способностью «революционного класса на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже в эпоху кризисов, не „упадет“, если его не „уронят“»⁴. Марксистско-ленинские партии Вьетнама, Лаоса и Кампучии, выделившиеся в начале 50-х годов из рядов Коммунистической партии Индокитая в самостоятельные партии, стали признанными руководителями революционной борьбы в своих странах. Велика заслуга коммунистов в том, что они не упустили исторической инициативы, способствовали развитию национально-освободительного движения в Индокитае, укрепили свою руководящую роль в революции, доведя ее до победы.

Опыт стран Индокитая показал важную роль для успеха национально-освободительных революций наличия революционно-социалистических баз, особенно в разделенных странах, каковыми после женевского урегулирования 1954 г. были Вьетнам и Лаос. Без революционно-социалистической базы в лице социалистической страны — Демократической Республики Вьетнам, опиравшейся на союз с мировым социализмом, победа национально-освободительной борьбы в странах Индокитая не была бы столь убедительной.

Одним из определяющих факторов развития освободительной борьбы на Юге Вьетнама была притягательная сила достижений ДРВ в социалистическом переустройстве общества, осуществлявшемся там даже в самые трудные годы американской агрессии. В течение всех лет антиимпериалистической национально-освободительной войны на Юге Вьетнама социалистический Север был надежным тылом революционной борьбы на Юге, оказывал посильную поддержку патриотам Лаоса и Кампучии. События в Индокитае показали, что благоприятные международные условия и предоставляемая в различных формах непосредственная помощь отрядам освободительного движения, передача опыта, воздействие силой примера — все это служит делу становления и укрепления революционного процесса, важным внешним фактором его успеха, ни в коей мере вместе с тем не отвергающим положение о необходимости революционной ситуации, не изменяющим ее коренных признаков.

Силы национального освобождения, особенно в Южном Вьетнаме и Лаосе, накопили ценный опыт эффективного и гибкого сочетания различных форм борьбы — вооруженных и мирных, легальных и нелегальных — во имя достижения своих целей. Реализовавшийся вьетнамскими и лаосскими коммунистами курс на сочетание военных и политических форм борьбы можно рассматривать как основной метод революционного насилия, применявшийся силами освобождения в Южном Вьетнаме и Лаосе. Применение там революционного насилия всегда было ответом на контрреволюционное насилие империализма и реакции.

Опыт революционных сил Индокитая показал, что вооруженная борьба — отнюдь не единственный и обязательный способ свершения социальной революции. Выбор тех или иных форм борьбы (военных или мирных) зависит от соотношения сил на мировой арене и в отдельных странах, от остроты классовых и других противоречий, степени сопротивления эксплуататорских элементов. В интересах повышения эффектив-

³ «Правда», 16.VI.1983.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 219.

ности национально-освободительного движения его авангард — коммунистические партии должны овладеть всеми формами борьбы, уметь вовремя, с учетом меняющихся условий применить наиболее нужную, действенную. В. И. Ленин указывал, что марксизм, во-первых, «не связывает движения с какой-либо определенной формой борьбы» и, во-вторых, «требует безусловно *исторического* рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторически-конкретной обстановки значит не понимать азбуки диалектического материализма»⁵. Характерно, что в отличие от Южного Вьетнама, где революция одержала победу в апреле 1975 г. в результате мощного военного наступления (в сочетании с политическими выступлениями народных масс) сил освобождения, разгромивших марионеточный сайгонский режим, в Лаосе национальная народно-демократическая революция свершилась в декабре 1975 г. мирным путем. Это свидетельствует о многообразии средств достижения целей национально-освободительной революции в современную эпоху.

Победы революции в странах Индокитая явились следствием созревания там революционной ситуации и перерастания ее в национальные народно-демократические революции в Южном Вьетнаме и Лаосе и в национально-демократическую революцию в Кампучии. Абсурдны утверждения буржуазных идеологов о том, что революционный процесс в странах Индокитая — это якобы результат «вмешательства извне», так называемого экспорта революции и т. п. Как отмечал Ю. В. Андропов, «„экспорт революции“ вообще невозможен. Социализм вырастает только на почве объективных потребностей общественного развития каждой данной страны»⁶.

Опыт Вьетнама и Лаоса показывает, что национальные народно-демократические революции возможны в тех странах, где марксистско-ленинские партии осуществляют эффективное руководство борьбой широких народных масс против империалистов, феодалов, реакционных кругов местной буржуазии, за достижение национальной независимости, за социальное освобождение и прогресс на путях социализма. Вместе с тем невысокий уровень экономического развития в этих странах предполагает значительный объем общедемократических задач, которые должны решить эти революции. В них необходима строгая этапность и постепенность вводимых преобразований при сохранении широкой основы народно-демократической власти.

С победой сил освобождения в Южном Вьетнаме и Лаосе национально-освободительные революции, носившие там народно-демократический характер, приобрели отчетливую социалистическую направленность. И в этом огромную роль сыграли деятельность авангардных марксистско-ленинских партий, прочность союза рабочего класса и крестьянства.

Уникальным явлением в истории современного революционного процесса стала национально-демократическая революция 1979 г. в Кампучии. Специфической чертой революции в Кампучии, носившей антимаоистский, подлинно народный характер, было то, что при сохранении демократических задач она была направлена не против империализма (антиимпериалистические задачи революции в результате свержения лонноловского режима были в основном решены еще в 1975 г.), а против марионеточного полпотовского режима, олицетворявшего форму прямого контроля со стороны сил международной реакции, вступившей с империализмом в контрреволюционный альянс против революционно-освободительных сил стран Индокитая. Эта революция была направлена на ликвидацию не докапиталистических производственных отношений в деревне, а жестокой эксплуатации населения, установленной экстремистским режимом. При этом необходимо иметь в виду, что вопреки претен-

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, с. 1, 2.

⁶ «Правда», 16.VI.1983.

циозным утверждениям полпотовцев о том, что под их руководством Кампучия осуществит «быструю истинную социалистическую революцию», «революцию большого скачка», марионеточный режим, разрушив до основания всю хозяйственную и общественную жизнь в стране, вызвал крайнее обнищание и пауперизацию трудящихся. Полпотовцы лишь заменили прежнюю, феодальную форму эксплуатации крестьянства новой формой тотальной эксплуатации и жесточайшего подавления населения.

Скоротечность революционного процесса в Кампучии на кульминационном этапе революции в 1978—1979 гг. была обусловлена как внутренними, так и внешними факторами. В условиях нарастания противоречий между кампучийским народом и марионеточным режимом созрели предпосылки для мощного революционного выступления населения, сложилась революционная ситуация. Полпотовский режим переживал глубокий политический и экономический кризис, а его опора — армия была фактически разбита в боях с Вьетнамской народной армией, которая давала решительный отпор агрессии полпотовского режима против юго-западных районов Вьетнама. В этих условиях отражение Вьетнамом агрессии полпотовцев и подъем национально-освободительной борьбы патриотических сил Кампучии под знаменем Единого фронта национального спасения, руководимого подлинными коммунистами, слились в единое целое. При поддержке вьетнамских патриотов революционные вооруженные силы Кампучии развернули в конце декабря 1978 — начале января 1979 г. мощное наступление, которое привело к свержению преступного режима, утверждению власти сил революции, образованию Народной Республики Кампучия.

Известно, сколь враждебную реакцию вызвали революционные события в Кампучии в начале 1979 г. в стане противников кампучийской революции. Там отказываются признать законный характер НРК, обвиняют СРВ чуть ли не в «агрессии» против Кампучии, всеми силами цепляются за остатки кхмерской реакции, пытаются возродить на развалинах полпотовского режима никого не представляющее коалиционное правительство «демократической Кампучии» и т. д. Уместно подчеркнуть, что отрицание коммунистами возможности и допустимости вмешательства во внутренние дела других стран не означает отказа от интернационального содействия, от помощи революционным силам, от поддержки национально-освободительных движений. Эта поддержка, выражающая интернациональную солидарность трудящихся и базирующаяся на принципах пролетарского интернационализма, то есть на одной из важнейших закономерностей революции, ничего общего не имеет ни с «подталкиванием», ни с «экспортом» революции. В данном случае речь идет об интернациональной поддержке социалистическим Вьетнамом революционных сил Кампучии, спасших народ своей страны от физического и духовного уничтожения.

После завоевания подлинной независимости силами революции, установившим в НРК народно-демократическую власть, пришлось решать социально-экономические проблемы фактически с нуля. Решение общедемократических задач революции необходимо было увязывать с восстановительными задачами.

Опыт стран Индокитая свидетельствует о том, что переход к социализму стран с неразвитой экономикой — это весьма сложный революционный процесс. В. И. Ленин подчеркивал сложность решения этой задачи в экономически неразвитых странах, где «...опираясь на общекоммунистическую теорию и практику ... нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков»⁷.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 329.

Практика строительства основ социализма в СРВ и ЛНДР во второй половине 70-х — начале 80-х годов, нынешний опыт НРК в подготовке предпосылок для перехода к социалистическому переустройству показывают, что только правильный подход к проблемам общего и национально-особенного, умение творчески применять общие закономерности строительства новой жизни к условиям той или иной страны обеспечивают научную обоснованность политики правящих марксистско-ленинских партий, эффективные результаты их деятельности.

С учетом этого перерастание национально-освободительных революций в социалистические требует максимального напряжения усилий марксистско-ленинских партий, народных масс. Актуальной становится задача, говоря ленинскими словами, «все силы, все внимание сосредоточить на ... отыскании формы *перехода* или *подхода* к пролетарской революции»⁸.

Вьетнамские коммунисты подчеркивают, что с освобождением в апреле 1975 г. Южного Вьетнама была одержана победа национальной народно-демократической революции в масштабах всей страны и тем самым сложились предпосылки для перехода к строительству социализма в рамках всего Вьетнама. Состоявшийся в октябре 1975 г. XXIV пленум ЦК КПВ указал, что Северный Вьетнам должен «продолжать социалистическое строительство и укрепление социалистических производственных отношений», а Южный Вьетнам — «одновременно осуществлять социалистические преобразования и строить социализм». Усилия партии на Юге были направлены на решение оставшихся задач национальной народно-демократической революции, прежде всего аграрного вопроса, на подготовку к проведению социалистических преобразований. Опираясь на союз рабочего класса и трудового крестьянства, партия ориентировала массы на срыв замыслов остатков контрреволюции, пытавшихся помешать становлению народной власти, саботировать ее мероприятия по нормализации политической и экономической ситуации в Южном Вьетнаме.

Основные направления продвижения единого Вьетнама по пути социализма наметил состоявшийся в декабре 1976 г. IV съезд Коммунистической партии Вьетнама, который указал, что вьетнамская революция вступила в новый этап — этап независимости всей страны и ее единства, этап, на котором решается единственная стратегическая задача: осуществление социалистической революции, быстрое, уверенное и последовательное продвижение к социализму. Подчеркивалось, что одной из главных особенностей вьетнамской революции на новом этапе является прямой переход от экономики, в которой преобладает мелкое производство, к крупному социалистическому производству. Тот факт, что Вьетнам осуществляет переход непосредственно к социализму, минуя этап капиталистического развития, требовал от трудящихся инициативности, творчества, высокой сознательности в осуществлении социалистической революции⁹.

С победой народно-демократической революции в Лаосе и провозглашением Лаосской Народно-Демократической Республики создались условия для коренных преобразований лаосского общества. Усилия НРПЛ и всего народа были направлены на решение первоочередных задач восстановления страны и ликвидации последствий войны, на создание предпосылок для перехода к строительству основ социализма. В развитие решений II съезда НРПЛ состоявшийся в феврале 1977 г. IV пленум ЦК НРПЛ наметил задачи нового этапа — этапа перехода к социалистической революции. Рассматривая в теоретическом аспекте вопрос о том, возможен ли переход такой слаборазвитой страны, как Лаос, к социализму, Генеральный секретарь ЦК НРПЛ, Председатель Совета

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 77.

⁹ См.: IV съезд Коммунистической партии Вьетнама. М., 1977, с. 35.

Министров ЛНДР К. Фомвихан подчеркивал, что «наш опыт, а ранее опыт Монголии и Вьетнама дают положительный ответ: да, возможен, если борьбой за новый строй руководит партия, стоящая на позициях рабочего класса, вооруженная марксистско-ленинской идеологией». Определяющим фактором победы лаосской революции стал созданный НРПЛ прочный союз рабочего класса и крестьянства. Этот фактор остается решающим и на стадии перехода Лаоса к социализму¹⁰.

За годы второй пятилетки (1976—1980 гг.) в СРВ удалось укрепить материально-техническую базу народного хозяйства. Основные фонды возросли на 91 %, что способствовало некоторому увеличению производства в ряде отраслей, усилению позиций государственного и кооперативного секторов. К концу 1980 г. в социалистическом секторе производилось около 60 % валового общественного продукта. Объем промышленного производства возрос по сравнению с 1975 г. на 17,3 %. Сбор продовольственных культур составил 14,4 млн. т — почти на 3 млн. т больше, чем в 1975 г.¹¹

Несмотря на внутренние трудности и сложные внешнеполитические условия, в СРВ за годы второй пятилетки были преодолены многие тяжелые последствия длительной войны. Главными итогами осуществления социалистических преобразований на Юге за пятилетку стали ликвидация в основном классовой эксплуатации, уничтожение последствий неокOLONиализма, укрепление государственного сектора в промышленности, начало формирования новых, социалистических производственных отношений. Из 3,5 тыс. промышленных и кустарных предприятий, принадлежавших компрадорской и национальной буржуазии, было национализировано 34 %, смешанными (государственно-частными) стали 14,5 % предприятий. Началось социалистическое преобразование кустарного производства и сельского хозяйства. К концу пятилетки на Юге было образовано 1300 кооперативов, 165 госхозов, свыше 9 тыс. групп трудовой взаимопомощи. Очевидные успехи были достигнуты в социальной области: шаг вперед сделали культура, наука, народное образование, здравоохранение.

В целом за вторую пятилетку удалось решить крупный комплекс назревших проблем социально-экономического развития. Тем не менее экономическое положение Вьетнама оставалось напряженным. Так, несмотря на огромные усилия, во второй половине 70-х годов не удалось существенно уменьшить диспропорции в народном хозяйстве; не были созданы внутренние источники накопления, оставалось напряженным положение в промышленности и на транспорте; имела место нехватка продовольствия, ряда товаров широкого потребления; в целом низким оставался уровень жизни трудящихся, особенно рабочих и служащих, занятых в государственном секторе.

В процессе подготовки к V съезду КПВ вьетнамские товарищи подвергли критическому анализу недостатки в ходе выполнения плановых заданий второй пятилетки. При этом подчеркивалось, что в процессе реализации правильной в целом стратегической линии IV съезда КПВ, направленной на построение нового общества в масштабах всей страны, нередко игнорировались объективные законы социально-экономического развития в переходный к социализму период, допускались элементы волюнтаризма, «забегания вперед». Решения VI (1979 г.) и последующих пленумов ЦК КПВ предусматривали определенную корректировку и конкретизацию социально-экономической линии КПВ. Главное в них — отказ от практики администрирования, укоренившейся с военного времени, внедрение методов материального стимулирования трудящихся, расширение хозяйственной инициативы и самостоятельности на местах. В 1981 г. была введена новая система хозяйствования, предусматривав-

¹⁰ Национально-освободительное движение на пороге 80-х. С кем оно? Прага, 1982, с. 230.

¹¹ См.: «Нян Зан», 21.XII.1982.

шая установление твердых норм выработки для каждой производственной бригады и каждого труженика, а также новая система закупочных цен на сельхозпродукцию.

Оценивая экономическое положение в стране, вьетнамские товарищи выделяют как объективные причины трудностей (прежде всего последствия агрессии США и вторжения китайских войск в 1979 г., господства неокolonизма на Юге, стихийные бедствия), так и субъективные факторы, связанные с недостатками «в управлении экономикой и обществом». Серьезный ущерб выполнению планов второй пятилетки причинило решение КНР о прекращении технико-экономической помощи Вьетнаму, о разрыве торговых отношений с СРВ. Вместе с тем в партийных документах отмечалось, что в решении народнохозяйственных задач «были проявлены субъективизм и скоропалительность», планы составлялись «с завышенными показателями, превосходящими по масштабам реальные возможности»¹². Определенный промах был допущен и в том, что в ходе преобразований на Юге нередко механически использовался опыт социалистического переустройства, применявшийся на Севере в 50-х годах, хотя расстановка классовых сил, позиции отдельных классов в экономике Юга отличались от условий, в которых осуществлялись преобразования в ДРВ.

В ЛНДР существенный сдвиг в создании основ материально-технической базы социализма произошел в период выполнения трехлетнего плана развития народного хозяйства на 1978—1980 гг. Особое значение имел осуществленный в стране комплекс мероприятий по проведению преобразований в сельском хозяйстве — ведущей отрасли лаосской экономики, в которой создается около 80 % валового национального продукта. Лаосские товарищи руководствовались ленинским положением о том, что кооперация в аграрных странах играет огромную роль в деле перехода к новым порядкам путем возможно более *простым, легким и оступным для крестьянина*¹³.

В 1978 г. были приняты постановление Политбюро ЦК НРПЛ о задачах кооперирования и временный Устав сельскохозяйственного кооператива, в котором отмечалась важность строгого соблюдения принципа добровольности и постепенности в развитии кооперативного движения. На конец 1980 г. в Лаосе насчитывалось более 2800 кооперативов, которые объединяли свыше 25 % всех крестьянских семей. Производство риса в 1980 г. находилось на уровне 1 млн. т, что создавало возможность решения продовольственной проблемы.

Развитие промышленности ЛНДР шло в 1978—1980 гг. прежде всего путем расширения государственного и смешанного секторов при сохранении частных предприятий, взятых под контроль государства и действующих в соответствии с государственными планами.

В ходе выполнения трехлетнего плана в ЛНДР начался процесс формирования и укрепления новых, социалистических производственных отношений. Политика НРПЛ была направлена на подготовку необходимых материальных предпосылок для этого.

НРПЛ уделяла существенное внимание исправлению недостатков в ходе социалистического строительства. Так, VII пленум ЦК НРПЛ (1979) указал на необходимость исправить ошибки, связанные как с попытками «забегания вперед», так и со «стремлением подчинить стратегию партии стихийному ходу событий». Пленум указал, что общественные перемены в Лаосе должны быть научно обоснованными, учитывать объективные потребности. Тов. К. Фомвихан отмечал, что «нельзя искусственно разрушить досоциалистические и докапиталистические уклады; в ходе социалистического строительства они со временем отомрут естественным путем»¹⁴.

¹² «Нян Зан», 28.III.1982.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 370.

¹⁴ Национально-освободительное движение на пороге 80-х..., с. 229.

Ход социалистических преобразований на Юге Вьетнама и в Лаосе показал, что переход СРВ и ЛНДР к социализму в связи со слабой, материально-технической базой в этих странах, многоукладностью экономики, в частности с сохранением до сего времени различных социально-экономических структур на Севере и Юге Вьетнама, будет, видимо, более длительным, чем предусматривалось ранее.

Практика строительства новой жизни в СРВ и ЛНДР во второй половине 70-х годов подтвердила необходимость выделения в рамках перехода к социализму в странах со слабо развитой экономикой этапов и подэтапов, которых нет в странах, прошедших стадию капиталистического развития. Это прежде всего начальный этап, на котором завершается решение преимущественно общедемократических, антиимпериалистических и антифеодальных задач и вместе с тем создаются предпосылки строительства социализма, появляются элементы социалистических производственных отношений. Как известно, еще в решении Коминтерна, принятом в 1930 г., был сделан вывод о необходимости «исходить из того, что социализм не вводится сразу и непосредственно. Переход к социализму предполагает ряд промежуточных ступеней. Переход к социализму — это длительный процесс, распадающийся на ряд конкретных, последовательно проводимых мероприятий. Отдельные шаги, прокладывающие путь к социализму, должны вытекать из нужд масс, и необходимость в них должна быть осознана большинством населения. Эти шаги должны называться в экономической действительности и экономически должны быть вполне осуществимы»¹⁵.

Практика строительства нового общества в СРВ и ЛНДР показывает, что содержание перехода к социализму, минуя стадию капиталистического развития, в экономически неразвитых странах значительно отличается от периода перехода от капитализма к социализму, ибо переход фактически осуществляется от докапиталистических форм производства. Такой переход означает кардинальный социально-экономический переворот, создание качественно новой материально-технической базы экономики, осуществление радикальной культурно-идеологической революции, существенные сдвиги в социальной психологии трудящихся масс, участвующих в общественном производстве.

Ход социалистических преобразований во второй половине 70-х годов в Южном Вьетнаме, да и в Лаосе, где имел место значительный объем незавершенных антиимпериалистических и антифеодальных задач, показал, как сложно в условиях слабо развитой многоукладной, подорванной войной экономики одновременно и тем более ускоренными темпами решать задачи послевоенного восстановления, завершать решение общедемократических задач и создать на базе отсталой экономики новые производственные отношения, социалистический базис.

Глубокий критический анализ социально-экономических проблем СРВ и ЛНДР был дан на состоявшихся в 1982 г. V съезде КПВ и III съезде НРПЛ. Съезд вьетнамских коммунистов мобилизовал народ Вьетнама на решение двух стратегических задач — строительства материально-технической базы социализма и укрепления ее национальной обороны, определил основные направления развития народного хозяйства СРВ в годы третьей пятилетки (1981—1985) и на 80-е годы. Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан подчеркивал на съезде, что «с точки зрения претворения в жизнь социально-экономической стратегии на современном этапе 1981—1985 годы станут еще одним шагом на пути развития и преобразования структуры народного хозяйства, ускорения его социалистического переустройства»¹⁶.

С учетом накопленного во второй половине 70-х годов опыта на V съезде была конкретизирована экономическая стратегия КПВ на на-

¹⁵ Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. М., 1934, с. 280.

¹⁶ «Нян Зан», 28.III.1982.

чальном этапе перехода к социализму. Указывалось, что построение материально-технической базы социализма в СРВ будет происходить в несколько этапов, причем первый этап — вплоть до 1990 г. — станет начальным этапом создания необходимых предпосылок для последующего проведения социалистической индустриализации. V съезд КПВ реалистично подошел к вопросу определения темпов развития вьетнамской экономики в третьей пятилетке. Предусматривается, что в 1981—1985 гг. среднегодовые темпы прироста национального дохода составят 4,5—5 %, сельскохозяйственного производства — 6—7, промышленности — 4—5 %.

Съезд поставил вопрос о формировании рациональной аграрно-индустриальной структуры народного хозяйства. Упор делается на решение продовольственной проблемы. В 1981—1985 гг. значительная часть капиталовложений направляется в отрасли промышленности, обеспечивающие нужды сельского хозяйства.

С учетом накопленного опыта подошел съезд и к проблеме социалистических преобразований в Южном Вьетнаме, которые предполагается завершить в основном к концу 80-х годов. На необходимость сосредоточить усилия на осуществлении комплекса преобразований на Юге, особенно в наиболее сложном звене, в деревне, указал состоявшийся в конце 1982 г. III пленум ЦК КПВ. В начале 1983 г. на Юге Вьетнама насчитывалось 185 сельскохозяйственных кооперативов высшего типа и свыше 8 тыс. производственных бригад. Коллективными формами труда было охвачено 17 % крестьянских семей, в руках которых находилось 15 % земель.

III съезд НРПЛ указал, что перед лаосским народом на современном этапе стоят две стратегические задачи: строительство социализма и защита родины. Строительство социализма — основная и решающая задача, ибо только построение социализма создает условия для осуществления целей революции, отвечает чаяниям всех народов Лаоса и создает прочную основу для защиты нового строя¹⁷. Съезд отметил, что за период, прошедший со времени победы народно-демократической революции, валовой общественный продукт возрос в 1981 г. по сравнению с 1976 г. на 43 %, национальный доход на душу населения — на 40 %, валовая продукция сельского и лесного хозяйства увеличилась примерно в 1,5 раза. Сбор риса достиг в 1981 г. 1154 тыс. т против 700 тыс. т в 1976 г., в результате чего удалось решить проблему самообеспечения населения продовольствием. В ведении государства на начало 1982 г. находилось 188 промышленных предприятий с 15 тыс. рабочих; было создано свыше 30 госхозов и лесхозов. Товарооборот государственных и кооперативных магазинов возрос в пять раз по сравнению с 1976 г.

На III съезде НРПЛ указывалось, что наряду с большими достижениями в хозяйственном и культурном строительстве в руководстве экономикой допускались ошибки, в частности в вопросах кооперирования, в связи с преобразованиями в области просвещения, здравоохранения и др.

На съезде были утверждены основные направления и задачи первого пятилетнего плана социального и экономического развития ЛНДР на 1981—1985 гг. и до конца 80-х годов. Первоочередные цели пятилетки состоят в том, чтобы в ходе хозяйственного строительства расширить государственный и коллективный секторы в экономике, ускорить научно-технический и культурный прогресс, укрепить обороноспособность ЛНДР.

Как подчеркивают вьетнамские и лаосские товарищи, социально-экономическая политика КПВ и НРПЛ на современном этапе — это политика перехода к социализму, минуя стадию капиталистического развития, причем СРВ и ЛНДР находятся в самом начале этого перехода. Она отражает общие черты политики, которую проводят страны, вступившие на путь социалистического переустройства общества, в частности преобра-

¹⁷ См.: «Сиенг Пасасон», 28.IV.1982.

зование многоукладной экономики и всей системы общественных отношений, создание новой политической организации общества на социалистической основе, построение материально-технической базы социализма. Как экономически неразвитым странам, Вьетнаму и Лаосу приходится решать ряд задач, которые не стоят перед государствами, прошедшими капиталистическую стадию развития. Экономическая политика КПВ и НРПЛ отражает и специфические особенности этих стран, вытекающие, в частности, из исторических условий их развития, прежде всего необходимости на всех этапах отрывать значительные силы и средства на отражение агрессии империалистических и гегемонистских сил. В целом же выработанный КПВ и НРПЛ курс на взаимодействие различных экономических укладов при непрерывном укреплении позиций государственного сектора полностью соответствует ленинским оценкам начального этапа перехода к социализму в странах с неразвитой экономикой.

Взяв в результате национально-демократической революции 1979 г. власть в свои руки, кампучийский народ под руководством НРПК, опираясь на интернациональную помощь, прежде всего Вьетнама и Советского Союза, приступил к решению сложнейших политических, народно-хозяйственных, социальных и иных проблем, доставшихся новой власти от полпотовского режима, который отбросил страну далеко назад в экономическом и культурном отношении. Самой срочной была проблема ликвидации угрозы голода, так как в результате насаждения полпотовских «коммун», ликвидации товарно-денежных отношений, лишения крестьян права пользоваться плодами своего труда сельское хозяйство было совершенно подорвано.

Революционная власть Кампучии прилагала огромные усилия, чтобы решить вставшие перед страной сложные задачи экономического и социального возрождения. Особое внимание уделялось созданию и укреплению органов народно-революционной власти во всех звеньях. Значительная работа велась по восстановлению сельскохозяйственного производства, причем одной из эффективных форм приобщения крестьян к коллективному труду, увеличения производства продовольствия стало создание групп «производственной солидарности».

За 1980—1981 гг. удалось сделать решающие шаги в деле укрепления народно-революционной власти, экономического и культурного возрождения Кампучии. В 1980 г. урожай был собран с площади 1,5 млн. га, что позволило ликвидировать угрозу голода в стране. Удалось восстановить и ввести в строй действующих более 80 % промышленных предприятий и кустарных мастерских. О стабилизации обстановки в НРК свидетельствовали состоявшиеся в мае 1981 г. всеобщие выборы в местные органы народной власти и Национальное собрание НРК.

Задачи укрепления независимости Кампучии, ускорения процесса ее возрождения, постепенного продвижения к социализму были сформулированы на IV съезде НРПК (май 1981 г.). Указывалось на необходимость, опираясь на интернациональную помощь, приступить к подготовке предпосылок для поэтапного перехода Кампучии к строительству основ социализма.

На современном народно-демократическом этапе революции НРПК, понесшая огромные потери в годы полпотовской диктатуры, осуществляет руководящую роль в революционном процессе в стране, опираясь на помощь СССР, СРВ и других стран социализма. Речь идет о реализации в новых исторических условиях разработанных на основе предложений В. И. Ленина тезисов II Конгресса Коминтерна о возможности приобщения политически слабого рабочего класса к социализму под руководством пролетариата других стран¹⁸.

В Народной Кампучии уже сегодня формируется социалистический уклад, представленный государственным и кооперативным секторами,

¹⁸ См.: Коммунистический Интернационал в документах, 1919—1932. М., 1933, с. 131.

зарождаются новые производственные отношения. Учитывая нынешний низкий уровень социально-экономического развития страны, необходимость приложить еще немало усилий для полного восстановления экономики от ущерба, нанесенного длительной войной и «экспериментами» полпотовцев, НРПК считает, что продвижение НРК к социализму будет достаточно длительным процессом, что на современном этапе необходимо подготовить соответствующие материальные и социальные предпосылки для перехода к строительству основ социализма.

Опыт Кампучии со всей убедительностью показывает исключительную важность в современной обстановке интернационального фактора как для решения социально-экономических задач в странах, избравших путь социалистического развития, так и для защиты революционных завоеваний их народов.

Практика стран Индокитая свидетельствует о том, что перерастание национально-освободительных революций в социалистические в странах с неразвитой экономикой — это своеобразный революционный процесс, который может успешно развиваться только при наличии необходимых для этого внешних и внутренних факторов. Характер интернациональных связей СРВ, ЛНДР и НРК со странами социалистического содружества дает основания утверждать, что есть необходимые международные условия, делающие возможным их постепенное продвижение к социализму. Народы Вьетнама, Лаоса и Кампучии вышли из мировой экономической системы капитализма и вступили в мировую хозяйственную систему социализма. На всех этапах освободительной борьбы народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии, как и на нынешнем этапе мирного созидания в этих странах, им постоянно оказывалась интернациональная поддержка Советским Союзом. «Солидарность с государствами, освободившимися от колониального гнета, с народами, отстаивающими свою независимость, — подчеркивал Ю. В. Андропов, — была и остается одним из фундаментальных принципов советской внешней политики»¹⁹.

Имеются и солидные внутренние предпосылки, в частности политические условия, для успешного перехода государств Индокитая к социализму. Важнейшая из них состоит в том, что СРВ, ЛНДР и НРК — независимые государства, в которых утвердилась власть трудящихся, руководимых марксистско-ленинскими партиями. С точки зрения политической, поскольку в СРВ и ЛНДР созданы государства диктатуры пролетариата, основанные на союзе рабочего класса и крестьянства, поскольку правящие партии опираются на созданные снизу доверху органы народной власти, на массовые общественные организации, на преданные делу революции вооруженные силы, в этих странах уже произошло перерастание национально-освободительных революций в социалистические.

Вместе с тем на экономическом фронте в странах Индокитая все еще продолжается острая борьба между двумя путями — социалистическим и капиталистическим, и разрешение этого противоречия еще займет определенное время. При благоприятных международных условиях, опираясь на силу диктатуры пролетариата — а командные высоты в экономике СРВ, ЛНДР и НРК находятся в руках государства, — марксистско-ленинские партии этих стран, несомненно, сумеют обеспечить победу социализма в этой борьбе.

Важно иметь в виду, что в этих странах, особенно во Вьетнаме, за годы существования народного строя была проделана колоссальная созидательная работа по формированию социалистического базиса, новых производственных отношений. Существенным резервом трех стран являются связывающие их отношения сплоченности и сотрудничества. Укрепление союза народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии превратилось за годы совместной борьбы в закономерность революционного процесса в Индо-

¹⁹ «Правда», 23.XI.1982.

китае. Важным фактором, благоприятствующим продвижению стран Индокитая по пути к социализму, является укрепление союза этих стран, идущий процесс многоплановой интеграции между ними, превращение их в прочное содружество братских государств, являющееся форпостом сил мира и социализма в Юго-Восточной Азии.

Практика государств Индокитая свидетельствует о том, что в процессе реализации общих закономерностей социалистического преобразования общества каждая страна вносит в него немало национально особенного, специфического, что не может не проявляться в многообразии форм социалистического переустройства, прежде всего в том, что касается сроков, темпов, методов. Причем странам с неразвитой экономикой присуще значительное своеобразие форм проявления общих закономерностей, обусловленное и многообразием выдвигаемых задач, и большей по сравнению с экономически развитыми странами длительностью их решения.

Многогранный опыт стран Индокитая убедительно подтверждает актуальность ленинского положения о том, что «все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни»²⁰.

²⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, с. 123.

Плодотворное сотрудничество СССР и КНДР

(35-летие подписания советско-корейского соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве)

В. И. АНДРИАНОВ,
кандидат экономических наук
В. И. МЕЛЬНИКОВ,
кандидат юридических наук

В августе 1945 г. Советская Армия завершила разгром японской военной группировки в Северо-Восточном Китае и Корее и освободила корейский народ от сорокалетнего колониального ига Японии. Освобождение ознаменовало собой начало новой эпохи в истории страны. Став хозяевами собственной судьбы, трудящиеся северной части Кореи получили возможность строить независимое демократическое государство.

Это была исключительно трудная и сложная задача, поскольку японские колонизаторы, уходя из Кореи, уничтожили практически все хозяйственные объекты. Кроме того, стране предстояло преодолеть уродливый колониальный характер экономики, сложившийся за долгие годы иностранного господства, наладить новые мирохозяйственные связи. Колониальная Корея была превращена в аграрно-сырьевой придаток метрополии, где создавались преимущественно предприятия горнорудной, металлургической и химической промышленности для вывоза их продукции в Японию, в то время как развитие обрабатывающих отраслей искусственно сдерживалось.

Серьезные трудности в развитии национальной экономики были порождены также разделением Кореи на Север и Юг. Нарушив традиционные экономические связи внутри страны, оно еще больше обострило существовавшие хозяйственные диспропорции; потребовалось срочно восполнить выпавшие экономические звенья. Дело в том, что основные предприятия тяжелой промышленности были сконцентрированы на Севере Кореи, а Юг являлся центром легкой промышленности и главной житницей страны. На долю Северной Кореи до освобождения приходилось 92 % производства электроэнергетической промышленности, 90 — металлургической, 88 — топливной, 82 — химической, 78 — горнорудной, 73 % — промышленности строительных материалов. В Южной Корее было сосредоточено 77 % производства текстильной промышленности, 63 — резиновой, 60 % — пищевой¹.

Необходимо, кроме того, учитывать практически полное отсутствие в народной Корее в то время квалифицированных национальных инженерно-технических кадров, учреждений для их подготовки, крайне низкий общеобразовательный и культурный уровень населения в целом.

Очевидно, что в таких условиях корейскому народу было чрезвычайно трудно решать стоящие перед ним экономические, социальные и культурные задачи. Советский Союз в послевоенном мире был единственной страной, которая могла и искренне и бескорыстно стремилась помочь братскому народу в строительстве новой жизни.

Не случайно поэтому в ходе первого после установления дипломатических отношений между СССР и КНДР официального визита в Москву

¹ См.: Ф. И. Шабина. Социалистическая Корея (О формах проявления в КНДР общих закономерностей строительства социализма). М., 1963, с. 114.

правительственной делегации Корейской Народно-Демократической Республики во главе с Ким Ир Сенем (март 1949 г.) стороны основное внимание на переговорах уделили вопросам дальнейшего развития и укрепления экономических и культурных отношений, уже сложившихся к тому времени и требовавших юридического оформления.

В результате переговоров 17 марта 1949 г. между Советским Союзом и народной Кореей было подписано Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве². Особое значение этого документа заключается в том, что по своему духу и принципам он является отражением вступления КНДР в новый тип межгосударственных отношений. Как отмечалось в КНДР в связи с его подписанием, «корейский народ впервые в своей истории заключил равноправное соглашение»³.

Давая оценку соглашению, Ким Ир Сен подчеркивал, что оно открыло «новую страницу в развитии новых отношений между КНДР и Советским Союзом после освобождения Кореи», соглашение имеет «огромное политическое и экономическое значение в деле повышения международного авторитета нашей молодой республики и обеспечения ее беспредельного расцвета и дальнейшего развития»⁴.

Огромная жизненная сила советско-корейского Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве, его интернационалистский дух особенно ярко проявились в годы навязанной корейскому народу войны 1950—1953 гг. и послевоенного восстановления. «Мы очень благодарны народам СССР и других социалистических стран за активную материальную помощь и материальную поддержку, оказанную нашему народу во время Отечественной освободительной войны», — отмечал премьер Административного совета КНДР Ли Ден Ок в выступлении по случаю 30-летия окончания корейской войны⁵.

Война нанесла огромный материальный ущерб молодой республике. Варварские американские бомбардировки превратили в руины города и села, промышленные предприятия, ирригационные сооружения и другие народнохозяйственные объекты. Было разрушено 8,7 тыс. заводов и фабрик, 600 тыс. жилых домов, более 6 тыс. учебных и лечебных заведений, тысячи культурных учреждений. Общий урон, нанесенный народному хозяйству, составил более 420 млрд. вон⁶.

Перед страной была поставлена задача возродить производительные силы не на старой, а на новой технической основе, для чего требовалось большое количество современного оборудования, машин, внедрение новой технологии, насыщение народного хозяйства квалифицированными кадрами, то есть стояла задача решения широкого комплекса проблем одновременно и на высоком уровне.

Основываясь на соглашении 1949 г. и подписанных в его развитие документов, а также руководствуясь принципами пролетарского интернационализма и чувством дружбы к братскому корейскому народу, Советский Союз оказал народной Корее эффективную экономическую помощь, направил в страну высококвалифицированных специалистов, принял на обучение в советские вузы большое количество корейских юношей и девушек. Достаточно сказать, что в период с 1954 по 1960 г. в КНДР при технической помощи советских организаций и специалистов было восстановлено и заново построено 20 народнохозяйственных объектов. Среди них Сухунская ГЭС, Хыннамский химический комбинат, металлургический завод им. Ким Чака, завод цветных металлов в Нампхо, Пхеньянский текстильный комбинат, Мадонский цементный завод, рыбо-

² См.: Отношения Советского Союза с народной Кореей. 1945—1980. Документы и материалы. М., 1981, с. 69.

³ «Минчжу чосон», 18.III.1949.

⁴ Цит. по: «Внешняя торговля СССР», 1959, № 3, с. 6.

⁵ «Нодон синмун», 28.VII.1983.

⁶ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 3, с. 101. 100 вон КНДР = 74,93 руб.

консервный завод в Синпхо, фанерная фабрика в Кильджу, центральная радиостанция в Пхеньяне⁷.

В 70-е — начале 80-х годов советско-корейское сотрудничество продолжало развиваться ускоренными темпами, обогащалась и совершенствовалась его формы. К настоящему времени при советском технико-экономическом содействии в КНДР построено, реконструировано и восстановлено 62 народнохозяйственных объекта⁸, многие другие находятся в стадии строительства и разработки технических проектов.

В настоящее время техническое содействие КНДР осуществляется на основе долгосрочных мягких кредитов, предоставляемых в соответствии с подписанным 9 февраля 1976 г. в Москве Соглашением об экономическом и техническом сотрудничестве, которое также регулирует и расчетные отношения между нашими странами. Соглашением предусматривается расширение конверторного цеха и цеха горячей прокатки листа металлургического завода им. Ким Чака для увеличения выплавки стали и ее последующей переработки в горячекатаный лист (вторая очередь реконструкции), а также помощь в строительстве Чхончжинской ТЭЦ мощностью 150 МВт. Для обеспечения расширения металлургического завода им. Ким Чака КНДР предоставлен кредит в сумме до 45 млн. руб. из 2 % годовых на 8 лет с условием погашения поставками производимой продукции равными ежегодными долями начиная с года, следующего за годом ввода в эксплуатацию соответствующего цеха. Кредит на строительство Чхончжинской ТЭЦ выделен в сумме до 40 млн. руб. также из 2 % годовых, но на 10 лет. Выплата его будет осуществляться равными ежегодными долями начиная с года, следующего за годом завершения поставок оборудования, путем поставки товаров на условиях действующего советско-корейского торгового соглашения.

Кроме того, в соответствии с этим соглашением КНДР на компенсационных условиях погашения был предоставлен кредит на сумму до 12 млн. руб. из 2 % годовых на 8 лет для завершения строительства комплекса конверторного цеха и цехов горячей и холодной прокатки листа того же металлургического завода им. Ким Чака (первая очередь реконструкции), а также кредит на 10 лет общей суммой до 20 млн. руб. из 2 % годовых на условиях погашения по клирингу на завершение строительства подшипникового завода, завода по производству аммиака в Аоджи и алюминиевого завода в Пукчане.

Учитывая большой объем погашения задолженности по ранее предоставленным кредитам, срок которого наступал, и основываясь на принципах дружбы и сотрудничества, правительство СССР предоставило правительству КНДР кредит в сумме до 400 млн. руб. из 2 % годовых на покрытие причитающихся в 1976—1980 гг. платежей корейской стороны советской стороне в погашение основного долга и процентов по нему. Погашение использованных сумм кредита будет производиться поставками в Советский Союз корейских товаров в течение 10 лет равными ежегодными долями начиная с 1981 г.

Расчетные отношения между нашими странами регулируются также соответствующим межправительственным протоколом о погашении корейской стороной задолженности по предоставленным в свое время кредитам. Очередное рефинансирование задолженности КНДР Советскому Союзу означало, что к ее выплате корейская сторона приступила практически лишь в 80-е годы, то есть через 35 лет после начала советско-корейского сотрудничества, когда КНДР превратилась в промышленно развитую социалистическую страну.

Успешно развивается и имеет устойчивую тенденцию к росту торговля между нашими странами. Так, например, если в 1970 г. объем товарооборота составлял 329,3 млн. руб., то в 1980 г. — 572 млн., а в 1982 г. он

⁷ См.: Отношения Советского Союза с народной Кореей, с. 407.

⁸ См.: «Экономическая газета», 1983, № 33, с. 20.

достиг 681 млн. руб.⁹ При этом необходимо отметить, что советско-корейская торговля не ограничивается клиринговыми поставками в счет ежегодно подписываемых протоколов. В последние годы хорошо зарекомендовали себя операции с давальческим сырьем, которые предусматривают поставку в КНДР хлопка, переработку его на предприятиях КНДР и поставку в СССР хлопчатобумажных изделий широкого потребления. Традиционно осуществляется обмен советской пшеницы на равное по стоимости количество корейского риса, калийных удобрений на азотные. Налажена и развивается приграничная и кооперативная торговля. Хотя КНДР и не состоит в СЭВ, цены на взаимопоставляемые товары формируются на принципах, принятых в торговле стран—членов СЭВ, и устанавливаются в рублях. Расчеты между банками для внешней торговли производятся также в рублях¹⁰.

В современную эпоху поступательное развитие любой страны невозможно без использования последних достижений естественных и общественных наук. А для таких стран, как КНДР, которые приступили к социалистическому строительству, освободившись от пут колониального ига, этот вопрос имел и имеет решающее значение, поскольку колонизаторы делали все возможное, чтобы держать поработанный ими народ в темноте и невежестве. И здесь Советский Союз пришел на помощь братскому народу. Советско-корейское научное сотрудничество как составная часть культурного обмена имеет почти 40-летнюю историю, отражающую основные вехи становления и развития контактов и связей между советскими и корейскими учеными и научными организациями. Свое начало это сотрудничество берет с 1946 г., когда первая группа молодых корейских научных сотрудников отправилась в СССР, а в июле 1948 г. в КНДР прибыли советские ученые во главе с академиком А. Опариним. В 1949 г. новая группа ученых из Советского Союза в составе 30 человек была направлена в народную Корею с целью содействия созданию будущей Академии наук КНДР.

Основание 1 декабря 1952 г. Академии наук КНДР и подписание в октябре 1957 г. Соглашения о научном сотрудничестве между АН СССР и АН КНДР, которое затем было обновлено в 1969 г., положили начало новому этапу в советско-корейском научном сотрудничестве. В период между 1957 и 1969 гг. Советский Союз посетили свыше 120 корейских ученых, более 20 корейских специалистов закончили аспирантуру в институтах АН СССР. Около 100 советских ученых побывали в КНДР. За одиннадцать лет (1951—1962) советские вузы подготовили свыше 200 корейских научных работников¹¹.

АН СССР и ее учреждения оказали КНДР содействие в определении основных направлений работы и оснащении четырех крупных научных лабораторий — по физике, электронике, машиноведению и экспериментальной биологии. С целью оказания помощи корейским организациям в развитии народного просвещения и высшего образования соответствующие советские организации передали КНДР более 110 различных учебных программ и инструкций¹². Совместно советскими и корейскими учеными-геологами подготовлен фундаментальный труд «Геологическое строение и полезные ископаемые северо-восточной части КНДР и южной части Приморского края СССР», филологи обеих стран выпустили двухтомный Большой корейско-русский словарь¹³.

В 70-е и начале 80-х годов научные связи между академиями наук наших стран продолжали осуществляться путем обмена научными деле-

⁹ См.: Внешняя торговля СССР. Статистические сборники за соответствующие годы.

¹⁰ «Экономическая газета», 1983, № 37, с. 21.

¹¹ См.: С. Г. Нам. Формирование народной интеллигенции в КНДР (1945—1962 гг.). М., 1970, с. 60—61, 83, 84.

¹² См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 1, с. 8.

¹³ См.: Г. В. Грязнов. Строительство материально-технической базы социализма в КНДР. М., 1979, с. 222—223.

тациями, взаимного командирования ученых для стажировки, обмена научной литературой, приглашения известных ученых для чтения лекций и консультаций. В области медицинской и сельскохозяйственной наук проводятся совместные научные исследования. В Объединенном институте ядерных исследований в Дубне вместе с коллегами из других социалистических стран успешно работают и сотрудничают специалисты из Коре́йской Народно-Демократической Республики.

Новым шагом в развитии советско-корейских научных связей становится сотрудничество в изучении космоса. На станции слежения за искусственными спутниками, построенной под Пхеньяном с помощью советских специалистов, проводится совместная исследовательская работа, которая имеет большое значение для выполнения важных народнохозяйственных задач¹⁴.

17 мая 1982 г. в Пхеньяне был подписан очередной план научного сотрудничества между нашими академиями на 1982—1983 гг. Он предусматривает продолжение сотрудничества в области астрономии, которое осуществляется Астрономическим советом АН СССР и Пхеньянской астрономической обсерваторией АН КНДР, обмен отчетами о проведенных научных конференциях сотрудников академических учреждений, взаимное командирование научных работников для исследовательской работы, ознакомления с научными разработками и обмена опытом на срок до 110 недель, для научного стажирования на срок до 48 недель¹⁵.

Прямые связи налажены между ведущими высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими институтами двух стран. Так, 13 сентября 1983 г. было подписано соглашение о сотрудничестве в области образования и науки между МГУ им. М. В. Ломоносова и Пхеньянским государственным университетом им. Ким Ир Сена, которое предусматривает обмен студентами и аспирантами, а также профессорско-преподавательским составом для чтения лекций, проведения совместных исследований, создание объединенных авторских коллективов для написания учебников¹⁶. В ноябре 1983 г. по приглашению Института экономики Академии общественных наук КНДР в стране находилась группа советских экономистов, которые представляли Институт экономики, Институт мировой социалистической системы, Институт востоковедения АН СССР¹⁷.

Культурные связи между СССР и КНДР начиная с 1949 г. приобрели поистине широкий и разнообразный характер: гастроли художественных коллективов, групп артистов и отдельных солистов, выставки живописи, прикладного искусства и фотографий, показ художественных и документальных фильмов, обмен делегациями работников различных областей культуры и искусства, участие корейских представителей в международных конкурсах и фестивалях, проводимых в СССР. Большое место в рамках культурного сотрудничества в первые годы существования республики занимало советское содействие в решении ряда задач культурного строительства в КНДР, проведение мероприятий в связи со знаменательными и юбилейными датами в жизни народов обеих стран.

Важным событием в развитии современного театрального искусства КНДР и приобщении корейских трудящихся к русской и советской драматургии стало осуществление за прошедшие годы постановок на сценах корейских театров таких крупных произведений, как «Кремлевские куранты» Н. Погодина, «Платон Кречет» и «Фронт» А. Корнейчука, «Счастье» А. Павленко, «Русские люди» К. Симонова, «Константин Заслонов» В. Мовзона. Были также осуществлены постановки пьес А. Чехова «Юбилей» и «Дядя Ваня», спектакля по роману Н. Островского «Как закалялась сталь», оперы А. Мейтуса «Молодая гвардия». Силами сту-

¹⁴ См.: «Экономическая газета», 1981, № 28, с. 20.

¹⁵ См.: «Нодон синмун», 18.V.1982.

¹⁶ См.: «Известия», 14.IX.1983.

¹⁷ См.: «Нодон синмун», 1.XI.1983.

дентов Пхеньянской консерватории была поставлена опера П. И. Чайковского «Евгений Онегин».

При подготовке этих спектаклей корейским коллегам давали консультации советские деятели культуры. Режиссер Ленинградского драматического театра имени А. С. Пушкина А. Дмоховский и художник Л. Коваленко консультировали постановку пьесы «Дядя Ваня», помощь в подготовке певцов и постановке оперы «Евгений Онегин» оказал Д. Баридзе.

В 1957 г. в Государственном драматическом театре КНДР советским режиссером В. Власовым и его корейским коллегой Ким Дэк Ином была поставлена пьеса «Кремлевские куранты» Н. Погодина. Она была приурочена к 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Так впервые на корейской сцене был создан образ великого Ленина, что явилось новой страницей в развитии корейского театра.

На сценах советских театров ставилась корейская пьеса «Южнее 38-й параллели». Произведения корейских композиторов, корейские народные и современные песни и мелодии исполняются советскими артистами.

Крупными событиями в советско-корейском культурном взаимообогащении, в культурной жизни обеих стран всегда являлись и являются гастроли художественных коллективов, цирковых ансамблей и групп артистов. Жители Москвы, Ленинграда, Киева и других городов СССР тепло принимали выступления Пхеньянского ансамбля песни и танца, Ансамбля песни и пляски Корейской народной армии, Пхеньянской оперной труппы «Пхипада», Пхеньянской оперной труппы «Мансудэ». Советская культурная общественность и зрители высоко оценили дарование и мастерство корейских певцов, музыкантов и танцоров. В Советском Приморье с большим успехом гастролеровали художественные коллективы из приграничных провинций КНДР.

Корейские трудящиеся не раз встречались с выдающимися советскими коллективами. Рабочие и служащие Пхеньяна, металлурги и докеры Чхонджина, машиностроители Хэчжу, рыбаки и паровозостроители Вонсана, портовики Нампхо, текстильщики Саривона, женьшеневоды Кэсона, жители других корейских городов и сел рукоплескали артистам знаменитых коллективов: Государственного хореографического ансамбля «Березка», который в 1983 г. во второй раз побывал на гастролях в КНДР, дважды Краснознаменного имени Александра ансамбля песни и пляски Советской Армии, Государственного ансамбля Молдавской ССР «Жок», Государственного ансамбля танца Украинской ССР им. Вирского, Ансамбля песни и пляски Краснознаменного Тихоокеанского флота, Государственного Ансамбля песни и пляски донских казаков, Оркестра народных инструментов им. Осипова, Государственного Красноярского ансамбля танца Сибири. На гастроли в КНДР выезжали Оренбургский, Уральский и Северный русские народные хоры, государственный Московский хор, Государственный ансамбль танца Белорусской ССР, Украинский народный хор им. Веревки, артисты цирка.

Хорошей традицией стало регулярное выступление в КНДР творческих коллективов союзных республик. В конце 1982 — начале 1983 г. в Пхеньяне и Вонсане успешно выступали артисты из Казахстана, которые гастролеровали в КНДР в рамках дней Советского Союза, посвященных 60-летию образования Союза ССР. Газета «Нодон синмун» в связи с этим писала: «...исполненные песни и танцы вносят вклад в дальнейшее углубление чувств дружбы между народами обеих стран — Кореи и Советского Союза»¹⁸.

Корейские деятели искусства регулярно участвуют в таких крупных международных культурных мероприятиях, как московский Международный конкурс им. П. И. Чайковского, Международный Московский му-

¹⁸ «Нодон синмун», 9.I.1983.

зыкальный фестиваль, международный кинофестиваль стран Азии, Африки и Латинской Америки в Ташкенте, и добиваются на них значительных успехов. Так, например, талантливый корейский скрипач Ким Сон Хо завоевал 4-ю премию на VI Международном конкурсе им. П. И. Чайковского (1980), а на VII конкурсе в 1982 г. скрипачка Со Ен Ран была удостоена специального приза. На V Ташкентском международном кинофестивале (1980) приз фестиваля был присужден созданному кинематографистами КНДР художественному фильму «Песня, звучащая на поле боя». В 1981 г. участники международного Московского фестиваля познакомились с произведением корейского композитора Мун Ген Ока. На международном конкурсе «Плакат в борьбе за мир, безопасность и сотрудничество» (1982) среди лучших произведений конкурса был отмечен и плакат художника из КНДР Пак Ха Лена «Вот он — Капитолий». Ему были присуждены поощрительный диплом и премия конкурса¹⁹.

Живой интерес в обеих странах вызывают проводимые в соответствии с планом культурного обмена выставки прикладного искусства, живописи, книг и фотографий, показ кинофильмов. Среди советских экспозиций последних лет, организованных в КНДР и получивших широкий отклик у корейских посетителей, можно назвать Национальную выставку СССР (1977), художественную выставку «Великая Отечественная война в изобразительном искусстве» и выставку советской книги, посвященную 65-й годовщине Великого Октября и 60-летию образования СССР. Национальная выставка СССР проходила в КНДР в дни месячника корейско-советской дружбы, приуроченного к 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Ее посетило свыше 100 тыс. человек. Это явилось свидетельством глубокого интереса корейских трудящихся к жизни и успехам родины Ленина. На художественной выставке, которая была развернута в Пхеньяне в связи с 40-летием разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, экспонировалось более 140 произведений живописи, графики, скульптуры и плаката. Среди них — работы известных советских мастеров А. Дейнеки, С. Герасимова, Е. Вучетича, Кукрыниксов. За 14 дней работы ее посетили 50 тыс. жителей Пхеньяна. Корейский художник-график Ли Сок Сан после ознакомления с экспозицией отметил, что корейцам, пережившим трудные годы войны против американских агрессоров, близко и понятно творчество советских художников²⁰.

На книжной выставке, проводившейся в Пхеньяне в 1982 г., было представлено более двух тысяч наименований книг: произведения классиков марксизма-ленинизма, материалы XXVI съезда КПСС, общественно-политическая, научно-техническая и художественная литература, книги по искусству, учебные пособия, а также изданные в СССР книги на корейском языке. В отзывах посетителей выставки подчеркивалось, что она служит расширению знаний о жизни и успехах советского народа и внесет новый вклад в дальнейшее развитие культурного обмена между народами обеих стран. По окончании выставки книги были переданы в дар библиотеке Народного дворца учебы²¹.

За послевоенный период в Советском Союзе издано 227 названий книг и брошюр авторов КНДР по всем разделам литературы общим тиражом более 10,5 млн. экземпляров. Произведения корейской поэзии, прозы, драматургии, устного народного творчества выпущены на 21 языке народов СССР. Произведения крупнейшего корейского писателя Ли Ги Ена публиковались 14 раз тиражом около 1,3 млн. экземпляров на 10 языках народов СССР.

В Советском Союзе регулярно проводятся декады книги КНДР. Последняя из них открылась 12 августа 1983 г. во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы в связи с 38-й годовщиной

¹⁹ См.: «Известия», 26.II.1982.

²⁰ Цит. по: «Правда», 31.I.1982.

²¹ См. там же, 16.X.1982.

освобождения Кореи. С интересом были встречены читателями сборники произведений современных авторов, литературные и исторические памятники древней и средневековой Кореи. В их числе роман «Сон в нефритовом павильоне» — крупнейшее произведение национальной литературы начала XVII в. В дни декады в книжных магазинах Москвы, Хабаровска и Алма-Аты организуются выставки-продажи книг КНДР²².

У корейского народа неизменной популярностью пользуются произведения советских авторов. В последние годы в КНДР были переизданы произведения Н. Островского, Д. Фурманова, А. Фадеева, А. Толстого, А. Серафимовича. Появилось новое издание романа «Анна Каренина»²³. К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина в 1970 г. издательство Трудовой партии Кореи выпустило в свет собрание избранных произведений, а также ряд отдельных работ В. И. Ленина.

Соглашение о сотрудничестве в области книгоиздательского дела, подписанное в октябре 1982 г. между Госкомиздатом СССР и Управлением по делам печати КНДР, несомненно, будет еще больше способствовать пропаганде и распространению произведений советских и корейских авторов, взаимообогащению двух социалистических литератур.

Активны связи и контакты между кинематографистами СССР и КНДР. Они регулируются рабочими планами сотрудничества, которые ежегодно заключаются между Госкино СССР и Министерством культуры и искусства КНДР, между Союзом кинематографистов СССР и Союзом корейских кинематографистов. Осуществляются, в частности, взаимные поездки деятелей кинематографа, обмен техническим и творческим опытом, участие в кинофестивалях и кинорынках. Организуются недели и премьеры фильмов, созданных на студиях СССР и КНДР. Эти мероприятия позволяют трудящимся обеих стран знакомиться с достижениями кинематографа двух стран. План сотрудничества в области кинематографии на 1983 г., подписанный в Москве 27 января 1983 г. между Госкино СССР и Министерством культуры и искусства КНДР, предусматривает дальнейшее развитие творческих связей мастеров экрана двух стран.

Разнообразны и активны спортивные связи между нашими странами на основе заключенного в 1978 г. долгосрочного Соглашения о сотрудничестве между Спорткомитетом СССР и Комитетом по делам физкультуры и спорта КНДР и ежегодных рабочих планов спортивного обмена. Осуществляются, в частности, взаимные поездки спортивных команд для совместных тренировок и товарищеских матчей, участия спортсменов в международных состязаниях, проводимых в СССР и КНДР, обмена опытом спортивной работы.

Московская Олимпиада 1980 г. стала третьей олимпиадой для спортсменов КНДР. На Олимпиаду-80 КНДР направила самую представительную за всю свою историю команду. 57 корейских спортсменов — штангисты и борцы, гимнасты и легкоатлеты-марафонцы, дзюдоисты и стрелки, лучники и боксеры — боролись за олимпийские награды.

Известные советские тренеры и специалисты оказывают по просьбе корейской стороны методическую помощь в постижении корейскими спортсменами новых для них видов спорта — хоккея с шайбой, фигурного катания. В 1981—1983 гг. в КНДР находились такие крупные специалисты в области хоккея и фигурного катания, как К. Локтев, А. Тарасов, И. Москвин. «Заслуженный тренер И. Москвин, — говорилось в письме за подписью председателя Спорткомитета КНДР, — помог нашим тренерам и принес большую пользу фигурному катанию. Считаю, что искреннее сотрудничество Москвина с нашими специалистами является проявлением большой дружбы между спортивными организациями двух стран...»²⁴.

²² См.: «Известия», 13.VIII.1983.

²³ См.: «Советская культура», 9.IX.1980.

²⁴ «Советский спорт», 19.XI.1981.

Советско-корейское культурное сотрудничество охватывает и другие сферы. На плановой основе поддерживаются взаимопользные контакты и обмен в области здравоохранения и медицинской науки, радиовещания и телевидения. Налажены творческие связи между союзами журналистов и писателей, художников и музыкантов. Подписаны и осуществляются соглашения о сотрудничестве между ТАСС и ЦТАК, АПН и ЦТАК. Регулярны визиты делегаций работников газет «Правда» и «Нодон синмун», «Известия» и «Минчжу чосон». Поддерживаются традиционные контакты между профсоюзными, молодежными и другими общественными организациями наших двух стран.

В рамках культурных отношений между СССР и КНДР особое внимание уделяется мероприятиям, проводимым в связи с национальными праздниками, другими знаменательными событиями в жизни народов СССР и КНДР, памятные даты в двусторонних отношениях. За последнее десятилетие, например, в Советском Союзе широко отмечались 30-летие и 35-летие освобождения Кореи от японского колониального ига, 30-я и 35-я годовщины создания Корейской Народно-Демократической Республики, образования Трудовой партии Кореи и другие знаменательные вехи в истории корейского народа. В социалистической Корее были проведены массовые мероприятия по случаю 60-й и 65-й годовщин Великой Октябрьской социалистической революции и Советской Армии, 60-летия создания Ленинского комсомола, 60-й годовщины образования СССР. В КНДР были организованы торжественные мероприятия в связи со 110-й годовщиной со дня рождения В. И. Ленина.

В наших странах торжественно отмечены юбилейные даты в истории советско-корейских отношений: 15-я и 20-я годовщины Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР, 30- и 35-летие установления дипломатических отношений и др.

Продолжают крепнуть и развиваться связи между Обществом советско-корейской дружбы (ОСКД) и Обществом корейско-советской дружбы (ОКСД). ОСКД, которое в 1983 г. отметило 25-летие своего существования, принимает активное участие в ежегодно проводимых в СССР месячниках солидарности с борьбой корейского народа за вывод американских войск из Южной Кореи и мирное объединение страны на демократических началах. Оно знакомит советскую общественность с успехами трудящихся КНДР в социалистическом строительстве. ОКСД каждый год проводит кинопоказы, фотовыставки и другие мероприятия, посвященные успехам советского народа в строительстве развитого социализма.

В 1975 г. Общество корейско-советской дружбы в связи с 30-летием со дня его образования награждено орденом Дружбы народов. В Указе Президиума Верховного Совета СССР отмечена успешная деятельность ОКСД по укреплению и развитию братской дружбы и сотрудничества между народами КНДР и Советского Союза.

Обобщая практику культурных связей между Советским Союзом и КНДР, можно выделить некоторые их характерные черты. Прежде всего их отличают общность целей и товарищеское сотрудничество, заинтересованность в успехах друг друга. Эти связи характеризуются также стабильностью, разнообразием, широтой охвата, высокой взаимной отдачей. Опыт советско-корейского культурного обмена убедительно подтверждает не только объективную необходимость и потребность во взаимном общении и взаимном обогащении социалистических по содержанию и национальных по форме культур стран социализма, но и закономерность постепенной интернационализации культурной жизни стран социализма.

Сотрудничество между СССР и КНДР свидетельствует о том, что крупные достижения в экономическом и культурном строительстве в КНДР, успешный ход процесса создания современной социально-экономической и общественно-политической структуры неразрывно связаны с

существованием мировой системы социализма, взаимопомощью и взаимовлиянием социалистических стран. Успехи КНДР в развитии народного хозяйства, образования и просвещения, здравоохранения и культуры, кинематографии и искусства — это в первую очередь результат широкого сотрудничества с СССР и другими странами социализма.

Особую роль в динамике отношений между СССР и КНДР играют встречи партийных и государственных руководителей, разносторонние межпартийные связи. Последние десять с лишним лет отмечены рядом контактов на высоком уровне, среди которых можно было бы назвать визиты в Советский Союз делегации ТПК во главе с членом Политкомитета ЦК ТПК, секретарем ЦК ТПК Ким Дон Гю (1973), члена Политкомитета ЦК ТПК, премьер-министра Административного совета КНДР Пак Сен Чера (1977); КНДР посетила в январе 1978 г. советская партийно-правительственная делегация, которую возглавил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев. Полезный обмен мнениями по важным вопросам международного положения и борьбы против гегемонистской политики агрессивных кругов империализма и реакции состоялся во время визита в СССР в июне 1979 г. корейской партийной делегации, возглавлявшейся членом Политкомитета ЦК ТПК, секретарем ЦК ТПК Ким Ен Намом. В работе VI съезда Трудовой партии Кореи, проходившего в дни, когда корейский народ торжественно отмечал 35-ю годовщину образования ТПК (октябрь 1980 г.), принимала участие делегация КПСС во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем МКК КПСС В. В. Гришиным. Наконец, в прошлом, 1983 году на торжествах по случаю 35-летия образования КНДР присутствовала советская партийно-правительственная делегация во главе с кандидатом в члены Политбюро, министром культуры СССР П. Н. Демичевым.

Важным событием в советско-корейских отношениях в последнее время явился обмен в начале 1983 г. личными посланиями между Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андроповым и Генеральным секретарем ЦК ТПК, Президентом КНДР Ким Ир Сенем, что, несомненно, послужит углублению взаимопонимания и сотрудничества между двумя странами, развитию советско-корейских дружественных отношений во всех областях политики, экономики и культуры, а также дальнейшей координации усилий в борьбе против империализма, за предотвращение угрозы войны, за мир и безопасность народов²⁵.

Наращивание американского военного присутствия на Юге Корейского полуострова, объявленное Р. Рейганом во время его визита в Сеул в ноябре 1983 г., формирование тройственного милитаристского альянса на Дальнем Востоке с участием США, Японии и Южной Кореи вызывают законную тревогу и серьезную озабоченность народов стран этого региона. В нынешней чрезвычайно сложной международной обстановке Советский Союз постоянно демонстрирует свою интернациональную поддержку справедливой борьбы корейского народа за вывод американских войск из Южной Кореи, за мирное, демократическое воссоединение корейской нации. В выступлении советской делегации на XXXVIII сессии ГА ООН подчеркивалось, что подходящую основу для решения корейского вопроса составляют предложения Корейской Народно-Демократической Республики, предусматривающие вывод американских войск из Южной Кореи, создание условий для объединения страны мирными средствами, без вмешательства извне.

В лице Советского Союза Корейская Народно-Демократическая Республика имеет надежного друга, прочную опору в противоборстве с классовым врагом, в отстаивании интересов трудового народа Кореи, в защите революционных завоеваний от происков империализма и его приспешников.

²⁵ См.: «Нодон синмун», 21.I.1983; «Правда», 26.II.1983.

Национальное возрождение Кампучии

Д. В. МОСЯКОВ,
кандидат исторических наук

7 января 1984 г. исполнилась 5-я годовщина образования Народной Республики Кампучии. За прошедшие годы НРК прошла большой и сложный путь борьбы за национальное возрождение, улучшение жизни народа, укрепление внутреннего и международного положения страны. Победа кампучийского народа в январе 1979 г. в борьбе против кровавого полпотовского режима стала поворотным моментом современной истории Кампучии, развития революционного процесса в стране. Перед многострадальным кампучийским народом открылись пути национального возрождения.

Программа национального возрождения Кампучии была принята в самый разгар антиполпотовской борьбы в декабре 1978 г. на учредительном съезде Единого фронта национального спасения Кампучии (ЕФНСК) — массовой общественно-политической организации, которая объединила в своих рядах представителей всех слоев и социальных групп кампучийского общества и возглавила сначала общенациональную борьбу за свержение полпотовского режима, а затем и процесс национального возрождения Кампучии.

В программе фронта в области внутренней политики ставилась задача провести всеобщие выборы в Национальное собрание, реорганизовать органы власти на всех уровнях, выработать новую конституцию, гарантирующую права народа на подлинное равенство, свободу и демократию, ввести законодательство независимого и демократического государства, идущего по пути строительства социализма. Особо подчеркивалась необходимость создания революционных массовых организаций, которые примыкали бы к ЕФНСК¹.

В социально-экономическом разделе программы определялась главная задача экономического развития страны — создание новой экономики, служащей интересам народа, экономики плановой, имеющей рынки и отвечающей потребностям прогресса общества. Особо подчеркивалась необходимость поднять жизненный уровень населения².

В разделе программы, посвященном культурному строительству, ставилась задача ликвидировать реакционную культурную политику клики национальных предателей, создать новую национальную, народную культуру, ликвидировать неграмотность, развивать народное просвещение, строить общеобразовательные школы, высшие учебные заведения и специальные средние школы, по назначению использовать ученых, техников, деятелей культуры и искусства³.

Во внешнеполитическом разделе программы были сформулированы

¹ См.: Декларация Единого фронта национального спасения Кампучии. Пномпень, 1979, с. 6. С 27 июня 1981 г. ЕФНСК переименован в Единый фронт национального строительства и защиты Кампучии (ЕФНСЗК).

² См. там же, с. 7—8.

³ См. там же, с. 8—9.

основные принципы внешней политики Кампучии: «Проводить внешнюю политику мира, дружбы и неприсоединения в отношениях со всеми странами, урегулировать все разногласия с соседними странами путем переговоров, восстановить отношения дружбы и сотрудничества со всеми странами Юго-Восточной Азии»⁴.

Программа фронта отвечала коренным интересам кампучийского народа. На ее базе сплотились силы, боровшиеся за свержение полпотовского режима и за национальное возрождение страны. Особое значение имеет то обстоятельство, что впервые в истории национально-освободительного движения в Кампучии в программе общенационального фронта строительство нового государства определялось как «развитие по пути к социализму». Таким образом, идеи научного социализма, за которые боролись кампучийские коммунисты, стали основой строительства новой жизни в стране.

После январской победы программа ЕФНСК определила социально-политическое развитие Кампучии. Многие ее положения, в частности о стратегической цели кампучийского государства — строительстве основ социализма в стране, положения из социально-экономического и культурного разделов о плановой экономике, о создании национальной народной культуры, органически вошли в программу развития страны, принятую IV съездом Народно-революционной партии Кампучии, состоявшимся в мае 1981 г. Главные пункты политического раздела программы были в основном осуществлены в течение 1979—1981 гг. Длительность и сложный характер выполнения многих положений программы, принятой в 1978 г., связаны с тем, что слишком тяжелым было как социально-экономическое, так и политическое положение молодой республики.

Полпотовский режим оставил полностью разрушенное народное хозяйство. Экономика пришла в упадок, хаос охватил всю совокупность социально-экономических и политических связей, скреплявших страну. Большею частью промышленных предприятий, электростанций, всей инфраструктуры практически не существовало. В некоторых районах Кампучии, особенно на юго-востоке (по Меконгу и далее к вьетнамско-кампучийской границе), почти не осталось населения, оно было либо уничтожено, либо изгнано в период полпотовского правления. Пномпень и другие города страны были опустошены, а их население переведено в сельскую местность. Были уничтожены довольно развитые в 60-е годы системы здравоохранения и образования. Не хватало квалифицированных специалистов практически во всех отраслях народного хозяйства⁵. Но, как указывал Председатель народно-революционного совета Кампучии Хенг Самрин в своем интервью кампучийскому информационному агентству СПК, «самое страшное преступление, совершенное ими (полпотовцами. — Д. М.), — это уничтожение более трех миллионов человек, то есть уничтожение основной производительной силы страны. Оставшиеся в живых доведены до полного истощения, страдают серьезными болезнями»⁶. Обстановка в стране осложнялась и тем, что в некоторых районах еще активно действовали остатки полпотовских войск.

Положение с продовольствием стало к этому времени критическим. Большая часть запасов риса была уничтожена полпотовцами во время их бегства. Большинство ирригационных и мелноративных систем пришло в полную негодность, насосные станции не работали, каналы, подводящие воду к полям, разрушились. Над страной нависла угроза голода.

⁴ Там же, с. 9—10.

⁵ См.: Интервью президента Хенг Самрина агентству СПК по случаю начала нового, 1980/81 учебного года. Пномпень, 1980, с. 5.

⁶ Там же, с. 1.

В этих условиях программа фронта осуществлялась поэтапно. Сначала главный упор в политике ЕФНСК и созданного вскоре после января 1979 г. Народно-революционного совета Кампучии (НРСК) был сделан на проведение в жизнь тех положений программы, которые были направлены на создание в стране предпосылок для национального восстановления и обновления. Это такие первоочередные задачи, как создание национальной армии защиты революции, ликвидация полпотовских баз в центральных районах и на западе страны, стабилизация общего военно-политического положения, образование органов государственной власти и распространение их деятельности на все провинции Кампучии, воссоздание основ национальной экономики, ликвидация угрозы голода.

Основные силы полпотовцев были разгромлены, однако вплоть до середины 1979 г. они продолжали контролировать некоторые районы в центральных, южных и западных провинциях Кампучии, всячески противодействовали осуществлению мероприятий народной власти. В этой ситуации необходимо было в кратчайшие сроки создать костяк национальной армии Кампучии, которая смогла бы совместно с вьетнамскими добровольческими частями защищать завоевания революции, жизнь и безопасность граждан от прожорливых врагов молодой республики.

Проблемы создания национальной армии были обсуждены в апреле 1979 г. на совещании в Пномпене, в работе которого приняли участие практически все командиры боевых частей создававшейся Народно-освободительной армии Кампучии. На конференции обсуждались первоочередные задачи военного строительства в НРК, создания армии защиты революции⁷. Эта армия, подчеркивалось на конференции, должна состоять из трех родов войск (сухопутные, ВВС и ВМС), действовать в тесной связи с народом и быть способной пресечь любые происки врагов революции.

Другой важный вопрос конференции — создание групп самообороны в деревнях и поселках. Выступавшие подчеркивали, что в сельской местности «с первых же дней после освобождения возникло широкое народное движение в защиту завоеваний революции, против вооруженных банд полпотовцев. Это движение необходимо поддержать всеми силами». На конференции отмечалось также, что борьба с полпотовскими бандами должна вестись по нескольким направлениям. Кроме вооруженной борьбы, необходимо «проводить разъяснительную работу среди солдат противника, привлекать их на сторону народа». Участники конференции сделали вывод, что, «хотя противник еще не сложил оружия и продолжает вооруженные действия в различных районах страны, кампучийская революция неуклонно укрепляет свои позиции»⁸.

Военная конференция в Пномпене была проведена накануне решительного наступления на полпотовские базы, начавшегося в конце марта — начале апреля 1979 г. В ходе наступления была ликвидирована основная масса полпотовских войск, уцелевших в январе 1979 г. С января по июль 1979 г. было выведено из строя — убито, ранено и взято в плен — около 42 тыс. полпотовцев. Более 10 тыс. солдат добровольно сдались властям НРК⁹. С середины 1979 г. военные действия на большей части территории Кампучии практически прекратились, лишь в довольно ограниченном районе на западе страны, близ тайландской границы, остатки полпотовских войск еще продолжали свои вооруженные акции.

Создание государственно-политической структуры НРК

Общая стабилизация военно-политического положения дала возможность обеспечить широкое создание по всей территории республики ор-

⁷ См.: «Кампучия», № 7 (апрель 1979).

⁸ Там же.

⁹ См.: «Красная звезда», 4.1.1980.

ганов государственной власти. «ЕФНСК и НРСК ставят задачу в кратчайшие сроки организовать во всех городах и в селах народные комитеты самоуправления как низшую ступень государственно-политической структуры страны,— писала газета «Кампучия». — Задачи этих органов власти состоят в том, чтобы эффективно осуществлять на всех уровнях решения руководящих органов страны»¹⁰.

Создавая народные комитеты самоуправления, революционная власть получала возможность эффективно действовать по всей стране, претворять в жизнь принимаемые решения, контролировать положение в различных районах. Создание органов государственной власти всех ступеней было особенно необходимым для начала процесса национального возрождения, для организации народа на борьбу с голодом и разрухой. В своей передовой статье, посвященной задачам строительства основ государственной власти, газета «Кампучия» писала: «Укрепление государственной власти в Народной Республике Кампучии надо начинать с местных органов власти, ибо именно они прежде всего доносят до населения основные положения политического курса, который проводят ЕФНСК и НРСК. Местные органы власти придают народному движению организованность и дисциплину, привлекают подлинных друзей народа к сотрудничеству в выполнении революционной политики и курса»¹¹.

Однако трудное социально-экономическое и политическое положение страны не дало в то время возможности одновременно по всей Кампучии провести выборы в местные органы власти. Они проводились в различных районах в разное время по мере стабилизации положения в них. В 1979—1980 гг. политико-административная структура страны выглядела так: правительство — Народно-революционный совет Кампучии, в провинциях — народно-революционные комитеты, в уездах — народные комитеты, в деревнях и на городских предприятиях — народные комитеты самоуправления. Руководители среднего и высшего звена административных органов назначались из числа преданных революции людей, ветеранов антиимпериалистической и антиполотовской борьбы.

Крупным событием в политической жизни страны явился II съезд ЕФНСК, состоявшийся в Пномпене в конце сентября 1979 г. В работе съезда приняли участие более 500 делегатов, представлявших все провинции страны.

Выступивший на съезде тов. Хенг Самрин подчеркнул, что главным итогом деятельности ЕФНСК после его первого съезда, проходившего в условиях общенационального восстания в конце 1978 г., явился полный разгром и ликвидация кровавого полпотовского режима, уничтожение баз полпотовцев во многих районах страны. За период национального возрождения значительно вырос авторитет как ЕФНСК, так и массовых профсоюзных, крестьянских, женских, молодежных общественных организаций, примыкающих к фронту. Эти организации составили основу общественно-политической структуры НРК. В настоящее время перед республикой стоят многотрудные проблемы национального возрождения. Хенг Самрин отметил, что особенно важной задачей является дальнейшее укрепление сплоченности всего кампучийского народа вокруг ЕФНСК, активное участие всех граждан страны в деле национального возрождения¹².

На съезде был существенно расширен Центральный Комитет ЕФНСК. Число его членов увеличилось с 12 до 35 человек. Расширение ЦК ЕФНСК имело главной целью «опереться на возможно более широкие слои населения страны, еще более усилить роль фронта как главной общенациональной политической организации, которая включает в себя

¹⁰ «Кампучия», № 12 (июнь 1979 г.).

¹¹ Там же, 19.II.1981.

¹² См.: Выступление председателя НРСК Хенг Самрина на II съезде ЕФНСК. Пномпень, 1979, с. 5.

представителей всех слоев и социальных групп кампучийского общества».

С конца 1980 г. по всей стране развернулась подготовка к всеобщим выборам в Национальное собрание республики. Этим выборам придавалось огромное значение. Они должны были конституировать создание высших органов государственной власти, показать отношение кампучийцев к внутренней и внешней политике, проводимой ЕФНСК и НРСК. В резолюции Народно-революционного совета Кампучии о подготовке к выборам подчеркивалось: «Всеобщие выборы подтвердят решимость нашего многонационального народа строить независимую, мирную, единую, идущую к социализму Кампучию. Они будут проведены на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. В высший орган государственной власти будут избраны истинные патриоты, искренне стремящиеся служить своему народу»¹³.

1 мая 1981 г. состоялись выборы кандидатов в депутаты Национального собрания Народной Республики Кампучии — высшего органа государственной власти в стране. В голосовании приняло участие 97,8 % зарегистрированных избирателей. В Национальное собрание было избрано 117 депутатов, среди них — руководители кампучийского государства, ЕФНСК, представители различных социальных групп кампучийского общества. В статье, посвященной итогам всеобщих выборов, газета «Кампучия» отмечала, что «выборы убедительно показали, каким доверием пользуется народная власть в стране, стали ярким свидетельством успехов, которых добился народ Кампучии за два года после освобождения. Они подтвердили правильность политического курса, проводимого революционной партией и ЕФНСК, убедительно продемонстрировали необратимость революционных перемен в Кампучии»¹⁴.

В июне 1981 г. в Пномпене начала работу первая сессия Национального собрания Народной Республики Кампучии. Перед депутатами этого высшего органа государственной власти стояла задача принять конституцию Народной Республики Кампучии и законодательно закрепить таким образом политический курс, избранный республикой, оформить систему органов государственной власти в стране.

Обсуждение проекта конституции НРК продолжалось длительное время — с первой половины 1980 г. В ходе всенародного обсуждения, широко освещавшегося в кампучийской печати, были внесены существенные поправки в первоначальный текст конституции. Они касались практически всех разделов документа и были направлены на то, чтобы как можно глубже отразить в основном законе страны реальную обстановку. Например, в социально-экономическом разделе первоначального проекта Конституции НРК указывалось, что в стране существует единственная форма собственности — общенародная¹⁵. После внесения поправок Конституция НРК провозгласила, что в основе экономического строя лежат три формы собственности: государственная, собственность групп трудовой взаимопомощи, семейная собственность. В этот же раздел было введено положение о том, что «государство всячески поддерживает мелкое производство и ремесленников». Наряду с этим в конституции говорится, что «государство развивает промышленное и сельскохозяйственное производство, торговлю и инфраструктуру»¹⁶.

В политическом разделе Конституции НРК указывается: «Политический курс НРК — независимость, мир и счастье народа, строительство подлинного социализма». Таким образом, законодательно закрепляется стратегическая линия развития Кампучии. Здесь же подчеркивается, что «вся власть в НРК принадлежит народу». Особо выделено в этом разделе положение о том, что «партия является руководящей и направляю-

¹³ Резолюция НРСК о подготовке к выборам. Пномпень, 1980.

¹⁴ «Кампучия», 6.VI.1981.

¹⁵ См.: Проект Конституции НРК. Пномпень, 1980, с. 5.

¹⁶ Конституция НРК. Пномпень, 1981, с. 4.

щей силой кампучийского общества». В конституции отмечается, что все граждане Кампучии, независимо от их национальной принадлежности, имеют равные права. Важным дополнением, внесенным в политический раздел конституции в ходе обсуждения, явилось положение о том, что «граждане НРК должны активно участвовать в политической, социальной, экономической и культурной жизни страны, могут представлять в государственные органы свои предложения по проблемам, касающимся политики государства и жизни страны».

В документе закрепляются основные положения внешней политики, направленной на укрепление дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, Вьетнамом, Лаосом, другими странами социалистического содружества. На международной арене НРК проводит политику неприсоединения и мира, имеющую целью установление отношений стабильности и добрососедства со всеми странами, подчеркивается в конституции.

Принятие конституции — основного закона НРК — стало завершающим этапом в создании государственной структуры, определении функций органов народной власти, прав и обязанностей граждан страны.

Параллельно с государственным шел и процесс партийного строительства. Для успешного восстановления страны, защиты завоеваний революции в Кампучии необходимо было в кратчайшие сроки возродить на подлинно марксистско-ленинских основах партию кампучийских коммунистов как ведущую силу общества. Ведь с начала 60-х годов, когда Пол Пот и его единомышленники захватили важные позиции в Коммунистической партии Кампучии, они взяли курс на физическое уничтожение коммунистов-интернационалистов — противников левацкого, экстремистского курса, который Пол Пот и его группа навязывали партии. В 1962 г. подручные Пол Пота злодейски убили Генерального секретаря ЦК партии Ту Самута, а в 1972 г. отравили старейшего кхмерского коммуниста Председателя партии Сон Нгок Миня. В полпотовских застенках были зверски замучены такие известные партийные деятели, как Кео Муни и Сиен Ан, сотни других кампучийских коммунистов. Особенно широкие чистки проводились в партии в последний период (1973—1975) национально-освободительной войны против американских империалистов и их лонноловских марионеток. В это время сотни ветеранов-коммунистов были тайно уничтожены (их исчезновение «объяснялось» отправкой на курсы переподготовки, переводом на другую работу и т. д.), а на их место Пол Пот и его группа, захватившая к этому времени контроль над партией, выдвинула людей, не имевших ни серьезной идеологической подготовки, ни необходимого опыта революционной борьбы и находившихся под идейным влиянием маонистских установок.

К январю 1979 г. лишь немногие ветераны партии остались в живых. Многие погибли в результате полпотовского террора, в длительной и тяжелой борьбе за свержение полпотовщины.

5—8 января 1979 г. в одном из освобожденных районов страны состоялся III съезд партии¹⁷. В его работе участвовало 66 делегатов. На съезде была образована комиссия партийного строительства, которая позже была преобразована в Центральный Комитет. На съезде был принят временный устав партии, поставлена задача восстановления и расширения партийных рядов. Участники съезда разоблачили реакционную сущность полпотовского режима, одобрили программу борьбы за его ликвидацию и национальное возрождение¹⁸.

В течение 1979—1980 гг. официально о существовании партии не объявлялось. Сначала надо было ее воссоздать и укрепить на марксистско-ленинских позициях, создать сеть первичных партийных организаций, расширить ее социальную базу и кадровый состав из числа преданных делу революции людей. За два года напряженной работы были достиг-

¹⁷ См.: «Правда», 28.V.1981.

¹⁸ См.: История Кампучии. Краткий очерк. М., 1981, с. 233

нуты значительные успехи в партийном строительстве, что позволило в начале 1981 г. начать подготовку к IV съезду партии, который и состоялся 26—29 мая 1981 г.

На съезде, в котором участвовало 162 делегата, был дан глубокий анализ политического положения в стране, определены задачи национального строительства. Делегаты съезда одобрили предложение ЦК о возвращении партии ее прежнего названия — Народно-революционная партия Кампучии (НРПК). На отчетном докладе ЦК съезду указывалось: «Одна из главных задач съезда — укрепление партии в политическом, идеологическом и организационном отношении, ее сплоченности и единства... упрочение солидарности с международным рабочим движением»¹⁹. Место партии в обществе определялось следующим образом: «В кампучийском обществе НРПК осуществляет руководство, вырабатывает политический курс, контролирует подбор и расстановку кадров, мобилизует массы на выполнение решений партии и государства. Важную роль в этом играет Единый фронт национального спасения Кампучии».

При анализе социально-экономического и политического развития страны в докладе отмечалось: «Теория марксизма-ленинизма, которой руководствуется НРПК в своей практической деятельности, является основой достигнутых успехов». Партия сумела верно оценить внутреннюю и международную обстановку, выработать правильный политический курс, постоянно учитывая в своей деятельности опыт революционной борьбы братских стран.

Исходя из принципов марксизма-ленинизма, социально-экономических особенностей Кампучии и опыта мирового революционного движения НРПК поставила на нынешнем этапе революции задачу надежной защиты и укрепления независимости страны, постепенного перехода к социализму. Переход к социализму должен осуществляться постепенно, в соответствии с социально-экономическими условиями страны, без субъактивизма и волюнтаризма.

На съезде были определены стратегические задачи социально-экономического строительства в Кампучии. Необходимо, подчеркивалось в отчетном докладе ЦК, иметь достаточное количество продовольствия, увеличить выпуск товаров широкого потребления, развивать экспорт и товарообмен с социалистическими странами, что в конечном итоге послужит дальнейшей нормализации и улучшению условий жизни трудящихся. В этих целях надо совершенствовать систему государственного управления, наладить правильное руководство экономикой, улучшить качество подготовки кадров, увеличить число квалифицированных специалистов во всех областях народного хозяйства страны.

Развернутая программа строительства основ социализма, утвержденная съездом, документы, принятые в ходе его работы, убедительно демонстрируют то обстоятельство, что опыт международного коммунистического и рабочего движения оказывает все большее влияние на выработку основных положений внешней и внутренней политики НРК. «Отныне, — говорилось в отчетном докладе ЦК, — мы будем строить социалистическое общество на основе принципов подлинного марксизма-ленинизма... Это единственный путь к национальному и социальному освобождению, построению счастливой и процветающей жизни для народа, надежной защиты национальной независимости»²⁰.

Как отмечал Генеральный секретарь ЦК НРПК, Председатель Государственного совета НРК Хенг Самрин, «НРПК является подлинной марксистско-ленинской партией, и ее основные цели на нынешнем этапе развития кампучийской революции заключаются в защите независимости, строительстве основ социалистического общества в Кампучии»²¹.

¹⁹ Цит. по: «Правда», 28.V.1981.

²⁰ Цит. по: «Советская Россия», 10.VII.1981.

²¹ Цит. по: «Правда», 30.VI.1982.

Экономическое возрождение

В деле экономического восстановления страны был взят стратегический курс на опережающее восстановление и развитие сельскохозяйственного производства. Ставилась задача в кратчайшие сроки ликвидировать угрозу массового голода, добиться полного самообеспечения страны продовольствием, а затем приступить к экспорту сельскохозяйственной продукции. Восстановление промышленности должно было быть тесно увязано с нуждами сельского хозяйства. Такой план экономического развития давал возможность Кампучии получить необходимый ей источник валютных поступлений, а затем и средств для развития национальной промышленности.

В 60-е годы посевные площади под рисом в Кампучии составляли в среднем около 2,5 млн. га, а сбор риса — 2,2—2,5 млн. т, из которых 0,5 млн. т ежегодно экспортировалось²². В 1979 г. положение в сельском хозяйстве республики сложилось крайне тяжелое. Рисом было засеяно лишь 0,5 млн. га, с которых было собрано примерно 0,8 млн. т риса. В деревне ощущался острый недостаток сельскохозяйственного инвентаря, удобрений, тяглового скота. Положение усугублялось еще и тем, что страна лишилась запасов посевного материала.

В этот тяжелейший момент на помощь Народной Кампучии пришли Советский Союз, Вьетнам, другие социалистические страны, а также ряд международных организаций, действующих под эгидой ООН. В 1979 г. СССР предоставил Кампучии общую помощь на сумму 134 млн. долл., в том числе 112 тыс. т продовольствия, 130 тыс. т топлива, 8 млн. м ткани. В страну прибыли первые советские специалисты²³.

Эта помощь во многом помогла преодолеть основные трудности периода национального возрождения. Важную роль в этом сыграла и внутренняя политика НРПК и НРСК. Учитывая чрезвычайно сложную обстановку в деревне, Народно-революционный совет Кампучии принял решение оставить крестьянам весь рис в тех местах, где его удалось посадить, а остальные районы снабжать из государственных запасов, то есть главным образом за счет международной помощи. В обстановке, сложившейся в стране, такое решение имело большое политическое и экономическое значение. Оно, во-первых, укрепляло веру крестьян в новую власть, а во-вторых, создавало условия, при которых значительные районы страны смогли сами себя обеспечить как продовольствием, так и посевным материалом.

Уже в феврале — марте 1979 г. по всей Кампучии началось формирование групп трудовой взаимопомощи крестьян, называвшихся «группами солидарности в борьбе за увеличение продукции». Они стали главной формой организации крестьянского труда. Создание этих групп происходило только на добровольной основе²⁴. Цель их образования состояла в том, чтобы объединить разрозненные крестьянские хозяйства, организовать регулярную взаимопомощь и взаимовыручку среди крестьян. В 1979 г. в каждую группу трудовой взаимопомощи входило обычно 20—25 семей. В 1980 г. они были разукрупнены — в группу стало входить от 10 до 15 семей. Всего к этому времени в стране насчитывалось более 50 тыс. групп трудовой взаимопомощи. Каждая группа представляла собой первичную форму производственно-сбытовой кооперации. Руководство Кампучии ориентировало группу трудовой взаимопомощи на недопустимость уравниловки и необходимость распределения по труду. Однако угроза голода, неспособность многих людей к интенсивному труду из-за болезней и голода вынуждали временно придерживаться дифференцированной системы распределения. Членам группы, интенсивно ра-

²² См.: Г. Г. Сочевко. Современная Камбоджа (1941—1965). М., 1967, с. 85—91.

²³ См.: «Проблемы мира и социализма», 1980, № 10, с. 74.

²⁴ См.: «Кампучия», 5.11.1981.

ботавшим на полях, за смену числялся 1 трудодень. Тем, кто работал на полях неполный рабочий день, числялись по 0,7—0,8 трудодня, а те, кто совсем не мог работать, получали 0,5 трудодня. Распределение урожая риса происходило на общих собраниях всех членов групп трудовой взаимопомощи. В тех районах страны, где урожаем 1979 г. был невелик, происходило уравнильное распределение. Цель этого шага состояла в том, чтобы прокормить максимально большее число людей. В более благополучных районах часть урожая распределялась по трудодням, а часть — уравнильно.

Обрабатываемые площади находились в коллективном владении всех членов группы, однако скот и инвентарь не были обобществлены и находились главным образом у отдельных хозяев. В то же время каждой крестьянской семье было разрешено получить в свое пользование участок земли площадью не более 2500 м². Здесь крестьяне могли вести подсобное хозяйство, получать дополнительные продукты.

В 1979 г. был осуществлен еще целый ряд мер, направленных на развитие сельскохозяйственного производства. В стране были созданы специализированные сельскохозяйственные службы: распределения посевного фонда и орудий труда, ирригации, служба пропаганды, задача которой состояла в распространении новых сортов риса, прогрессивных агротехнических приемов. В столице были открыты курсы подготовки специалистов сельского хозяйства.

Меры, принятые народной властью, и самоотверженный труд крестьян привели к тому, что положение в кампучийском сельском хозяйстве стало постепенно меняться к лучшему.

1980 г. явился переломным в деле экономического возрождения. Восстановление страны развернулось широким фронтом и охватило практически все сферы общественной жизни. В кампучийской печати указывалось: «В 1980 г. наш народ работал, не щадя своих сил. Благодаря этому удалось решить многие ключевые вопросы в развитии и восстановлении национальной экономики, повысить эффективность сельскохозяйственного производства, поднять уровень обеспечения страны продовольствием, создать необходимые запасы на 1981 г.»²⁵

Особенно большой шаг вперед сделало сельское хозяйство — главная отрасль кампучийской экономики. Более чем в два раза увеличилась площадь обрабатываемых земель — она достигла 1,5 млн. га. Урожай риса также вырос более чем вдвое и составил 1,6 млн. т. Расширились площади под дополнительными, как их называют кампучийцы, культурами — кукурузой, бататом, маниоккой, а также под техническими. Значительно выросла урожайность риса. Это было связано в первую очередь с тем, что группы трудовой взаимопомощи окрепли, получили в свое распоряжение сельскохозяйственный инвентарь, минеральные удобрения, необходимые посевные фонды риса.

Постепенно возрождалась и кампучийская промышленность. Несмотря на нехватку сырья, серьезный износ значительной части оборудования, промышленные предприятия одно за другим вступали в строй. Проводилась широкая реорганизация производства: многие предприятия, которые раньше работали на импортированном сырье, переходили на местные, другие, выпускавшие прежде предметы роскоши, переходили на выпуск товаров для народа. В редакционной статье, посвященной развитию и реорганизации промышленного производства, газета «Кампучия» писала: «Наша национальная промышленность должна в первую очередь быть теснейшим образом связана с сельским хозяйством, перерабатывать производимую им продукцию и обеспечивать его необходимой техникой. Она должна ориентироваться главным образом на отечественное сырье. Под правильным руководством НРСК, с помощью братских социалистических стран наши инженеры и рабочие, преодолев огромные

²⁵ «Кампучия», 26.II.1981.

трудности, сумели восстановить базу для промышленного и ремесленного производства»²⁶. К 1981 г. только в Пномпене работало 7 предприятий тяжелой промышленности, 3 электростанции, 32 предприятия производили изделия легкой промышленности, 10 — пищевой. В городе функционировало также 9 химических предприятий. Всего же насчитывалось 50 заводов и фабрик с числом рабочих более 100 человек.

Кроме столицы, национальная промышленность развивается и в других городах и провинциях страны. Среди наиболее крупных предприятий, расположенных вне Пномпеня, следует отметить текстильные фабрики в провинциях Кампонгчам и Баттамбанг. Наряду с этими предприятиями существуют сотни ремесленных мастерских, которые обслуживают промышленное производство, сельское хозяйство и повседневную жизнь людей. Всего же в промышленности и ремесленном производстве в стране было занято 25 тыс. человек²⁷.

В 1980 г. национальная промышленность значительно увеличила выпуск продукции, произвела около 3 млн. м ткани, 13 тыс. шин, выпустила 500 тыс. пар обуви простейшего вида, почти 1,5 млн. бутылок молока, 3 млн. сигарет. Значительно увеличилось производство электроэнергии.

К началу 1981 г. самый тяжелый период национального восстановления Кампучии был преодолен. Подводя итоги развития страны за два года, газета «Кампучия» в своей редакционной статье писала: «Экономическое восстановление страны происходит успешно: рис был высажен на площади, превышающей полтора миллиона гектаров, что в два раза больше, чем в предыдущем году, и больше, чем первоначально планировалось. Такие важные отрасли, как рыболовство, заготовка древесины, возделывание каучуконосов, вновь возрождены к жизни. Это открывает широкие перспективы для дальнейшего развития экономики. В стране введено денежное обращение, работают банки, происходит интенсивный товарный обмен. Вновь действуют и важные предприятия, которые призваны удовлетворять потребности народа. Более миллиона детей учатся, начата борьба с неграмотностью и среди взрослых. В целом материальный уровень жизни людей непрерывно возрастает».

Касаясь государственного строительства, газета отмечала: «За прошедшее время произошло укрепление и развитие государственно-революционной власти на всех уровнях. Пополнились и еще более сплотились ряды наших кадровых работников, которые работают ныне с большей эффективностью, все более преданны осуществлению политических целей нашей революции. Каждая наша победа доказывает, что мы идем по правильному пути»²⁸.

Укрепление молодой республики

В 1981—1983 гг. политическое и социально-экономическое развитие Народной Республики Кампучия продолжалось. Как и предусматривалось решениями IV съезда НРПК, существенно возрос экономический потенциал страны, опережающими темпами развивалось сельскохозяйственное производство. Повысился уровень жизни населения. В сельскохозяйственном сезоне 1982 г. площадь обрабатываемых земель в Кампучии возросла по сравнению с 1981 г. почти на 200 тыс. га и составляла 1,8 млн. га в сезон дождей и более 40 тыс. — в сухой сезон. Существенно расширились площади и под другими культурами. Так, кукурузой засеяно почти 10 тыс. га, бобовыми — около 40 тыс. га, 10 тыс. га отведено под табак. Постоянно возрастает производство продукции животноводства. поголовье крупного рогатого скота увеличилось за год на 120 тыс. единиц. Общий улов рыбы доведен до 70 тыс. т. На состоявшемся в апреле 1983 г. совещании работников сельского хозяйства под-

²⁶ «Кампучия», 26.II.1981.

²⁷ См. там же.

²⁸ Там же, 1.I.1981.

черкивалось, что «страна вплотную подошла к самообеспечению продовольствием. Таким образом, сделан важный шаг на пути решения задач, поставленных IV съездом НРПК»²⁹. Вместе с тем участники совещания отмечали, что для ускорения развития сельского хозяйства необходимо решить важную задачу создания прочной материально-технической базы, ускорить введение в оборот новых площадей, интенсифицировать работу во всех звеньях сельскохозяйственного производства³⁰.

На сегодняшний день главным экспортным продуктом страны стал высококачественный каучук, производство которого постепенно возрастает на восстанавливаемых плантациях. Их площадь достигла уже 12 тыс. га. Здесь трудятся 10 тыс. человек. Набирает мощности и восстановленный завод по переработке латекса. В 1982 г. он выпустил почти 8 тыс. т продукции. Первые партии каучука уже отправлены за рубеж.

В 1981—1983 гг. кампучийская промышленность в соответствии с решениями IV съезда НРПК главный упор в своем развитии сделала на восстановлении прежде всего тех предприятий, которые могли работать на отечественном сырье и обеспечивать самые насущные потребности населения. Например, на крупнейшей ткацкой фабрике в Пномпене был реконструирован станочный парк, расширены производственные помещения. Число работников этого предприятия достигло 700 человек. Продолжалось восстановление и развитие предприятий, связанных с сельскохозяйственным производством, переработкой сырья. Особое значение имела реконструкция пномпеньского механического завода, который снабжает крестьянские кооперативы насосами, запасными деталями к ним, другим ирригационным оборудованием. В целом промышленное производство в стране по сравнению с 1979 г. к концу 1983 г. возросло в 18 раз.

Однако целый ряд пока еще не решенных проблем существенно замедляет темпы развития национальной промышленности. Это в первую очередь слабость энергетической базы, нехватка квалифицированных кадров, необходимость обновления большей части технологического оборудования.

Большого размаха достигло дорожное строительство. В стране была принята широкая программа строительства и реконструкции автомобильных дорог, всей инфраструктуры. В рамках ее выполнения в 1982 г. восстановлено 150 км автодорог, в том числе такой важной магистрали, как Пномпень — город-порт Компонгсаом.

Особенно существенных успехов Народная Республика Кампучия достигла в развитии системы здравоохранения и народного образования. Если в первый год после установления народной власти за парты смогли сесть около миллиона детей, то в 1983/84 учебном году число учащихся возросло почти вдвое и достигло одного миллиона 840 тыс. человек. Такого числа учащихся Кампучия еще никогда не знала. По-прежнему активно проводится в стране кампания по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. После победы народной революции научились читать и писать около 600 тыс. кампучийцев. В текущем учебном году их число превысит 700 тыс. человек. Таким образом Кампучия быстро идет к решению одной из главных задач национального восстановления — полной ликвидации неграмотности в стране. В ближайшие годы тысячи всесторонне подготовленных специалистов пополнят ее народное хозяйство.

Убедительным свидетельством дальнейшей стабилизации внутреннего положения в стране, поддержки народом политики правительства НРК явился вывод контингента вьетнамских добровольческих войск из Кампучии в мае 1983 г. В заявлении министерства национальной оборо-

²⁹ «Кампучия», 7.IV.1983.

³⁰ См. там же.

ны Кампучии, посвященном этому событию, указывалось, что «ныне позиции кампучийской революции, как никогда, крепки и прочны. Именно поэтому правительства НРК и СРВ приступили к выводу контингента вьетнамских добровольцев. Особо важное значение имеет дальнейшее укрепление Народно-революционной армии Кампучии, которая добивается новых успехов в защите завоеваний революции, ликвидации остатков полпотовских банд, других группировок кхмерских реакционеров. Большие победы бойцы НРАК одержали в ходе операций сухого сезона 1983 г. по очистке приграничных районов ряда провинций от полпотовцев и других контрреволюционеров, которые были подготовлены и вооружены в Таиланде американским оружием».

Оценивая достижения Кампучии, необходимо учитывать, что враги НРК не сложили оружия и на протяжении всех лет существования республики ведут против нее подрывные действия как внутри страны, так и на международной арене. Путем массированных идеологических и политических атак, военных провокаций на кампучийско-тайландской границе американские империалисты, силы международной реакции всячески пытаются остановить развитие кампучийской революции, вновь вернуть в страну полпотовцев, других кхмерских контрреволюционеров.

Однако все эти происки терпят провал. Народная Кампучия уверенно идет по пути строительства нового общества.

Военная политика Я. Накасонэ

В. Н. БУНИН,
кандидат исторических наук

В последнее время в Японии заметно ускорились темпы военных приготовлений, что не без основания связывается с вступлением 24 ноября 1982 г. на пост премьер-министра председателя правящей Либерально-демократической партии (ЛДП) Ясухино Накасонэ, известного своими воинственными убеждениями.

Конкретным выражением форсированного наращивания «сил самообороны» является вступившая с 1 апреля 1983 г. в стадию реализации 6-й пятилетняя программа строительства вооруженных сил Японии на 1983—1987 гг., составляющая важное звено в военном курсе правящих кругов страны, который осуществляется в рамках азиатско-тихоокеанской стратегии США.

Программа имеет целью в первую очередь завершение качественной модернизации японской армии, полное достижение количественных показателей уровней вооруженных сил, установленных перспективным планом 1976 г., разработку новой военной политики и удовлетворение требований Пентагона о значительном увеличении боевых мощностей с целью расширения сферы действия военно-морского флота и авиации по совместной охране военными средствами океанских коммуникаций Японии и США на удалении 1000 морских миль от японских берегов, что еще глубже вовлекает страну в систему коллективной обороны, запрещенной японской конституцией. По оценке японских специалистов, программа знаменует собой «крутой поворот в военной политике Японии», означающий, что страна прочно стала на путь военной державы¹.

Характеризуя военно-политическую ситуацию в регионе Дальнего Востока, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко указал, что в последнее время руководство Японии «берет крен в сторону наращивания военного потенциала, активизирует милитаристские тенденции в стране, подключается к глобальной стратегии конфронтации, навязываемой Вашингтоном. В Японии,— сказал А. А. Громыко,— явно не перевелись деятели, которые тоскуют по былому, а оно не раз приносило беды японскому народу»².

После избрания Я. Накасонэ главой правительства все средства массовой информации Японии сразу же отметили повышение на токийской бирже акций предприятий тяжелой промышленности, электроники и других отраслей, работающих на оборону, поскольку новый премьер активно поддерживает позиции «ястребов» в области военного производства. Газета промышленно-экономических кругов «Нихон кэйдзай» незадолго до прихода Накасонэ к власти поместила его заявление, в котором было подчеркнуто, что стержень внешней политики

¹ Ип: "Mainichi Daily News", July 24, 1982.

² А. А. Громыко. О международном положении и внешней политике Советского Союза. — «Правда», 17.VI.1983.

Японии должны составлять отношения с США, в основе которых лежит «договор безопасности». Нам следует, сказал Накасонэ, развивать военную стратегию с учетом специфических особенностей страны, являющейся островным государством, а также последних достижений военной техники и военно-тактических концепций³.

И если деловые круги Японии, связанные с Управлением национальной обороны, восторженно приветствовали вступление в должность нового премьер-министра страны, то левые партии и демократические силы, напротив, крайне негативно реагировали на избрание Я. Накасонэ, назвав его кабинет самым реакционным из всех правительств послевоенной японской истории.

Социалистическая партия Японии высказала предостережение в отношении будущего человека, прославившийся в прошлом своими «реакционными милитаристскими заявлениями». Председатель секретариата ЦК Коммунистической партии М. Канэко, характеризуя новый кабинет министров, указал на «неизбежность дальнейшего обострения противоречий между правительством во главе с Накасонэ и народом, поскольку премьер является активным сторонником пересмотра конституции, поддерживает тесные связи с правыми деятелями и лично пропагандирует реакционную идеологию»⁴. Выражая озабоченность по поводу «ястребиного» курса Я. Накасонэ, левые силы акцентировали внимание на том, что он ревностно выступает за реформу основного закона страны и наращивание вооружений. Как показали практические действия кабинета Накасонэ в 1983 г., правильность оценки представителей оппозиции подтвердилась.

Как отмечают многие японские исследователи, милитаристские убеждения Я. Накасонэ формировались накануне и в период второй мировой войны. Окончив в апреле 1941 г. юридический факультет Токийского университета, когда в стране всю полноту власти практически захватили военные и монархистская бюрократия, он поступил на работу в министерство внутренних дел. Однако вскоре перешел на службу в военно-морские силы императорской армии, где получил звание лейтенанта интендантской службы и до конца войны ведал материально-техническим снабжением флотских частей. В 1945 г., после разгрома японского милитаризма, закончил службу на флоте в чине капитана третьего ранга и стал вновь работать в министерстве внутренних дел, дослужившись до чина инспектора Токийского полицейского управления.

Послевоенные идеи Накасонэ, как отмечают японские источники, выразались в оправдании агрессивной войны, развязанной японской военщиной в Восточной Азии и на Тихом океане, в требованиях пересмотра антивоенной конституции 1947 г., которая в толковании Накасонэ была навязана Японии союзными державами, в стремлении восстановить императорскую систему, ввести всеобщую воинскую повинность и устранить все ограничения для создания самостоятельной мощной армии. В декабре 1946 г. он оставил службу в полиции, вернулся на родину в префектуру Гумма и основал там организацию «Сэйун» («когарту голубого облака»), с помощью которой насаждал реакционные идеи среди молодежи, воспитывая ее в антидемократическом и антикоммунистическом духе.

В сентябре 1955 г., когда Накасонэ занимался политической деятельностью, став депутатом парламента от правящей партии, вышла в свет его книга «Основные особенности самостоятельной конституции», в которой был изложен составленный им вариант проекта основного закона страны. Предложенная им версия пересмотренной

³ См.: «Нихон кэйдзай симбун», 18.XI.1982.

⁴ «Акахата», 25.XI.1982.

конституции фактически аннулировала ограниченные демократические свободы, завоеванные японским народом после краха милитаристской Японии, провозглашала отмену антивоенной 9-й статьи и восстанавливала в стране монархическую систему, которая явилась основой тотальной милитаризации страны накануне и в ходе второй мировой войны. Автор книги, в частности, писал: «Я считаю, что во имя будущей безопасности нашего государства необходимо с согласия народа принять новую самостоятельную конституцию и ввести положение о всеобщей воинской повинности. В новой конституции не должно оставаться места для всякого рода недомолвок относительно вооружения страны и всеобщей воинской повинности»⁵. Проект наделял премьер-министра страны полномочиями объявлять от имени императора войну и вводить в сражение вооруженные силы за спиной японского народа и без одобрения парламента, деятельность которого в случае объявления чрезвычайного положения приостанавливалась.

Реакционные концепции, изложенные Накасонэ в указанной книге, как констатирует японская прогрессивная печать, по сути, были аналогичны тем идеям, которые зафиксированы в программе пересмотра конституции, опубликованной в ноябре 1954 г. специальной комиссией по изучению конституции при штабе Либеральной партии под председательством бывшего премьера Н. Киси, по сей день возглавляющего парламентскую Лигу за самостоятельную конституцию (Дзисю кэмпо гинн домэй)⁶.

Идея конституционной реформы была закреплена Накасонэ в сочиненной им в 1956 г. в соавторстве с композитором Акимото, ярым сторонником императорского милитаристского режима, песне «Пересмотр конституции». В этом реваншистском гимне есть такие строки: «Мы в новой конституции страны должны патриотизм считать законом... И наш девиз запишем: никогда не отставать от ядерного века»⁷.

В последующем, занимая различные посты в правящей партии и правительстве, Накасонэ как поборник возрождающихся в Японии националистических тенденций неуклонно выступал за аннулирование 9-й статьи конституции и за наращивание военного потенциала страны. В сентябре 1968 г., будучи министром транспорта, он выступил с лекцией, в которой недвусмысленно дал понять, что к японо-американскому «договору безопасности» следует подходить гибко, с учетом меняющейся международной обстановки, а она может даже продиктовать необходимость пересмотра договора. Япония должна прилагать усилия к тому, сказал Накасонэ, чтобы безопасность страны не зависела целиком от Соединенных Штатов, «мы должны обеспечить ее своими собственными силами»⁸.

13 января 1970 г. Я. Накасонэ был назначен на пост начальника Управления национальной обороны (УНО) и, как бывший офицер, ревностно принялся за количественную и качественную модернизацию японской армии. Свои прежние идеи резкого наращивания военного потенциала он попытался воплотить в 4-й программе укрепления и развития «сил самообороны» на 1972—1976 гг., потребовав на ее реализацию астрономическую сумму — 5,8 трлн. иен, в два раза превышающую затраты на предыдущие военные программы. Обсуждение проблемы финансового обеспечения новой программы в парламенте вылилось в небывало острый конфликт, а оппозиционные партии назвали предложенный проект «зловещим признаком возрождения японского милитаризма» и решительно потребовали его пересмотра. Под натиском левых сил и оппозиции ассигнования на закупку боевой техники

⁵ Цит. по: «Акахата», 10.XII.1982.

⁶ См.: «Сякай симпо», 10.XII.1982.

⁷ Там же.

⁸ «Комэй симбуя», 24.XI.1982.

после ухода Накасонэ из военного ведомства были существенно сокращены.

Я. Накасонэ, возглавлявший УНО, стал родоначальником концепции «самостоятельной обороны» (дзисю бэй), суть которой состояла в создании независимой от США японской боевой мощи, развертывании производства отечественных образцов вооружения, сокращении до минимума закупок американской боевой техники, значительном расширении сферы действия военно-морского флота и авиации далеко за пределы территориальных вод и воздушного пространства Японии⁹.

Свои теоретические взгляды Накасонэ обосновал в докладе «Оборона на тысячу миль», который также вызвал резкую критику оппозиционных сил. Хотя в то время изложенные в докладе предложения были объявлены неприемлемыми, в Японии нашлось немало ревностных сторонников этой идеи, которые выдвигали варианты расширения сферы обороны Японии вплоть до Малаккского пролива¹⁰. В дальнейшем концепция «самостоятельной обороны» была преобразована радикалами из числа «ястребов» в так называемую «политику автономной обороны» (докурицу бэй сэйсаку), которая, даже по признанию буржуазных ученых, влекла за собой создание мощной армии, далеко выходящей за рамки потребностей обороны¹¹.

Так, бывший генеральный секретарь Совета национальной обороны (СНО) Японии О. Каихара, опираясь на военных, всячески поддерживавших идею Я. Накасонэ, выступил на страницах военно-теоретического журнала «Гундзи кэнкю» с предложениями о «создании специальной армии для обороны японского архипелага» и «строительстве военно-морских сил самообороны общим водоизмещением 300 тыс. т»¹².

В настоящее время в связи с ростом в Японии националистических и милитаристских тенденций концепция Накасонэ о «самостоятельной обороне» (некоторые советские исследователи называют ее доктриной «автономной обороны») получает все большую поддержку со стороны политических деятелей, деловых кругов и ученых Японии. «Стало более заметным,— пишет советский исследователь-международник В. П. Лукин,— присутствие и активная пропагандистская деятельность на политической арене Японии приверженцев доктрины „автономной обороны“»¹³. Приход к власти автора концепции, который призывает к созданию мощных вооруженных сил, способных противостоять мнимой «советской военной угрозе», миф о которой навязывается Вашингтоном и используется правящими кругами Японии для оправдания военных приготовлений, может означать, что выдвинутая Я. Накасонэ в начале 70-х годов теория «обороны на тысячу миль», ставшая сейчас основой японской военной стратегии, получит при нем дальнейшее конкретное развитие. Не вызывает сомнения, что будет воплощена в жизнь и считавшаяся в свое время бредовой идея О. Каихара о создании крупного военно-морского флота: 6-й план укрепления и развития «сил самообороны» ставит целью довести общий тоннаж японских военных кораблей до 320 тыс. т¹⁴.

Вступление Накасонэ на пост премьер-министра было ознаменовано целым рядом «воинственных» заявлений, которые, по заключению местных обозревателей, военных и политических деятелей, свидетельствуют о кардинальном отходе правящих кругов Японии от прежней оборонительной доктрины.

⁹ См.: К. Мураками. Накасонэ росэн то 70-нэндай-но бэй (Концепция Накасонэ и оборона в 70-е годы). — «Тоё кэйдзай», 28.II.1970, с. 100—104.

¹⁰ См.: Има косо хибусо, тюрицу-о (За немедленное разоружение и нейтрали-
тет). Токно, 1980, с. 53.

¹¹ In: Report on Comprehensive National Security. Tokyo, 1980, p. 36.

¹² Има косо хибусо, тюрицу-о, с. 54.

¹³ В. П. Лукин. «Центры силы». Концепции и реальность. М., 1983, с. 115.

¹⁴ In: "Asahi Evening News", July 26, 1982.

В первой же своей программной речи 3 декабря 1982 г. Накасонэ, касаясь военной политики, заявил: «Наш основной принцип в вопросах обороны заключается в проведении совместных японо-американских мероприятий по обеспечению безопасности и в достижении высоких уровней вооруженных сил, необходимых для самообороны»¹⁵.

В каскаде своих риторических выступлений Накасонэ затронул самые животрепещущие вопросы японской военной политики: 9-ю статью конституции, наращивание военного потенциала и лимиты ассигнований на вооруженные силы. «Одной из первых акций нового премьера,— писал по этому поводу американский журнал «Уолл-стрит джорнэл»,— была критика оборонительных усилий Японии и призыв к увеличению вооруженных сил»¹⁶. Возрастание военной мощи Японии, отмечалось в статье американского журналиста, вызвало справедливые опасения у народов азиатских стран, встревоженных ростом японского милитаризма.

Японские обозреватели отметили, что воинственная риторика Накасонэ совпала по времени с принятием в декабре 1982 г. конгрессом США беспрецедентной резолюции, в которой содержался призыв к Японии ускорить свое военное строительство с таким расчетом, чтобы к 1990 г. иметь устраивающую США военную мощь. Отмечая бросающуюся в глаза хорошую скоординированность этих действий, крупнейшая японская буржуазная газета «Асахи симбун» указывала: «Вряд ли юридически законно принимать такую резолюцию, которая представляет собой акт вмешательства во внутренние дела другой страны, если у США действительно имеются намерения поддерживать с Японией в будущем здоровые межгосударственные отношения»¹⁷. Многие обозреватели не без основания указывали на то, что американский конгресс пошел на такой шаг под влиянием жесткого военного курса Накасонэ.

Премьер остался верен и антиконституционному движению. Хотя в его первой программной речи 3 декабря 1982 г. ни слова не было сказано о проблеме пересмотра основного закона страны, последующие выступления со всей очевидностью подтвердили его принадлежность к ревностным сторонникам конституционной реформы. На пресс-конференции в клубе иностранных корреспондентов в Токио 10 декабря 1982 г. Накасонэ, явно играя на национальных чувствах японского народа, сказал: «Мне хотелось бы претворять в жизнь новую конституцию, составленную нашими собственными руками»¹⁸.

13 декабря 1982 г. в своем выступлении в парламенте Накасонэ отметил, что давно выступает за внесение поправок в конституцию, которая отрицает войну, и призвал законодательный орган обсудить данную проблему в национальном масштабе. Предложив пересмотреть принцип отказа от дебатов о конституционной реформе, чтобы в будущем парламент смог осуществить ее, премьер напомнил, что правящая партия, председателем которой он является, записала в своей программе необходимость пересмотра основного закона и, естественно, по словам Накасонэ, будет добиваться этой цели, поскольку ныне действующая конституция была принята под влиянием внешних сил во время союзной оккупации Японии.

Когда же представители оппозиции, в частности депутат парламента от СПЯ К. Тарада, в интерpellациях о внесении изменений в 9-ю статью попросили премьера высказать свое отношение к данной проблеме, Накасонэ категорически отказался дать прямой ответ, заявив, что личное мнение главы государства может быть неправильно истол-

¹⁵ "Asahi Evening News", December 4, 1982.

¹⁶ Ibid., January 13, 1982.

¹⁷ «Асахи симбун», 16.XII.1982.

¹⁸ «Акахата», 11.XII.1982.

ковано¹⁹. Тем не менее в январе 1983 г. возглавляемая Накасонэ партия на своем очередном съезде вновь в еще более решительной форме сформулировала в программе ЛДП призыв к пересмотру конституции.

Вынужденные считаться с широким народным движением Японии, выступающим против антидемократических конституционных реформ, правящие круги всячески лавируют и меняют свою тактику. Стратегия консерваторов в вопросе пересмотра конституции заключается теперь в достижении согласия между правящей и оппозиционными партиями, в проведении широких дискуссий, призванных сформировать общественное мнение, опираясь на которое консерваторы смогли бы беспрепятственно пересмотреть основной закон государства, ликвидировать его антивоенные положения и этим развязать себе руки для наращивания темпов полномасштабного перевооружения Японии.

Важным фактором, который на протяжении последнего десятилетия регулировал размеры военных ассигнований, был установленный кабинетом министров Японии 5 ноября 1976 г. «потолок» военного бюджета — не выше одного процента валового национального продукта Японии. Этот предел соблюдался вплоть до 1983 г. Однако в связи с принятием новой программы военного строительства на 1983—1987 гг., на реализацию которой выделено 15,6—16,4 трлн. иен (65,0—68,3 млрд. долл.) и предусмотрен ежегодный прирост военного бюджета на 6,3—8 %²⁰, возникло совершенно обоснованное опасение, что уже к 1985 г. военные затраты превысят этот предел.

Выступая на заседании нижней палаты парламента 14 декабря 1982 г., Накасонэ указал, что для выполнения новой пятилетней программы военного строительства необходимо — и правительство не видит другого выхода — отказаться от политики ограничения расходов на оборону рамками 1 % ВВП. Это было первое заявление главы японского государства, в котором недвусмысленно выразилось намерение поступиться одним из основополагающих принципов военной политики, которого придерживались все предшественники Накасонэ. На следующий день он уже более твердо дал понять, что его кабинет в скором времени может пересмотреть тактику лимитирования расходов на оборону, чем вызвал резкое осуждение не только демократической общественности, но и деловых кругов.

В тот же день торгово-промышленная палата Японии провела опрос среди бизнесменов по поводу новой военной программы. 80 % из 740 опрошенных лидеров японского бизнеса высказались в пользу сохранения нынешней численности «сил самообороны», без их дальнейшего наращивания. 42,6 %, вопреки последнему заявлению Накасонэ о неизбежности превышения установленного для УНО рубежа ассигнований, поддержали существующую практику ограничения военных расходов рамками 1 % ВВП и сохранения их даже на более низком уровне и лишь 37 % выступили за увеличение затрат на оборону, что соответствовало курсу Накасонэ²¹. Японская печать единодушно отметила, что премьер Накасонэ уже через две недели после своего вступления на высокий пост ярко продемонстрировал свой «ястребиный нрав», посягнув на один из руководящих принципов, удерживавших страну от поворота на путь военной державы²².

По настоянию Я. Накасонэ, который поддержал требования военных кругов, под прямым нажимом Вашингтона и вопреки аргументированным возражениям министерства финансов Японии правительство 30 декабря 1982 г. приняло решение увеличить военный бюджет на 1983 фин. г. на 6,5 %, что намного превышает темпы роста по другим статьям государственного бюджета, Как отмечала японская печать,

¹⁹ In: "Asahi Evening News", December 24, 1982.

²⁰ Ibid., July 23, 1982.

²¹ In: "Japan Times", December 16, 1982.

²² См.: «Асахи симбун», 16.XII.1982.

прирост по военной статье в общей структуре военного бюджета за счет сокращения ассигнований на социальные нужды народа оказался самым внушительным²³. Все левые партии выступили с резким осуждением финансовой политики правительства, направленной на увеличение военных затрат. В заявлении СПЯ говорилось, в частности, что премьер Я. Накасонэ игнорировал требования оппозиции и пожелания большинства японцев при подготовке государственного бюджета, который характеризуется значительным ростом военных ассигнований за счет урезывания статей на народное благосостояние.

22 января 1984 г. под нажимом Накасонэ кабинет министров одобрил увеличение бюджета УНО на 1984 фин. г. на 6,55 %, уже не оставив сомнений в том, что «политический барьер» в 1 % ВВП будет превышен. Сейчас правящие круги заняты поисками приемлемой формулы, которая не мешала бы наращиванию ассигнований на «силы самообороны» в масштабах, угодных Вашингтону, то есть доведению их, как и в странах НАТО, до 3 % ВВП.

Примечательны в этом плане высказывания Н. Усиба, видного политического деятеля, бывшего посла Японии в США, в новогоднем интервью японской газете «Джэпэн таймс» — полуофициальному органу министерства иностранных дел Японии. Оправдывая военный курс Накасонэ, Усиба отметил, что, по его мнению, «потолок в 1 % ВВП не имеет какого-либо смысла», поскольку премьер-министр дал понять, что военные затраты в скором будущем неизбежно превысят установленный ранее рубеж. Усиба предложил в рамках концепции «комплексного обеспечения безопасности», которая в последние годы была положена в основу японской военной политики и подразумевала широкое использование дипломатических, экономических, военных и иных мер при реализации внешнеполитического курса правящих кругов, довести военные расходы до 1,5 % ВВП и увеличить масштабы оказания экономической помощи развивающимся странам до 0,5 % ВВП. Совокупные затраты в 2 % ВВП, по мнению Усиба, могли бы быть благоприятно восприняты в США и во всем капиталистическом мире как важный вклад Японии в «оборону» стран Запада.

Усиба призвал правительство выполнить свои обязательства перед США: полностью завершить план военного строительства на 1983—1987 гг., разработать новую перспективную программу наращивания вооруженных сил на 7—10 лет²⁴.

Как и предсказывали японские политологи, 1983 год стал ареной бурных дискуссий по проблемам «национальной обороны», активной подготовкой к пересмотру военного курса страны, программа которого в завершенном виде будет представлена на одобрение парламента в 1985 г. Она будет предусматривать совместные действия Японии и США по охране морских коммуникаций военными средствами и блокаде международных проливов на чрезвычайный период, учитывать последние военно-стратегические концепции Пентагона, направленные на превращение Японии в плацдарм агрессивной глобальной политики США на Дальнем Востоке и ее дальнейшую интеграцию в военно-блоковую политику американского империализма.

Общую направленность дебатам по обороне задал Я. Накасонэ в программной речи, произнесенной в парламенте 25 января 1983 г. В статье «Опасный сигнал в речи премьера», опубликованной в японской газете, отмечалось, что выступление главы государства содержало ряд серьезных пунктов, которые свидетельствуют о том, что он избрал весьма опасное направление своей политики. В частности, как указывал автор статьи, Накасонэ, сделав чрезмерный акцент на росте

²³ См.: «Акахата», 5.IV.1983.

²⁴ In: "Mainichi Daily News", January 26, 1983.

«советской военной угрозы», присоединился к глобальной антисоветской стратегии США²⁵.

Стимулом к эскалации японо-американского военного сотрудничества стали «решающие», по определению японской прессы, переговоры премьер-министра Я. Накасонэ с президентом Р. Рейганом 17—21 января 1983 г. Пытаясь задобрить руководство Вашингтона с целью смягчить его претензии по поводу «низких» темпов военного строительства Японии и ослабить острые торгово-экономические противоречия между странами, Я. Накасонэ накануне визита в США добился принятия правительством целого ряда военно-политических решений и привез в американскую столицу в своем портфеле «набор подарков».

Как уже отмечалось, Я. Накасонэ настоял на увеличении военного бюджета на 1983 г. по сравнению с 1982 г. на 6,5 % и тем самым продемонстрировал «неослабевающие усилия» Токио вносить соответствующий вклад в систему глобальных военных приготовлений США.

Вопреки существующим в стране запретам на экспорт вооружения 7 января 1983 г. правительство Японии практически открыло беспрепятственный доступ к новинкам передовой японской военной технологии в области производства интегральных схем, волоконной оптики, сверхжаропрочных покрытий, микрокомпьютерной и лазерной техники, которая может быть использована, в частности, в аппаратуре наведения американских баллистических ракет²⁶.

Как отмечала буржуазная печать, Накасонэ этим «решился нарушить один из самых святых принципов японской политики, ограничивающих оборонительные возможности»²⁷ Японии, чем создал предпосылки для игнорирования и других основ военного курса страны, для широкого развертывания военного производства и полной отмены в будущем запрета на экспорт японского вооружения. Данная акция руководителя правительства в военной области была расценена как опасный крен в сторону дальнейшей милитаризации.

11—12 января 1983 г. Я. Накасонэ совершил «внезапный» визит в Сеул и стал, таким образом, первым главой японского правительства, посетившим эту страну после второй мировой войны. В отличие от прежних премьеров — М. Охира и Д. Судзуки, которые затягивали решение вопроса о предоставлении экономической помощи южнокорейскому режиму, Накасонэ предпринял решительный шаг, выделив Южной Корее льготный заем в 4 млрд. долл.²⁸ Хотя в своих заявлениях он пытался подчеркнуть, что эта сумма не имеет отношения к проблемам безопасности, по мнению японских обозревателей, поступающие из Сеула сообщения свидетельствуют о намерении правительства Чон Ду Хвана использовать «помощь» для укрепления «тройственной системы безопасности — США, Японии и Южной Кореи»²⁹.

В переговорах с Р. Рейганом японский премьер подтвердил свою приверженность совместному коммюнике, подписанному 8 мая 1981 г. Взяв на себя большую, чем его предшественники, ответственность за вопросы «обеспечения безопасности», он заверил США, что в самое ближайшее время они могут убедиться в дальнейших шагах Японии по наращиванию собственного военного потенциала. Рейган остался доволен «подарками» Накасонэ и особенно его визитом в Сеул, однако призвал Японию продолжать наращивать усилия в области создания оборонительного потенциала, который был бы способен противостоять Советскому Союзу.

²⁶ См.: «Акахата», 8.1.1983.

²⁷ "Mainichi Daily News", January 17, 1983.

²⁸ См.: «Акахата», 12.1.1983.

²⁹ "Mainichi Daily News", January 17, 1983.

В интервью газете «Вашингтон пост», опубликованном 20 января 1983 г., Я. Накасонэ изложил цели своей военной политики: превратить Японию в «непотопляемый авианосец», который мог бы служить надежным заслоном против «советской военной угрозы»; создать эффективную «оборонительную систему», позволяющую в чрезвычайных обстоятельствах блокировать международные проливы с целью закрыть проходы советским подводным лодкам и другим боевым кораблям; обеспечить «безопасность» океанских коммуникаций. «Наша оборона,— заявил Накасонэ в интервью,— должна простираться в океан на сотни миль — от Токио до Гуама и от Осаки до Тайваньского пролива»³⁰.

На пресс-конференции, посвященной окончанию переговоров, Накасонэ отметил, что, несмотря на некоторые разногласия между странами в области торговли, переговоры были весьма плодотворными. Ему удалось установить «тесные узы личной дружбы с Р. Рейганом» и устранить некоторые чувства «неприязни» в отношениях между США и Японией. Он заверил американского президента в том, что японо-американское сотрудничество «чрезвычайно важно не только для самих стран, но и для солидарности и единства всего западного мира».

Накасонэ подтвердил, что обе страны находятся в «непоколебимом двустороннем альянсе не только в экономической, но и в военной области», поскольку разделяют общие судьбы, идеи и цели западного лагеря³¹.

Газета «Вашингтон пост» отмечала, что «твердость Накасонэ в военной области и его решительные действия в вопросе двусторонних экономических отношений были встречены горячим одобрением Рейгана и других представителей американской администрации»³². Войнственные заявления японского премьера, снижавшие ему популярность в США, были восприняты в Токио с большой настроенностью. Общественность страны расценила цели военного курса Накасонэ как намерение полностью солидаризироваться с американской глобальной стратегией жесткой конфронтации с Советским Союзом и превратить Японский архипелаг в ударную ракетно-ядерную базу Пентагона.

Лишь 25 % опрошенных японской радиовещательной корпорацией Эн-Эйч-Кей (NHK) одобрили результаты визита Накасонэ, 56 % выразили беспокойство по поводу военных аспектов этой поездки. Более 60 % участников опроса, проведенного газетой «Асахи», заявили, что не согласны с намерением президента превратить Японские острова в «непотопляемый авианосец». Почти 70 % осудили решение правительства о передаче США военной технологии, более 60 % выступили против увеличения военных расходов³³.

Согласие правительства Накасонэ на посещение японских портов флагманами 7-го флота США — атомным авианосцем «Энтерпрайз» и модернизированным линкором «Нью-Джерси» с крылатыми ракетами «Томагавк» на борту, — а также на размещение на авиабазе Мисава (северо-восточная часть острова Хонсю) двух эскадрилий истребителей-бомбардировщиков F-16 (50 машин), способных наносить ядерные удары по советскому Приморью и Сахалину, означает серьезное нарушение принятого парламентом курса в области ядерной политики (24 ноября 1971 г. была одобрена резолюция о трех неядерных принципах — не иметь, не производить и не ввозить ядерное оружие).

³⁰ «Japan Times», January 20, 1983.

³¹ Ibid., January 20—21, 1983.

³² «Washington Post», January 20, 1983.

³³ См.: «Правда», 4.V.1983.

Попытки Накасонэ декларировать свою строгую приверженность безъядерным принципам и утверждать, что флагман американского флота «Энтерпрайз», который в Японии называют «плавучей ядерной крепостью», и атомные подводные лодки заходят в японские порты, не имея на борту ядерного оружия, не могут обмануть японский народ: здесь мало кто верит этой заведомой лжи. По признанию американского адмирала в отставке Джина Ларокка, авианосец «Энтерпрайз», заходивший в марте 1983 г. в японский порт Сасэбо, имел на борту свыше 200 ядерных зарядов³⁴.

Среди деятелей ЛДП все чаще стали раздаваться призывы к пересмотру резолюции о трех безъядерных принципах. Мотивируя тем, что «без заходов в японские порты и проходов через ее территориальные воды» 7-й флот США не может нормально функционировать в японо-американской системе безопасности, УНО ратует за то, чтобы заменить три принципа «двумя с половиной», а некоторые «ястребы» с целью узаконить размещение американского ядерного оружия на Японских островах требуют сохранения лишь двух принципов.

В программе расширения военного потенциала в соответствии с целями и задачами 6-го плана укрепления и развития «сил самообороны» особое место отводится сложному комплексу вопросов, связанных с охраной Японией военными средствами морских коммуникаций в обширном районе, отстоящем от берегов Японии на 1000 морских миль. Поскольку Я. Накасонэ на переговорах с Р. Рейганом подтвердил приверженность своего правительства обязательствам по охране океанских коммуникаций и блокаде морских проливов, а также высказал по этому поводу однозначную точку зрения, наделив «силы самообороны» функциями по экспорту американских военных кораблей, следующих в Японию с военными грузами в период чрезвычайных обстоятельств, японские средства массовой информации расценили это заявление премьера как нарушение вето на право коллективной обороны.

Откровенно милитаристский призыв Накасонэ к совместной с США обороне обширного северо-западного региона бассейна Тихого океана был встречен в штыки оппозиционными партиями и широкой общественностью Японии. Проблема охраны морских коммуникаций приобрела невиданную ранее остроту и стала предметом бурных дискуссий в парламенте. Чтобы сгладить острые углы и несколько укрепить пошатнувшуюся популярность главы правительства (по данным опроса общественного мнения, проведенного в феврале 1983 г. газетой «Асахи», премьер-министра поддержали только 29 % опрошенных, 43 % высказались против «ястребиной» милитаристской политики главы государства³⁵), начальник УНО Кадзуо Таникава 13 февраля 1983 г. был вынужден выступить по телевидению со специальной программой «Кабинет Накасонэ и его оборонная политика». Таникава пытался убедить телезрителей, что высказывания Накасонэ отражают его сугубо личные взгляды, что премьер-де не имел намерения отступать от рамок действующей военной политики Японии и что функции «сил самообороны» по охране морских коммуникаций и блокаде проливов будут осуществляться строго в сфере «индивидуальной обороны», не нарушающей принципов основного закона государства³⁶.

Выгораживая «неуклюжие» заявления премьера, местные политики на все лады пытались втолковать общественности, что, в частности, намерение Накасонэ превратить Японские острова в «непотопляемый авианосец» не содержит в себе ничего нового, поскольку и раньше, при Д. Судзуки, речь шла о создании такой оборонительной мо-

³⁴ См.: «Акахата», 18.III.1983.

³⁵ См.: «Асахи симбун», 21.II.1983.

³⁶ In: "Asahi Evening News", February 14, 1983.

щи, которая была бы сравнима с «ощетинившимся ежом», милитаристские иглы которого направлены против внешней агрессии. В этом смысле эти выражения, в их понимании, идентичны, поскольку и Судзуки, и Накасонэ заботились лишь об «укреплении воздушной, наземной и морской обороны с целью предотвращения внешней агрессии»³⁷.

Местные обозреватели отметили, что под давлением общественного мнения Накасонэ на какое-то время вынужден был умерить свой риторический милитаристский пыл. Более того, он даже принес извинение в парламенте за то, что своими выступлениями вызвал «недопонимание» в народе. Разъясняя корреспондентам, что в своих репликах он прибегал к образным выражениям лишь с целью скрашивания речи, Накасонэ выразил сожаление по поводу их превратного толкования. В чем же причина такого тактического маневра в поведении премьера, спрашивает буржуазная газета «Асахи». И тут же отвечает, что, по-видимому, она имеет два аспекта — внутренний и внешний. Поскольку первый из них был связан с приближавшимися в июне 1983 г. выборами в верхнюю палату парламента, коллеги Накасонэ по партии разъясняли ему, что жесткая линия в вопросах военной политики и в подходе к пересмотру конституции играет на руку оппозиционным партиям и будет способствовать тому, что ЛДП получит на выборах больше «черных шаров». Второй аспект заключался в отрицательной реакции руководства многих стран Юго-Восточной Азии на ускорение темпов военного строительства в Японии.

Однако «сдержанность» Накасонэ оказалась непродолжительной. Уже в конце мая 1983 г., в ходе сепаратных переговоров с руководителями семи крупнейших капиталистических государств, проведенных накануне пленарного заседания в американском городке Вильямсберге, премьер-министр Я. Накасонэ снова проявил свой милитаристский нрав, заявив, что страны Запада, включая Японию, должны укреплять свое единство в вопросах обеспечения безопасности для противостояния Советскому Союзу. Подписав вильямсбергское коммюнике, он поддержал решение стран НАТО о размещении в конце 1983 г. в Европе ракет среднего радиуса действия «Першинг-2» и крылатых ракет.

Полная солидаризация руководителя японского государства с антисоветской ядерной стратегией возглавляемого США военного блока НАТО была встречена в Японии бурей негодования. Все левые партии выступили с резкой критикой деятельности Накасонэ в Вильямсберге, назвав политическое заявление «семерки» безответственным и опасным для международного климата³⁸.

Бывший председатель ЦИК СПЯ Итиро Асуката отметил, что Накасонэ грубо игнорировал принципиальное отношение японского народа к ядерному оружию; подписанное им вильямсбергское коммюнике подтверждает смыкание японо-американской системы безопасности с НАТО³⁹.

Партия Комэйто также дала отрицательную оценку миссии Накасонэ в Вильямсберге, обвинив его в том, что он предал стремление японского народа к миру и присоединился к рейгановской политике конфронтации с Советским Союзом. И хотя правящая ЛДП в основном приветствовала результаты встречи «семерки» как консолидацию западного единства, некоторые члены консервативной партии также выступили с критикой позиции Накасонэ⁴⁰.

После победы ЛДП на июньских выборах в палату советников ми-

³⁷ Ibid., February 1, 1983.

³⁸ In: "Asahi Evening News", May 31, 1983.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid.

литаристские амбиции Накасонэ снова стали набирать силу. В июле 1983 г. он активно поддержал домогательства УНО об увеличении военного бюджета на 1984 г. на 6,55 % по сравнению с 1983 г. Абсолютная сумма военных расходов составит 2934 млрд. иен (12,5 млрд. долл.)⁴¹.

14 августа кабинет Накасонэ одобрил конкретные условия передачи новинки высокой военной технологии Соединенным Штатам Америки. С благословения Накасонэ в Японии ведутся совместные с американской стороной исследования проблем, связанных с обеспечением охраны морских коммуникаций, начавшиеся 12 марта 1983 г. Обсудив концепцию и рамки совместных исследований, стороны продолжили их на уровне японского Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) и штаба американских войск в Японии с целью определить пути и способы «совместной охраны» морских коммуникаций, а также возможности «сил самообороны» по эскортированию американских военных кораблей, которые будут доставлять грузы для Японии во время военных действий.

В реализацию опасных планов Вашингтона, отметил в заявлении Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов, все больше втягиваются другие страны, «предпринимаются усилия возродить японский милитаризм и подключить его к военно-политической машине»⁴² блока НАТО.

С приходом к власти премьер-министра Я. Накасонэ в Японии, забывая прошлое, грубо попирают многие законы и принципы, составлявшие в последние три десятилетия основу японской военной стратегии. Находится в стадии реализации 6-я программа военного строительства, рассчитанная на существенное наращивание боевой мощи японских вооруженных сил и предусматривающая выход военных расходов за рамки 1 % ВВП; готовится к пересмотру перспективная программа строительства «сил самообороны» 1976 г., составлявшая фундамент японской военной доктрины; все делается для осуществления конституционной реформы. Открыв беспрепятственный доступ США к новинкам японской военной технологии, правительство Я. Накасонэ игнорировало парламентский запрет на экспорт вооружения; вопреки трем безъядерным принципам, руководство Японии дало разрешение на заход в порты страны атомных кораблей США, которые несут на борту ядерные боезаряды.

Зловещий смысл приобрел предпринятый в начале ноября 1983 г. вояж президента США Р. Рейгана в Токио и Сеул. Он преследовал далеко идущие цели: подхлестнуть военные приготовления Японии и южнокорейского режима Чон Ду Хвана, подключить своих азиатских партнеров по «договорам безопасности» к глобальной (совместно с блоком НАТО) американской коалиционной стратегии достижения военного превосходства над Советским Союзом, продвинуть дело по сколачиванию в Азии нового опасного военного союза в треугольнике США — Япония — Южная Корея.

В Японии в последнее время все чаще задают вопрос: кому выгодно подобное развитие событий? И приходят к здравому выводу, что милитаристский психоз на руку лишь тем внутренним и международным реакционным силам, которые раскручивают гонку вооружений, ставят мир на грань ядерной катастрофы, стремятся превратить страну в одну из крупных военных держав, что нарушает сложившийся здесь баланс сил и серьезно осложняет военно-политическую ситуацию в регионе.

⁴¹ In: "Daily Yomiuri", July 13, 1983.

«Если в Токио сделают выбор в пользу мира и добрососедства,— указал А. А. Громыко,— то СССР будет надежным партнером Японии в развитии широких взаимных связей в политической, экономической и других сферах»⁴². Только это может способствовать общему оздоровлению обстановки на Дальнем Востоке, проведению истинно независимой политики правящими кругами Японии, что послужит твердой гарантией обеспечения мира и безопасности страны, укреплению ее авторитета на международной арене.

⁴² «Правда», 17.VI.1983.

Рабочий класс КНР как производительная сила общества

*А. В. ОСТРОВСКИЙ,
кандидат экономических наук*

Китай располагает огромными трудовыми ресурсами и занимает первое место в мире по численности экономически активного населения. В стране имеется многочисленный отряд рабочего класса, занятый в различных отраслях народного хозяйства. В условиях современного производства повышается роль рабочего класса как ведущей производительной силы общества. В настоящее время рабочий класс КНР создает большую часть национального дохода страны. Именно на рабочий класс Китая ложится основная тяжесть выполнения поставленной на XII съезде КПК задачи значительного увеличения производства к 2000 г. Председатель КНР Ли Сяньнянь, выступая на X съезде Всекитайской федерации профсоюзов, подчеркнул, что «общая историческая миссия всего народа и основная задача рабочего движения на современном этапе — достичь к концу XX в. четырехкратного увеличения валовой продукции промышленности и сельского хозяйства, построить модернизированное социалистическое государство с высоким уровнем цивилизации и демократии»¹.

Однако выполнение рабочим классом Китая поставленных перед ним больших задач в определенной степени затруднено из-за того, что рабочий класс в настоящее время не в полной мере проявляет свою роль как ведущая производительная сила общества. К началу 80-х годов заметно увеличилась общая численность рабочего класса, но это не повлекло за собой его качественного роста и не способствовало укреплению его ядра — фабрично-заводских рабочих.

Согласно данным, приводимым китайскими руководителями, рабочий класс КНР насчитывает 110 млн. человек². Однако эта цифра, помимо производственных рабочих и рабочих из сферы торговли, бытовых услуг и других областей непродуцированной сферы, включает также инженерно-технических и научных работников, работников просвещения, культуры, здравоохранения, физкультуры, всех ганьбу (кадровые работники) и других служащих государственных учреждений³. С этой цифрой практически совпадает приводимая китайской статистикой общая численность рабочих и служащих государственного и коллективного секторов в городах и поселках в 1982 г. — 112,8 млн. человек⁴. Иначе говоря, к категории «рабочий класс» причислены ганьбу, интеллигенция и служащие, которые ни по их месту в системе общественного производства, ни по роли в общественной организации труда не могут входить в состав рабочего класса. По нашим расчетам, общая численность рабочих составила в начале 80-х годов около 75 млн. человек в государственном и коллективном секторах в горо-

¹ «Жэньминь жибао», 19.X.1983.

² Из выступления кандидата в члены Секретариата ЦК КПК Хао Цзяньсю на 5-й сессии Исполкома Всекитайской федерации профсоюзов девятого созыва. — «Жэньминь жибао», 25.IX.1983.

³ См. там же, 28.VII.1983.

⁴ См. там же, 10.VIII.1983.

дах и поселках и около 20 млн. человек — в деревне, на промышленных предприятиях народных коммун и производственных бригад⁵.

При анализе исследуемой проблемы в основном использовались показатели численности не чисто рабочего класса, а рабочих и служащих, поскольку в китайской статистике, как правило, приводятся данные категории «рабочие и служащие». Когда автор располагал данными отдельно по категории «рабочие», которые иногда содержатся в китайских статистических сборниках (например, о занятости в промышленности или в капитальном строительстве), он их использовал в своем анализе. На наш взгляд, опубликованные в КНР статистические данные по вопросам труда отражают динамику и изменения в составе рабочего класса к началу 80-х годов и дают определенное представление о рабочем классе как производительной силе общества.

Анализ статистики показывает, что за последние 20 с лишним лет произошел заметный рост числа рабочих и служащих. Если в 1957 г. общая численность рабочих и служащих составляла 31 млн. человек, то в 1978 г. — уже 94,9 млн., а в конце 1982 г. — 112,8 млн. человек. Соответственно повысилась и доля рабочих и служащих в общей численности экономически активного населения страны — с 13 % в 1957 г. до 25 % в 1982 г.⁶ В результате рабочий класс КНР постепенно становится ведущей производительной силой китайского общества. Однако в настоящее время на развитие рабочего класса как ведущей производительной силы общества большое влияние оказывают такие факторы, как источники пополнения рабочего класса, его трудоустройство и территориальное размещение, повышение профессионально-технического уровня, дальнейшее увеличение производительности труда.

Сельское население как источник пополнения рабочего класса

Одним из основных источников пополнения рабочего класса является набор на предприятия местного подчинения в сельской местности — на уровне уездов, народных коммун и производственных бригад.

В конце 70-х — начале 80-х годов значительно увеличилось число предприятий народных коммун и производственных бригад. В 1981 г. их насчитывалось 1338 тыс. с числом занятых 29 696 тыс. человек (в среднем около 20 человек на предприятие)⁷. На этих предприятиях в основном используется труд многочисленных членов народных коммун, которые работают либо временно, либо постоянно. Молодежь народных коммун всячески стремилась попасть на предприятия вне сферы сельского хозяйства на временные работы, поскольку они обеспечивали более высокий уровень доходов, чем сельскохозяйственные работы в народной коммуне.

Народные коммун стали больше внимания уделять развитию промышленности. В 1980 г. удельный вес промышленных предприятий в общей численности предприятий народных коммун и производственных бригад составлял 51,8 %, занятых на предприятиях промышленности — 62,5, а доходов от этих предприятий — 76,3 %⁸. Поэтому деревня в основном обеспечивает себя необходимыми для развития

⁵ Расчет производился на основе данных выборочной переписи по городу Уси провинции Цзянсу на 1 июля 1980 г., согласно которым доля рабочих в общей численности экономически активного населения города составила 67,8 %, а также на основе данных о занятости вне сферы сельского хозяйства на предприятиях народных коммун и производственных бригад. — См.: Чжунго тунцзи няньцзянь 1981. Пекин, 1982, с. 99—102, 189—190.

⁶ Рассчитано по: Чжунго тунцзи чжайяо 1983. Пекин, 1983, с. 18.

⁷ См.: Чжунго тунцзи няньцзянь 1981, с. 189.

⁸ См. там же, с. IV — 56.

сельского хозяйства промышленными товарами: сельскохозяйственными орудиями, строительными материалами, химическими удобрениями.

Значительная часть всех рабочих КНР сосредоточена на мелких предприятиях народных коммун и производственных бригад, а также на коллективных предприятиях городов и поселков. Так, в начале 80-х годов на предприятиях народных коммун и производственных бригад работало 19 800 тыс. человек (28,8 % всех занятых в промышленности), на предприятиях коллективной собственности — 14 950 тыс. человек (21,7 %), а на предприятиях государственного сектора — 34 070 тыс. человек (49,5 %) ⁹. (Следует учесть, что предприятия государственного сектора — это не обязательно крупные предприятия с большим числом занятых, а зачастую мелкие, на уровне уезда, округа или провинции.)

Приток рабочей силы в начале 80-х годов шел в основном на мелкие предприятия на уровне уездов, народных коммун и производственных бригад, а также на предприятия коллективного сектора в городах и поселках. Это вызывало искусственный рост рабочего класса, поскольку работающие на указанных предприятиях не были связаны с крупным фабричным производством, а являлись рабочими только по своей роли в системе общественной организации труда.

Проблема трудоустройства в городах

Большую проблему представляет собой трудоустройство ежегодно образующейся в городах армии молодежи, закончившей обучение в средней школе и не имеющей работы. За период с 1978 по 1982 г., по данным ГСУ КНР, в стране было трудоустроено более 38 млн. человек — около трети всей рабочей силы в городе ¹⁰. Большую часть трудоустроенных как раз и составляла «грамотная молодежь, ожидающая распределения на работу или отправки в сельские и горные районы». В 1981 г. эта группа составила 65,1 % всех трудоустроенных. Из сельских народных коммун было направлено по контрактам на временные неквалифицированные работы 920 тыс. человек (или 11,2 % всех трудоустроенных в городе). По-прежнему сравнительно невелика была доля выпускников вузов, техникумов и профессионально-технических училищ среди трудоустроенных — только 13,2 % принятых на работу в 1981 г. ¹¹ Таким образом, рабочий класс в городе в последние годы пополнялся в основном молодежью, которая не получила соответствующей профессиональной подготовки и нигде не работала в течение нескольких лет.

Для трудоустройства городской молодежи с конца 70-х годов в стране стало создаваться большое число коллективных предприятий. Состоявшееся в августе 1980 г. Всекитайское совещание по вопросам занятости рекомендовало решать проблему трудоустройства молодежи путем создания мелких кустарных предприятий коллективной собственности, работающих по заказу крупных предприятий и выпускающих продукцию, которую им невыгодно производить мелкими сериями. Значительную часть безработной молодежи направляли на мелкие кустарные предприятия в сферу торговли, питания и коммунально-бытовых услуг. Эту категорию молодежи пытались привлечь также к работе в компаниях трудовых услуг (выполнение различных временных и сезонных работ, удовлетворяющих нужды городских жителей).

В 1980—1981 гг. на предприятия коллективной собственности и в частный сектор было распределено примерно 36 % всех трудоустроенных ¹². В некоторых городах трудоустроенные на коллективные пред-

⁹ Рассчитано по: Чжунго тунцзи няньцзянь 1981, с. 189—190.

¹⁰ См.: Чжунго тунцзи чжайяо 1983, с. 20.

¹¹ См.: Чжунго тунцзи няньцзянь 1981, с. 129.

¹² См.: Чжунго тунцзи няньцзянь 1981, с. 129.

приятня составили абсолютное большинство всей рабочей силы, распределенной на работу. Согласно выборочным данным ГСУ КНР по отдельным провинциям, в 1982 г. на предприятия коллективной собственности было трудоустроено уже свыше 60 % не имевших работы¹³. Следовательно, в Китае в основном пытаются решить проблему трудоустройства путем создания мелких коллективных предприятий, которые требуют в 4—5 раз меньше затрат на создание рабочего места, чем государственные предприятия.

Принимаются меры для расширения капитальных вложений в реорганизацию старых предприятий, развития легкой промышленности и кооперирования. Рост капитальных вложений в реорганизацию старых предприятий вызвал расширение станочного парка, увеличение производственных мощностей, что привело к созданию новых рабочих мест. Так, например, в Чанчжоу (провинция Цзянсу) в 1978—1979 гг. на предприятиях текстильной промышленности получили работу 8600 человек (17 % всех трудоустроенных)¹⁴. Дело в том, что отрасли легкой и текстильной промышленности могут обеспечить больше рабочих мест из-за меньших затрат на их создание. Статистические данные по 25 провинциям, городам и автономным районам (за исключением провинций Гуандун, Ганьсу, Цинхай и Тибета) показывают, что в 1978 г. стоимость основных производственных фондов на одного занятого (представляющих большую часть стоимости рабочего места) составила в легкой промышленности 5 тыс. юаней, а в тяжелой — 11 тыс. юаней¹⁵.

Важным фактором решения проблем трудоустройства в Китае считают кооперирование, которое, с одной стороны, влечет за собой расширение производства на головных предприятиях, а с другой — увеличение числа мелких дочерних предприятий. Все это позволяет увеличить число рабочих мест при ограниченных капиталовложениях. В целом рост занятости на промышленных предприятиях был связан в основном с увеличением численности мелких предприятий коллективной собственности в отраслях легкой промышленности.

Несмотря на принятые меры, к концу 1982 г. в КНР по-прежнему оставалось, по сообщению китайской печати, «3,04 млн. человек, ожидающих работу»¹⁶. Многие зарубежные наблюдатели тем не менее полагают, что эта цифра занижена. Мероприятия по трудоустройству так и не обеспечили рационального использования рабочей силы из-за чрезмерной централизации в сфере найма и отсутствия возможностей у администрации предприятий регулировать приток рабочей силы. Решение этого вопроса в значительной мере сдерживалось принятым в 1978 г. Госсоветом КНР Временным постановлением об уходе рабочих и служащих на пенсию, которое предусматривало фактическое наследование рабочего места на предприятии детьми рабочих и служащих, уходящих на пенсию. Практически этим постановлением пользовались почти все рабочие и служащие, уходящие на пенсию, включая кадровых рабочих, интеллигенцию, служащих.

В сентябре 1983 г. Госсовет КНР принял специальное уведомление, в котором сообщал об изменениях, внесенных во Временное постановление об уходе рабочих и служащих на пенсию. Разрешалось принимать на работу детей только постоянных рабочих, достигших определенного возраста (мужчины — 60 лет, женщины — 50 лет), при непрерывном трудовом стаже 10 лет. При этом для детей введены обязательные экзамены по специальности и установлен испытательный срок, а администрация получила возможность увольнять с работы тех из них, кто не соответствовал условиям найма. Также было предложено

¹³ См.: «Жэньминь жибао», 10.IV.1983.

¹⁴ См. там же, 19.VIII.1980.

¹⁵ См.: «Чжунго шэньхуэй кэсюэ», 1980, № 3, с. 31.

¹⁶ "Beijing Review", 1983, N 23, p. 5.

уволить всех детей рабочих и служащих, принятых на работу, но не соответствовавших условиям найма¹⁷. Однако и после публикации уведомления Госсовета КНР местные органы (например, Уханьское отделение железной дороги) продолжали набор на работу в обход принятого уведомления¹⁸.

Вместе с тем с 1982 г. начала осуществляться новая форма найма рабочей силы — была введена система трудовых договоров, которая охватила около 160 тыс. рабочих в 9 провинциях, городах и автономных районах¹⁹. В основном эти трудовые договоры заключались молодежью от 16 до 25 лет с образованием в объеме средней школы первой ступени и выше при найме на государственные и крупные коллективные предприятия²⁰. Новая форма трудового найма предусматривала период обучения рабочего с выплатой стипендии и различных надбавок, а затем, после сдачи экзамена — испытательный срок на полгода-год и лишь потом подписание трудового договора на 3—8 лет и более с последующим продлением после окончания срока его действия. На совещании по трудовым договорам, состоявшемся в Пекине в начале 1983 г., особое внимание обращалось на то, что если рабочие, заключившие трудовой договор, находятся в равных условиях с постоянными рабочими, но работают больше, то их заработная плата должна быть выше, чем у постоянных. Указывалось также, что они имеют такие же права, как и постоянные рабочие, при вступлении в КПК, КСМК, профсоюз, право на занятия в системе политической учебы и повышение профессиональной квалификации²¹. Судя по всему, в настоящее время делается попытка системой трудовых договоров постепенно заменить систему наследования рабочих мест детьми квалифицированных рабочих, уходящих на пенсию, и со временем ликвидировать социальные барьеры между временными и постоянными рабочими. Тем не менее система трудовых договоров затронула пока лишь незначительную часть китайского рабочего класса.

Отраслевая структура рабочего класса

К началу 80-х годов определилось значительное преобладание доли рабочего класса в промышленности вследствие роста занятости на мелких предприятиях. Если в 1957 г. общая численность рабочих и служащих промышленности государственного сектора составляла 7,5 млн. человек (30,5 % всех рабочих и служащих государственного сектора), то в 1981 г. она достигла 34,1 млн. человек (40,7 %), как показано в табл. 1.

Однако в конце 70-х годов темпы роста рабочего класса в таких отраслях, как транспорт, торговля, сфера коммунально-бытового обслуживания, стали постепенно обгонять темпы роста рабочего класса в промышленности и капитальном строительстве. В результате, по данным ГСУ КНР, к концу 1982 г. на транспорте, в торговле и других отраслях непроеизводственной сферы насчитывалось уже 22,75 млн. рабочих и служащих, что на 28 % больше, чем в конце 1978 г.²²

Несколько выросла доля рабочих и служащих в таких отраслях тяжелой промышленности, как энергетика, нефтяная, металлургия, в то же время в 1981 г. заметно уменьшилась доля занятых в отраслях легкой промышленности (см. табл. 2).

К началу 80-х годов общий рост рабочего класса в промышленности в основном происходил за счет притока рабочей силы прежде все-

¹⁷ См.: «Жэньминь жибао», 9.IX.1983.

¹⁸ См. там же, 26.IX.1983.

¹⁹ См. там же, 2.II.1983.

²⁰ См. там же, 11.I и 2.II.1983.

²¹ См. там же, 2.II.1982.

²² In: "Beijing Review", 1983, N 23, p. 5.

Таблица 1

Структура занятости рабочих и служащих в государственном секторе КНР

	1957 г. Млн. человек	%	1981 г. Млн. человек	%
Всего рабочих и служащих	24,5	100	83,7	100
Из них по отраслям:				
Промышленность	7,5	30,5	34,1	40,7
Капитальное строительство	2,7	11,1	6,7	8,0
Сельское хозяйство (госхозы, ирригация, метеорология)	1,1	4,6	8,1	9,7
Транспорт и связь	1,7	6,8	5,0	6,0
Торговля, предприятия питания, материально-техническое снабжение	4,8	19,9	11,4	13,7

Источники: Чжунго цзинци няньцзянь 1981, с. VI—7; Чжунго тунци няньцзянь 1981, с. 106.

Таблица 2

Структура занятости рабочих и служащих в промышленности государственного сектора

	1957 г. Тыс. человек	%	1981 г. Тыс. человек	%
Всего рабочих и служащих	7480	100	34 070	100
Из них по отраслям:				
Энергетика	143	1,8	916	2,7
Угольная	669	8,5	4 013	11,8
Нефтяная	67	0,8	569	1,7
Металлургия	693	8,8	3 192	9,4
Машиностроение и металлообработка	1403	17,7	10 151	29,8
Химическая	253	3,2	3 071	9,0
Производство стройматериалов	600	7,6	1 921	5,6
Деревообрабатывающая	333	4,2	1 318	3,9
Текстильная	1282	16,2	3 980	11,4
Пищевая	1200	15,2	2 561	7,5

Источники: 1957 г. — Чжунго цзинци няньцзянь 1981, с. VI-7; J. P. Emerson. Nonagricultural Employment in Mainland China, 1949—1958. Washington, 1965, p. 143; 1981 г. — Чжунго тунци няньцзянь 1981, с. 109—110.

го в тяжелую промышленность. К 1981 г. значительно увеличился удельный вес рабочих и служащих в таких отраслях промышленности, как машиностроение, химическая, угольная. Например, если в машиностроении в 1957 г. насчитывалось 1403 тыс. человек, почти как в текстильной (1282 тыс.), то в 1981 г. в машиностроении было занято уже 10 151 тыс. человек, а в текстильной — всего 3890 тыс. человек. В результате доля занятых в машиностроении среди всех рабочих и служащих государственного сектора выросла с 17,7 % в 1957 г. до 29,8 % в 1981 г., а в текстильной уменьшилась с 16,2 до 11,4 %.

Все это привело к определенным изменениям в отраслевой структуре рабочего класса. Мы не располагаем данными по отраслевой структуре рабочего класса в целом по КНР. Однако по данным занятости в промышленности и капитальном строительстве в 1981 г., а также по отраслевой структуре занятости рабочего класса города Уси провинции Цзянсу (по материалам пробной переписи 1980 г.) можно проследить происходившие изменения. Так, в отраслевой структуре рабочего класса Уси ведущее место занимали металлургия и машино-

строители (38,6 % всех рабочих города), а также текстильщики (11,9 % всех рабочих города). Значительную долю в отраслевой структуре рабочего класса города составляли по-прежнему транспортные, складские рабочие и рабочие на погрузочно-разгрузочных работах (16 % рабочих города)²³.

Таким образом, в целом можно сделать вывод о том, что в настоящее время в КНР сохранилась отраслевая структура рабочего класса 50-х годов. Среди рабочего класса КНР преобладают рабочие тяжелой и текстильной промышленности, а также складские и транспортные рабочие на погрузочно-разгрузочных работах.

Территориальное размещение рабочего класса

С конца 70-х годов происходят изменения в региональной структуре рабочего класса Китая. Более быстрыми темпами стала расти численность рабочих и служащих в приморских районах по сравнению с внутренними районами. По данным ГСУ КНР, занятость в 1982 г. в приморских провинциях Ляонин, Хэбэй, Шаньдун, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун, Гуанси с 1978 г. выросла более чем на 20 %, тогда как во внутренних районах КНР — на 17,4 %²⁴. В целом в начале 80-х годов доля рабочих и служащих в приморских районах КНР составила 47,2 %, а во внутренних — 52,8 %²⁵. Однако если сравнивать структуру размещения рабочего класса по территории КНР в конце 50-х и в начале 80-х годов, то необходимо отметить, что за весь этот период произошло незначительное увеличение доли рабочего класса внутренних районов.

По-прежнему существенная часть рабочих и служащих Китая была сконцентрирована в трех крупнейших городах страны — Пекине, Шанхае и Тяньцзине. Если в 1955 г. в этих городах было 1764 тыс. рабочих и служащих (11,5 % всех рабочих и служащих КНР), то в 1981 г. их насчитывалось уже 10 500 тыс. человек (9,8 % всех рабочих и служащих КНР)²⁶.

По-прежнему была довольно велика доля рабочего класса в промышленности в этих городах — в 1981 г. 12,4 % общей численности всех рабочих промышленности государственного сектора. А если к этому показателю еще добавить рабочий класс промышленности трех экономически развитых провинций на Северо-Востоке Китая — Ляонин, Цзиньинь и Хэйлуцзян, то доля рабочих промышленности составит 29,2 % общей численности рабочих промышленности государственного сектора. Такое же положение наблюдалось и в капитальном строительстве, где более четверти рабочих государственного сектора (25,5 %) было сконцентрировано в Пекине, Шанхае, Тяньцзине и трех провинциях Северо-Востока КНР²⁷. Таким образом, к началу 80-х годов большая часть рабочего класса, как и прежде, была сконцентрирована в трех крупнейших городах — Пекине, Тяньцзине, Шанхае — и в Северо-Восточном Китае.

Профессионально-технический уровень рабочих

В начале 80-х годов в целом по стране сохранялся сравнительно низкий профессионально-технический уровень рабочего класса. Об этом говорил на собрании передовых рабочих в Тяньцзине в апреле 1982 г. Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан²⁸. Это объясняется

²³ Рассчитано по: Чжунго тунцзи няньцзянь 1981, с. 99—105.

²⁴ In: "Beijing Review", 1983, N 23, p. 5.

²⁵ См.: Чжунго тунцзи няньцзянь 1981, с. 115.

²⁶ См.: «Тунцзи гуницзо», 1956, № 23, с. 30; Чжунго тунцзи няньцзянь 1981, с. 115.

²⁷ См.: Чжунго тунцзи няньцзянь 1981, с. 27—37, 106, 117, 119, 120.

²⁸ См.: «Гуанмин жибао», 2.V.1982.

сниженном уровне образования рабочего класса за годы «культурной революции». Значительное число общеобразовательных школ не работало, и в результате большинство рабочих в начале 80-х годов не имели даже начального среднего образования. Согласно данным обследования, проводившегося в 1981 г. в городе Сучжоу провинции Цзянсу, из 122 тыс. рабочих молодого и среднего возраста в промышленности, капитальном строительстве и на транспорте (55,4 % всех рабочих и служащих города в этих отраслях народного хозяйства) имеют лишь начальное образование или не окончили первую ступень средней школы 72,5 % обследованных, а 1500 человек — неграмотные²⁹. Если учесть, что в настоящее время рабочие и служащие моложе 30 лет составляют более 60 % всех рабочих и служащих³⁰, то становится очевидно, что «культурная революция» оказала негативное влияние на профессионально-технический уровень рабочего класса КНР.

В 70-х годах система профессионально-технического обучения в целом была значительно подорвана, и почти весь набор рабочих на промышленные предприятия осуществлялся без предварительного профессионального обучения. Рабочие повышали свою квалификацию в основном через систему ученичества. Экзамены на повышение рабочим квалификационного разряда почти не проводились. В результате в начале 80-х годов из 40 млн. квалифицированных рабочих КНР более 70 % имели только I—III разряды³¹.

Такое положение сложилось потому, что так и не была решена задача создания постоянной системы училищ и курсов для рабочих, не отработана организационная структура профтехобразования, отсутствовали единые планы и программы. Не был восстановлен уровень развития профтехобразования, существовавший до 1965 г., когда через различные системы повышения профессиональной квалификации прошло около 17 млн. рабочих и служащих³².

С конца 70-х годов в КНР делаются попытки повысить профессионально-технический и общеобразовательный уровень рабочих. В марте 1981 г. состоялось Всекитайское совещание по профессионально-техническому обучению рабочих и служащих. Председатель Всекитайского комитета по профессионально-техническому обучению рабочих и служащих Юань Баохуа, бывший в то время и председателем Государственного экономического комитета, заявил, что «ЦК КПК и Госсовет КНР приняли решение усилить работу по подготовке рабочих и служащих, постепенно создавать систему подготовки, считать это одним из важных мероприятий по урегулированию народного хозяйства»³³.

Была поставлена задача в течение двух-трех лет ликвидировать неграмотность среди молодых рабочих и рабочих среднего возраста, добиться, чтобы к 1985 г. 60—80 % рабочих и служащих, имеющих начальное образование, закончили среднюю школу первой ступени; закончившие среднюю школу первой ступени получили среднее образование или закончили среднее специальное учебное заведение; часть имеющих среднее или среднее специальное образование получила высшее специальное образование, а ИТР овладели смежными научно-техническими знаниями. Была поставлена также задача организовать профессионально-техническое обучение рабочих, повысить их профессиональную квалификацию, чтобы она соответствовала требованиям определенного разряда по тарифной сетке. Указывалось, что необходимо стремиться к тому, чтобы за пять лет у рабочих молодого и среднего возраста уровень профессиональной квалификации повысился на

²⁹ См.: «Жэнькоу юй цзинци», 1983, № 1, с. 38.

³⁰ См.: «Жэньминь жибао», 10.VI.1981.

³¹ См. там же, 24.VII.1983.

³² См.: «Хунци», 1982, № 5, с. 18.

³³ «Жэньминь жибао», 20.III.1981.

один-два разряда, увеличилась доля рабочих высокой и средней квалификации³⁴.

Однако решить эти вопросы в масштабах всей страны оказалось чрезвычайно сложно. С начала 80-х годов принимаются активные меры по расширению сети учебных заведений для рабочих — технических и вечерних школ, телевизионных университетов и различных курсов повышения квалификации. В 29 провинциях и автономных районах созданы комитеты, отвечающие за работу по повышению уровня подготовки рабочих. В марте 1982 г. Министерством финансов КНР было принято Временное постановление о расходах на систему образования рабочих и служащих и ее организацию, согласно которому с 1982 г. 1,5 % общего фонда заработной платы предприятия должно идти на повышение квалификации рабочих и служащих. На состоявшемся в середине 1982 г. Всекитайском совещании по вопросам образования рабочих и служащих вновь подчеркивалась необходимость «развертывать работу по повышению уровня образования рабочих и служащих»³⁵.

В результате за последние четыре года в КНР были достигнуты некоторые успехи в повышении общеобразовательного уровня рабочего класса, при этом использовалась такая форма подготовки, как обучение и повышение квалификации рабочих без отрыва от производства. Однако в целом положительный опыт повышения профессионально-технического уровня рабочего класса распространяется слабо, в большинстве районов страны набор на работу в основном происходит до получения рабочими профессиональной подготовки, по-прежнему существует система наследования рабочих мест, что серьезно тормозит рост профессионально-технического уровня рабочего класса Китая.

Проблема повышения производительности труда на промышленных предприятиях

Низкий профессионально-технический уровень рабочего класса Китая наряду с другими факторами, определяющими его социальную структуру, не может не оказывать сдерживающего влияния на рост производительности труда на промышленных предприятиях. За последние 10 лет производительность труда как в промышленности в целом, так и в отдельных отраслях увеличилась незначительно, а в отдельных отраслях народного хозяйства даже снизилась. Так, в капитальном строительстве в 1979 г. она составляла 3858 юаней на одного занятого в год, в 1980 г. — 4257 юаней, а в 1981 г. снизилась до 4051 юаня³⁶. Замедление темпов роста производительности труда во многом определялось вовлечением в производство большого числа неквалифицированных или малоквалифицированных рабочих, труд которых не определяет реальные производственные потребности. Например, в городе Сучжоу провинции Цзянсу с 1977 по 1981 г. среднегодовые темпы роста численности занятых в промышленности составили 8,2 %, а производительности труда — лишь 3,8 %. В 1981 г. при росте валовой продукции промышленности города на 6,1 % по сравнению с предыдущим годом рост производительности труда составил 0,7 %, а на предприятиях государственного сектора даже снизился на 3,5 %³⁷. Кроме того, рост производительности труда слабо стимулировался системой заработной платы, размер которой в основном определялся квалификационным разрядом, а не результатом личного труда рабочего.

Объективно не способствует росту производительности труда на-

³⁴ См.: «Жэньминь жибао», 20.III.1981.

³⁵ «Гуанмин жибао», 7.V. и 15.VII.1982.

³⁶ См.: Чжунго тунцзи няньцзянь 1981, с. 327.

³⁷ См.: «Жэнькоу юй цзинцзи», 1983, № 1, с. 36.

личные множества разбросанных по всему Китаю мелких предприятий народных коммун и производственных бригад, особенно в отраслях тяжелой промышленности. На мелких предприятиях остается чрезвычайно низким материально-технический уровень. Хотя они и получают списанное с крупных предприятий оборудование, основой производства там является традиционная технология и ручной труд. В конечном счете производительность труда на предприятиях коллективной собственности значительно ниже, чем на государственных. В 1981 г. на государственных промышленных предприятиях она составляла 11 822 юаня на одного занятого, а на коллективных в городах и поселках — 7294 юаня и на уровне народных коммун — около 3000 юаней³⁸.

Сравнение этих данных с производительностью труда на одного занятого в промышленности Шанхая — 25 293 юаня в 1981 г., что в три раза превышает средний показатель производительности труда по стране, — показывает, насколько велик разрыв в уровнях технической оснащенности между крупными предприятиями городов и мелкими кустарными мастерскими в народных коммунах. В самом деле, средняя производительность труда на промышленных предприятиях государственного сектора в Нанкине (провинция Цзянсу) составляет 15 597 юаней на одного занятого в год, то есть в семь раз больше, чем на промышленных предприятиях народных коммун этой же провинции, — 2235 юаней в год, а во внутренних районах страны этот разрыв еще больше. Например, в Сиани (провинция Шэньси) в начале 80-х годов этот показатель на промышленных предприятиях государственного сектора составлял 10 305 юаней, а в народных коммунах — 1076 юаней (9,5:1), в Ланьчжоу (провинция Ганьсу) — 12 909 юаней, а в народных коммунах — 1039 юаней (12,4:1)³⁹.

Такое различие в уровнях производительности труда определяется большим различием в фондовооруженности на одного занятого на крупных предприятиях центрального подчинения и мелких предприятиях местного подчинения. В среднем на одно предприятие народных коммун, производственных бригад приходится 19 тыс. юаней основных производственных фондов (или 1000 юаней на одного занятого)⁴⁰. На крупных предприятиях государственного сектора этот показатель значительно выше и зависит от уровня экономического развития провинции или города, например: в Пекине — 13 915 юаней на одного занятого, в Тяньцзине — 10 568 юаней, в Ухани — 16 473 юаня, в Далини — 13 570 юаней⁴¹.

Такие различия в фондовооруженности на одного занятого между крупными и мелкими предприятиями в зависимости от уровня подчинения, сектора и региона влекут за собой большие социальные различия между рабочими в уровне образования, квалификации и соответственно заработной плате и социальном страховании. Большая часть рабочих удалена от фабрично-заводского производства, и, поскольку они не связаны с современным производством, они не могут повысить уровень профессиональной квалификации, особенно при закреплении их за предприятиями.

* * *

Итак, в 80-е годы хотя роль рабочего класса Китая как ведущей производительной силы общества постепенно повышается, однако существует ряд объективных факторов, препятствующих этому. Один из

³⁸ Рассчитано по: Чжунго тунци няньцзянь 1981, с. 190, 265, 266.

³⁹ Рассчитано по: Чжунго тунци няньцзянь 1981, с. 59—61, 63—65, 83—85; Чжунго нунье няньцзянь, 1980. Пекин, 1981, с. 8, 136.

⁴⁰ См.: Чжунго цзинци няньцзянь 1981, с. IV — 55.

⁴¹ Рассчитано по: Чжунго тунци няньцзянь 1982, с. 27—29, 31—33, 43—45, 79—81.

них — необходимость ежегодно трудоустроить несколько миллионов человек в городах. Для решения проблемы трудоустройства в Китае вынуждены идти на создание большого числа мелких и мельчайших предприятий как в городе, так и в сельской местности, как государственных, так коллективных и частных, которые, как правило, находятся в местном подчинении, не имеют современного оборудования и не требуют квалифицированной рабочей силы. Этим и определяется преобладание рабочего класса в тех отраслях промышленности, где при преимущественном использовании ручного труда требуется большое количество рабочей силы, например в таких отраслях, как машиностроение, текстильная промышленность, а также на погрузочно-разгрузочных работах.

Создавшиеся условия не стимулируют использование интенсивных факторов роста производства, расширяются масштабы использования неквалифицированного физического труда без применения машин и механизмов. При низком уровне образования большей части рабочего класса это не способствует повышению его профессионально-технического уровня. В результате в китайском рабочем классе по-прежнему невелика доля высококвалифицированных рабочих V—VIII разрядов. В целом все это предопределяет замедленные темпы роста производительности труда на промышленных предприятиях, низкую эффективность производства.

В КНР делаются попытки повысить роль рабочего класса как ведущей производительной силы общества. Были проведены некоторые изменения в системе найма рабочей силы. Больше внимания стало уделяться системе профессионально-технического обучения. Во многих районах страны стали закрывать мелкие нерентабельные предприятия. Однако слабая материально-техническая база большей части промышленных предприятий предопределяет низкий уровень квалификации занятых на них. Поэтому несмотря на проведение мероприятий по повышению профессионально-технического уровня рабочего класса Китая, трудоустройство избыточной неквалифицированной рабочей силы на промышленные предприятия в городах в большой степени способствовало тому, что по-прежнему в составе рабочего класса преобладают рабочие, занятые на мелких предприятиях и не связанные с современной техникой. Все это создает большие трудности на пути становления рабочего класса Китая как ведущей производительной силы общества.

Япония: неустойчивое политическое равновесие

Ю. Д. КУЗНЕЦОВ

Досрочные, шестнадцатые после второй мировой войны выборы в палату представителей японского парламента, состоявшиеся 18 декабря 1983 г., привели к заметным сдвигам на внутривнутриполитической арене страны, хотя правящая Либерально-демократическая партия и осталась у власти, которую она удерживает со времени ее создания в 1955 г.

Наиболее впечатляющим результатом этих выборов была крупная неудача либерал-демократов, которые потеряли 36 мест и утратили большинство в нижней палате, обеспечив себе лишь 250 мест из 511. Ни одна избирательная кампания за все время существования ЛДП не имела для нее столь неблагоприятного исхода. Правящая партия смогла получить минимальное большинство и тем самым право на формирование однопартийного правительства лишь благодаря присоединению к ее парламентской фракции группы депутатов, которые были избраны как «независимые». В прошлом, особенно во второй половине 70-х годов, подобная операция уже помогала либерал-демократам сохранить большинство в парламенте, которое они утрачивали на выборах.

На декабрьских выборах 1983 г. уменьшилось не только число депутатских мест, завоеванное Либерально-демократической партией, но и доля избирателей, голосовавших за ее кандидатов, — с 47,9 % в 1980 г. до 45,8 %¹.

Результаты выборов в палату представителей в декабре 1983 г. были весьма показательны еще в одном отношении. Они продемонстрировали, что обозначившаяся в ходе избирательных кампаний 1979—1980 гг. тенденция к росту влияния ЛДП прекратила свое действие. Как и следовало ожидать, «возрождение консерватизма», о котором довольно много говорили в начале 80-х годов, оказалось недолговечным. Либерал-демократы не смогли доказать, что их политика, проводимая прежде всего в угоду монополистическому капиталу и приносящая в жертву интересы трудящихся, способна решить сложные экономические и социальные проблемы сегодняшней Японии. Более того, политика правительств, формировавшихся Либерально-демократической партией, вовлекла Японию в глобальную милитаристскую стратегию Вашингтона, рассматривающего Дальний Восток как один из потенциальных театров военных действий в случае развязывания проповедуемой Пентагоном «ограниченной» ядерной войны.

Исход выборов в палату представителей в декабре 1983 г. не был столь уж неожиданным. Ведь несостоятельность политики либерал-демократов вскрылась вовсе не в день голосования 18 декабря. Симптомы неизбежного ослабления влияния правящей партии проявились значительно раньше, когда она еще обладала устойчивым большинством в обеих палатах парламента, которому, казалось бы, ничто не угрожало.

¹ См.: «Асахи», 19.XII.1983.

Именно это ослабление привело осенью 1982 г. к вынужденной отставке правительства Д. Судзуки в обстановке кризиса государственных финансов. Однако хотя обострение финансового положения Японии и сыграло важную роль в судьбе кабинета Судзуки, его отставку никоим образом нельзя рассматривать в отрыве от широчайшего антиядерного движения, охватившего Японию и показавшего, что политика идущего в фарватере Вашингтона правительства ЛДП в вопросах предотвращения ядерной угрозы, обуздания гонки вооружений, ликвидации ядерного оружия противоречит чаяниям народных масс Японии. Тем самым было продемонстрировано, что обладание устойчивым большинством в парламенте само по себе не придает стабильности правительству, если оно проводит политику, не встречающую поддержки народных масс.

Тревожным для ЛДП сигналом было и первое крупное политическое сражение 1983 г. — состоявшиеся в апреле общенациональные выборы в органы местной власти, хотя эти выборы и завершились в целом благополучно для правящей партии. Блокируясь с центристскими партиями, ЛДП смогла удержать в своих руках посты губернаторов Токио, Осаки и других крупных префектур, а также мэров важных городов. Однако она потерпела поражение на выборах губернаторов Хоккайдо и префектуры Фукуока, где победили кандидаты левых сил. Это был тяжелый удар по правящей партии, опасавшейся, что аналогичная тенденция может проявиться и в ходе последующих кампаний по выборам в парламент.

Избрание прогрессивного кандидата на пост губернатора Хоккайдо нанесло сильный урон по престижу лично премьер-министра Я. Накасонэ, который в ходе предвыборной кампании совершил поездку на этот остров для агитации в пользу консервативного кандидата. Поездка премьер-министра была широко использована для пропаганды правительственного курса на милитаризацию страны, укрепление военного сотрудничества с США, конфронтацию с Советским Союзом. Поражение кандидата ЛДП в этих условиях далеко вышло за чисто местные рамки, оно показало недовольство населения острова проамериканской, милитаристской политикой кабинета Накасонэ, его желание иметь добрососедские отношения с СССР.

Естественно, что либерал-демократы приложили максимум усилий, чтобы не допустить ослабления своих позиций на проходивших в июне выборах в палату советников парламента, на которых подлежала переизбранной половине ее состава. С целью создания более благоприятных для правящей партии условий предвыборной борьбы был изменен порядок выборов в палату советников по общенациональному округу, на который приходилось 40 % переизбиравшихся депутатских мест. Если раньше голосование проводилось персонально по каждому кандидату в отдельности, то теперь — по спискам, которые выдвигались политическими партиями. Новая система была особенно выгодна для крупных партий, в первую очередь для ЛДП. Кроме того, она исключала возможность блокирования оппозиционных партий в отдельных избирательных округах, которое в прошлом не раз доставляло хлопоты правящей партии.

Правительство сделало определенные выводы из уроков выборов губернатора Хоккайдо и на время избирательной кампании по выборам в палату советников приглушило откровенно милитаристские высказывания вроде превращения Японии в «непотопляемый авианосец», «блокирования» международных проливов у берегов Японии, «охраны» морских коммуникаций на расстоянии 1000 миль от японских берегов и т. д. Таким образом либерал-демократам удалось дезориентировать некоторую часть не особенно искушенных в политике избирателей.

Перед самыми выборами в палату советников, отчасти в результате упоминавшегося уже изменения порядка этих выборов, возникло несколько мелких группировок, провозгласивших себя политическими

партиями. В июньских выборах приняло участие 12 таких «мини-партий». Поскольку все они выступали в оппозиции к ЛДП, это увеличивало раздробленность оппозиционного лагеря и в конечном счете оказалось на руку правящей партии.

В самой ЛДП высказывались различные мнения о проведении выборов. Фракция Танаки, например, предлагала повторить опыт двойных выборов, принесший либерал-демократам в 1980 г. большой успех, то есть одновременно провести выборы в обе палаты парламента. Сам бывший премьер-министр К. Танака был крайне заинтересован в проведении выборов в палату представителей, чтобы своим переизбранием в парламент (которое не вызывало сомнений, учитывая сильный контроль, установленный им над своим избирательным округом) оказать воздействие на приговор Токийского окружного суда по делу о получении им взятки от американской самолетостроительной компании «Локхид», вынесение которого ожидалось осенью.

Премьер-министр Накасонэ, однако, воспротивился проведению «двойных» выборов, не без оснований полагая, что либерал-демократам не удастся повторить успех 1980 г. и что в случае неудачного исхода выборов для правящей партии ему пришлось бы нести ответственность за это, вплоть до возможной утраты руководящих постов в ЛДП и правительстве. Заняв такую позицию, Я. Накасонэ смог опереться на влиятельные силы в правящей партии и за ее пределами. Против проведения «двойных» выборов выступили руководители крупных фракций в ЛДП, бывшие премьер-министры Т. Фукуда, Т. Мики и Д. Судзуки, а также правоцентристские партии: Новый либеральный клуб, Партия демократического социализма, Комэйто и Социал-демократический союз.

В таких условиях премьер-министру удалось настоять на своей точке зрения, несмотря на нажим, который оказывал на него Танака. Это способствовало определенному повышению престижа правительства, довольно низкого после январского визита Я. Накасонэ в Вашингтон, в ходе которого он продемонстрировал безоговорочную готовность следовать в фарватере авантюристической политики администрации Рейгана. Опрос общественного мнения, проведенный в начале июня газетой «Майнити», показал, что с марта доля поддерживающих правительство увеличилась с 34 до 40 %².

Все названные факторы привели к тому, что на выборах в палату советников 26 июня ЛДП удалось несколько укрепить свои позиции, получив дополнительно три депутатских места. Однако она не смогла добиться радикальных изменений в соотношении сил в верхней палате. «Выборы, в результате которых не оказалось победителей» — так расценила их итоги японская печать³.

Выборы в палату советников не принесли стабилизации внутриполитической обстановки. В связи с приближавшимся сроком вынесения судебного приговора по делу Танаки в стране ширилось движение против коррупции, против политики, ориентировавшейся прежде всего на монополистический капитал. Эта политика непосредственно связывалась с именем Танаки, однако именно ее неизменно проводила правящая Либерально-демократическая партия, которая усматривала большую опасность для себя в требованиях положить конец методам Танаки.

Антитанаковское движение осуществлялось в различных формах — от подготовки оппозиционными партиями проекта парламентской резолюции, требующей лишить Танаку депутатского места, до выдвижения на массовых митингах и демонстрациях лозунгов решительной борьбы с коррупцией в правящей партии. Хотя это движение не имело сколько-нибудь определенных организационных рамок, в нем участво-

² См.: «Майнити», 9.VI.1983.

³ См.: «Токио симбун», 28.VI.1983.

вали представители различных слоев населения, оно оказывало большое влияние на общественное мнение. О масштабах протеста против всего того, что олицетворяло имя Танаки, свидетельствовали опросы общественного мнения. По данным одного из них, проведенного газетой «Ёмиури», 73 % опрошенных считали необходимым, чтобы Танака отказался от депутатского мандата, если суд признает его виновным, 74 % — чтобы Танака больше не выдвигал свою кандидатуру на выборах в парламент, и 56,9 % — чтобы он полностью отказался от политической деятельности⁴.

В такой обстановке 12 октября Токийский окружной суд вынес обвинительный приговор по делу Танаки, признав его виновным в получении взяток от компании «Локхид» и приговорив к четырем годам тюремного заключения и штрафу в 500 млн. иен. После суда Танака, внеся залог, сразу же вышел на свободу и подал апелляцию в высшие судебные инстанции. Он продолжал оставаться депутатом парламента.

Сразу после решения суда оппозиционные партии потребовали немедленно провести в парламенте голосование по предложенному ими проекту резолюции, требующему лишить Танаку депутатских полномочий. Однако правительство и правящая партия отказывались удовлетворить это требование. Хотя сам Танака после начала судебного процесса над ним формально вышел из ЛДП и считался независимым, его сторонники составляли самую крупную внутривнутрипартийную группировку в ЛДП, в которую входили 118 депутатов обеих палат парламента. В руководстве ЛДП и в правительстве было 7 членов фракции Танаки, которые занимали ключевые посты — генерального секретаря ЛДП, генерального секретаря кабинета министров, министра финансов и др. Танака имел огромное влияние и на премьер-министра Накасонэ, сыграв определяющую роль в его приходе к власти в ноябре 1982 г., поскольку сам Накасонэ не располагал в правящей партии большинством, необходимым для избрания на пост ее председателя.

В связи с тем что правительство наотрез отказывалось заставить Танаку уйти в отставку, оппозиционные партии единодушно приняли решение бойкотировать заседания парламента. Так возник парламентский кризис, продолжавшийся больше месяца.

Единодушные оппозиции — довольно редкое явление в политической практике современной Японии. В последний раз оно проявилось в мае 1980 г., когда палата представителей вынесла вотум недоверия правительству Охиры. Гораздо чаще оппозиционные партии выступают разрозненно, помогая ЛДП удерживать власть в своих руках, казалось бы, в весьма неблагоприятных для нее обстоятельствах. Так, в частности, было в мае 1983 г., когда центристские партии (ПДС, Комэйто, а также блок Нового либерального клуба и Социал-демократического союза) отказались поддержать вотум недоверия правительству Накасонэ, который внесла Социалистическая партия при поддержке коммунистов.

Перерыв в работе парламента, вызванный бойкотом оппозиции, создавал серьезные трудности для правительства и правящей партии, поскольку затягивал принятие нужных им законопроектов, в особенности касавшихся так называемой «административной реформы» — сокращения государственного аппарата, реприватизации частных железных дорог и пр. в интересах монополий. Трудности на внутривнутриполитическом фронте осложняли положение правительства Накасонэ, готовившегося к приему в Японии канцлера ФРГ Г. Коля, президента США Р. Рейгана и председателя ЦК КПК Ху Яобана, программа пребывания которых предусматривала выступления перед депутатами парламента.

Стремясь вернуть депутатов оппозиционных партий в зал заседаний парламента, правительство и правящая партия выразили готовность пойти на некоторые уступки. ЛДП согласилась на принятие законов

⁴ «Ёмиури», 3.X.1983.

о сокращении налогов на 1,2 триллиона иен, о повышении заработной платы государственным служащим, на разработку комплекса мер по стимулированию деловой активности. Однако оппозиция отвергла этот маневр, охарактеризовав предложенное сокращение налогов как недостаточное и продолжая настаивать на первоочередном обсуждении парламентом проекта резолюции о лишении Танаки депутатских полномочий.

В самой правящей партии также не было единства мнений в вопросе о том, какой подход следует избрать к «проблеме Танаки». Хотя ЛДП и имела в то время устойчивое большинство в обеих палатах парламента, ее руководство опасалось, что немалое число депутатов могло бы в случае голосования по резолюции о Танаке выступить вместе с оппозицией или же воздержаться и тем самым способствовать принятию резолюции.

Эти опасения имели под собой достаточные основания. Проведенный газетой «Майнити» опрос депутатов парламента от ЛДП показал, что из 422 опрошенных депутатов обеих палат 43 % высказались за уход Танаки из высшего законодательного органа и лишь 20 % указали, что «в этом нет необходимости»⁵. Проведенный информационным агентством Кёдо Цусин опрос также подтвердил, что 38 % руководителей местных отделений Либерально-демократической партии считали необходимым лишить Танаку депутатского мандата.

Отражая эти настроения, многие видные деятели ЛДП также высказывались за то, чтобы Танака ради спасения «добраго имени» правящей партии сложил с себя депутатские полномочия. Такую позицию заняли, в частности, бывшие премьер-министры Т. Мики, Т. Фукуда и Д. Судзуки. Правительство не могло игнорировать их мнение, учитывая влияние этих деятелей не только в правящей партии, но и в стране в целом.

Чтобы найти выход из положения, Я. Накасонэ в конце октября лично обратился к Танаке с просьбой «помочь» в преодолении острого парламентарского и политического кризиса и «добровольно» уйти из парламента. Однако бывший премьер-министр, осужденный за взятки, отказался это сделать. Более того, фракция Танаки 25 октября высказалась за роспуск палаты представителей и проведение досрочных выборов.

С таким же требованием выступила и оппозиция, считавшая обстановку, сложившуюся после приговора суда по делу Танаки, крайне неблагоприятной для ЛДП и рассчитывавшая использовать ее для изменения соотношения сил в свою пользу. Особенно активную позицию в вопросе о роспуске парламента занимала Социалистическая партия, новое руководство которой во главе с председателем ЦИК М. Исибаси, сформированное на 48-м съезде партии в сентябре, стремилось захватить политическую инициативу в свои руки.

В обстановке острой внутрипартийной борьбы в ЛДП некоторые ее деятели пошли на прямой контакт с оппозицией. Бывший премьер-министр Т. Мики встретился с руководителями СПЯ, КПЯ и ПДС. И хотя ни о каком реальном сотрудничестве части либерал-демократов с оппозицией в то время не могло быть и речи, перспектива такого сотрудничества вызывала серьезное беспокойство у руководства правящей партии.

Роспуск парламента как выход из политического тупика стал неизбежным, однако правительство не могло немедленно пойти на этот шаг, поскольку еще не был завершен процесс утверждения внесенных им законопроектов и, кроме того, ожидалось визиты в Японию иностранных деятелей на высшем уровне.

⁵ «Майнити», 22.X.1983.

На время этих визитов между правительством и большинством оппозиции было заключено своеобразное «перемирие». Депутаты оппозиционных партий, за исключением коммунистов, присутствовали в парламенте во время выступлений Г. Коля, Р. Рейгана, Ху Яобана.

Однако либерал-демократы использовали «перемирие» для укрепления своих позиций. 16 ноября было созвано пленарное заседание палаты представителей с участием депутатов лишь от правящей партии, на котором было принято решение о продлении парламентской сессии на 12 дней. Это решение ознаменовало поражение во внутрипартийной борьбе премьер-министра Я. Накасонэ, предлагавшего продлить работу сессии на месяц, чтобы оттянуть досрочные выборы по крайней мере до начала 1984 г. Однако генеральный секретарь ЛДП, ближайший сторонник Танаки С. Никайдо, настаивавший на продлении сессии только на 10 дней, одержал верх.

Тем временем ЛДП смогла убедить депутатов от Нового либерального клуба отказаться от бойкота парламентской сессии и 17 ноября при поддержке НЛК провела на заседании палаты представителей почти все подготовленные ею законопроекты. Премьер-министр Накасонэ заявил, что утверждение парламентом всех стоящих на повестке дня законопроектов является необходимым условием проведения досрочных выборов.

В создавшейся обстановке оппозиция, чтобы не потерять влияние среди избирателей, была вынуждена возобновить участие в работе сессии парламента, так и не добившись обсуждения резолюции о лишении Танаки парламентского мандата. 18 ноября депутаты всех оппозиционных партий приняли участие в пленарном заседании палаты советников, где обсуждались законопроекты, связанные с «административной реформой». Парламентский кризис завершился. Внешне это была победа правительства, поскольку ему не пришлось идти на поводу у оппозиции и принимать какие-либо меры в отношении Танаки. По существу, однако, это было новое поражение премьер-министра, который был вынужден вопреки своему желанию, но под давлением оппозиционных партий и фракции Танаки пойти на роспуск парламента и проведение досрочных выборов в палату представителей.

Нежелание Я. Накасонэ спешить с проведением выборов объяснялось его опасениями по поводу того, что они могут закончиться неудачно для ЛДП. И хотя летом он смог противостоять требованию провести «двойные» выборы, на этот раз ему пришлось уступить.

28 ноября оппозиционные партии внесли в парламент вотум недоверия правительству. В ответ на это премьер-министр распустил парламент и назначил всеобщие выборы. Началась короткая, но ожесточенная предвыборная кампания. В ней участвовало 848 кандидатов, претендовавших на 511 мест в палате представителей. Больше всего кандидатов — 360 — выдвинула правящая Либерально-демократическая партия, располагавшая, как всегда, наиболее крупными денежными средствами, которые ей щедро предоставляли большие компании. А среди либерал-демократов первое место по числу выдвинутых кандидатов (84) занимала фракция Танаки, которая возлагала на выборы большие надежды, рассчитывая еще больше укрепить свое лидирующее положение в ЛДП и тем самым «реабилитировать» своего оскандалившегося руководителя.

Однако судебный приговор Танаке серьезно подорвал престиж ЛДП, что отразили и проводившиеся перед самым началом избирательной кампании опросы общественного мнения. Как показал опрос, проведенный газетой «Асахи», доля поддерживающих правящую партию впервые за несколько лет составила меньше половины опрошенных — 48 %. Напротив, доля сторонников оппозиционных партий, в течение ряда лет удерживавшаяся на уровне 30 %, на этот раз возросла

до 41 %⁶. Сократилась и поддержка правительства — до 38 %, по данным опроса газеты «Майнити»⁷.

Естественно, что оппозиционные партии всячески стремились использовать благоприятную для них обстановку, объединяя свои усилия в отдельных избирательных округах. Начало этому процессу положила СПЯ, еще в сентябре предложив сотрудничество Комэйто. В дальнейшем в ходе неоднократных переговоров на различных уровнях, включая председателей обеих партий, они достигли договоренности о взаимном сотрудничестве в 6 избирательных округах. 29 ноября было подписано соответствующее соглашение двух партий. В тот же день соглашение о сотрудничестве в 25 округах подписали лидеры Комэйто и ПДС. Кроме того, имели место и другие комбинации оппозиционных партий в предвыборной борьбе. Пять оппозиционных партий (за исключением компартии) сотрудничали в той или иной форме в 57 из 130 избирательных округов⁸. Это было рекордное число по сравнению со всеми предшествовавшими парламентскими выборами.

Предвыборная кампания продемонстрировала новую тенденцию поведения профсоюзов в отношении поддержки политических партий. Была нарушена многолетняя традиция, согласно которой профсоюзы, входящие в Сохё, поддерживают Социалистическую партию, а профсоюзы — члены Домэй — Партию демократического социализма. На этот раз некоторые отраслевые профсоюзы, входящие в Сохё, стали оказывать поддержку кандидатам ПДС, а профсоюзы, входящие в Домэй, — кандидату СПЯ. Характерно, что с инициативой такой «перекрестной» поддержки выступил Всеяпонский совет профсоюзов частных предприятий (Дзэммин рокё), созданный в декабре 1982 г. и объединивший членов как Сохё, так и Домэй. Дзэммин рокё, придерживающийся правореформистских позиций, претендует на лидирующее положение в японском профсоюзном движении, и он использовал предвыборную кампанию для подкрепления этих своих претензий.

Однако сотрудничество оппозиционных партий, а также профсоюзов на выборах в палату представителей имело существенный изъян — оно не распространялось на КПЯ, которую ее соперники явно стремились изолировать. В этом проявлялась давняя линия правой оппозиции, прежде всего ПДС, которая неизменно отвергала всякое сотрудничество с коммунистами. Такая ограниченная линия не позволяла оппозиционным партиям в полной мере использовать преимущества взаимного сотрудничества, ослабляла их ряды и фактически помогала правящей партии, развернувшей ожесточенную антикоммунистическую кампанию.

На необходимость решительной борьбы против антикоммунистической кампании указал 6-й пленум ЦК КПЯ, состоявшийся 17—18 ноября. Тем не менее антикоммунистические нападки, к которым широко прибегала правящая, а также некоторые оппозиционные партии, оказали определенное воздействие: КПЯ потеряла три депутатских места по сравнению с предшествовавшими выборами 1980 г. За кандидатов КПЯ отдали голоса 9,3 % избирателей по сравнению с 9,8 % на выборах 1980 г.⁹

Успеха на выборах добились СПЯ, Комэйто и ПДС, не в последнюю очередь в результате их взаимного сотрудничества. Напротив, Новый либеральный клуб потерял два места, а Социал-демократический союз сохранил свои позиции. Тем самым выборы 1983 г. вновь показали, что мелким партиям из-за обострения конкурентной борьбы становится все труднее удерживаться на внутривыборной арене.

На исход выборов немалое влияние оказала и тактика тех или иных

⁶ См.: «Асахи», 5.XII.1983.

⁷ См.: «Майнити», 23.XI.1983.

⁸ См.: «Ёмиури», 4.XII.1983.

⁹ См.: «Асахи», 19.XII.1983.

партий, прежде всего их способность сосредоточить силы в наиболее перспективных округах. Например, ПДС получила на 1,2 млн. голосов меньше, чем КПЯ, но провела в палату представителей на 12 депутатов больше. За Комэйто голосовало всего на 400 тыс. человек больше, чем за КПЯ, но численность депутатской фракции Комэйто более чем в два раза превысила число депутатов КПЯ.

Результаты декабрьских выборов были крупным поражением ЛДП, хотя она и осталась ведущей партией как по числу полученных голосов избирателей, так и по числу завоеванных депутатских мест. Безусловно, в этом немалую роль сыграло дело Танаки, серьезно подорвавшее престиж правящей партии в глазах избирателей. Но было бы неправильно сводить причины поражения ЛДП только к этому. Избиратели недвусмысленно выразили свое несогласие с курсом правительства Накасонэ на милитаризацию Японии, на расширение военно-стратегического сотрудничества с Вашингтоном, с планами Пентагона и японских «ястребов» превратить Японские острова в «непотопляемый авианосец» США. Не помогла правящей партии и серия визитов на высшем уровне непосредственно перед выборами, хотя некоторые из этих визитеров, и прежде всего президент США Рейган, не жалели усилий, чтобы подкрепить позиции правительства и лично премьер-министра Я. Накасонэ.

Выборы привели к некоторому изменению соотношения сил и внутри самой правящей партии. Еще больше возросло влияние группировки Танаки. Сам Танака, несмотря на приговор суда, получил наибольшее число голосов за все время своего пребывания в парламенте. Ни у кого не вызывало сомнения, что эта «победа» была достигнута ценой огромных денежных средств, использованных сторонниками Танаки в его избирательном округе, однако она дала бывшему премьер-министру предлог для оспаривания решения суда.

Важнейшей задачей правящей партии после выборов стало обеспечение хотя бы минимального большинства в палате представителей, чтобы получить возможность вновь сформировать однопартийное правительство. Это было сделано в результате привлечения либерал-демократами в свою парламентскую фракцию около десяти депутатов, баллотировавшихся на выборах в качестве «независимых». Это, однако, не решило всех трудных проблем, возникших для ЛДП в результате выборов. Потеря значительного числа депутатских мест привела к утрате либерал-демократами большинства в ряде комиссий палаты представителей, играющих важную роль при обсуждении парламентом внесенных законопроектов и поэтому оказывающих определенное влияние на законодательный процесс.

Главным итогом декабрьских выборов в палату представителей можно, следовательно, считать возвращение к существовавшему в 1976—1979 гг. примерному равенству сил между правящей партией и оппозицией. Иначе говоря, в нижней палате парламента вновь возникло неустойчивое политическое равновесие. Правда, нынешняя ситуация несколько отличается от той, которая сложилась во второй половине 70-х годов, когда такое неустойчивое равновесие имело место в обеих палатах парламента. Сейчас же в палате советников ЛДП по-прежнему располагает устойчивым большинством. Тем не менее не следует приуменьшать сложности нынешней обстановки для правящей партии с учетом более важной роли, которую играет палата представителей в структуре парламента Японии.

Не случайно сразу же после того, как стали известны результаты выборов, премьер-министр Я. Накасонэ заявил, что намерен проводить линию на диалог с оппозицией и в большей степени считаться с ее мнением. Диалог с оппозицией — это вынужденная тактика для ЛДП, к которой она прибегала при правительствах Т. Фукуды и М. Охкры во второй половине 70-х годов. Когда же в 1980 г. ЛДП завоевала ус-

тойчивое большинство в обеих палатах, она начисто забыла о необходимости такого диалога.

Можно с уверенностью предположить, что при нынешней расстановке сил в японском парламенте возрастет роль оппозиции и ее влияние на политику страны. Другое дело, сумеют ли оппозиционные партии воспользоваться открывающимися для них новыми возможностями или же, как это было в недалеком прошлом, вновь отдадут инициативу в руки ЛДП.

Во всяком случае, правящая партия испытывает немалое беспокойство по поводу будущего. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что либерал-демократы не могли позволить себе открытой вспышки внутрипартийной борьбы за руководящие посты после выборов, сознавая, что она привела бы к еще большему падению престижа партии. Поэтому либерал-демократы предпочли продемонстрировать показное единство, оставив Я. Накасонэ на посту премьер-министра, несмотря на неудачу на выборах. Такой подход резко контрастирует с ситуацией 1976 г., когда после меньшей потери депутатских мест тогдашний премьер-министр Т. Мики был вынужден подать в отставку.

В 1983 г. Япония пережила три крупные избирательные кампании, что случается крайне редко. И хотя в ближайшем будущем новых выборов не ожидается, на внутривнутриполитической арене, несомненно, предостой острая борьба, причем не только в парламенте. Япония вступает в новый период классовых сражений.

И Либерально-демократической партии и Я. Накасонэ удалось несмотря на неудачу на выборах остаться у власти, однако не без ущерба для себя. Соперники Накасонэ в ЛДП согласились с сохранением им нынешних постов лишь после того, как он выступил с публичным заявлением, в котором полностью признал свою ответственность за потерю либерал-демократами многих депутатских мест, сказав, что заслуживает отставки с поста председателя ЛДП, и выразив намерение ликвидировать всякое политическое влияние со стороны Танаки.

Ущерб для ЛДП состоял в том, что она впервые за время своего существования утратила монополию политической власти. В целях обеспечения более или менее устойчивого большинства либерал-демократам пришлось пойти на образование единой парламентской группы с Новым либеральным клубом — так называемого «Национального союза ЛДП и НЛК». Этот союз в результате имеет в палате представителей 267 мест. Взамен ЛДП пришлось включить в правительство представителя НЛК. По существу, таким образом в Японии впервые за много лет появилось коалиционное правительство. И хотя, как заявил новый генеральный секретарь ЛДП Р. Танака, речь идет о «консервативно-консервативной коалиции», это не может умалить значения главного результата декабрьских выборов в палату представителей. А он состоит в том, что ЛДП все труднее становится удерживать власть в своих руках, — не только на местном, но и на общенациональном уровне.

Проблема элиты в трактовке китайской буржуазной социологии

С. Р. БЕЛОУСОВ

В общем плане теории элиты представляют собой социально-философские концепции, согласно которым неотъемлемыми составными частями структуры общества являются элита («квалифицированное меньшинство», правящий привилегированный слой, осуществляющий функции управления, «отвечающий» за развитие науки и культуры) и основная масса людей. Исходный постулат подобных теорий — абсолютизация политических отношений: политическая власть расценивается как доминирующий фактор и предпосылка всех общественных отношений, из которых наиболее значимы господство и подчинение. Соответственно классовые корни элитистских теорий лежат в разделении антагонистического общества на эксплуататорское меньшинство (политически господствующее) и эксплуатируемое большинство (политически зависимое). Таким образом, элитизм — неотъемлемая принадлежность общества, построенного на частной собственности на средства производства. Он представляет собой сущность мышления господствующего класса¹.

Теоретическим фундаментом элитизма является философский идеализм. Значительное распространение теорий правящей элиты объясняется прежде всего тем, что они направлены на духовное порабощение масс, на консервацию их политической инертности и культурной отсталости. Как и все идеалистические теории, они — «пустоцвет, беспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного... человеческого познания»².

Возникновение элитистских идей. Традиции и тенденции развития

История возникновения теорий элиты уходит своими корнями в глубь веков. В Европе их зарождение обычно связывают со взглядами идеологов рабовладельческой аристократии, в частности Платона, который не допускал никакого участия народных масс (демоса) в управлении государством и утверждал, что «человеческий род не освободится от зла, пока поколение истинных философов не придет к власти». Эти взгляды получили дальнейшее развитие в социологических концепциях Н. Макнавелли и Т. Карлейля, уделявших значительное внимание проблеме элиты как правящей группы, осуществляющей руководство обществом. Однако наиболее актуальным данный круг вопросов стал для буржуазии лишь в XX в. (в связи с неуклонным ростом политической сознательности и активности масс), и действительное начало систематических исследований в этой области связано в первую очередь с работами современных итальянских социологов В. Парето, Г. Моска и Р. Михелса³. Таким образом, с древнейших времен

¹ См.: Г. Аптекер. О сущности свободы. Пер. с англ. М., 1961, с. 41.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 322.

³ Подробнее о теориях элиты см.: Г. К. Ашин. Миф об элите и «массовом обществе». М., 1966.

и до наших дней идеологи господствующих классов объявляли субъектом истории не только отдельные «сильные личности», но и целый социальный слой, причисляя верхушку правящего класса к касте «выдающихся лиц» — так сказать, истинных творцов исторического и культурного прогресса.

Зарождение элитистских идей в Китае на несколько столетий опережает европейскую традицию: «утробные» формы их существования относятся еще к доконфуцианскому периоду⁴. Основой политической теории самого конфуцианства стал тезис об «изначальном» неравенстве людей и делении их на два социальных слоя — управляющих и управляемых. Руководство обществом оно считало исключительной прерогативой особой прослойки «благородных чиновников» — «цзюнь цзы» (в данном случае этот термин означает именно причастных к делам управления и символизирует развитие первоначальной конфуцианской модели совершенного человека, «благородного мужа»). Как правило, под «благородными чиновниками» подразумевались лица, занимавшие высшие посты в государственном аппарате и допускавшиеся к свободному толкованию моральных норм, «правил» (ли), в то время как от большинства требовалось неукоснительное и слепое соблюдение последних. Характерно, что антидемократическая по сути конфуцианская концепция политической системы, отрицавшая право масс на широкое участие в управлении государством и сводившая их роль к чисто исполнительским функциям, включала в себя демагогическое требование «осуществлять правление в интересах народа, а не правителя». Этот тезис стал традиционным для общественно-политической мысли Китая и сохранялся на всем протяжении ее эволюции.

Иная, но также четко выраженная элитистская концепция социальной организации общества была разработана школой легистов (фа цзя), не признававшей за народом никаких политических прав на государственное управление. Легисты, как известно, акцентировали внимание на укреплении власти сильной личности; однако параллельно формировавшийся слой бюрократии не хотел мириться с положением зависимой политической силы, и по мере укрепления позиций бюрократии «и превращения ее в правящее сословие возрастала и ее роль, особенно роль ее высшего звена, в решении различных государственных дел»⁵. Задолго до Макиавелли легисты создали свою модель деспотического государства и заложили основы бюрократического правления высшего привилегированного слоя. При этом они, как и конфуцианцы, настаивали на том, что смысл всей их деятельности обусловлен искренней заботой об интересах и благе народа.

К III в. до н. э. представители различных философских школ Китая выработали единый взгляд на место индивидуума в системе социальных отношений, зависящее от меры его заслуг перед обществом, расходясь лишь в трактовке понятия «заслуги». Именно в эпоху Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) начался процесс синтеза ранее противоборствовавших идеологий, «конфуцианизация» закона (слияние «ли» с «фа»). Этот процесс завершился оформлением так называемого ортодоксального конфуцианства, политическая система которого включала в себя черты обоих учений. В известной степени такое «примирение» стало возможным потому, что и конфуцианцы, и легисты не допускали участия простого народа в решении вопросов государственного управления. Итак, представители крупнейших направлений философской и политической мысли Китая затрагивали проблемы социальных отношений в истории страны; в ходе решения этих проблем была выработана концепция иерархичности китайского общества, парал-

⁴ Ип: Н. G. Creel. *Chinese Thought from Confucius to Mao Tse-tung*. Chicago, 1953, p. 12—13.

⁵ Л. С. Переломов. *Конфуцианство и легизм в политической истории Китая*. М., 1981, с. 129.

лельно с которой отстаивался спекулятивный тезис о «правлении ограниченного меньшинства исключительно в интересах большинства» и в принципе признавалась необходимость ограничения в той или иной степени роста социального неравенства. Конфуцианско-легистская концепция политической системы, подразумевавшая существование правящей элиты, сохранялась в общих чертах вплоть до XX в.

Первые десятилетия XX в. характеризовались повышением интереса китайских интеллектуалов к западным ценностям, интенсивным распространением европейских учений в Китае, влияние которых на общественно-политическую мысль страны этого периода трудно переоценить. Правда, сочинение Дж. С. Милля «О свободе» и книга Ш. Монтескье «Дух законов» были переведены Янь Фу на китайский язык еще в 80-е годы XIX в. Однако в то время эти работы, как и немногие другие переведенные, читались мало, а если и читались, то только как литературные произведения. В новых же условиях невольное убеждение в очевидных преимуществах некоторых сторон западной цивилизации, недовольство зависимым положением страны и обусловленное этим обострение националистических настроений заставили идеологов крепнувшей китайской буржуазии заняться серьезным изучением европейских доктрин, которые, с их точки зрения, можно было в той или иной степени использовать для осуществления «национальной реконструкции» в кратчайшие сроки.

Знакомство с европейской мыслью и общественными институтами, понимание необходимости реформ и стремление «идти в ногу со временем» убеждало многих представителей буржуазной интеллигенции Китая в необходимости решения наряду с другими и вопроса о структуре политической системы общества. Необходимо отметить, что для буржуазии, как и для других эксплуататорских классов, характерно уничижительное отношение к народным массам, приписывание всех заслуг в развитии цивилизации «мудрым», образованным представителям господствующего класса. Поэтому решение проблемы государственного управления в трактовке китайских буржуазных идеологов неизбежно должно было привести и привело (как и в Европе) к появлению новых интерпретаций элитистских теорий. Они служат иллюстрацией того общего положения, что в современной буржуазной социологии нет отдельно оформленного направления — элитизма; это не особое направление, а характерная черта всей буржуазной социологии. В соответствии с этим теоретические исследования элиты не носили в Китае систематического характера, и их нельзя назвать теориями в общепринятом значении слова; однако все наиболее заметные фигуры в идейной жизни страны XX в. так или иначе затрагивали проблему «творческого меньшинства» в рамках своих общественно-политических концепций (речь идет, естественно, о буржуазных идеологах). При этом внимание большинства теоретиков и исследователей политической истории Китая в 1911—1949 гг. фокусировалось на изучении верхушки социально-политической пирамиды — административной иерархии на национальном и региональном уровнях. Почти не практиковался «взгляд снизу», то есть анализ «местного общества», локальных политических структур и групп (в том числе элит), позволяющий устранить издержки концепций глобального характера.

Основоположники марксизма-ленинизма говорили о необходимости покончить с нелепым предрассудком, «будто управлять государством... могут только так называемые «высшие классы», только богатые или прошедшие школу богатых классов»⁶. В контексте этого ленинского положения становится очевидным, что конкретно-исторический анализ эволюции теорий элитарного управления в Китае XX в. способствует более глубокому пониманию реакционной сущности китайской буржу-

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 198.

азной социологии и некоторых общих тенденций ее развития в новейшее время. В ходе этого анализа необходимо, разумеется, проводить четкую грань между взглядами безусловно реакционных теоретиков и тех, чья в целом прогрессивная программа содержала частные ошибочные положения.

Тяжелое внешнее и внутреннее положение, в котором оказался Китай к началу XX в., и стремление вывести страну из кризиса поставили идеологов национальной буржуазии перед сложной альтернативой, связанной с необходимостью решения проблемы традиции: должна ли она быть сохранена или отброшена? Возможен ли синтез старого и нового, традиционализма и модернизма? С одной стороны, отречение от глубоко интегрированных и укоренившихся общественно-политических доктрин и институтов, существовавших на протяжении двух тысячелетий, порождало серьезные трудности психологического порядка. С другой стороны, формирование современной национальной государственности требовало новой структуры. Как бы то ни было, можно сказать, что в большинстве случаев существовала проблема ассимиляции западной доктрины в контексте национальной специфики. Элитистские концепции, развившиеся на китайской почве в новых исторических условиях, не являются в этом смысле исключением: в них «уживаются» адаптированные к китайским традициям элементы европейских теорий и традиционные взгляды на структуру политической системы, причем последние чаще всего занимают доминирующее положение. По существу, решение проблемы элиты в трактовке китайской буржуазной социологии представляет собой реминисценцию отечественных (прежде всего конфуцианских) идей государственного управления.

Представляется естественным рассматривать элитистские теории в Китае новейшего времени в хронологическом порядке, что позволит, с одной стороны, выявить ту или иную степень идейной и функциональной связи каждой из них с китайской традицией, а с другой — проследить известную преемственность и взаимовлияние между самими этими теориями.

Элитизм в интерпретации Лян Цичао

Проблема правящей элиты затрагивалась представителями либерально-реформаторского крыла китайской буржуазии, из которых наибольшее внимание ей уделил Лян Цичао (1873—1929). Расценивая конституционный монархический строй как оптимальную в принципе форму правления для Китая, но считая, что государственно-административные институты страны не подготовлены к немедленному осуществлению конституционной монархии, Лян Цичао на рубеже 1905—1906 гг. отказался от ее пропаганды и перешел к апологетике «просвещенного абсолютизма».

Лидер реформаторов считал этот режим наиболее подходящей для Китая «переходной формой», а сам период перехода к конституционной монархии должен был занять, по его мнению, от 10 до 20 лет. Расшифровывая содержание довольно абстрактного понятия «просвещенный абсолютизм», Лян Цичао писал, что его политическая система подразумевает «осуществление абсолютной власти в интересах народа»⁷. При этом он опирался на концепцию немецкого историка-монархиста К. Борнхака и приводил аргументы, напоминающие социологические построения английского философа Т. Гоббса, рассматривавшего государство как «результат договора между людьми». Однако, несмотря на наличие и частичное использование западных аналогов, концепция

⁷ Лян Цичао. Каймин чжуаньчжи лунь (О просвещенном абсолютизме). — Синьхай гэмин цянь шилунь сюаньцзи (Избранные материалы по истории Китая накануне Синьхайской революции), т. 2, ч. 1, Пекин, 1963, с. 166—167, 169.

Лян Цичао совершенно очевидно ассоциируется прежде всего с конфуцианской доктриной гуманного, «человеколюбивого» монархического правления.

Синьхайская революция 1911 г. заставила Лян Цичао пересмотреть свою позицию. В первые годы существования республики, как, впрочем, и в дальнейшем, он считал конституционное правление на базе двухпартийной системы наиболее приемлемой моделью для Китая в новую эпоху. Претендуя на научность и «беспартийность» своей социологии, Лян Цичао, как буржуазный идеолог, не мог не заимствовать догмы и предрассудки класса, к которому принадлежал и интересы которого защищал. Подобно большинству элитистов, он представлял процесс формирования элиты как нечто имманентно присущее развитию социально-политической, культурной и психологической жизни общества, как неотъемлемый атрибут цивилизации. Ему казалось естественным, что и при конституционном строе партийные лидеры и государственные деятели должны быть выходцами из высших слоев социальной пирамиды. «Сама человеческая природа обуславливает тот факт, что благонамеренное миролюбивое большинство следует руководству со стороны выдающегося меньшинства, — писал Лян Цичао. — На протяжении всего хода истории во всех странах именно меньшинство несло ответственность за судьбу нации»⁸. (Упоминание о «человеческой природе» в данном контексте также не случайно, если вспомнить увлечение автора социал-дарвинизмом.)

Классовая ограниченность лидера реформаторов приводила его к убеждению в том, что отношения руководства будто бы неизбежно принимают форму отношений политического господства и подчинения. С немалой долей категоричности Лян Цичао заявлял, что «народ не в состоянии управлять сам», разделяя точку зрения древних легистов, согласно которой массы неизменно приветствуют положительные конечные результаты правления, но трудно от них ожидать инициативы в выработке и выполнении долгосрочных стратегических планов руководства государством. Как и все элитисты, он считал, что демократия в смысле народоправия неосуществима, поскольку народ представляет собой толпу, мышление которой упрощенно и символично, и поэтому он нуждается «в опеке» со стороны высокоодаренных личностей из господствующих классов. По мнению Лян Цичао, народное правление и правительство, сформированное из представителей народа, — «историческая иллюзия». Среди причин, обуславливающих «иллюзорность» народной власти, лидер реформаторов называл и возможность спекулировать эмоциональной стороной общественного сознания масс: политический лидер способен выдать свои собственные амбиции за интересы определенной части общества. Даже в государствах с «развитыми демократическими традициями», подчеркивал Лян Цичао, социальная демагогия не только сохранялась, но зачастую и выливалась в прямое нарушение человеческих прав. Функции «демократической» системы управления (естественно, в буржуазном толковании понятия) состоят в том, чтобы гарантировать соблюдение этих прав, с одной стороны, и отстаивать интересы государства — с другой. По мнению Лян Цичао, народные формы правления, как это ни парадоксально, могут быть главным препятствием на пути реализации этих задач. С его точки зрения, простолудин, избранный, скажем, депутатом, назначенный министром или чиновником, неизбежно злоупотребит властью. Пытаясь обосновать свое мнение, он говорил об иррационализме масс и их неподготовленности к делам управления, притворно сетуя на примитивность их политического мышления, низкий культурный уровень и неинформированность. А «непросвещенный народ» легко не только об-

⁸ Лян Цичао. Чжунго лиго да фанчжэнь (Руководящие принципы создания китайского государства). — In: Ch. T. a. n. Chinese Political Thought in the Twentieth Century. New York, 1971, p. 34.

мануть, но и подкупить, он руководствуется лишь местными и личными интересам и не понимает государственных и общественных⁹. Словом, простым китайцам никак нельзя доверить такое «цивилизованное дело», как осуществление парламентских форм государственной власти.

Если проблема создания политической системы, основанной на участии представителей народа в процессе управления, вообще не рассматривалась Лян Цичао как серьезная перспектива, то элитарное правление расценивалось им как логическая альтернатива. Гарантией справедливого и успешного руководства обществом, с его точки зрения, служит высокий уровень интеллекта, набор необходимых «добродетелей» и достоинств у осуществляющих его лиц; политическую деятельность надо предоставить профессиональным политикам, «специально подготовленным» и «осведомленным», обладающим определенным социальным статусом, престижем и влиянием. В силу своей классовой принадлежности он был убежден, что деятели такого плана могут быть найдены только в среде господствующего класса, имеющего доступ к образованию, науке и культуре, к руководящему положению в политической и экономической жизни, и приволил в качестве примера такую социальную категорию, как шэньши в Китае, считая, что в новую эпоху в стране найдется достаточно людей, «достойных» этой традиции¹⁰. Сам ход истории опроверг эти абсурдные утверждения Лян Цичао. В период господства гоминьдана в Китае появился вместо «добродетельных шэньши» Лян Цичао новый социальный тип, характеризующийся термином «злые шэньши» (лэшэнь), фактически монополизировавший местные органы самоуправления. Рост этой новой властвующей элиты был тесно связан с организованным насилием и утратой законности — он шел параллельно с частичным устранением представителей старого господствующего класса путем похищений и убийств¹¹. Симптоматично, что даже этот явно реакционный и по существу преступный слой элиты выдвигал в качестве основания своей деятельности заботу о благосостоянии народа.)

В целом Лян Цичао настаивал как на объективной закономерности на том, что в «рациональном» обществе «неподкупно честные» и «обладающие чувством собственного достоинства» образованные представители его верхушки представляют тот слой, из которого рекрутируются политические лидеры. Эти «порядочные ученые» в известной степени напоминают «естественных аристократов» в учении английского социолога Э. Берка и американца Ф. Гиддингса; однако в основе своей взгляды Лян Цичао являются в первую очередь реминисценцией конфуцианской модели «совершенной личности» — цзюнь цзы. Его тезис о том, что элитарное правление не только желательно, но и неизбежно, во многом совпадает с позицией В. Парето, Г. Моска и Р. Михелса, безоговорочно утверждавших, что политическое руководство меньшинства неминуемо («железный закон олигархических тенденций»). Но если взгляды этих европейских социологов окрашены в циничные тона, то Лян Цичао идеализирует элиту, приписывая ей огромное интеллектуальное и моральное превосходство в традициях конфуцианства. В соответствии с этими же традициями он пытается завуалировать антидемократическую сущность своих социологических построений красивыми фразами о бескорыстном, «миссионерском» характере деятель-

⁹ См.: Лян Цичао. Каймин чжуаньчжи лунь, с. 192—193; Ch. C. T'ang. Op. cit., p. 35.

¹⁰ См.: Лян Цичао. Во дуйюй чжэнчжишанда ибань чжучжан (О моих общеполитических взглядах). — В кн.: Пипань чжунго цзычань цзэцзи чжунцзянь лусянь данькао цзыляо (Материалы по критике среднего пути китайской буржуазии), т. 1. Пекин, 1958, с. 115—118.

¹¹ In: G. S. Alitto. Rural Elites in Transition: China's Cultural Crisis and the Problem of Legitimacy. — In: Papers from Research Conference on Rural Urban Networks in Chinese Society. Ann Arbor, 1979, p. 252.

пости правящей элиты по отношению к «управляемым» и подчеркивает, что интеллигенция и «люди знающие» должны играть роль духовных наставников и руководителей, «добрых гениев» неграмотных и «несведущих».

Не умаляя степени реакционности взглядов Лян Цичао на социальную структуру политической системы, надо отметить, что он не был слеп в отношении одиозных деятелей внутри правящей верхушки господствующего класса. Как и Э. Бёрк, который выделял среди титулованной знати Англии «льстецов, доносчиков, паразитов, сводников и фигляров», Лян Цичао признавал, что среди правящей элиты послереволюционного китайского общества немало бюрократических, реакционных и просто «подлых» элементов. Однако эта объективная оценка нивелировалась его же собственным объяснением причины появления таких элементов — он видел ее в расширении революционного движения, ниспровергающего в общем потоке и «правильные» нормы общественной жизни, и моральные принципы, господствовавшие в Китае до революции¹².

Элементы элитизма во взглядах революционных демократов

Позиция Лян Цичао и других либерал-реформаторов (в частности, Гу Шэна) в вопросе политической системы во многом определялась задачами их идеологической и политической борьбы с представителями революционно-демократического крыла китайской буржуазии (Сунь Ятсен, Чжан Бинлинь, Ван Цзинвэй, Чжу Чжисинь и др.). После создания в 1905 г. в Токио общества Тунмэн хуэй под руководством Сунь Ятсена (1866—1925) орган этой организации, «Минь бао», сразу же вовлек Лян Цичао в продолжительный и ожесточенный спор относительно будущего государственного строя. В ходе дискуссии Лян Цичао, ссылаясь на опыт исторического развития западных государств, утверждал, что политический режим любой страны развивается от варварства к абсолютизму, от абсолютизма к конституционной монархии, затем к республике, и Китай не может изменить ход этого процесса, да и не нуждается в «перескакивании через этапы».

Полемизируя с Лян Цичао, Сунь Ятсен и его единомышленники пропагандировали создание республиканского демократического строя и безоговорочно отвергали «просвещенный абсолютизм» и конституционную монархию, считая их слишком прочно связанными с преобладанием авторитарных форм правления. Если Лян Цичао расценивал любое массовое движение как «грабеж во время пожара», то стремление его оппонентов к революционному свержению маньчжурской династии было как раз тем моментом, который их объединял. При этом главная цель революции, с их точки зрения, состояла в том, чтобы передать политическую власть китайскому народу. Они считали, что любая политическая система, не дающая массам возможности осуществлять самоуправление, не отвечает задачам перехода к демократическому строю. Конституция, чтобы стать жизнеспособной, должна быть выработана народом, а не «дарована правителем» (об этом постоянно напоминал, в частности, Ван Цзинвэй в ежемесячнике «Минь бао»).

Однако, несмотря на прогрессивную в целом позицию представителей революционно-демократического крыла китайской буржуазии, они не могли до конца преодолеть ограниченность своего класса при решении различных теоретических вопросов — нам известна противоречивость программы Сунь Ятсена и ее неоднозначная оценка В. И. Лениным¹³. Это относится и к вопросу политической системы. Кроме того, сказывалось полученное ими наряду с современным тра-

¹² См.: Лян Цичао. Оучжоу чжэнчжи гэцзинь чжи юаньинь (Причины политического прогресса в Европе). — In: С. Ч. Гап. Op. cit., p. 35—36.

¹³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 402—404; т. 23, с. 139—140,

диционное образование, влияние европейских стереотипов, с одной стороны, и глубоко укоренившихся в сознании конфуцианских догм — с другой. Комплекс этих причин и обусловил тот факт, что отдельные стороны теории элиты в известной степени нашли отражение и во взглядах революционных демократов, в частности Сунь Ятсена. Он считал, что «прогресс цивилизации» достигается тремя группами людей: в первую входят «сяньчжи сяньцзюе» (провидцы, или пророки), во вторую — «хоучжи хоуцзюе» (последователи или пропагандисты, распространители идей), в третью — «бучжи буцзюе» (действующие неосознанно практические исполнители)¹⁴. Сунь Ятсену казалось естественным, что только очень немногие могут заглядывать вперед и предвидеть будущее; большинство же не в состоянии самостоятельно осознать перспективы и закономерности общественного развития. Поэтому массы должны доверять своим лидерам и содействовать выполнению их планов. Иначе народ может стать помехой развитию революционного движения и «национальной реконструкции».

Небезынтересно отметить, что в своей интерпретации элитизма Сунь Ятсен, с одной стороны, традиционно отталкивался от конфуцианской доктрины, а с другой — противоречил ей. Суть этого противоречия сводится к тому, что, считая несостоятельным конфуцианский тезис «знание есть действие» (Ван Янмин), Сунь Ятсен выдвигал противоположный: «действие дается легко, а знание — трудно». Это убеждение и обусловило в определенной степени специфику суньятсеновской трактовки проблемы элиты — отнесение главной заслуги в развитии цивилизации на счет немногих «избранных». Надо сказать, что впоследствии Сунь Ятсен частично пересмотрел свою позицию, признавая возможность повышения социальной мобильности в китайском обществе, зависящее в первую очередь от развития образования.

Лян Цичао как либерал-реформатор и Сунь Ятсен как революционер-демократ представляли два главных направления раннего китайского национализма (то есть первой четверти XX в.). Процесс окончательного становления национальной буржуазии шел параллельно с процессом выработки идеологии этого класса, что нашло свое завершение в позднем китайском национализме, выделившемся в отдельное направление общественно-политической мысли после 1921 г.¹⁵

Элитизм как аспект в идеологии позднего буржуазного национализма

Позиция Дай Цзитао

Буржуазный национализм на поздних этапах его развития в Китае — явление неоднородное: внутри него существовали по крайней мере три разновидности, представленные, во-первых, реакционными гоминьдановскими теоретиками (Дай Цзитао, Чэнь Лифу, Чан Кайши и др.), во-вторых, национал-этатистами из младокитайской партии (Чэнь Цитянь, Цзэн Ци, Ли Хуан, Цзо Шуньшэн) и, наконец, реакционными буржуазными учеными (Чжан Цзюньмай, Чжан Дунсунь, Лян Шумин). Несмотря на известные расхождения во взглядах и междоусобную теоретическую и политическую борьбу, их объединяло резко отрицательное отношение к марксизму-ленинизму, распространению коммунистического движения и построению социализма в Китае.

Одна из особенностей позднего китайского национализма заключалась в попытках противопоставить прогрессивным идеям, прежде всего марксистским, фальсифицированную интерпретацию учения Сунь Ятсена, гиперболизируя его отдельные ошибочные положения. Этим

¹⁴ См.: Сунь Ятсен. Цзунли цюаньшу (Полн. собр., соч.), т. 2, Тайбэй, 1956, с. 94.

¹⁵ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 1, с. 76.

особенно «увлекался» Дай Цзитао, представлявший национализм реакционного гоминьдана.

Спекулируя суньятсеновской концепцией «провидцев, последователей и исполнителей», Дай Цзитао (1891—1949) утверждал, что «ученый муж» — представитель интеллектуальной элиты, — вдохновленный некоей «великой идеей», призван возродить и развить у господствующего эксплуататорского класса имманентно присущие человеку чувства гуманности и милосердия. Используя свою «врожденную мудрость» и полученные знания, «квалифицированное высокообразованное меньшинство» обеспечивает добровольное проведение «человеколюбивой» политики, отвечающей нуждам народных масс, которые в этих условиях должны оставаться пассивными, слепо принимать на веру и поддерживать эту политику.

Реакционность взглядов Дай Цзитао проявилась не только в категоричном отрицании творческого потенциала китайского народа, но также в том, что свою схему элитарного руководства он переносил и на процесс революции, считая ее делом «интеллектуальной аристократии», ученых-теоретиков и политических лидеров и истолковывая развитие революционного движения следующим образом: от провидца — к пропагандисту, от пропагандиста — к практическому исполнителю. Утверждая, что результаты такой революции «сверху» якобы отвечают в первую очередь интересам «несознательной массы», Дай Цзитао относил процесс ее осуществления к области филантропии, характеризуя революцию как «проявление альтруизма провидца»¹⁶.

Цюй Цюбо, отвергая реакционную, антимарксистскую точку зрения Дай Цзитао, отмечал, что предлагаемый этим идеологом буржуазии метод элитарной «революции», подразумевающий пробуждение у эксплуататоров «человеколюбивых инстинктов» и отрицающий историческое творчество народных масс, направлен на отказ от классовой борьбы и, по существу, ведет к полному выхолащиванию самой сути революционного процесса. Вряд ли, писал Цюй Цюбо, сам Дай Цзитао искренне верит в то, что «надклассовое государство» и правительство «благородных деятелей» гоминьдана способны представлять «общие» политические интересы различных классов и осуществлять «гуманное правление». Исторический опыт со всей очевидностью свидетельствует о том, что в действительности именно буржуазия и другие эксплуататоры будут диктовать свою волю правительству и управлять государством с точки зрения своих узкоклассовых эгоистических интересов. Поэтому китайский пролетариат должен не «надеяться на гуманность и милосердие со стороны капиталистов, что на деле совершенно невозможно, а решительно бороться за подлинное народовластие для трудящихся масс, которое сможет быть претворенным в жизнь... лишь после того, как власть будет вырвана из рук крупных капиталистов» и их политических ставленников¹⁷.

Вариации Чжан Цзюньмая

Проблема структуры политической системы волновала всех без исключения представителей позднего национализма в Китае. Выполняя социальный заказ китайской реакции, буржуазные социологи уделяли большое внимание разработке идеи правящей элиты. Это объяснялось прежде всего их стремлением сохранить свои классовые позиции, для чего необходимо было теоретически обосновать политическое господство буржуазии, найти «противоядие» против подлинно демократической марксистской теории государственного управления. Рост влияния коммунистических идей серьезно тревожил идеологов буржуазии, и созда-

¹⁶ Дай Цзитао. Саньминьчжун чжи чжэсюе цзичу (Философские основы суньятсенизма). Пекин, 1945, с. 51—52.

¹⁷ См.: Цюй Цюбо. Публицистика разных лет. М., 1979, с. 244.

ние КПК заставило 14 известных профессоров того времени (Ху Ши, Дин Вэньцзян, Лян Шумин, Цай Юаньпэй и др.) в противовес ее программе выступить с лозунгом создания элитарного «правительства благородных людей» из буржуазных ученых и политиков взамен «однозных деятелей» милитаристского правительства¹⁸. Большинство авторов этого предложения и в дальнейшем оставалось на реакционных позициях идеализации элиты. В частности, лидер группы аграрной реконструкции, консервативный философ восточной ориентации Лян Шумин (род. в 1893 г.) в своих работах 30—40-х годов утверждал, что интеллектуалы должны играть роль «учителей» и лидеров масс, формировать нравственную атмосферу в обществе и вырабатывать основы социальной политики.

«Платформа 14-ти» была поддержана лидерами Исследовательской группы (созданной по инициативе и под руководством Лян Цичао). Один из наиболее заметных членов этой организации, ученый-теоретик и политический деятель Чжан Цзюньмай (Карсун Чжан, 1886—1968), представлявший национализм консервативных, правых политических сил, не изменил своих взглядов на элиту и впоследствии, в период разработки вопроса политической системы в рамках своей китаизированной концепции «государственного социализма»¹⁹.

Чжан Цзюньмай принадлежал к поколению тех буржуазных идеологов, которые пропагандировали идеи синтеза традиционализма и модернизма, китайских и западных ценностей. Он считал, что процесс «национальной реконструкции» должен начаться в Китае с области человеческих отношений и призван создать взамен «устаревшего комплекса китайских традиций» новую культуру, которая послужит основой для современных политической и экономической систем. «Чем продолжать поклоняться могилам древних, — писал Чжан Цзюньмай, — лучше откровенно признать тот факт, что нашу культуру надо создавать заново»²⁰. «Создавать заново», по его мнению, означало — воспринять положительные стороны европейской цивилизации и приспособить их к условиям Китая. Соглашаясь с немецким социологом О. Шпенглером, Чжан Цзюньмай утверждал, что успехами социально-культурного развития человечество полностью обязано элите, поэтому «творческое заимствование» западных ценностей и их переосмысление в духе китайской традиции — дело отдельных мыслителей, интеллектуалов. Интеллигенция представляет тот единственный «пишущий» слой, который способен формировать общественное сознание и к которому прислушивается большинство народа. Представители ее верхушки являются лидерами, которые и вырабатывают предложения различных реформ во всех областях жизни общества²¹.

Признавая в принципе возможность вертикальной социальной мобильности в Китае, Чжан Цзюньмай называл «королевской дорогой» в элиту «хорошее образование», но умалчивал о том, что такое образование в эксплуататорском обществе имеет классовый характер и в подавляющем большинстве случаев доступно лишь выходцам из господствующих классов. Практическая деятельность самого Чжан Цзюньмая на поприще просвещения служит тому лишней иллюстрацией. С целью подготовки философов и теоретиков, способных к синтезу культур Востока и Запада, им был основан ряд институтов, в частности Сюехай в Гуанчжоу (1935) и Институт национальной культуры в

¹⁸ См.: А. Г. Крымов. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае в 1917—1927 гг. (автореф. докт. дисс.). М., 1962, с. 30.

¹⁹ Подробнее о взглядах Чжан Цзюньмая см.: С. Р. Белоусов. Об одной разновидности китайского буржуазного национализма. — «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 2, с. 115—126.

²⁰ Чжан Цзюньмай. Минжи чжи Чжунго вэньхуа (Завтрашний день китайской культуры). Шанхай, 1936, с. 132.

²¹ In: C. Chan g. The Development of Neo-Confucian Thought, vol. 2. New York, 1957, p. 438.

Юньнани (1939). Это были небольшие привилегированные учебные заведения с чрезвычайно тщательным отбором студентов.

Чжан Цзюньмай начинал свою деятельность как последователь и единомышленник Лян Цицао. Несмотря на полученное им наряду со старокитайским современное образование, он принадлежал скорее к старшему поколению ученых-теоретиков, и нет никакого сомнения в значительном влиянии синкретического реформизма на его мышление — генеалогия его общественно-политических взглядов прослеживается как в конфуцианской традиции, так и в западной мысли. Поэтому не случайно Чжан Цзюньмай не только отводил народным массам ничтожную, пассивную роль в осуществлении «реконструкции национальной культуры», но и считал их неспособными к «мудрому» управлению обществом. По его мнению, они слишком приняты прозаическими проблемами борьбы за существование, чтобы принимать активное участие в политической жизни на государственном уровне: нереально ожидать от них понимания запутанных взаимосвязей и противоречий между интересами различных классов и социальных слоев²². Такой подход к проблеме был конкретным проявлением классовой солидарности буржуазных ученых-националистов, в данном случае Чжан Цзюньмай, настаивавшего на неизбежности системы элитарного управления. В этом контексте все его декларации в конфуцианском духе о том, что главной обязанностью правительства элиты должно быть «исключительно удовлетворение интересов народа», звучат не более как социальная демагогия. Симптоматично, что Чжан Цзюньмай сам разоблачал классовую подоплеку своих социологических построений, признавая, что мыслящие представители правящих кругов ограничивают свой «высокий вклад в летопись истории» теми или иными «общими» отвлеченными предложениями, «не унижая» себя пониманием конкретных нужд крестьянина или рабочего. «Их предложения, — писал Чжан, — в значительной мере являются результатом умозрительного анализа и воображения, но мало связаны с действительными практическими интересами других классов»²³. То есть массам противостоят и массами руководит оторванная от них элита — небольшое число «творческих умов», которые, по мнению китайского социолога, занимали столь важное место в жизни страны, что фактически стали «камертоном общественного мнения». Кроме того, Чжан Цзюньмай писал о «решающей роли и власти интеллектуалов в решении вопросов не только национальной, но и международной политики».

Чжан Цзюньмай выступал против любого массового движения, если оно служит средством достижения «преимущественного положения» какой-либо партии или класса (имея в виду, естественно, прежде всего коммунистическую партию и пролетариат). С его точки зрения, люди должны «помогать» друг другу в достижении «социальной справедливости», адекватного уровня знаний и моральных качеств посредством развития образования и «заботы о ближнем». Только когда члены общества достигнут личной свободы (в буржуазном понимании) и способности к самостоятельным суждениям и умозаключениям, их участие в политической жизни будет приносить известную пользу. Но даже в этом случае «успешная деятельность правительства» возможна лишь при условии, что оно будет сформировано из «способных лидеров» — представителей верхушки правящего класса: «Выполнение большой задачи подразумевает выдающегося исполнителя»²⁴.

Ответом на подобные утверждения могло бы послужить решение этого вопроса марксистско-ленинским учением, которое, конечно, признает, что активное участие в политической деятельности могут при-

²² См.: Чжан Цзюньмай. Ляо чжи дао. И мин: Гоцзя шэуэй чжун (Принципы создания основ государства. Государственный социализм). [Б. м.] 1939, с. 360—362.

²³ С. Chang. Op. cit., p. 438.

²⁴ Чжан Цзюньмай. Ляо чжи дао, с. 360, 370.

нимать люди, получившие определенное общее образование и политически грамотные; но одновременно ставит своей задачей поднять уровень культуры и политического мышления народа настолько, чтобы все члены общества смогли фактически, а не формально участвовать в управлении государством. В. И. Ленин писал, что мы «требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы *обучение* делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно *начали* привлекать всех трудящихся, всю бедноту»²⁵. Завоевав политическую власть, массы во главе с пролетариатом создают условия для всемерного развития народного образования, для непосредственного участия в руководстве государственной жизнью.

Такой подход к проблеме, вполне понятно, вызывал остро негативную реакцию со стороны буржуазных идеологов, в том числе Чжан Цзюньмай, что и обусловило его тезис о закреплении власти «способных лидеров». Надо сказать, что в это понятие он вкладывал довольно трафаретное содержание. По его мнению, политический лидер должен обладать следующими качествами: высокоразвитым интеллектом, безупречными нравственными достоинствами и крепким здоровьем; он должен быть способен к «синтезу старого и нового», действовать решительно и вести за собой все политические партии и группы к достижению «общей конечной цели». Нетрудно заметить, что Чжан Цзюньмай не оригинален в этом вопросе: его идеал «лидера» напоминает не только конфуцианскую модель, но и, в общих чертах, портрет «политического вожака» большинства элитистских теорий. Его понимание «лидерства» было в известной степени оригинально только в том смысле, что несло на себе отпечаток неоконфуцианской интерпретации: «герои» должны действовать в полном соответствии с учениями «мудрецов», в противном случае их успех чрезвычайно проблематичен (Чжу Си, Хань Юй).

Китайские националисты о частных моментах элитизма

Теоретики элитизма, соглашающиеся в принципиальном — неизбежности деления общества на элиту и массы, — расходятся лишь в оценке причин такого деления. Среди них называются причины психологического порядка, «стремление к власти» одних и «склонность к подчинению» других, наличие или отсутствие способностей к руководящей деятельности, различный уровень образования и тому подобное. Но сам тезис «неминуемости» и «необходимости» существования элиты требует подкрепления, поэтому для элитизма в целом характерно обращение к методу исторических аналогий, попытки представить процесс выделения «квалифицированного меньшинства» как характерный момент всего исторического процесса. Китайские буржуазные социологи в этом смысле не исключение: по их мнению, история цивилизации якобы свидетельствует о том, что народные массы всегда и везде были далеки от участия в делах управления, которое было прерогативой верхушки правящих классов или одной-двух «сильных и благородных личностей». В частности, Чжан Цзюньмай, упоминая концепцию «социального лидерства» Цзэн Гофаня, утверждал: «Собственный пример Цзэна, как в военной, так и в академической областях, служит лучшим подтверждением его же тезиса о решающей роли отдельной личности, поскольку он один фактически открыл новую эру в истории страны»²⁶. Личность и взгляды Цзэн Гофаня «вдохновляли» и другого

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 315.

²⁶ С. Chang. Op. cit., p. 405. Цзэн Гофань (1811—1872) — главная фигура в подавлении Тайпинского восстания, автор эссе «Юаньцай» («Исследование причин появления талантливых людей или социального лидерства»).

представителя позднего китайского национализма — Цзэн Ци (1892—1951), одного из лидеров Младокитайской партии. Этот эстатист считал, что в современных условиях конфуцианская концепция управления должна быть «дополнена» легистской, требовал «подкрепления» моральных принципов «твердыми методами» руководства. Говоря о сосуществовании положительного и отрицательного в природе человека, Цзэн Ци подчеркивал, что только через комбинацию «искреннего доверия и сильной власти» политический лидер может координировать усилия своих последователей и контролировать действия врагов. Одним из тех, кому это удалось в полной мере, он считал Цзэн Гофаня, обладавшего «искусством практического управления»²⁷.

Таким образом, идеологи китайской буржуазии, в частности национал-эстатисты, проявляли повышенный интерес и к легистской концепции правящей элиты. Кроме Цзэн Ци, ее интерпретированием занимались и другие руководители Младокитайской партии (Цзо Шуньшэн). В наиболее полном виде свои взгляды на эту проблему изложил их единомышленник, профессор Учанского и Нанкинского университетов Чэнь Цитянь (род. в 1893 г.), опубликовавший в 1936 г. работу «Очерк истории легизма в Китае». В ней он говорил о необходимости несколько модернизировать легизм и его систему управления применительно к «современной эпохе Сражающихся царств». Из рассуждений автора видно, что ему импонировали легистские идеи сильной власти и решительных политических «лидеров»²⁸. Теоретики одного из наиболее реакционных направлений китайского буржуазного национализма в лице Цзэн Ци и Чэнь Цитяня обратились к учению основоположника легизма Шан Яна прежде всего потому, что отдельные стороны этого учения можно было использовать в целях абсолютизации власти высшего слоя правящей бюрократии.

Как и западные «либеральные» теоретики элиты (К. Маннгейм, Г. Лассвел), некоторые идеологи китайской буржуазии стремились совместить элитизм с демократией, «забывая», что сама буржуазная демократия — это демократия для эксплуататоров, но диктатура для трудящихся. «Капитал, раз он существует, — писал В. И. Ленин, — господствует над всем обществом, и никакая демократическая республика, никакое избирательное право сущности дела не меняют»²⁹. В этом контексте становится понятным, что китайские буржуазные ученые, несмотря на их декларации о приверженности «социальной справедливости», в силу классово-природы своих взглядов выхолащивали из демократических концепций все относящееся к политическому равенству людей и обосновывали тем самым функционирование элиты.

Элитистские и буржуазно-демократические идеи совмещались в социологии Чжан Дунсуя (1886—?), находившегося в близком контакте с Чжан Цзюньмаем и руководившего вместе с ним Партией государственного социализма Китая. Он рассматривал демократию не только как «систему управления», но и как нравственную категорию, «определенную степень развития цивилизации», основанную на высоких моральных принципах. В рассуждениях Чжан Дунсуя по вопросам демократии и морали присутствует безоговорочное отрицание роли народных масс в истории, гипертрофирование влияния личности и привилегированного слоя интеллектуалов на ход исторических событий³⁰. Основатели марксизма-ленинизма отмечали, что подобные взгляды являются спекулятивным следствием идеалистического решения основного вопроса философии, при котором «немногие избранные индивидуумы, в качестве активного духа, противостоят остальному че-

²⁷ Цзэн Мугань сяньшэн ици (Собр. соч. Цзэн Ци). Тайбэй, 1954, с. 374, 459.

²⁸ См.: Л. С. Переломов. Указ. соч., с. 214.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 82.

³⁰ См.: Чжан Дунсунь. Лисин юй миньчжу (Интеллект и демократия). Шанхай, 1946, с. 177—179.

ловечеству как *неодухотворенной массе, как материи*³¹. В соответствии с этим Чжан Дунсунь, сам характеризовавший истоки своих взглядов как «эпистемологический плюрализм», переносил идеалистическое и эклектическое решение основного гносеологического вопроса на понимание социальных процессов, считая, что общественное развитие определяется сознанием и зависит от воли «мудрого меньшинства».

* * *

Итак, одним из главных моментов, объединявших китайских буржуазных социологов в их трактовке системы политического управления, является философский идеализм. Идеалистические теории, отрицающие историческую миссию народа и называющие творцами прогресса «избранных» представителей господствующих классов, на протяжении всего хода истории использовались идеологами эксплуататоров, что имело свои прецеденты и в Китае. А элитистские теории как раз и представляют собой составную часть идеалистических взглядов на роль народных масс и личности в истории. Специфика их интерпретации в Китае определялась значительным влиянием отечественной традиционной мысли, «дополненной» идеями западной буржуазной социологии.

Другим важнейшим моментом, обусловившим обращение китайских интеллектуалов к проблеме элиты, была классовая природа их взглядов. Цель элитизма — оправдать классовое деление общества, обосновать существование в нем «правлящих» и эксплуатируемых. Идеологи национальной буржуазии Китая разрабатывали эту концепцию в интересах своего класса, стремившегося к гарантии своей власти и, кроме того, к созданию благоприятных условий для предпринимательской деятельности. Национализм, составивший основу их взглядов, определил спекулятивный тезис о «мирном» сосуществовании внутри китайской нации и лозунг классового сотрудничества в обществе. Но несмотря на декларации о «добровольном» подчинении «несознательной» массы «благогородному и бескорыстному» меньшинству, китайская буржуазная социология, по существу, признавала, что творческая элита, разрешающая посредством абстрактного размышления некоторые «общенациональные» проблемы, игнорирует конкретные нужды эксплуатируемых.

Подлинная причина отрицательного отношения буржуазных социологов к массовым движениям и иррационалистическая трактовка деятельности масс заключается в боязни роста активности последних. Теории элиты стали актуальными для китайской буржуазии не только из-за оправдания ее политического господства, но и потому, что они, отрицая историческое творчество народа, объективно направлены на сковывание его революционной инициативы. Они возникают как эхо, реакция на распространение идей марксизма-ленинизма и рост освободительного движения трудящихся, то есть их антикоммунистическая направленность не подлежит сомнению.

Современных интерпретаторов элитизма в Китае объединяло резко негативное отношение к научному социализму и коммунизму, победу которого в Китае Чжан Цзюньмай впоследствии называл «трагическим недоразумением». Отстаивая свои реакционные социологические идеи, они пытались обвинить сторонников научного социализма в «предвзятом» отношении к элите, заключающемся в том, что марксисты якобы смешивают «бескорыстных мыслящих теоретиков» с «ловкими» лидерами, заимствующими идеи первых и ставящими их на службу своим утилитарным целям³². При этом элитисты «забывали», что идеология — понятие классовое, и потому любая концепция, созданная буржуазным

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 93.

³² См.: Чжан Дунсунь. Чжиши юй вэньхуа (Знание и культура). Шанхай, 1947, с. 83—84.

теоретиком, уже содержит предпосылки для использования ее буржуазными же политиками в своих узкоклассовых интересах.

Открытая враждебность поздних китайских националистов марксистско-ленинскому учению проявилась также в их антисоветизме. Одним из «аргументов» против «коммунизма советского образца» служил абсурдный тезис об «абсолютной монархии Цинь Шихуана как историческом истоке советского тоталитаризма»³³. Однако, безосновательно обвиняя СССР в «отсутствии демократического порядка», китайские буржуазные социологи, называвшие себя, как правило, «демократами» и «либералами», сами в действительности прилагали усилия к ограничению политических прав трудящихся своей страны и консервации низкого уровня народного образования.

Надо подчеркнуть, что конкретно-исторический анализ элитистских концепций в Китае новейшего времени позволяет глубже понять общую идеологическую атмосферу в обществе, теоретическую подоплеку политической борьбы и затрагивает проблему взаимовлияния в среде китайской интеллигенции. Критика китайской буржуазной социологии 1911—1949 гг. рельефно отражает противоречивость развития идей в те годы и способствует выявлению сущности двух направлений буржуазной общественно-политической мысли этого периода: во-первых, явно реакционного, в центре внимания которого находилась проблема подавления активности масс, прежде всего политической, представлявшей непосредственную угрозу существующему социальному строю, а во-вторых, прогрессивного, представители которого, по выражению В. И. Ленина, «субъективно» стремились к революционным преобразованиям в социалистическом духе, но не сумели до конца преодолеть ограниченность своего класса.

³³ С. С h a n g. Op. cit., p. 5.

ИСТОРИЯ

Работы Г. В. Ефимова по истории Китая

*В. Н. НИКИФОРОВ,
доктор исторических наук*

Оценивая вклад различных советских ученых в изучение Китая, его политики, экономики, культуры, истории, нельзя пройти мимо факта большого влияния на изучение Китая в СССР, оказанного в 40—70-х годах работами Г. В. Ефимова.

Профессор Геронтий Валентинович Ефимов, возглавлявший свыше 30 лет китаеведческую работу в Ленинградском государственном университете¹, отличался широтой научных интересов: можно говорить о его преподавательской работе, об авторской и организаторской деятельности в области китаеведения, о статьях и книгах по новой и новейшей истории, об историографическом направлении, которое он с 60-х годов активно стремился поставить на ноги.

Когда мы знакомимся с написанными им книгами (мы рассматриваем здесь только книги), бросается в глаза, что автора особенно занимал период со второй половины XIX в. до 1949 г. Все книги Г. В. Ефимова, кроме общих очерков новой и новейшей истории, падают на «период Сунь Ятсена», то есть в основном это новая история, лишь последняя книга (1983) захватывает и первые годы новейшего времени. Г. В. Ефимов, в нашем представлении, — исследователь периода империалистического господства в Китае, китайской антиимпериалистической, антифеодальной революции, «периода Сунь Ятсена». Отметим общую черту работ Г. В. Ефимова: над какой бы темой он ни работал, создавал ли он монографию, диссертацию или очерк, автор всегда оставался педагогом, стремился писать четко и понятно, так, чтобы книга могла использоваться в качестве учебного пособия. И действительно, если очерковые работы автора (те же его «Очерки по новой и новейшей истории Китая» при всем их исключительном для своего времени успехе) к настоящему времени устарели, то такие книги, как «Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен» и «Внешняя политика Китая 1894—1899 гг.», могут быть положены в основу соответствующих разделов университетских курсов.

В общем в печатных изданиях Г. В. Ефимова отражены четыре направления: Сунь Ятсен и китайская революция; внешняя политика Китая 1894—1899 гг.; очерки истории Китая в новое и новейшее время; историография.

По теме «Сунь Ятсен и китайская революция», которой автор занимался почти 45 лет, начиная с кандидатской диссертации, наиболее полной и характерной можно считать книгу «Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен (1911—1913 гг.). Факты и проблемы».

Изложение в ней выходит за хронологические рамки, указанные в за-

¹ Г. В. Ефимов (1906—1980) возглавлял с 1941 г. кафедру истории Востока ЛГУ (с 1949 г. — Дальнего Востока), в 1961—1965 гг. был также проректором ЛГУ. — См.: С. Д. Милибанд. Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1975, с. 202. С 1972 по 1980 г. Г. В. Ефимов был членом редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока».

головке, оно начинается с 1905 г. (почти треть книги посвящена событиям до Учанского восстания 1911 г.). Книга показывает точку зрения ученого по широкому кругу вопросов. Подзаголовок — «Факты и проблемы» — подчеркивает ее итоговый характер, попытку автора заново осмыслить многое из того, о чем писал всю жизнь.

В центре исследования вопрос о роли народных масс в революции. Когда-то, в вышедших накануне Великой Отечественной войны пособиях, которым суждено было на добрые 15 лет служить для студентов и других слоев читателей основными, были сформулированы два взгляда на Синьхайскую революцию. Г. С. Кара-Мурза писал, что революция «заключилась, так и не развернувшись (!). Она не была народной революцией, массы не выдвинули своих требований, не наложили своего отпечатка на события революции»². Поэтому он назвал Синьхайскую революцию верхушечной, буржуазной. Г. В. Ефимов характеризовал в то время Синьхайскую революцию как буржуазно-демократическую.

Стремление найти и подчеркнуть значительный вклад народной борьбы в первую китайскую революцию красной нитью проходит через многие работы Г. В. Ефимова последующих десятилетий. Ученый избегал абстрактного теоретизирования, строил свои выводы на конкретных исторических фактах. В этом отношении Г. В. Ефимов, вступивший в историческую науку во второй половине 30-х годов, всю жизнь оставался типичным представителем того историографического этапа, начало которому положили известные постановления партии и правительства 1934—1936 гг. (о преподавании истории в школе и др.), ориентировавшие ученых на конкретные исследования, на преодоление имевшихся элементов схоластики.

Собранный за три десятилетия «огромный фактический материал, позволяющий глубже оценить характер революции»³, убедил Г. В. Ефимова, что, «хотя революционным организациям в конечном счете удалось всколыхнуть массы, поднять часть их на борьбу против Цинов, они оказались слишком слабыми, чтобы создать широкий революционный фронт для решения задач буржуазно-демократической революции»⁴. Связи левого, революционно-демократического крыла буржуазии «с массой крестьянства, с городскими плебейско-пролетарскими элементами были очень незначительны. Связи с тайными обществами — это лишь частичное соприкосновение с крестьянством. Работа в рядах Новой армии — это тоже связи с крестьянством, но вряд ли расширение деятельности Объединенного союза в армии можно рассматривать в качестве последовательного курса на защиту крестьянства и вовлечение его в революционную борьбу»⁵.

Имеющаяся в историографии КНР тенденция приуменьшить роль Сунь Ятсена и его партии в подготовке революции 1911 г., противопоставить им «более демократические» организации вроде хубэйского «Литературного общества» («Вэньсюешэ») определенно отвергается Г. В. Ефимовым. В его книге подчеркивается, что не кто-нибудь, а партия Сунь Ятсена накануне решающего 1911 г. оказывала «существенное влияние на политическую обстановку в стране», именно она являлась «основной организацией, систематически готовившей революционное ниспровержение существующей власти»⁶.

Исходя из освоенного им материала, Г. В. Ефимов решал свой старый спор с Г. С. Кара-Мурзой в том смысле, что он по-прежнему был убежден: нельзя приравнивать Синьхайскую революцию к верхушечной младотурецкой, но, с другой стороны, нет причины и уподоблять 1911—

² Цит. по: Г. В. Ефимов. Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен (1911—1913 гг.). Факты и проблемы. М., 1974, с. 354.

³ Там же, с. 354.

⁴ Там же, с. 71.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 63.

1913 гг. в Китае первой русской революции по степени участия масс в борьбе⁷. Г. В. Ефимов согласился с замечанием Л. А. Березного о бесплодности дальнейшей дискуссии в плане противопоставления терминов «буржуазная» и «буржуазно-демократическая» революция⁸.

Присоединяясь к этому выводу, отметим как-то незаметно происшедшее сближение точек зрения Г. В. Ефимова и его главного оппонента — Г. С. Кара-Мурзы. В самом деле, Кара-Мурза (в приведенной выше цитате) писал о революции 1911 г., что она так и не развернулась, что «массы не выдвинули своих требований, не наложили своего отпечатка на события». Какое из этих утверждений Кара-Мурзы является центральным, наиболее конкретным? Конечно, то, что народные массы «не выдвинули своих требований». Остальное призвано дополнить и усилить данный тезис, но сами по себе тезисы о том, что революция «не развернулась» (до какой степени?) или что массы не наложили на нее «своего отпечатка» (?), достаточно неопределенны.

Между тем Г. В. Ефимов и в 1974 г. отвергая такие выражения, как: «революция 1911—1913 гг. была, подобно турецкой, верхушечной», или: она «закончилась, так и не развернувшись», — по главному указанному нами вопросу пишет: «Как показывает конкретный материал... массы со своими программными требованиями самостоятельно не выступили, хотя они и сыграли огромную роль в революции, в достижении победы над феодальным маньчжурским режимом... массы до самостоятельной политической роли не смогли подняться»⁹.

Нам кажется, что выводы Г. В. Ефимова (и Л. А. Березного) достаточно гибки и подкреплены конкретным материалом. Хотя, наверное, в работах других историков они и были подвергнуты отдельным уточнениям, эти выводы вошли в состав современной концепции Синьхайской революции советского китаеведения.

Тема «Сунь Ятсен и китайская революция» у Г. В. Ефимова завершается книгой «Сунь Ятсен. Поиск пути, 1914—1922». Дальше Г. В. Ефимов планировал подробно изучить последние годы жизни Сунь Ятсена, 1923—1925, а потом написать его полную биографию. Но книга «Сунь Ятсен. Поиск пути» оказалась последней и вышла уже после смерти автора. Необходимо отметить, что период 1914—1923 гг. — наиболее неизученный в истории Сунь Ятсена и его партии, поэтому книга Г. В. Ефимова, видимо, долгое время будет ценным фактическим пособием для всех, кто интересуется в нашей стране данным отрезком истории китайского революционного движения.

Исследование Г. В. Ефимова подтвердило, что революционная партия Сунь Ятсена во время борьбы китайского народа против диктатора Юань Шикая в 1915—1916 гг. тщетно пыталась сыграть в этой борьбе ведущую роль. Наглядно это показывает неудача организованного этой партией восстания в провинции Шаньдун. Не сыграла эта партия никакой роли и в «движении 4 мая» 1919 г. Партия Суня не имела своей армии и массовой базы и только в 1923—1925 гг. стала на путь обеспечения того и другого (периоду 1923—1925 гг. в книге отводится последняя глава, занимающая место заключения).

Но и в 1914—1923 гг. непримиримость Сунь Ятсена к врагам республики, его принципиальность, глубокий патриотизм и демократизм содействовали укреплению идеалов республиканизма, поражению реакционеров. Г. В. Ефимов показывает, что, несмотря на утопизм некоторых теорий Сунь Ятсена, все же Сунь всегда опережал время и в этом была его сила. Г. В. Ефимов подробно разбирает работы советских критиков трудов Сунь Ятсена, в общем соглашаясь с концепцией С. Л. Тихвинского.

⁷ См.: Г. В. Ефимов. Буржуазная революция в Китае..., с. 355.

⁸ См. там же, с. 394.

⁹ Там же, с. 355.

М. И. Сладковского; он соглашается также с некоторыми положениями А. В. Меликсетова, возражая другим тезисам этого автора¹⁰.

Рядом с темой «Сунь Ятсен и китайская революция» нельзя не поставить дискуссионную статью Г. В. Ефимова о формировании нации в Китае¹¹. Опубликованная в 1953 г., она вызвала в то время интерес у историков КНР, побудила их к дискуссии в своей среде по проблеме нации. Советский автор искал начало современной ханьской нации на рубеже XIX—XX вв., с первыми шагами в Китае национального капитализма. Некоторые историки КНР (Цзэн Вэньцзинь) выступали с аналогичной концепцией, другие (Фань Вэньлань), выдвигая совершенно иные критерии, пытались найти нацию в древнем Китае, то есть не видели качественных изменений, последовавших в процессе развития китайской народности с ростом капитализма. Следует отметить, что недостаточная четкость в этом вопросе отчасти порождает отсутствие единого подхода к переводу соответствующих терминов с китайского на русский и наоборот, отчасти сама порождена этой нечеткостью (гоминь, миньцзу — нация).

Проблема современной нации в Китае являлась для Г. В. Ефимова как бы теоретической основой изучения национально-освободительной борьбы и деятельности Сунь Ятсена. К сожалению, автор не развил в дальнейшем свои мысли по поводу нации (такую возможность открывала ему тема «Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен»).

Вторая линия интересов Г. В. Ефимова — «Внешняя политика Китая 1894—1899 гг.». Ею ученый занимался значительно меньший период времени, 15—20 лет, и посвятил данной теме немногие публикации. Однако существенно, что в числе этих работ — монография, написанная на базе докторской диссертации. Изучаемый период — тот же («период Сунь Ятсена»), но предмет исследования совершенно иной — международные отношения Китая, о которых имеется, и уже в 50-е годы имелось, много исследований. В отличие от работ, освещавших тему либо «со стороны России», либо «со стороны Запада» (Б. А. Романов, А. С. Ерусалимский), Г. В. Ефимов поставил задачу подойти к предмету исследования иначе: Китай как субъект международных отношений.

Автору удалось, по нашему мнению, доказать, что китайское правительство в обстановке последних лет XIX в. не являлось простым орудием в руках держав, что оно преследовало собственные интересы, пыталось выжать из ситуации все, что та позволяла. Оно делало ставку поочередно на союз с Россией, Англией, Японией. Особенно интересны, с нашей точки зрения, главы, посвященные последним изучаемым годам, 1898—1899 (гл. 5 и 6). Из них следует, что даже правительство Цыси, утвердившееся после реакционного (сентябрьского) переворота 1898 г., проводило довольно гибкую политику: в меру сил оказывало сопротивление державам, принимало меры к национальной обороне, пыталось даже дать понять, что оно не против всяких реформ¹². Эти наблюдения Г. В. Ефимова (недостаточно, как нам кажется, учитываемые позднейшей литературой) позволяют яснее представить поворот, происшедший в Китае перед восстанием ихэтуаней, без которого само возникновение движения ихэтуаней выглядело неожиданным.

Г. В. Ефимов уточнил характеристику позиций империалистических держав, показал, что львиную долю в результате начавшегося раздела Китая получила Англия. По этому вопросу в литературе была некоторая путаница, так как фактическое положение не всегда совпадает с юридическим: на отдельные районы, фактически контролируемые англичанами, претендовали другие державы (Франция). Г. В. Ефимов напомнил, что

¹⁰ См.: Г. В. Ефимов. Сунь Ятсен. Поиск пути, 1914—1922. М., 1981, с. 144—149.

¹¹ См.: Г. В. Ефимов. К вопросу об образовании китайской нации. — «Вопросы истории», 1953, № 10.

¹² См.: Г. В. Ефимов. Внешняя политика Китая. 1894—1899 гг. М., 1958, с. 314—316, 318, 323—325, 312, 311.

Гуандун, конечно, оставался сферой влияния в основном Англии и именно Англия добилась здесь в конце XIX в. новых успехов (открытие бассейна реки Сицзян).

Книга «Внешняя политика Китая 1894—1899 гг.» стоит в ряду монографий, ознаменовавших в конце 50-х — начале 60-х годов стремление советских китаеведов перейти от «очеркового» этапа к монографическому (книги по истории М. П. Сладковского, Г. В. Астафьева, М. С. Капицы, С. Л. Тихвинского, экономическое исследование В. А. Масленникова).

Г. В. Ефимов в своей книге объяснял отказ империалистов от полного, окончательного раздела Китая борьбой миллионных масс китайского народа¹³. Между тем выступления китайского народа, как показало восстание ихэтуаней, легко подавлялись в то время империалистами. Не вернее ли считать, что от полного превращения в колонию и от окончательного раздела Китай спасли противоречия между державами? В целом пункт этот требует, по нашему мнению, дальнейшего исследования.

В специфических условиях 50-х годов автор, правильно показав самостоятельность внешней политики Китая в конце XIX — начале XX в., не смог, однако, раскрыть агрессивность Китая в отдельных случаях, когда она ярко проявлялась (например, в Корею в 80-х — начале 90-х годов XIX в.).

Закончив работу над внешнеполитической темой, Г. В. Ефимов некоторое время планировал всерьез заняться периодом 70—90-х годов XIX в. Памятью об этих планах остался его доклад на 25-м международном конгрессе востоковедов в Москве в 1960 г. «Значение периода 70—90-х годов XIX в. в новой истории Китая». Но данную линию исследований Г. В. Ефимов не стал продолжать, увлеченный в дальнейшем историографической проблематикой. Последние два десятилетия (1961—1980), продолжая свою постоянную тему «Сунь Ятсен и буржуазная революция», автор одновременно занимался историографией.

Для третьей формы работ Г. В. Ефимова по истории Китая — общих очерков — типичными, несомненно, являются «Очерки по новой и новейшей истории Китая». Ни одна книга, принадлежавшая перу автора, как и вообще ни одна научная книга по Китаю после второй мировой войны, не имела при ее выходе в свет большего успеха. Последовал буквально поток положительных рецензий, за короткий срок книга выдержала два издания (1949, 1951).

Не разбирая подробно названную работу, хорошо известную в историографии, кратко отметим лишь, что книга Г. В. Ефимова дала советскому читателю в момент победы китайской революции итог достижений советского китаеведения в области новой и новейшей истории Китая. Конечно, она была не исследованием, а очерком, но полнота изложения явилась максимально возможной на уровне знаний того историографического периода. Как показало последующее десятилетие (1949—1959), в некоторых вопросах изучения новейшей истории Китая после книги Г. В. Ефимова наступил даже временный регресс как результат влияния оценок, проникавших из маоистской историографии, влияние которой чувствовалось в наших работах, начиная со второго издания тех же «Очерков по новой и новейшей истории Китая». Лишь с конца 60-х годов советское китаеведение перешло к критическому пересмотру концепции, в чем Г. В. Ефимов принял самое активное участие, главным образом своей историографической работой.

В 60-х годах, в период оживления историографических исследований в СССР, Г. В. Ефимов выступил горячим пропагандистом и организатором историографической работы в области истории стран Востока. Он инициатор и неизменный руководитель проводившихся в это время на восточном факультете ЛГУ историографических конференций. Памятью

¹³ См.: Г. В. Ефимов. Внешняя политика Китая..., с. 408—411.

об этой стороне работы ученого остаются выпуски «Историко-библиографического обзора источников и литературы по новой истории Китая» и «Историко-библиографического обзора источников и литературы по новой и новейшей истории Китая». Целью автора было создать пособие, которое помогло бы при изучении китайской истории.

Первый выпуск, посвященный источникам, носит преимущественно справочный характер. Некоторые оценки автора субъективны (вряд ли можно согласиться, например, что книга корреспондента газеты «Новый край» Д. Янчевецкого представляет, «с точки зрения историка», больший интерес, чем 16-томное издание документов генерального штаба)¹⁴.

Собственно историография содержится в следующих трех выпусках, где справки об исторической литературе чередуются с обобщениями и анализом. Так, второй выпуск дает краткий очерк истории отечественного китаеведения в области новой истории Китая. Особый интерес представляет обзор советского китаеведения 30—50-х годов, одним из активных участников которого был сам автор (в выпуске эта часть занимает 40 страниц из 90).

«Историография, — справедливо считал автор, — обобщает достигнутое исторической наукой в изучении прошлого человечества, в разработке теоретических проблем развития общества. Без этого критического обобщения историческая наука не может двигаться вперед»¹⁵.

Давая обзор литературы, Г. В. Ефимов, как правило, комментировал обозреваемые дискуссии: по поводу существования «класса феодалов-помещиков в Китае», о нации в Китае, о конфликте 1856 г. в лагере крестьянской войны тайпинов (Г. В. Ефимов полагал неправильным считать эту борьбу внутри тайпинов не классовою, а «порождением борьбы групп, кланов за власть»¹⁶) и т. д.

Третий выпуск посвящен западной и китайской литературе по новой истории Китая¹⁷, четвертый выпуск — советской литературе по новой истории, по главным образом новейшей истории Китая¹⁸. Автор взял только советские работы, вышедшие в 60—70-х годах, и только по периоду новейшей истории 1917—1949 гг. В том же выпуске Г. В. Ефимов дал разбор отдельных книг западных авторов о Китае и охарактеризовал некоторые общие черты современного западного китаеведения.

В последний из указанных выпусков включена статья об изучении в КНР новейшей истории общественной мысли, написанная учеником Г. В. Ефимова И. Д. Кузьминым. Это придает четвертому выпуску характер сборника.

Творчество Г. В. Ефимова отразило путь советской исторической науки в изучении истории Китая — от общих очерков к сочетанию очерков с монографиями как основой углубленного исследования истории и к развертыванию систематической работы в области специальных научных дисциплин.

¹⁴ См.: Г. В. Ефимов. Историко-библиографический обзор источников и литературы по новой истории Китая, ч. I. Л., 1965, с. 152.

¹⁵ Там же, с. 3.

¹⁶ Там же, ч. II. Л., 1968, с. 49, 72—73, 75.

¹⁷ Г. В. Ефимов. Историко-библиографический обзор источников и литературы по новой истории Китая, ч. III. Л., 1972.

¹⁸ Г. В. Ефимов. Историко-библиографический обзор источников и литературы по новой и новейшей истории Китая, ч. IV. Л., 1980.

Сэн Катаяма — борец против империализма, интернационалист

А. И. СЕНАТОРОВ

Со времени Великой Октябрьской социалистической революции подъем национально-освободительного движения привел к коренной переделке политической карты мира. Сейчас каждому ясно, что успехи народов бывших колоний и полуколоний в борьбе с колониализмом были бы немыслимы без тесной связи с революционной борьбой трудящихся капиталистических стран за свое социальное освобождение, без их победы сначала в России, а затем и в ряде других стран. Установление социалистического строя в России явилось мощным толчком, вызвавшим качественно новый этап национально-освободительных революций на Востоке.

Это явление не было случайным: корни двух потоков мирового революционного процесса, их материальные предпосылки лежат в недрах мировой системы империализма, оба потока порождены империализмом и направлены против него. Потому-то сплочение всех антиимпериалистических сил есть одновременно и условие успехов пролетариата капиталистических стран в его борьбе за социальное освобождение, и условие достижений угнетенных народов в борьбе за национальное освобождение.

Эту закономерность В. И. Ленин выразил в четком тезисе, гласящем, что «социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»¹.

Руководствуясь марксистско-ленинским учением, идею тесного единения всех антиимпериалистических сил последовательно проводил в жизнь Коммунистический Интернационал. Многие видные деятели Коминтерна настойчиво добивались претворения этой важной идеи в повседневную практику всех коммунистических партий. Одним из таких деятелей был Сэн Катаяма, пионер и ветеран японского профсоюзного и социалистического движения, последовательный пролетарский интернационалист.

Твердые антиимпериалистические взгляды Катаямы облегчили ему, находившемуся в период первой мировой войны в эмиграции, сближение с революционными элементами в Социалистической партии Америки, вставшими на интернационалистскую платформу Циммервальдской левой группы. Приобретя богатый опыт непосредственного участия в рабочем движении, усвоив на практике принцип недопустимости соглашения с классовым противником, Катаяма понял, что ему не по дороге с оппортунистическими вождями II Интернационала. Катаяма горячо приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию и безоговорочно стал на сторону большевиков. Он воспринял победу Октября как поворотный момент в мировом революционном движении.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 112.

Как только был образован Коммунистический Интернационал, Катаяма и члены руководимой им коммунистической группы японцев в США перевели на японский язык Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира и опубликовали его в издаваемой Катаямой в Нью-Йорке газете «Хэймин» («Народ») ².

Находясь в США, Катаяма устанавливает постоянные связи с Коминтерном, а в 1921 г. в качестве представителя Панамериканского бюро Коминтерна выезжает в Мексику. Его взгляды на актуальные проблемы того времени наиболее характерно проявились в написанной здесь статье «Япония и грядущая социальная революция». В ней Катаяма с присущей ему страстностью отстаивает единственно правильную для пролетариата империалистических стран позицию боевой солидарности с трудящимися угнетенных наций.

«Вовлекая пролетариат в сферу националистических и шовинистических чувств, — писал Катаяма, — господствующие классы современных капиталистических и империалистических стран стараются привить ему самые низкие чувства расового самолюбия и расовые предрассудки для того, чтобы из-за своих корыстных выгод подготовить его к войне» ³. Катаяма подчеркивает необходимость преодолеть расовые предрассудки и не поддаваться буржуазной пропаганде национализма и шовинизма, он призывает объявить решительную войну любому империализму. Будучи японцем, он в первую очередь восстает против империализма японского. «Крушение японского империализма принесет пользу не только корейцам и китайцам, но и японскому пролетариату. А уничтожение империализма в Британских владениях — в интересах значительно большей массы народностей и рас. Свобода и жизнь мексиканцев, негров, жителей Кубы, Гаити, Сан-Доминго, Филиппин и Центральной Америки зависят от крушения империализма в Америке» ⁴.

Катаяма видит в лице японского империализма самую крупную силу реакции, ее опору на Дальнем Востоке. В интересах организации успешной борьбы с этой силой требуется решить задачу классового воспитания японского пролетариата. Он подчеркивает, что «империализм каждой страны должен быть сокрушен самим же пролетариатом данной страны...» ⁵

Необходимым условием успешной борьбы пролетариата Катаяма считал руководство ею со стороны коммунистических партий, опирающихся на Коммунистический Интернационал. Но такие партии на Дальнем Востоке, в том числе на родине Катаямы — в Японии, еще предстояло создавать или укреплять. Вот почему он горячо поддержал инициативу Коминтерна созвать в Советской России съезд представителей революционных организаций Дальнего Востока, целью которого было ускорить процесс формирования в этом регионе коммунистических партий на принципах марксизма-ленинизма. Катаяма выехал из Мексики в Москву для личного участия в организации и проведении съезда.

На заседаниях съезда, открытие которого состоялось 21 января 1922 г. в Москве, а заключительное заседание — в начале февраля в Петрограде, представители коммунистических и национально-революционных организаций Китая, Кореи, Японии, Монголии, Голландской Индии (нынешней Индонезии) в свободной, демократической обстановке обсуждали состояние, задачи и перспективы освободительной борьбы в собственных странах, а также проблемы укрепления солидарности между коммунистическими и национально-освободительными движениями стран Дальнего Востока. Делегаты съезда знакомились с положением дел в соседних странах, встречались с видными деятелями Коминтерна,

² См.: «Хэймин», № 21, июнь 1919 г.

³ Сэн Катаяма. Статьи и мемуары. М., 1959, с. 47.

⁴ Там же, с. 48.

⁵ Там же, с. 56.

обладавшими широким кругозором и опиравшимися на опыт революционных боев всего мирового пролетариата, особенно на уроки победоносной Октябрьской революции. Они получили хорошую возможность выйти за пределы ограниченного рамками собственных, еще малочисленных и раздробленных организаций опыта революционной борьбы.

Чрезвычайно большое значение для дальнейшей ориентации участников съезда имела личная встреча их представителей с В. И. Лениным, состоявшаяся в его рабочем кабинете в Кремле. В ходе обсуждения как специфических для каждой из стран, так и общих вопросов, касающихся всего дальневосточного района, В. И. Ленин подчеркивал необходимость объединить революционные силы всех стран, представленных на съезде. Он высоко оценил позицию Катаямы, который был известен ему своим решительным осуждением японского империализма и призывами к солидарности рабочего класса Японии с трудящимися стран, ставшими объектом японской экспансии. Обращаясь к Катаяме, В. И. Ленин сказал: «Вы защищали единый фронт в дальневосточных странах»⁶.

Встреча с Владимиром Ильичем способствовала укреплению духа интернационализма, которым была пронизана вся работа съезда революционных организаций Дальнего Востока. В манифесте съезда его участники заявили: «Мы объявляем войну не на жизнь, а на смерть японским, американским, английским, французским и всем другим мировым хищникам...»⁷.

Политическая платформа, разработанная японской делегацией под руководством и при непосредственном участии Катаямы, в числе важнейших актуальных требований и задач борьбы японских революционных сил назвала освобождение колоний и отказ Японии от колониальных сфер влияния⁸. Опираясь на рекомендации съезда, созданная вскоре, в июле 1922 г., Компартия Японии приняла на свое вооружение антиимпериалистические лозунги и требования.

По мере дальнейшего включения Катаямы в работу Коминтерна он все более активно занимается проблемами национально-освободительных движений. На IV конгрессе Коминтерна (ноябрь — декабрь 1922 г.) Катаяма избирается в комиссию по негритянскому вопросу, в специальную комиссию для рассмотрения положения в Египте и докладывает конгрессу о результатах ее работы, участвует в обсуждении корейского вопроса в другой специальной комиссии, включается в комиссию по разработке тезисов и резолюции конгресса по восточному вопросу в целом. Помимо того, Катаяма принимает участие в редакционной комиссии по аграрному вопросу, имевшему особо важное значение в колониях и полуколониях, где подавляющее большинство населения составляло крестьянство. На этом конгрессе Катаяма докладывает о том, что японский пролетариат ведет борьбу против капиталистов, жестоко эксплуатирующих корейских рабочих, и выражает солидарность с антиимпериалистической борьбой китайского пролетариата⁹.

При обсуждении на IV конгрессе вопроса о реорганизации Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала Катаяма настойчиво подчеркивал необходимость строгого и хорошо организованного руководства дальневосточной политикой Коминтерна с целью «помочь тамошним революционным рабочим и крестьянским партиям»¹⁰. Естественно поэтому, что Катаяма был удовлетворен внесением в тезисы по восточному вопросу положения, обязывающего каждую из коммунистиче-

⁶ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 5. М., 1979, с. 438.

⁷ Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока. Петроград, 1922, с. 6.

⁸ См. там же, с. 152.

⁹ См.: IV Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Избранные доклады, речи и резолюции. Москва — Петроград, 1923, с. 273.

¹⁰ Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала, № 27, 6.XII.1922, с. 6.

ских партий тех стран, которые имеют колонии, «взять на себя задачу организации систематической идейной и материальной помощи рабочему и революционному движению колоний»¹¹.

В связи с пятилетием Коминтерна Катаяма, который сразу же после IV конгресса был избран членом Президиума Исполкома Коминтерна, предпринимает попытку проанализировать опыт первых шагов деятельности штаба мирового революционного движения в дальневосточном регионе. Отметив, что существование и деятельность Коммунистической партии Китая к тому времени всецело определялись «прямым и косвенным влиянием Коминтерна», он выразил надежду, что отношения между Коминтерном и КПК «станут еще более тесными и прочными по мере того, как будет расти и усиливаться китайское пролетарское движение»¹². Катаяма высказал мнение, что интересам революционного процесса на Дальнем Востоке будет отвечать расширение контактов монгольского революционного движения, завоевавшего под руководством МНРП народную власть, с освободительным движением в других странах региона. Касаясь корейского вопроса, Катаяма указал на необходимость тщательной разработки Коминтерном его политики в отношении этой страны, чтобы оказывать влияние на подымающееся в ней национальное движение. Тогда, отмечал Катаяма, станет возможным «объединить революционные организации корейских эмигрантов, рассеянных по Китаю и Маньчжурии, в единый фронт с революционным движением внутри Кореи»¹³. В статье рассматривалось влияние Коминтерна на разные стороны освободительной борьбы в Японии, причем Катаяма обратил внимание на то, что благотворное влияние Коминтерна нашло отражение и в отношении японского рабочего движения к рабочему движению японских колоний.

Вместе с тем Катаяма выразил сожаление по поводу того, что за первое пятилетие существования Коминтерна ему еще не удалось установить достаточные связи с другими странами Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

«Коминтерн, — делал вывод Катаяма, — должен играть крупную роль в грядущей революционной борьбе Востока... Коммунистическое движение и рабочее движение в дальневосточных странах молоды и неопытны, и им должен помогать и их должен вести вождь пролетариата — Коминтерн»¹⁴.

Эту же мысль — об усилении внимания к восточной проблеме — Катаяма настойчиво подчеркивает и на V конгрессе Коминтерна (июнь—июль 1924 г.). Катаяма напоминает с трибуны конгресса, что в соответствии с ленинскими установками по национальному вопросу «эксплуатируемые народы колониальных и полуколониальных стран стали неразрывно товарищами революционного пролетариата. Поддержка революционного движения среди этих народов стала неотъемлемой задачей последнего». Показав, что такой подход к национальному вопросу придал ему «совершенно новое», отличное от позиции II Интернационала, значение, Катаяма с гордостью отметил, что Коминтерн «считает всех равными, как цивилизованных, так и нецивилизованных, как белых, так и черных и желтых»¹⁵.

Национальное движение многообразно, отмечал Катаяма, оно «может коренным образом менять свою ориентацию в зависимости от своего классового характера». Он ратовал за гибкость тактики коммунистических партий в отношении как буржуазно-национальных, так и мелкобур-

¹¹ Коммунистический Интернационал в документах. М., 1933, с. 324.

¹² Сэн Катаяма. Коминтерн и Дальний Восток. — «Коммунистический Интернационал», 1924, № 1, с. 205—206.

¹³ Там же, с. 209.

¹⁴ Там же, с. 211—212.

¹⁵ Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, ч. I. М. — Л., 1925, с. 618.

жуазных национальных движений. По наблюдениям Китаямы, мелкобуржуазное национальное движение «нередко обнаруживает склонность вылиться в чистейший национализм», но при благоприятных условиях «может легко вступать в контакт с движением пролетарским». Для Китаямы не было сомнений в необходимости находить правильный подход к этому типу национального движения. Особенно важно было при этом выработать «наиболее пригодную тактику по отношению к крестьянскому массовому движению в колониальных и полуколониальных странах, так как в этих странах крестьяне являются большинством трудящихся масс»¹⁶.

Национальные чувства, ненависть к иностранным поработителям, которыми чаще всего были представители белой расы, создавали почву для паназиазма, выступавшего под девизом «Азия для азиатов». На это движение значительные надежды возлагали и поощряли его японские реакционные круги, имея в виду, что Япония, как уже показавшая способность отстоять свою самостоятельность, сумеет встать во главе паназиазского движения, а следовательно, и подчинить его себе, использовать в соперничестве с другими империалистическими державами. Потому-то на V конгрессе Коминтерна актуально прозвучало и напоминание Китаямы о том, что коммунисты должны не забывать предостережения Ленина не давать себя обмануть паназиазским движением¹⁷.

Неизменный интерес Китаямы проявлял к революционным событиям в Китае.

Осенью 1924 г. в Советском Союзе разворачивается кампания поддержки национально-освободительной борьбы китайского народа, против империалистического вмешательства в его дела. 22 сентября на митинге в Москве, созванном обществом «Руки прочь от Китая!», Китаямы говорит о том, что в Китае создается единый антиимпериалистический фронт, противостоящий тому фронту, которым «английские, американские, японские и французские капиталисты хотят раздавить китайский народ, уничтожить его сопротивление и грабить вволю». Японский коммунист призвал оказать Сунь Ятсену, «национально-революционному вождю юга Китая, всемерную поддержку, дабы, начав борьбу против империалистов, китайские трудящиеся могли бы довести ее до конца, до своего освобождения»¹⁸. В резолюции митинга была выражена солидарность трудящихся Советского Союза с освободительной борьбой китайского народа, а также содержался призыв к рабочим Англии, Америки, Японии и Франции уничтожить заговор молчания, которым империалисты окружают события в Китае, выразить протест и заставить свои правительства отказаться от разбойничьих планов закабаления Китая¹⁹.

Большое впечатление на Китаяму произвел разгром в Гуандуне так называемого мятежа «бумажных тигров», который в октябре 1924 г., по его характеристике, осуществили с целью свержения правительства Сунь Ятсена «фашистские отряды, вооруженные на деньги англо-американских капиталистов и крупных кантонских промышленников». Как известно, решающую роль в разгроме этого контрреволюционного выступления сыграли новые воинские части, сформированные из курсантов революционной военной школы Хуанпу, и рабочие отряды. Китаяма увидел в данном факте подтверждение того, что китайский пролетариат, несмотря на относительную малочисленность и еще низкий уровень организованности в профсоюзы, уже имел «громадное значение в гражданской войне» и ему «предстоит играть еще большую роль при решении судеб китайской республики...»²⁰.

¹⁶ Пятый Всемирный конгресс..., с. 618—619.

¹⁷ См. там же, с. 622.

¹⁸ «Руки прочь от Китая». М., 1924, с. 24.

¹⁹ См. там же, с. 31.

²⁰ С э и К а т а я м а. Гражданская война в Китае и рабочий класс. — «Красный Интернационал профсоюзов», 1924, № 12, с. 91.

К тому времени развитие революционного процесса зависело от налаживания сотрудничества в рамках гоминьдана, создание которого означало важный шаг в практической реализации политики единого национального антиимпериалистического фронта. Однако обострение политического положения в гуандунской базе революционного движения в Китае, активизация различных реакционных сил и усиление антикоммунистических настроений среди гоминьдановских лидеров привели к тому, что часть руководителей КПК стала высказываться за выход коммунистов из гоминьдана, прекращение всякой поддержки его военных мероприятий и даже ликвидацию революционной власти и революционной базы в Гуандуне²¹. Левосектантские взгляды ряда руководящих деятелей КПК, отрицавших революционность китайской национальной буржуазии, нашли отражение и в некоторых резолюциях IV съезда КПК, состоявшегося в январе 1925 г. в Шанхае²². Такие действия шли вразрез с тактической линией, предлагавшейся Коминтерном в вопросе о взаимоотношениях с гоминьданом.

Как раз в это время Катаяма через Владивосток выезжает в Китай. К февралю 1925 г. он прибыл в Пекин, где оставался до середины марта, знакомясь с положением в стране. Особенно полезными были встречи с одним из основателей КПК, секретарем Северного бюро КПК, видным теоретиком партии, пролетарским интернационалистом Ли Дачжао. Катаяма, познакомившийся с Ли Дачжао на V конгрессе Коминтерна, встречался с ним в Пекине несколько раз и обсуждал вопросы китайской революции²³.

Поездка в Китай помогла Катаяме в дальнейшем со знанием дела отстаивать линию Коминтерна по проблемам стратегии и тактики китайских коммунистов в развертывавшемся революционном процессе.

Завершив свое пребывание в Китае, Катаяма выбирает обратный путь через Монголию. Выбор был не случаен: желание побывать в этой стране пришло к нему, когда он установил знакомство с монгольскими революционерами, прибывшими в Москву на Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока. Его не сдержали трудности долгого автомобильного путешествия по бездорожью, с ночевками среди холодной степи. Выехав из Пекина в середине марта 1925 г., Катаяма через Калган направился в монгольскую столицу Улан-Батор. Краткую остановку здесь в начале апреля он использует для изучения различных сторон жизни монголов, особенностей процесса освободительной революции, развивающейся в весьма специфических условиях.

Глубокое впечатление на Катаяму произвели независимость монгольского государства и начавшиеся социально-экономические преобразования в интересах трудящихся.

«Монголия, — писал Катаяма, — единственная страна, сумевшая создать в Азии независимую республику... Китай все еще стонет под игом чужеземного империализма, тогда как Монголия является истинной независимой революционной республикой, управляемой Монгольской Народно-Революционной партией. Монголия может самостоятельно решать вопросы таможенной политики и не имеет внешних долгов. Ее экономическая автономия не ограничена, как у Китая. Правда, Монголия пользуется большой поддержкой со стороны Советской России, но, не в пример политике империалистов в Китае, влияние Советской России и ее поддержка приносят Монголии громадную пользу, а не препятствуют ее развитию и росту народного благосостояния»²⁴.

Именно такой, позитивный характер имела поддержка Красной Армией восставших монголов во время революционных боев, а позже совет-

²¹ См.: Новейшая история Китая. 1917—1970. М., 1972, с. 84.

²² См. там же, с. 85.

²³ См.: «Народы Азии и Африки», 1968, № 5, с. 145.

²⁴ Сэн Катаяма. По Монголии. — «Жизнь Бурятии», 1925, № 5—6, с. 4.

ская помощь в подъеме народного хозяйства Монголии. Один из примеров интернационального сотрудничества народов двух стран смог наблюдать Катаяма, посетив неподалеку от Улан-Батора центр скотоводства и коневодства, созданный для улучшения породы монгольского рогатого скота и лошадей. «Я посетил это предприятие, — делился Катаяма своими впечатлениями, — и убедился в плодотворной и интересной работе, выполняемой здесь русскими специалистами — скотоводами»²⁵.

С большим интересом Катаяма ознакомился с политикой революционного правительства в отношении ламаизма. Для него было очевидным, что ламаизм тяжелым бременем ложится на плечи народа, что ламы культивируют отсталость населения и всячески эксплуатируют народ. Поэтому Катаяма с одобрением встретил разъяснения монгольских руководителей о мерах, направленных на лишение лам всех привилегий, о линии на ослабление ламаизма путем расслоения духовенства, завоевания на сторону революции большинства лам, не обладающих никакой собственностью и являющихся объектом угнетения для ламаистской верхушки.

Тепло встретили члены МНРП и Монгольского революционного союза молодежи выступление Катаямы на специально устроенном в честь его прибытия в Улан-Батор собрании. Монголия, говорил Катаяма, первая на Азиатском континенте страна, совершившая революцию и ставшая суверенным государством. Революционная Монголия и ее народ в тесном союзе с СССР должны помочь угнетенным народам Азии в деле подавления мирового империализма и освобождения их от иностранного ига. Он особо подчеркнул, что решение всех проблем в Монголии должно основываться на учении ленинизма, которое «настолько вссильно, что может преодолеть любые преграды и любое сопротивление, может преодолеть горы и скалы, реки и моря и ему суждено распространиться среди народов всего мира»²⁶.

Катаяма вернулся в Москву с убеждением в том, что Монголия стоит на правильном пути, хотя в ней предстоит еще большая работа, чтобы улучшить положение народа и ликвидировать его отсталость.

Вскоре после дальневосточной поездки Катаяма публикует в одном из японских прогрессивных журналов свои впечатления о китайском рабочем и национально-освободительном движениях. Он высказывает мнение о том, что путь освобождения китайского народа лежит через революцию, которая должна объединить рабочих, крестьян, мелкую буржуазию²⁷.

Еще до своей поездки в Китай Катаяма поддержал издание и написал предисловие к брошюре И. Г. Рогачевского-Бродского «Современный Китай»²⁸, в популярной форме знакомящей советского читателя с различными сторонами жизни этой страны. Посетив же Китай, Катаяма пишет и издает собственную книгу о Китае²⁹. Он концентрирует внимание на анализе экономического положения в стране, подчеркивая экономическую зависимость Китая от иностранных империалистов, которые для закабаления китайского народа придумали разнообразные лозунги вроде «открытых дверей», «равных шансов для всех заинтересованных держав». «Иностранные капиталисты, — замечает Катаяма, — зорко следят друг за другом, и каждая подачка одному тотчас же «для равновесия» влечет новые и новые захваты»³⁰. Вместе с тем Катаяма видит и другое — пробуждение национального самосознания как самого важного

²⁵ Сэн Катаяма. По Монголии, с. 10.

²⁶ «Унэн», 23.IV.1925.

²⁷ См.: Сина рёко дзаккан (Впечатления от поездки в Китай). — «Кайдзо» (Токио), июнь 1925 г.

²⁸ И. Г. Рогачевский-Бродский. Современный Китай. (Краткий социально-экономический очерк). М., 1925.

²⁹ См.: Сэн Катаяма. Китай (Экономический очерк). М — Л., 1926.

³⁰ Там же, с. 9.

явления в жизни Китая. Китайцы все более и более осознавали необходимость социальных и политических перемен, они показали способность проявлять свою волю и желания в наиболее важных внутренних и международных проблемах. Об этом свидетельствовали, в частности, развернувшиеся в Китае национальное движение против Японии, широкий антияпонский бойкот, движение против иностранного капитализма вообще.

Катаяма подчеркивает еще один «фактор огромной важности», который необходимо иметь в виду при изучении современного Китая — «это влияние русской Октябрьской революции на Китай. В настоящее время одна лишь Советская Россия находится с Китаем «на равной ноге». Советская Россия уничтожила возмутительную «экстерриториальность», столь широко применяемую иностранцами в Китае. Советская Россия лучший друг китайского народа»³¹. Это обстоятельство, по мнению Катаямы, должно способствовать развитию в Китае революции, направленной против «эксплуататоров внутренних и внешних», которая потребует значительного напряжения сил и больших жертв, но является «единственным и прямым путем к возрождению Китая, к его дальнейшему процветанию»³².

«Влияние русской революции, — говорил Катаяма несколько позже, на VII расширенном пленуме ИККИ в ноябре 1926 г., — пробуждает ото сна угнетенные классы рабочих и крестьян Востока и помогает им в борьбе с иностранным империализмом и капитализмом. Китайская революция — непреложный факт, но она является национальной революцией... Мы должны оказать поддержку национальной революции Китая, ибо успех ее откроет путь революции социалистической»³³. Исходя из определения характера революции в Китае как революции, решающей прежде всего задачи национального освобождения, Катаяма призывал к объединению всех революционных сил страны под антиимпериалистическими и антимилитаристскими лозунгами, предупреждал, что Компартия Китая должна готовиться к отпору единому наступлению, замышляемому реакцией³⁴.

В 1925—1927 гг. демократическим силам Китая антиимпериалистическую революцию довести до конца не удалось. Тяжелый удар революции нанес гоминьдан, разорвавший единый национальный фронт. Контрреволюционное правительство Чан Кайши, отражавшее интересы крупной компрадорской буржуазии и китайских помещиков, проводило политику жесточайшего террора.

Анализируя события, в ходе которых Чан Кайши совершил предательство и решился на расправу с революционными рабочими и крестьянами, с коммунистами и представителями левого крыла гоминьдана, Катаяма делает прозорливый вывод об эфемерности победы Чан Кайши, указывая, что он, «возможно, добьется доминирующего положения в правом крыле гоминьдана, но, вне всякого сомнения, потеряет доверие широких масс Китая, являющихся источником силы и оплотом китайской революции»³⁵. Ответом на образование контрреволюционного правительства Чан Кайши Катаяма считал не отказ от политики единого национального фронта, а, напротив, продолжение настойчивой работы по его формированию на самой широкой основе. Другой вывод Катаямы состоял в том, что Чан Кайши со времени его предательства, отхода от

³¹ Сэн Катаяма. Китай, с. 5.

³² Там же, с. 53.

³³ Пути мировой революции. VII расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, т. 1. М.—Л., 1927, с. 176.

³⁴ См. там же, с. 440—441.

³⁵ Сэн Катаяма. Китайская революция и ее перспективы. — «Мировое хозяйство и мировая политика», 1927, № 4, с. 13.

революционных сил «стал вполне приемлемым генералом для империалистических грабителей Китая»³⁶.

И действительно, иностранные империалисты решили воспользоваться благоприятным моментом для активизации своих планов дальнейшего закабаления Китая. Особенное рвение проявлял японский империализм, для которого Китай с его сырьевыми ресурсами, огромным рынком сбыта промышленных товаров и приложения капитала был привлекателен также и из-за географической близости. В то же время японские правящие классы беспокоила опасность утраты Китая как наиболее удобного объекта грабежа и эксплуатации. Постоянно растущее влияние русской революции в Китае, отмечал Катаяма в 1927 г., «влияние, пропитывающее весь огромный Китай, вызывает беспокойство и трепет в Японии»³⁷. Зная, что Япония «слишком бедна, чтобы вести без иностранной помощи сколько-нибудь длительную войну», Катаяма тем не менее справедливо считал, что это не может остановить японских милитаристов с их решительностью и честолюбивыми империалистическими планами, располагающих «человеческими ресурсами в достаточном количестве для пушечного мяса и военной эксплуатации»³⁸. Характерно, что к заключению о том, что Япония неизбежно перейдет к прямой агрессии против Китая, Катаяма пришел в то время, когда Япония еще маскировала свои захватнические планы и даже стремилась внешне продемонстрировать «доброе отношение» к Китаю, проводя осторожную политику при обсуждении таможенных вопросов и уклоняясь от совместных выступлений с Англией в поддержку контрреволюционных сил. И это не удивительно: Катаяма хорошо знал природу империализма, его готовность к агрессивным войнам, будь то империализм японский, американский или какой-либо другой.

С этой точки зрения интересны оценки, дававшиеся Катаямой американскому империализму. Они сохранили свою актуальность и по нынешний день. В 20-е годы, как и в настоящее время, американские правящие круги много рассуждали о «свободе и гуманности», создавая дымовую завесу над своей империалистической, грабительской политикой.

Анализируя деятельность американского государства на международной арене, Катаяма писал, что в действительности США вели войны отнюдь не «во имя свободы», а «во имя расширения своей территории, в целях расширения своего влияния — вели грабительские, захватнические войны», начинавшиеся под предлогом «улаживания» каких-нибудь «внутренних смут» у соседей, виновниками которых частенько являлись сами же американцы. Американские президенты издавна цинично заявляли, что Соединенные Штаты «вынуждены» брать на себя «обязанности международной полиции» в «особо резких случаях беззакония или бессилия» в каких-либо зарубежных странах. Первоначально США действовали таким образом прежде всего в Центральной Америке. «Американские матросы беспрепятственно производят высадки в любом порту этих республик Центральной Америки, подавляют там всякое либеральное движение и по своему произволу расстреливают местное население. Так матросы готовят почву и прочищают путь для американских банкиров». В дальнейшем, отмечал Катаяма, такие же методы американский империализм распространил и на Дальний Восток, утверждаясь, например, на Филиппинских островах³⁹.

Как перекликаются слова Катаямы с тем, что делает сейчас американский империализм в Центральной Америке и на Ближнем Востоке, размахивая ядерной дубинкой, используя армады новейших кораблей с их мощным вооружением! Международный терроризм и прежде и те-

³⁶ Сэн Катаяма. Китайская революция..., с. 13.

³⁷ Сэн Катаяма. Революционное движение в Китае и позиция Японии. — «Коммунистический Интернационал», 1927, № 1, с. 18.

³⁸ Там же, с. 20.

³⁹ См.: Сэн Катаяма. Япония и Америка. М., 1925, с. 50—55.

перь, как свидетельствует, в частности, разбойное нападение США на Гренаду, — вот традиционный метод политики США в их стремлении установить мировое господство.

Империализм — это войны, закабаление народов. Для отпора империалистической политике нужно сплочение всех сил, отвергающих ее. Катаяма — среди тех, кто ведет настойчивую работу по такому сплочению. Он один из самых активных участников Брюссельского конгресса антиимпериалистических сил, созванного в феврале 1927 г.

На Брюссельский конгресс были вынесены следующие вопросы: 1) империализм и последствия его действий в колониальных и полуколониальных странах, 2) империализм и опасность войны, 3) трудничество национально-освободительного движения с рабочим и антиимпериалистическим движениями в империалистических странах, 4) координация национально-освободительных движений с рабочим движением всех стран, как колониальных, так и империалистических, 5) создание постоянной организации международного масштаба, объединяющей все силы против империализма и колониального угнетения⁴⁰.

Возвратившись с конгресса, Катаяма активно популяризирует его результаты. Особое значение он придавал широкому составу участников антиимпериалистического форума в Брюсселе, на котором «были представлены все цвета и оттенки человеческих рас, различные ступени цивилизации, всевозможные политические и религиозные течения, самые разнообразные профессии». «Все они, — подчеркивал Катаяма, — сошлись вместе для общей цели — для борьбы против империализма»⁴¹. Брюссельский конгресс, как отмечал Катаяма, показал возможность для колониальных народов в «организационных формах закрепить смычку с революционным пролетариатом Запада»⁴².

Признанием заслуг самого Катаяма в защите интересов угнетенных народов явилось его избрание в руководящие органы учрежденной в результате работы Брюссельского конгресса Антиимпериалистической лиги борьбы за национальную независимость. Катаяма возлагал большие надежды на эту организацию, выступал за ее укрепление, за большее внимание к ней со стороны коммунистических партий. Он видел в Антиимпериалистической лиге прежде всего широкую непартийную организацию, располагающую возможностями для поднятия масс на борьбу против военной опасности. «Коммунистических сил, — говорил Катаяма на VI конгрессе Коминтерна, — у нас недостаточно, но опыт показал, что Антиимпериалистическая лига способна мобилизовать массы для движения против войны»⁴³.

В июле 1929 г. Катаяма едет на Второй конгресс Антиимпериалистической лиги, состоявшийся во Франкфурте-на-Майне, где выступает с суровым осуждением милитаристских приготовлений японского империализма.

Вскоре японские милитаристы провоцируют ряд «инцидентов» в Северо-Восточном Китае и с сентября 1931 г. начинают действия по захвату Маньчжурии. Катаяма назвал эту разбойничью акцию «первым шагом грядущей мировой войны»⁴⁴. Захват Маньчжурии империалистической Японией не мог, разумеется, не вызвать раздражения у других империалистических держав, особенно США, которые не хотели допустить укрепления позиций Японии в Китае. Вместе с тем они ничего не делали,

⁴⁰ См.: Сэн Катаяма. Брюссельский конгресс угнетенных народов. — Большая Советская Энциклопедия, т. 7. М., 1927, с. 716.

⁴¹ Сэн Катаяма. Брюссельский антиимпериалистический конгресс. — «Красный Интернационал профсоюзов», 1927, № 3, с. 242—243.

⁴² Цит. по: «Правда», 27.11.1927.

⁴³ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна, вып. 1. М.—Л., 1929, с. 305.

⁴⁴ Сэн Катаяма. Маньчжурия и колониальная политика Японии. — «Красная новь», 1932, № 1, с. 90.

чтобы помешать агрессивным замыслам японских милитаристов. В чем тут причина?

Катаяма отвечает: «Империалистические державы фактически позволяют Японии проводить самый грязный бандитизм в Северном Китае в качестве подготовки военной интервенции против Советского Союза»⁴⁵.

Действительно, японские милитаристы, завершив оккупацию обширной территории Северо-Восточного Китая, объявив ее новым государством Маньчжоу-го, явившимся не более чем простой марионеткой в их руках, стали спешно создавать здесь плацдарм и базу не только для последующего расширения агрессии в Китае, но и для нападения на СССР. Как показали последующие события, Катаяма своевременно указывал на опасность, грозившую Советскому Союзу со стороны империалистической Японии. «Маньчжурия, — признавал военный министр Японии (1930—1931) Минами на токийском процессе над главными японскими военными преступниками, — расценивалась как военная база в случае войны с СССР. Как оккупация Маньчжурии, так и вторжение в Китай исходили из конечной стратегической цели Японии — войны против СССР»⁴⁶.

Последние годы своей жизни Катаяма посвятил борьбе против военной опасности, используя все возможности для разоблачения в первую очередь захватнических планов японского милитаризма. Вместе с тем он понимал взаимосвязь роста милитаристских настроений в Японии с распространением фашизма в Европе. Мобилизация масс на предотвращение новой мировой войны, на борьбу против сил империализма, в защиту Советского Союза — к этому призывал Амстердамский антивоенный конгресс (август 1932), одним из инициаторов проведения которого был интернационалист и горячий борец за мир Катаяма. Он был включен в учрежденный конгрессом Международный комитет борьбы против войны и фашизма и, невзирая на преклонный возраст и болезнь, принимал самое деятельное участие в его работе вплоть до своей смерти.

5 ноября 1933 г. Сэн Катаяма скончался. Сообщая о его кончине, Президиум Исполкома Коминтерна назвал Катаяма безупречным и самоотверженным борцом за пролетарский интернационализм. «Как пролетарий он испытал на себе и гнет самого варварского японского капитализма, вооруженного полуфеодальным кнутом, и гнет самого цивилизованного американского капитализма, орудующего при помощи лживой буржуазной демократии. Куда ни бросала его судьба, всюду он сразу же шел в массы с проповедью смертельной ненависти к капиталу, с проповедью интернационального единства пролетариев»⁴⁷.

Сэн Катаяма внес большой вклад в работу Коминтерна по упрочению влияния коммунистических партий в различных странах Востока. Вместе с тем особую заботу Катаяма всегда проявлял к коммунистическому движению на своей родине. Ему не удалось вернуться в Японию, где свирепствовал антикоммунистический террор и Коммунистическая партия была вынуждена действовать нелегально. Тем не менее Катаяма оказал большое влияние на развитие японского коммунистического движения. Он стремился воспитать японских коммунистов в духе пролетарского интернационализма, солидарности с трудящимися стран, являющихся объектом империалистического гнета со стороны Японии, в духе дружбы и уважения к Коммунистической партии и народам Советского Союза.

Этим духом были проникнуты все программные документы, определявшие принципиальные направления деятельности КПЯ: первый проект ее программы (1923), тезисы Коминтерна по японскому вопросу 1927 и

⁴⁵ Сэн Катаяма. Японский империализм и война. — «Коммунистический Интернационал», 1933, № 21, с. 19.

⁴⁶ Цит. по: История внешней политики СССР. 1917—1945 гг., т. 1. М., 1976, с. 277.

⁴⁷ «Коммунистический Интернационал», 1933, № 32, с. 1—2.

1932 г., в выработке которых принимал участие Катаяма. Катаяма всячески поддерживал и пропагандировал все проявления товарищеского отношения японских профсоюзов к нуждам и интересам корейских рабочих в Японии, солидарности с ними в борьбе против жесточайшей эксплуатации⁴⁸. Он требовал активного сотрудничества японских коммунистов с освободительной борьбой народов в колониях Японии — на Тайване и в Корее. Как уже говорилось выше, Катаяму постоянно беспокоила агрессивная политика Японии в отношении Китая. Он использовал все возможности для того, чтобы призывать КПЯ поднимать массы на борьбу против угнетения и разбоя японского империализма в Китае.

Наконец, Катаяма учил японских коммунистов не забывать о том, что ненависть японских правящих кругов к Советскому Союзу определялась его ролью как мощного фактора, пробудившего народы Востока на борьбу за свое освобождение, как друга и защитника этих народов.

«Октябрь, — писал Катаяма по случаю 10-летия советской власти, — глубоко отразился на психике колониальных и полуколониальных народов, на глазах которых многочисленные национальности Советского Союза, находившиеся ранее под гнетом царизма, получили полную свободу и действительное равенство»⁴⁹.

Будучи сам искренним другом советского народа, Катаяма внес большой вклад в воспитание у японских коммунистов чувства дружбы и уважения к первому в мире социалистическому государству. Он видел своими глазами строительство нового общества в СССР, много путешествуя по нашей стране, глубоко изучая жизнь советских людей — в Баку и Грозном, в Казани и Одессе, в Сибири и Средней Азии. Рассказывая в своих путевых заметках, статьях и письмах зарубежным друзьям о достижениях социалистического строительства, в котором советские люди выступали первопроходчиками, он также подчеркивал важность пропаганды этих достижений всеми коммунистическими партиями как опоры в решении задач революционной борьбы в их собственных странах. Жизнь подтвердила: достижения реального социализма — это демонстрация на практике правильности и жизнеутверждающей силы марксистско-ленинского учения.

⁴⁸ См., например: Сэн Катаяма. Корейские рабочие в Японии. — «Красный Интернационал профсоюзов», 1924, № 6, с. 716—721.

⁴⁹ «Путь Мопра», 1927, № 21, с. 1.

Новаторство Цюй Юаня

*Н. Т. ФЕДОРЕНКО,
член-корреспондент АН СССР*

Проблема творчества и авторства Цюй Юаня — это проблема наследия традиции. Китайская литература, как одна из древнейших форм художественного постижения реальности, развивалась в органической взаимосвязи с общеисторическим контекстом. Она и плод мировосприятия, размышления над реальностью жизни, и продукт поступка, действия, творчества. Для нас важен здесь каждый аспект, все элементы движения к созданию произведения искусства, чтобы понять тайны прекрасного древа поэзии «Чуских строф».

Тайна художественного выражения — в способности творца неповторимо глубоко раскрыть содержание действительности и через него воздействовать на материальную практику, на духовную ее сферу. Определяющее в достижении цели — умение дать представлению о прекрасном такую форму, такое подобие, которое откроет человеческое содержание в реальности, как его чувствуют и остальные, но до того момента еще не сумевшие сами выразить собственными своими средствами.

Древнекитайское словесно-речевое искусство, зафиксированное в литературных памятниках, помогает нам понять многое, помогает осмыслить то, как творилась история. Люди, писал К. Маркс, сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. В классической китайской поэзии нас привлекает возвышенная духовность, интерес к человеческой личности, углубленность философской мысли, богатый, порой необузданный мир фантазии.

Из истории, в том числе древней китайской истории, мы черпаем опыт, на основе опыта образуется живая часть нашего практического ума. Уместно напомнить здесь изречение Джефферсона, сказавшего, что кусочек подлинной истории — это такая редкая вещь, что им надо дорожить. История литературы по сути своей — это история идей, история мысли, история духовной поэзии народа. Она свидетельница прошлого, пример и поучение для настоящего, предостережение для будущего. И тот, кто не запоминает прошлого, осужден на повторение его, на повторение его ошибок. Всемирная история, отмечал Шиллер, — это всемирный суд. История, в том числе история литературы — это справедливо как в отношении Запада, так и Востока — превосходная учительница для царей и правителей, но она несчастна, ибо нередко ученики у нее на редкость бездарны.

И в этом — еще одно свидетельство несбыточности мрачных пророчеств о неотвратимости гибели искусства, хотя общеизвестны многочисленные факты истории китайской литературы, когда высшие художественные ценности предавались зловещими силами анафеме и уносились дымом книжных костров.

Поэзия Цюй Юаня выжила и в эпохи, когда искусство, казалось, погибало перед лицом торжествующей реакции, и доказала свою жизнестойкость в годы разгула хунвэйбинов во время «культурной революции». Потому что извечные гуманистические цели певца древности оставались незыблемыми — отражать жизнь в ее многосложных противоречиях, неустранимо бороться за утверждение светлых начал, обличать все теснящее душу, быть знаменосцем эпохи, народа, человечества. И хотя все это известные истины, однако истины эти неоднократно подтверждены долгими столетиями исторического движения.

Гибли столь же быстро, сколь скоропалительно возникали, лишь сорняки и ядовитые травы, искусственно, в декоративных целях насаждавшиеся в угоду и на потребу эфемерных политических конъюнктур. Но разве принимались они когда-либо во внимание или оказывали сколько-нибудь заметное влияние на исторические судьбы искусства, на создание подлинно художественных ценностей китайского народа? Даже притом, как гласит древнее речение, что «и чертополох цветет порой».

Восстановление и наследие художественных ценностей прошлых эпох весьма существенно для обогащения духовного мира нашего современника. Освоение культурного наследия приобретает особое значение для будущего социалистической культуры. Весьма существенна поэтому задача перед исследователем, умеющим заполнять бездну между бесконечностью прошлого и беспощадностью будущего.

Проблема освоения культурного наследия включает в себя проблему восстановления подлинности произведения, проблему истины и, таким образом, приобретает этическое значение. Эта проблема, предполагающая уточнение подлинности и ценности памятника, имеет прямое отношение к конечному определению позиции — принятия или непринятия данного произведения. Ведь освоение отнюдь не сводится лишь к принятию, тем более безоговорочному. Освоение наследия есть вместе с тем и непрятие. Принципиальность такого взгляда четко выражена в самом заглавии одной из ленинских работ — «От какого наследства мы отказываемся?». Из этого вытекает и методологический подход: у нас не может быть компромисса с теми, кто стремится без разбора воспринимать все без каких-либо оговорок, все без исключений из культуры прошлого.

Огромно художественное наследие китайского народа, одного из древнейших на земле. Оно пришло к нам вместе с античными литературными и историческими памятниками: «Книгой истории», «Книгой песен», «Книгой перемен», возникновение которых относится к III—II тысячелетия до н. э. Эти литературные памятники китайской древности представляют собой драгоценные россыпи мудрости народа. Они доносят до наших дней сам духовный климат далекой эпохи китайской античности. Им принадлежит выдающаяся роль в истории жизни китайского народа.

Литература в широком значении (народные жанры и письменная традиция) — историческая, философская, повествовательная, особенно поэзия — искони рассматривалась в Китае как жизненная сила, способная воздействовать на государственные дела и общественные отношения. Чудовищно поэтому звучали в ходе «культурной революции» призывы леваков «ликвидировать китайское прошлое», «убить традицию», предать анафеме духовное наследие китайского народа как «феодалную отраву», «ядовитый сорняк».

Марксистско-ленинскому мировоззрению чужда концепция ненужности прошлого, отказа от истории, нигилистическое отношение к духовному наследию народа. Прошлое — это опыт, диалектически сложный и противоречивый. Опыт прошлого, размышления над историей, ее наследием, духовным творчеством минувших эпох — это одновре-

менно и размышления о настоящем и будущем. В. И. Ленин еще в 1919 г. говорил: «Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем»¹.

На протяжении веков народы всей земли с уважением и признательностью принимают к щедрому источнику живой воды речевого искусства. У нас есть, по выражению А. Н. Толстого, результаты мыслей величайших мудрецов, выделившихся в продолжение тысячелетий из миллиардов людей, и эти результаты мышления великих людей просеяны через решето и сито времени. Отброшено все посредственное, осталось одно самобытное, глубокое, нужное... Поистине вечно длящееся мгновение. И потому истинные художники никогда не умирают. Они становятся нерасторжимой частью созданных ими произведений.

Обращение к литературному наследию помогает понять масштабы человеческого мышления, те критерии и меру, с которыми авторы прошлого подходили к оценке современной им реальности. Мы должны, писал Ф. Бэкон, сохранить память не об одних только деяниях людей, но и об их словах. Настоящее хранилище этих слов, этих сказаний — это сборники речей, посланий, сочинений.

Известно, что китайское духовное творчество прошлого и по своему смыслу, и по выразительным средствам отнюдь не однородно. В нем обнаруживаются произведения весьма различного достоинства и масштаба. Разумеется, далеко не все из китайского наследия прошлого отвечает нашему миропониманию либо вообще имеет сколько-нибудь существенное значение для литературы и искусства. Но существуют неумиравшие художественные ценности, которые сохраняют свое философское, историческое и эстетическое значение, хотя и пришли они к нам из глубины столетий. Вечные эти творения человеческой мысли и духа непрестанно оказывают свое воздействие на культурное движение народов мира.

Мы знаем, что долее всех живут такие произведения искусства, которые во всей полноте и во всей силе передают то, что было самого истинного, самого существенного и самого характерного в эпохе. Тем не менее все то, что не выполняет этих условий или выполняет их неудовлетворительно, — все такое теряет свой интерес в другую эпоху и мало-помалу навеки смывается волнами шумно несущейся реки времени. Лишь немного, слишком немного выносится волнами поверх глубокого и безбрежного океана, но как много тонет в бездонной его глубине!

В том виде, как оно дошло до нас, поэтическое наследие Цюй Юаня невелико, но бесценно. Оно уместается в небольшой по объему книге — антологий «Чуские строфы», но эта книга вместила в себя целую эпоху, ее трагедийную реальность, ее жестокость и взлет патриотического величия. Наследие Цюй Юаня содержит в себе огромный мир, обладающий неповторимой своей жизнью, дыханием, движением. Творчество поэта — это целая вселенная его личного опыта и поэтического воображения. Правитель и народ, власть и подданные, судьба поэта, бесстрашно говорящего во имя правды и справедливости, — проблемы, проходящие через все поэтическое наследие Цюй Юаня.

Следует особенно отметить, что Цюй Юань заложил краеугольные камни индивидуальности китайского искусства слова, воспев высокое назначение человека, то, что жить надо не на зло врагу, а на радость другу. В этом великая мудрость человеческого бытия с древнейших времен.

Тайна творческого гения никогда не переставала занимать человека. С Цюй Юаня, как мы отмечали, началась китайская индивидуальная поэзия, выросшая на почве народного песенного искусства. Творчество

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 55.

его ознаменовало личное авторство, до появления которого существовало лишь безымянное фольклорное искусство слова. И мы вправе спросить, в чем причина того, что слово поэта, сказанное более чем два тысячелетия назад, пройдя через поколения, пережив потрясения многочисленных династий и смену общественных формаций, звучит в наше время и волнует нас своей первородной искренностью и самобытностью. Не в этом ли чудо гения? Не происходит ли отсюда заключение, что слово гения живет вне времени, вне конкретной судьбы и жизни?

Поэзия, как отмечается в древних литературных источниках, вернейшее зеркало народной жизни. Ничто не может точнее и ярче передать дух времени, все, чем жив человек в ту или иную эпоху.

В свое время Пушкин высказал мысль о том, что век может идти себе вперед, науки, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться, но поэзия остается на одном месте. Цель ее одна, средства те же. И между тем как понятия, труды, открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарились и каждый день заменяются другими, произведения истинных поэтов остаются свежими и вечно юными.

Поэтическое творчество Цюй Юаня по своей содержательности и масштабности, не будет преувеличением сказать, есть точный сколок окружавшего его мира. Цюй Юань видел и показывал людей в психологической их стихии, с добродетелями и пороками, в определенной социально-исторической обстановке. Он ополчался против всего, что губит высокие порывы, унижает, обесценивает человека. Мерилом ценности всякой личности для Цюй Юаня служила человечность.

В поэтическом творчестве Цюй Юань видел оружие, способное помочь ему в его конфликте с действительностью. Поэт разил беспощадным словом властительных злодеев, алчных вельмож, бездарных правителей и слагал восторженные строки во славу людей мужества, добродетели и высокого долга.

Цюй Юань утверждал не то, что отделяет человека от людей, от народа, от человечества, но именно то, что содержится в самой личности, свойственно ей, принадлежит общечеловеческому началу.

Цюй Юань, как уже отмечалось, первый великий поэт Китая, родоначальник поэзии древности, создавший свой поэтический жанр, известный под названием «цы» (строфы) или «саоти» (свободный стиль), и положивший начало блестящей эпохе в литературной жизни Китая. Художественное творчество Цюй Юаня стало эпохальным именно потому, что оно завершает большой литературный процесс — развитие традиций древнего безымянного песенно-поэтического творчества китайского народа, частично зафиксированного в свое время в литературных памятниках. Мы имеем в виду, в частности, «Книгу песен» — «Шицзин», которая представляет собой собрание лирических песен, од и гимнов древнего Китая и свидетельствует о существовании так называемого эпического сознания, то есть коллективного сознания народа, где авторская личность не выступала еще со своими личными, субъективными переживаниями, притязаниями, пристрастиями.

Преимственность

Продолжение традиции Цюй Юанем, нити преимущественности нельзя отделять от песенной поэзии «Шицзина», явившейся летописью своего времени, а в известной мере и «социальным барабаном», если иметь в виду фольклорные песни раздела «Гофын» («Нравы царств»). В глубину веков уходит поэтическая эта традиция анонимных певцов древности. Правомерен вопрос: не берет ли лирическое начало китайской древней поэзии от возникновения сознания и самосознания человека? Подлинное продолжение традиций нередко связано с воссозданием то-

го, что, казалось бы, безвозвратно ушло в прошлое. Но нередко традиция — это прошлое, переходящее в будущее.

Поток изменений в жизни постоянно обновляет мир, как непосредственное течение времени постоянно сообщает юность беспредельной вечности. Именно этот процесс обновления происходит и в поэтическом творчестве.

То, что с песнями «Шицзина» Цюй Юань был хорошо знаком, не вызывает сомнения. Поэзия «Шицзина» являла собой то, что называется господствующей семантикой эпохи. У этой поэзии глубокие корни, она выросла на поле неиссякаемой фольклорной мудрости, на том золотом запасе народного опыта, который непрестанно отбирает и обогащает саму жизнь. Прекрасно понимал это Цюй Юань, черпавший свое вдохновение из неиссякаемого источника чуского фольклора. Его не могла не привлекать в «Шицзине» немногословность поэтического языка.

В «Шицзине», следует подчеркнуть, всегда предельная лаконичность фразы, скупые изобразительные средства при глубоком художественном обобщении. В нем время нашло свое воплощение в единстве мысли и формы. Способность создавать самыми скупыми средствами выразительный, неоднозначный, пластический рисунок, притом рельефный, психологически значимый, давно уже отмечалась китайскими литераторами и учеными. К этому надо добавить, что фольклорные песни «Шицзина» удивительно человечны, потому что они искренние, безыскусственные, но не приземленные.

При чтении «Шицзина» всегда испытываешь ощущение открытия неизвестного — эффект неожиданности. В песнях «Шицзина» всегда остается место для размышления, для духовного участия. Просветитель XVIII в. Шарль Луи Монтескье по другому поводу отмечал, что никогда не следует исчерпывать предмет до того, что уже ничего не остается на долю читателя. Дело не в том, чтобы заставить его читать, а в том, чтобы заставить его думать. Быть соавтором, сотворцом. Именно такая недосказанность предполагает более активную включенность читателя, активное его воображение и сопереживание в дальнейшем развитии сюжета. У читателя не отнимается возможность доосмысливать, доображать, творчески соучаствовать в создании картины или образа. Правда, здесь всегда существует опасность недоинтерпретировать или, напротив, переинтерпретировать поэзию иероглифического текста.

Семя поэтического таланта, падая на благодатную почву души читателя, непременно порождает обновленное чувство радости или печали. И потому лучшие из поэтических строк тотчас запоминаются, они ложатся на сердце и становятся частью нашего сознания: нашим собственным размышлением и чувствам поэт своими стихами как бы дает новую жизнь, возвышает наши духовные возможности.

Именно в процессе чтения поэзии «Шицзина» возникает та невесомая, почти неосязаемая внутренняя художественная правда образа, которая и создает искусство слова. От каких чар рождается ее обаяние? От концепции? Только ли? А не завораживает ли здесь и способ, метод художественного познания?

Верная примета подлинно художественного произведения в том и состоит, что человек, изумившись и не замечая самого процесса чтения, не в силах удерживаться от слез сочувствия доброте и от содрогания перед душевной опустошенностью, убожеством, пошлостью. И, отложив книгу, он неотвратимо обратит взгляд внутрь самого себя, испытывая потребность в глубоком нравственном очищении, и начнет свою исповедь, свое дознание совести и поступков собственной жизни.

Все крупные изменения содержания и формы литературы всегда связаны с важными изменениями общественной жизни людей. И потому литература не повторяется, а продолжается, развиваясь в определенных социально-исторических условиях.

Примечательно в этой связи определение поэзии как выражения чувств, содержащиеся в большом предисловии «Шицзина», которое привело к возникновению литературной теории о том, что характер поэзии в ту или иную эпоху непосредственно происходит из характера существующего правления: при хорошем правлении поэзия выражает радость и удовлетворение, при плохом — поэзия отображает народное недовольство и негодование. В основе этого взгляда лежит конфуцианское убеждение в том, что в искусстве находит свое отражение существующая реальность.

Существенным представляется тот факт, что анонимность песенной поэзии «Шицзина» — это не просто отсутствие автора, это какой-то эстетический принцип, который есть в народной поэзии, народной музыке, древнекитайской поэзии и музыке. «Шицзин» — творчество сборное, выражающее народное сознание, народное мироощущение, особенно это относится к разделу «Гофын» и частично «Сяоя». Здесь истоки народности, национального начала, выражение чувств многих людей. Здесь и этические начала. Человек чувствует себя среди людей, ощущает себя частью некоего сообщества. И во многих стихах «Шицзина» нас привлекает необыкновенная чистота, возвышенность, отсутствие низменного. Все это указывает на то, что безымянные авторы песен «Шицзина», несомненно, были отмечены дарованием, заложенным самой природой.

Здесь, однако, необходимо напомнить, что иероглифические тексты «Шицзина», по всей видимости, претерпели определенные изменения. В китайских литературных источниках отмечается тот факт, что отбор и редактирование поэтических произведений «Шицзина» — фольклорные песни, большие и малые оды, храмовые и ритуальные гимны — были осуществлены самим Конфуцием. Традиция гласит, что из более чем трех тысяч поэтических произведений своего времени Конфуций отобрал немногим более трехсот, которые и составили «Шицзин». Известно, однако, каким образом производился отбор произведений, что служило при этом критериями. Не знаем мы и того, как поступил Конфуций с теми произведениями, которые не вошли в поэтический свод. Тайной остается и его редактирование песен.

Словом, наука не располагает достоверными сведениями о роли Конфуция в судьбе «Шицзина», хотя несомненным представляется тот факт, что памятник этот подвергался определенной обработке, вероятно, со стороны конфуцианских ученых. Это обнаруживается в самой тенденции отбора песен и гимнов — по истолкованию событий и фактов, по историческим и легендарным личностям, воспеваемым в одах и гимнах «Шицзина». Здесь воплощены морально-этические идеалы древнего конфуцианства и славятся идеальные герои китайской старины. Иными словами, «Шицзин» использовался конфуцианством в морально-утилитарных целях, что особенно наглядно прослеживается по явно тенденциозным комментариям, неисчислимо множеству которых возникало на протяжении тысячелетнего господства конфуцианской идеологии в старом Китае.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что поэзия «Шицзина» несет на себе густой налет красок Восточного Чжоу — государства и периода правления, которые неизменно идеализировались Конфуцием и его школой. Между тем песни «Гофын», собранные на огромной территории бассейна Янцзы и Хуанхэ, где располагалось более десяти царств, не сохранили какого-либо локального колорита с точки зрения рифмы и поэтической тональности. Они явно подверглись обработке, обесцвечены и нивелированы.

Если внимательно всмотреться в иероглифический текст од и гимнов, которые охватывают период от начала династии Чжоу и до середины периода «Чунью», то есть около пятисот лет, то нельзя не заметить, что они лишены какой-либо временной характеристики, будто все они созданы в одно и то же время. Это в свою очередь указывает на то, что

«Шицзин», безусловно, подвергался определенной обработке и унификации, быть может, в разное время и с участием не одного человека.

Трудно поэтому сказать, в каком виде песенная поэзия «Шицзина» представляла перед Цюй Юанем. Однако для него, человека многогранного образования и творчески одаренного, существовали не только сочинения его безымянных предшественников и современников, фольклорные песни чуского народа. Для него существовало нечто большее. Он обращался непосредственно к самой жизни, к окружавшей его реальности. В своем творчестве поэт черпал из глубинных пластов народной истории и современной жизни. И сила воздействия поэтического его слова оказалась неиссякаема. Происходит это потому, что своими основаниями поэмы Цюй Юаня уходят в толщу народного бытия, которая всегда находится в процессе творения и созидания.

Исторические и литературные источники дают основание проследить, по крайней мере в основном и главном направлении, путь движения песенной поэзии в древнем Китае.

Появлению рифмованного стиха в Китае предшествовал длительный период фольклорного творчества, когда песня не имела какой-либо поэтической формы. Это были слова без рифмы, во всяком случае, без определенной рифмы. Об этом, например, свидетельствует сохранившийся в «Люйши Чуньцю» (глава «Иньчу пянь») текст песни под названием «Хоужэнь гэ». В ней рассказывается история легендарного императора Юя, основателя династии Ся. Песня эта примечательна тем, что она состоит из отдельных фраз, без рифмы и ритма, и создана на простонародном языке, который определяется китайскими исследователями как «древний байхуа», то есть разговорный язык, понятный на слух (в отличие от письменного языка, предназначенного для зрительного восприятия, для чтения глазами).

В своем дальнейшем развитии нерифмованная фольклорная песня, пройдя через руки поэтически одаренных людей, приобретала соответствующие метры. Со временем доминирующее значение в фольклорном творчестве приобрело четверостишие — «сыянь гэлюй», буквально — «четырёхсловный размер». Наиболее ярким образцом такой народной поэзии может служить раздел «Гофын» в поэтическом своде «Шицзина», хотя размер этот характерен и для од и гимнов.

Помимо произведений «Шицзина», стихотворная метрика «сыянь» зафиксирована в «Шигуши» — «стихах на каменных барабанах» Циньского царства — и в различных поэтических сочинениях «Кэши цы» — «Надписях, вырезанных на камнях» времен Цинь Шихуанди. Метрика «сыянь» характерна также для стихотворных надписей на ритуальной бронзе Чжоуской династии.

Несколько иная картина, однако, наблюдалась в развитии фольклорной песни в южных районах Китая. Здесь песня не была скована столь строго, как в северных землях Китая, определенными метрическими нормами. Для нее скорее была характерна известная раскованность, стилевая свобода. Важную роль в таком развитии фольклорной песни, несомненно, играло существование разговорного языка, просторечия, живого чуского диалекта, на котором говорил и общался народ в массе.

Приведем в качестве примера отрывок из «Суньцзы гэ» — песни Сунь-цзы, жившего в VI—V вв. до н. э. (цитируем по тексту «Лилоу» из сочинения философа древности Мэн-цзы):

Когда чиста Цанланская вода — вода,
В ней я могу мыть кисти моей шапки,
Когда ж грязна Цанланская вода — вода,
В ней я могу и ноги свои мыть.

(Перевод В. М. Алексеева)

Песня эта приводится в рассказе «Отец-рыбак»² из антологии «Чуские строфы» и, по всей вероятности, относится к фольклору южных земель Китая, на что указывает ее взаимосвязь с именем Сунь-цзы, родившегося в южном царстве Ци, соседнем с Чу. Как видим, песня «Суньцзы гэ» написана свободным стихом без соблюдения рифмы, что сохранено также и в переводе.

Разительная перемена, подлинная раскованность в китайской древней поэзии наступила в связи с рождением «Чуских строф», для которых стала характерной удлиненная поэтическая фраза и масштабность структуры стихотворения. «Возникновение «Чуских строф», — отмечает Го Можо, — явилось осознанным завершением великой революции. «Чуские строфы», в особенности произведения Цюй Юаня, были сознательным творчеством, и, кроме поэмы «Вопросы к небу», где еще несколько сохранилась четверословная рифма, во всех остальных произведениях эта метрика полностью разрушена»³.

И хотя в поэме «Призывание души» (в монологах шамана) встречается нечто похожее на «сыянь», достаточно убрать здесь знак «се», не имеющий значения, кроме указания акцента, и это произведение превращается в «семисловную» (циянь) поэму с совершенно не похожей на прежнюю метрикой. Если в поэмах «Скорьбь изгнанника» и «Девять напевов» убрать частично встречающийся знак «си», то в основе своей они становятся «шестисловными» (дюянь) произведениями, а «Девять элегий» таким же образом превращаются в поэму «пятисловной» (уянь) метрики.

Все дальнейшие превращения поэтической фразы, можно сказать без преувеличения, осуществлены именно Цюй Юанем, что нельзя не признать геннальной заслугой поэта. Достижимым все это оказалось благодаря применению Цюй Юанем естественного стиля песенной поэзии. Он использовал натуральную песенную мелодику для того, чтобы сокрушить отжившую свой век «четырёхсловную» метрику стиха. И поэтому «Цюй Юань без малейшего преувеличения, — подчеркивает Го Можо, — может быть увенчан почетным званием величайшего, революционного поэта «байхуа» (разговорного языка)»⁴. Цюй Юань, можно сказать, стоял в самом начале новой традиции и на ее вершине. Здесь проявились в его творчестве и сознание, и ощущение.

Таким образом, Цюй Юань отнюдь не довольствовался ресурсами традиционных форм поэтики и утвердившимися нормами. Им выполнена новаторская работа в области искусства слова и сделан ценнейший вклад в развитие разговорной речи, поэтического языка. Речь идет о разработке поэтом нового стиля и мелодики, которые со временем приобрели значение критериев и стали служить высоким образцом для всех последующих поколений китайских художников слова. Они увидели в творчестве Цюй Юаня надежный источник поэтической убедительности, закреплённый художественным мастерством каждого иероглифического знака, каждой строфы. Поэзия жива не только содержанием, в ней должна дышать душа самого автора. Существенное значение стали приобретать в поэтическом творчестве китайских художников индивидуальные черты, присущие лишь определенной личности. В творчестве Цюй Юаня они все более обнаруживали глубину народности, всеобщность его поэтического искусства. Именно этим он был дорог и близок не только последующим поколениям в своей стране, но и гуманистической культуре социалистического мира, где чтутся и дух гражданственности, уважение к великим традициям прошлого, и стремление к подлинному новаторству.

Отличительными чертами «Чуских строф» являются образная фигура сравнения и затаенный смысл поэтического языка, который характер-

² Цюй Юань. Стихи. М., 1954, с. 126.

³ Го Можо. Изучение Цюй Юаня. Шанхай, 1953, с. 51.

⁴ Там же, с. 51.

зуется не прямым выражением мысли, а посылкой, намеком, недосказанностью. Это заставляет читателя углубляться в контекст, доосмысливать, досотворять картину.

Мы вправе задать вопрос, в чем же секрет долгой жизни этих песен. Главное, видимо, в том, что душа творца песни должна быть подготовлена к рождению строки. Способность слышать время, неистребимый зов бытия.

В поэзии Цюй Юаня обнаруживается стремление автора соединить слово и музыку, сплавить стихотворную строку и мелодию, расставить акценты так, чтобы раскрывался сокровенный смысл каждого из них и во взаимном их сочетании. Здесь чувствуется песенный текст, весомость каждого слова, которое нельзя заменить другим или изъять из текста; драматургия поэтической фразы.

Поэтические произведения Цюй Юаня — это язык образности, в котором претворены метод и форма мышления. Мы видим, как возникает живая картина, наполненная чувством и дыханием. Видим рождение оригинальной языковой ткани, свидетельствующей о творческом развитии выразительных средств.

Из изложенного вытекает, что своим поэтическим творчеством, которое в основе своей питалось фольклорными источниками, Цюй Юань обогатил и самый фольклор и внес в китайскую поэтическую сокровищницу бесценный вклад, каким являются его чуские строфы.

В этом смысле эпоха Цюй Юаня сделала шаг вперед в художественном развитии китайского народа.

Сумев найти новые повороты, новые, своеобразные ходы, Цюй Юань на благодатной основе фольклора выразил в созданных им поэтических строках, близких народу по своему существу, нечто жизненное, важное для народа, то новое и значимое, чего раньше в поэтическом творчестве еще не было. Цюй Юань выразил это в высшей степени своеобразно, своим собственным поэтическим голосом.

Цюйюаневские поэмы представляют собой народные произведения не только потому, что органически связаны с китайским фольклором. Созданные поэтом образы воплощают наиболее самобытные черты китайского народа, его подлинных героев. Рожденные в южном царстве Чу, поэмы Цюй Юаня получили широчайшее распространение во всем Китае и стали высшим образцом речевого искусства на протяжении всех последующих столетий.

Новаторство

Поэзия Цюй Юаня, и это особенно существенно, ознаменовала новый этап — развитие индивидуального авторства в китайском искусстве слова.

Следует при этом отметить, что произведения Цюй Юаня, являющиеся конкретным выражением мировоззрения автора, полны трагической силы и необыкновенной творческой фантазии. Состав его поэм, оригинальность и неповторимость языка, ход мыслей и сила движения сердца на протяжении десятков веков были и остаются предметом постоянного любования и художественного наслаждения китайского читателя. «Сочинения Цюй Юаня, — подчеркивает Сыма Цянь, — лаконичны, слова сокровенны, стремления чисты, деяния бескорыстны. Стихи его невелики по размеру, но говорится в них о вещах великих; он приводит близкие нам примеры, но в них можно усмотреть весьма глубокий смысл»⁵.

В этих немногих словах Сыма Цяня — вся истина, вся трагедия гениального певца и мыслителя древнего Китая, который, возвысив свой гневный голос против тиранов, стремился указать своему народу дорогу

⁵ Сыма Цянь. Избранное. М., 1956, с. 174.

к лучшей, просветленной мудростью жизни. И что особенно важно, здесь поэт проявил незаурядный дар предвидения, в чем мы видим общественное и художественное величие Цюй Юаня.

Было бы, конечно, неправильным не видеть и глубоких противоречий в мировосприятии и творчестве этого большого и сложного художника. Мы знаем, к примеру, что глубоко заблуждался Цюй Юань, когда возлагал надежды на то, что правитель Чуского царства Хуай-ван прозреет и станет на путь служения своему народу. Ясно, что то была феодальная верность сюзерену, олицетворявшему в глазах Цюй Юаня его отечество, высшие его интересы.

Из произведений поэта мы видим, что Цюй Юань трагически переживал страдания обездоленных своих соотечественников, но его не покидала вера, что помощь и спасение им может прийти только сверху, от мудрого и справедливого властителя. Самоочевидно, что мысли и целомудренные чувства Цюй Юаня были пронизаны верой в способность людей вырваться из скверны и жестокости, встать на путь достойного человеческого бытия. И здесь обнаруживается в известном смысле государственный взгляд поэта на обстановку и события, его сознание ответственности за судьбу народа. Поэтому мы должны сказать, что трагедия Цюй Юаня — это противоречие между мировоззрением поэта и его временем, которое характеризовалось резким обострением процессов социального антагонизма в обществе. Но поэт приходит в итоге к убеждению о невозможности установления справедливого правления в современном ему обществе, где господствовало право сильного, произвол и попрание справедливости. И Цюй Юань обращает свои взоры к иному миру...

За мудрецами шел я неотступно,
Но никаких похвал не услышал,
Пусть в наше время так не поступают,
Я, как Пэн Сянь, себя готов сгубить.

(«Скорбь изгнанника»)

Но парадокс критики Цюй Юаня нередко заключался в том, что некоторые китайские авторы предлагали обратное толкование замыслов поэта. Когда Цюй Юань, к примеру, говорит о прошлом, эти критики убеждены, что поэт имеет в виду не историю, а современность. Когда он подвергает обличению современные ему порядки, критики заявляют, что речь идет не о современной ему жизни, но о чем-то историческом, архаическом. Словом, о чем угодно, только не об окружавшей поэта реальности. Нередки также различные концепции, искажающие облик великого певца древности, предлагающие схоластический подход и внеисторическую интерпретацию его жизни и творчества.

Между тем литературное наследство, оставленное им, — одна из наименее исследованных областей китайской художественной литературы. Вопрос авторства Цюй Юаня представляется до сих пор запутанным и спорным. Китайские источники содержат разноречивые данные даже о количественной стороне его произведений. Скучные, противоречивые сведения, помещенные в китайской справочной литературе, не дают ясного ответа на возникающие вопросы. Несмотря на то что они, по сути дела, заимствованы из одних и тех же первоначальных источников, все же они часто представляются путанными, а главное, нередко произвольно толкуются.

Тем не менее до наших дней сохранились исторические и литературные памятники, выдержавшие испытания многих столетий и являющиеся фактическим доказательством авторства Цюй Юаня. Одним из таких памятников, который по праву можно назвать первоисточником китайской историографии, является труд Сыма Цяня «Исторические записки», содержащие, как уже отмечалось, целую главу, посвященную биографии Цюй Юаня.

В этой главе — «Жизнеописание Цюй Юаня и Цзя И» — Сыма Цянь пишет:

«Я прочел «Лисао», «Вопросы к небу», «Призывание души», «Плачу по столице Ину», — тщетные стремления Цюй Юаня вызвали в душе моей печаль.

Я был в Чанша, и, когда увидел глубокий омут, в который бросился Цюй Юань, невольно хлынули слезы. Я представил себе, какой это был человек!»⁶.

В «Жизнеописании Цюй Юаня и Цзя И» Сыма Цянь указывает также, что накануне своей смерти Цюй Юань написал поэму «С камнем в объятиях». Вспомним, что, хотя Сыма Цянь родился через сто с лишним лет после смерти Цюй Юаня, память о трагической судьбе поэта в то время была еще свежа и, возможно, были живы ближайšie потомки Цюй Юаня. Вполне вероятно, что Сыма Цянь видел рукописи поэта, которые в то время могли сохраниться и иметь хождение. Все это, безусловно, позволяло Сыма Цяню внести в свою летопись достоверные данные.

Более поздние сведения о художественном творчестве Цюй Юаня встречаются в «Ханьшу ивэнь чжи» — «Записках о литературе и искусстве эпохи Хань», где говорится, что «Цюй Юаню принадлежат двадцать пять пяней (сочинений), написанных в стиле фу»⁷.

Аналогичные данные находим у Ван И, известного комментатора «Чуских строф», в его работе «Чуцзыжу» (Комментарии к «Чуским строфам»), где сказано, что Цюй Юань написал двадцать пять пяней, то есть «Скорбь изгнанника», «Девять напевов» (одиннадцать пяней), «Вопросы к небу», «Девять элегий», «Далекое путешествие», «Предсказатель» и «Отец-рыбак».

Из приведенных данных видно, что количество сочинений последних двух источников совпадает, за исключением оды «Призывание души», которая Сыма Цянем приписывалась поэту Сун Юю, последователю Цюй Юаня. Еще более поздние литературные и исторические памятники, в сущности, содержали сведения из трех вышеуказанных источников, поэтому едва ли нам следует на них подробно останавливаться.

Расхождение между данными комментариев Ван И и «Записок о литературе и искусстве» Ханьской династии, с одной стороны, и «Исторических записок» Сыма Цяня — с другой, можно, на наш взгляд, объяснить тем, что первые два составлялись по материалам более поздних времен, чем «Исторические записки» Сыма Цяня. Однако дело здесь не в количественном расхождении. Существеннее другое. Поэтическое творчество Цюй Юаня следует рассматривать с точки зрения идейной общности содержания его произведений, а также учитывать их художественное своеобразие, лексические и стилистические их особенности.

Мы видим, например, стремление поэта к широкой эпической тематике, к изображению эпохи во всем многообразии ее противоречий и сложностей, в ее историческом значении, в пестроте и самобытности человеческих судеб, в отображении общественных и частных отношений. Именно поэтому творчество Цюй Юаня в известной мере звучит как голос целой эпохи. Оно сочетает в себе поэзию, песенную лирику далекой эпохи, романтические образы, сказочную фантазию, мифическую героику. Цюй Юань, глядя на окружающий мир как художник-поэт, создал обобщенный облик эпохи, раскрыл ее в многогранном и многоплановом художественно-поэтическом синтезе.

В поэме «Переправляюсь через реку» Цюй Юань говорит о том, что человек должен хранить постоянную силу и твердость духа, не скорбеть о своем изгнании:

⁶ Сыма Цянь. Избранное, с. 188.

⁷ Ода или стихотворение в прозе разных размеров, часто с рифмой.

Преданных — изгоняют,
мудрых лишают славы...

Знаменитому государственному деятелю У Цзысюю царь послал меч, чтобы он покончил с собой, и умер мудрый сановник, а своему родственнику Би Ганю, который пытался удерживать правителя от жестокостей и разврата, тот же царь вырезал сердце, чтобы убедиться в том, что у мудрецов сердце с семью отверстиями.

Значит, и раньше в мире было так, как и ныне, что же роптать теперь мне,

жалуюсь на соседей? За то, что всегда ищу я
прямую дорогу к правде,
За это в страданиях должен
я пребывать до смерти.

У Цюй Юаня свое особое, ему одному присущее восприятие жизни. Он видел мир так, как не видел его никто другой ранее, постоянно ощущал себя живой его частицей. И его творчество — свидетельство того, что он жизнь свою прожил, не зная покоя. Ему неведомо состояние отчужденности от существовавшей реальности. Ему чужды самоудовлетворенность, безмятежность. И каждая поэма Цюй Юаня — это часть единого мира, в котором он живет.

Поэт сожалеет, что жизнь отныне радости ему не приносит, что живет одиноко:

Но изменить не могу я
старое свое сердце —
Так суждено в печали
мне пребывать до смерти.

(«Переправляюсь через реку»)

Цюй Юань пытался осмыслить свое время, живописать его. И мы видим, что именно личность художника и воплощает многообразие мира и человека, его социальную, общественную психологию.

В колесницу поэта впряжен «черный дракон рогатый», а пристяжными — пара «безрогих драконов белых»:

Хотел бы я вместе с Шунем⁸
бродить вечерами вместе —
Бродить с ним и любоваться
яшмовыми садами.

(«Переправляюсь через реку»)

В поэме «Мне жаль ушедших дней» Цюй Юань говорит о том, что стремился прославить эпоху и что даже в далекой ссылке готов защищаться, готов не колеблясь броситься в глубь потока.

Я говорил народу
о славных деяньях предков,
старался сделать законы
ясными и простыми.

Обращение к опыту прошлых поколений и устремленность в будущее, ожидание новых возможностей, открывающих перед его родиной перспективы, вера в глубокую мудрость истории давали Цюй Юаню силы вести неравную битву со своими врагами, с силами зла и произвола.

⁸ Шунь — легендарный правитель древности, по преданию царствовавший в 2255—2208 гг. до н. э. Время Шуня конфуцианство представляет как «золотой век» китайской старины.

Для иностранного читателя поэзия Цюй Юаня трудна и требует известной подготовки, знания истории, философии, традиционных представлений древних китайцев. Ибо в ней отражены великие повороты истории, неизбежно связанные с поисками нравственных ценностей, таится сопряжение истории с современностью.

Трудно понять созданные Цюй Юанем аллегорические образы, языковые выразительные средства, метафорический смысл его поэтических строк. На них — патина далекой от нас эпохи. Они отражают своеобразное мировосприятие, этнические особенности китайцев Чуского царства. У Цюй Юаня свой эстетический символ веры, свое самопознание и самовыражение.

Произведения Цюй Юаня говорят о любви поэта к жизни и преклонении перед красотой природы. И эта приверженность поэта обладает глубокой человечностью, жизнеутверждением, наделена чувством гуманизма.

Так, в «Оде мандариновому дереву», которое служит у Цюй Юаня образом непреклонности, душевной чистоты и верности, поэт любит «мандариновым деревом гордым», его пышным убором, блестящими листьями и ветвями:

Высоко поднимаешься ты,
никогда не сгибаясь,
На прекрасной земле,
где раскинуты южные царства...
Корни в землю вросли,
и никто тебя с места не сдвинет,
Никому не сломить
вековое твое постоянство.

Прекрасное и истина так же неотделимы у Цюй Юаня, как его убеждения и вера в справедливость. Жизнь его всецело подчинена высокому гражданскому долгу. Это — поэт, преданный родной земле, народу, приверженный правде и красоте. Чувство прекрасного не позволяло ему примириться с произволом и злом.

Поэзия Цюй Юаня рождена не только глубокой, все поглощающей приязнью его к родной земле, к участи своего народа, не только болью за трагический излом в судьбе родины, но и верой во все прекрасное на земле, в жизнетворные силы человека, его разум и гуманизм.

В поэме «Скорбь изгнанника» находим такие строки:

В могуществе ты бескорыстно, небо,
И только честным помогаешь ты,
Лишь дух свой просветившие наукой
Достойны нашу землю населять.

В стихотворении «Мне жаль ушедших дней» поэт говорит о том, что растут ароматные травы вместе с чертополохом — кто же «сумеет в мире их различить, как должно?»

Пускай красота бывает
Подобна Си-ши⁹ прекрасной —
Клеветники немедля
ее все равно растопчут.
Хочу открыть свои чувства,

⁹ Си-ши, или Си-цзы, — знаменитая красавица, жившая в V в. до н. э. в княжестве Юэ. Когда полководец княжества Юэ по имени Фан Ли потерпел поражение в войне против княжества У, он подарил Си-ши правителю этого княжества. Но Си-ши погубила правителя княжества У и возвратилась к Фан Ли. Однако Фан Ли утопил ее в Сучжоуском озере.

чтоб ясны были поступки, —
А весть о моей опале
Настигла меня внезапно.

Писать правду никогда не было легко, однако творческое предназначение не ограничивается этим — сложнее писать истину. Правда и истина — главная проблема художника. Главной она стала и для опального поэта, оказавшегося в положении изгоя. И мы видим, что каждая строка поэзии Цюй Юаня — поиски истины. Он стремился видеть невидимое, слышать неслышимое, постигать непостижимое. Так открывалась ему истина, вечная истина жизни.

В поэме «Печальные строки» из цикла «Девять элегий», написанных Цюй Юанем в ссылке в Цзяннани, поэт изливает свою душу:

Все, о чем говорю я, —
только святая правда,
И пусть этой чистой правде
свидетелем будет небо!

Герой Цюй Юаня — человек тревожной и мятущейся души. Поэт воссоздает не жизнь в символах, а жизнь непосредственную, ту, что видел вокруг и глубоко осознавал через собственное миропонимание.

Разве можно назвать ложью саму жизнь? Тогда какой смысл искать какую бы то ни было истину вне жизни и какая от нее польза? Испокон веков истина как бы обещала обнаружить свое лицо. Поиски истины — неистребимая надежда. Где же находится истина? На краю вселенной, у крайней черты жизни? Здесь открывалась высокая истина — мысль о мире ином. Мысль эта унесет Цюй Юаня в эмпиреи бессмертия, когда поэт завершит свой подвиг исканий истины и справедливости.

В «Печальных строках» он говорит, что не мстил ни государю, ни тем, кто стоит у порога. «Да, будь лишь правитель мудрым — он мог бы увидеть это». Слова его и поступки нисколько не расходились: «Чувства мои и мысли всегда неизменны были».

Возникает вопрос, не является ли создание художественного произведения скорее процессом поиска. И если это так, то в истинно художественном произведении надо видеть не фиксацию какой-то идеи, а процесс ее постижения, приближение к истине. Цюй Юань сумел обессмертить свои стремления к истине и прекрасному, воплотив в поэтические образы и картины душевное состояние, воспоминания, синтез пережитого и испытанного. Все это взаимно сплетено, слито в нечто единое.

Не потому ли поэзия Цюй Юаня делает человека сильнее, непреклоннее в защите добра и разума, человеческого достоинства? Делает человека благороднее, ибо показывает, как следует любить родину, ее историю, культуру, славу своих предшественников и тем самым уважать других, любить человечество.

Поэзия Цюй Юаня воссоздает образ человека высоких нравственных качеств, который в силу определенных причин политического и общественного характера был лишен возможности в полной мере раскрыть свои способности и дарование. Разве уже в древности искусство, в том числе словесное искусство, не развивалось во взаимосвязи с политикой, идеологией, религией? Цюй Юань остро ощущал неблагоприятные социальные и нравственного климата, стремясь по-своему выразить его в своих поэмах. Гуманистическое мироощущение поэта, который оказался в положении человека нецененного и непонятого, укрепилось в сознании китайского народа значительностью его личности как сына породившего его отечества.

Цюй Юань был не просто певец, служитель слова, но гениальный провозвестник. Он пытался решительно перешагнуть порог порочного мира, чтобы устремиться к новым горизонтам.

Вот почему в основании каждого произведения Цюй Юаня неизменно лежит определенная идея, весьма значимое явление, уходящее своими корнями в окружавшую поэта жизнь. И хотя зримое явление не всегда в полной мере соразмерно выражаемой идее, Цюй Юань прибегает именно к тому поэтическому жанру, который, по его разумению, обладает наибольшей возможностью для выражения идеи.

Так входим мы в мир поэта... И в нем есть все: и отражение его мучений — нравственных и физических, есть страдания и горечь, обманутые надежды, одиночество, но есть и обновляющаяся душа, глубокая вера в торжество справедливости и разума. Есть сердце, говорящее о будущем. Вы следите за полетом поэтической души. И видите крылья исполинских драконов, влекущих Цюй Юаня вперед, в поисках правды, сквозь все препятствия, на простор, на свободу. Поэзия для Цюй Юаня — это искусство проявления воли человека во вселенной.

Вашингтон — Пекин:

новый этап сотрудничества¹

(Об итогах визита премьеры Госсовета КНР Чжао Цзыяна в США)

*И. А. ИЛЬИН,
Ф. Л. ЛИКИН*

В январе нынешнего года премьер Государственного совета КНР Чжао Цзыян совершил визит в Соединенные Штаты Америки. Это была первая поездка главы правительства КНР в США. Незадолго до визита Чжао Цзыяна группа ведущих американских специалистов по Китаю, входящая во влиятельную неправительственную организацию «Атлантический совет», подготовила доклад с рекомендациями Белому дому по вопросам отношений между США и КНР. Ряд положений этого доклада дает представление о том, как в американских политических кругах воспринимают сейчас Китай и его политику.

Нынешний этап американо-китайских отношений, по мнению авторов документа, отличается от прошлого тем, что стороны перешли от состояния «эйфории к повседневной работе по поддержанию связей друг с другом». Вместе с тем Вашингтон и Пекин стали относиться к взаимному партнерству с «некоторой осторожностью». Хотя, как отмечается, руководство КНР и стремится балансировать между США и СССР, в важных вопросах Китай «по-прежнему стоит ближе к Вашингтону, чем к Москве».

Американские эксперты объясняют определенные корректировки политики КНР рядом причин. Пекин, видимо, исходит из того, что на настоящий момент он получил максимальные дивиденды от сближения с Вашингтоном (включая и тайваньский вопрос) и теперь может извлечь больше выгод как от США, так и от СССР, если займет «среднее» положение между ними. Как считают американские специалисты, для китайских руководителей сейчас важнее не блокирование с США для противодействия Советскому Союзу, а развитие связей с «третьим миром». Надо также учитывать, отмечают авторы доклада, что в Китае существует оппозиция развитию связей с США по причинам идеологического характера.

Американские специалисты предлагают администрации рассматривать Китай как «крупное, неразвитое, независимое, неприсоединившееся» государство. Упор делается на значении КНР как «региональной» силы.

Составители доклада признают, что «советский фактор» является главным движущим моментом в американо-китайских отношениях, который привел к сближению США и КНР. Единой целью США и Китая объявляется противодействие так называемому «советскому гегемонизму», что, как указывается, делает возможным сотрудничество между странами в различных формах¹.

В ходе визита администрация Р. Рейгана явно стремилась использовать его для того, чтобы добиться дальнейшего сближения Китая с США, заложить под американо-китайские отношения «стабильную базу», которая предотвращала бы возможные колебания и повороты в китайской политике в этом направлении, затормозить процесс налаживания советско-китайских отношений. Как отмечали политические обозреватели, американский президент рассчитывал и на то, что визит Чжао Цзыяна, как и его собственный визит в КНР, намеченный на апрель 1984 г., поможет ему укрепить свой политический престиж внутри страны накануне президентских выборов. Пекинский журнал «Ляо-ван» по этому поводу без обиняков писал, что если китайско-американские отношения

¹ In: China Policy for the Next Decade. Washington, 1983.

не получат своего развития, то это не обеспечит Рейгану на выборах столько голосов, сколько он хотел бы².

В зарубежной печати отмечалось, что со своей стороны Пекин ставил многоплановые цели: заявить о роли Китая в мировых делах и добиться признания этой роли с американской стороны; в выгодном свете представить американской общественности свою внутреннюю и внешнюю политику и особенно китайскую позицию по Тайваню; закрепить китайско-американское сотрудничество, подготовить условия для его углубления и расширения; стимулировать интерес американского бизнеса к китайскому рынку, достичь оптимального для Китая режима экономических и научно-технических связей между странами.

В ходе состоявшихся в Вашингтоне двухдневных переговоров Чжао Цзыяна с Р. Рейганом, Дж. Бушем, Дж. Шульцем, К. Уайнбергером и другими руководителями администрации США основное внимание было уделено международным проблемам и конкретным вопросам двусторонних американо-китайских политических и экономических отношений. Бросается в глаза одна особенность этих переговоров: их участники приложили немало усилий, чтобы не обострять имеющиеся политические разногласия (прежде всего тайваньскую проблему), а сконцентрировать внимание на сфере торгово-экономических и научно-технических связей.

Важное место на переговорах было уделено так называемой «общей обеспокоенности» сторон внешнеполитическим курсом СССР, в частности «интенсивным наращиванием военной мощи Советского Союза в Азии». Представитель администрации США подчеркивал, что эта обеспокоенность ведет к «конкретному сотрудничеству двух стран», их «стратегическому диалогу», являющемуся «жизненно необходимым элементом двусторонних отношений», и «Советскому Союзу полезно знать, что США и Китай сотрудничают в решении важных международных вопросов».

Чжао Цзыян уклонился от открытой поддержки рейгановской идеи стратегического сотрудничества Пекина и Вашингтона. «По ряду международных проблем КНР и США придерживаются одинаковых или близких взглядов, по другим же вопросам у них есть разногласия, — подчеркнул он в телевизионном интервью, — В таких условиях установить всеобъемлющее стратегическое партнерство невозможно». Однако китайский руководитель не отверг идею такого сотрудничества, а фактически выдвинул условия, на которых Пекин мог бы пойти на него. На первое место был вынесен тайваньский вопрос. Чжао Цзыян подчеркнул, что при решении вопроса о Тайване, «в условиях единой КНР» Пекин и Вашингтон смогут обсудить любые проблемы. В качестве второго условия упоминалась необходимость того, чтобы США считались с интересами «третьего мира», от имени которого пытался выступать китайский премьер. Он не раз упоминал в этом контексте об отрицательном отношении Пекина к политике США на Ближнем Востоке, в Центральной Америке. Однако в Вашингтоне эту «критику» восприняли спокойно. «Американские официальные лица, — писал журнал «Фар истери экономик ревью», — утверждают, что критика Китаем политики США на Ближнем Востоке, в Центральной Америке, в Южной Африке по проблемам взаимоотношений Севера и Юга позволяет Пекину создавать о себе представление как о неприсоединившейся стране и держаться на расстоянии от США. Но они тут же добавляют, что Китай громче всего критикует те аспекты американской политики, которые не имеют непосредственного значения для Пекина».

США и Китай по-прежнему придерживаются в основном параллельных взглядов на СССР, Афганистан и Индокитай³. Надо ли говорить, что такого рода параллельность и общность подходов весьма устраивает руководителей внешней политики США. Гость из Пекина, например, вновь излагал известную китайскую трактовку событий в Кампучии, доказывал необходимость наряду с осуществлением политического и морального давления на Вьетнам оказывать «поддержку силам сопротивления, чтобы усилить трудности СРВ». С удовлетворением была воспринята в Белом доме и китайская оценка положения вокруг Афганистана, полностью совпадающая с американской. Таким образом, в этих конкретных случаях китайская сторона выступает с одних позиций с силами империализма и реакции. Зато китайский премьер обошел полным молчанием «крестовый поход» против мирового социализма, провозглашенный Р. Рейганом, курс Вашингто-

² См.: «Ляован», 1984, № 2.

³ «Far Eastern Economic Review», 12.I.1984.

на на резкое обострение международной напряженности, размещение американских ракет средней дальности в Европе.

В контексте готовности Пекина сотрудничать с Вашингтоном на выборочных стратегических направлениях Чжао Цзыян декларировал «особую ответственность» КНР и США в бассейне Тихого океана. Он изложил принципы, которые тихоокеанские страны должны соблюдать в своих взаимоотношениях: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода и мирное сосуществование, урегулирование споров мирным путем без применения силы или угрозы силой, отказ от гегемонии в этом регионе, прекращение гонки вооружений, в частности гонки ядерных вооружений, демонтаж иностранных военных баз, вывод иностранных войск.

Многие обозреватели отмечают некую абстрактность этих, по существу, правильных положений, ибо в них отсутствует самое главное — указание на американский империализм, давно превратившийся в жандарма народов Азии. Азиатско-тихоокеанский регион, в частности Дальний Восток, все более становится для Соединенных Штатов вторым по значению после Западной Европы районом военно-политической активности. Здесь, вблизи границ Китая и других государств этого района, Соединенные Штаты имеют свыше 300 различных военных объектов. В зоне Тихого океана насчитывается 12 крупных военно-морских и 12 авиационных баз. Здесь постоянно находятся около 140 боевых кораблей и свыше 800 военных самолетов⁴. На кораблях тихоокеанского флота США находятся 1500 ядерных зарядов малой и средней дальности. Осуществляется переснащение 7-го флота США, базирующегося в Японии, на Филиппинах и Гуаме, новейшими ракетами «Томагавк» и «Трайидент». Крупная группировка американских сил развернута в Индийском океане. Основу ее составляют две авианосные группы численностью до 20 боевых кораблей. На авианосцах базируются до 190 боевых самолетов, в том числе 80 палубных штурмовиков — носителей ядерного оружия.

Под прицелом ядерного оружия, размещенного на американских базах в Азии и на Дальнем Востоке, находятся все страны Азиатского материка, в том числе и Китай.

Вашингтон прилагает все больше усилий к созданию тройственного альянса США — Япония — Южная Корея. Одним из проявлений этого стали небывалые по масштабам американо-южнокорейские маневры «Тим спирт-83» и «Тим спирт-84», в которых были задействованы сотни тысяч американских и южнокорейских военнослужащих. В качестве наблюдателей на маневрах впервые присутствовали высокопоставленные представители японской армии. Все более определенные очертания приобретает милитаристский альянс Вашингтон — Токио — Сеул.

В выступлениях Чжао Цзыяна в США ничего не говорилось и об опасности возрождения японского милитаризма, планов подключения Японии к НАТО. А ведь с начала 60-х годов военные расходы Японии выросли более чем в 20 раз. Высокие темпы роста военных расходов Японии, по подсчетам, приведут к тому, что к началу 90-х годов она по абсолютным цифрам догонит и даже обойдет многие страны НАТО.

Американская печать назвала «неожиданным» то, что во время американо-китайской встречи в верхах Чжао Цзыян изложил Р. Рейгану новые предложения КНДР по мирному урегулированию на Корейском полуострове, которые предусматривают проведение трехсторонних переговоров с участием КНДР, США и Южной Кореи с целью обсудить вопрос о замене соглашения о перемирии мирным соглашением и вопрос о выводе американских войск. Американский президент и печать США не проявили интереса к идее организации трехсторонней конференции, предложенной КНДР, но выдвинул идею проведения четырехсторонней встречи с участием и Китая. Чжао Цзыян высказался в том духе, что Китай «окажет активную поддержку» трехсторонней конференции с участием США, Южной Кореи и КНДР, однако в Пекине не рассматривалась возможность участия КНР в подобной встрече.

Премьер Государственного совета КНР в своих публичных выступлениях во время визита в Соединенные Штаты неоднократно касался некоторых вопросов советско-китайских отношений. В своих высказываниях он допускал двусмысленность формулировок и явные противоречия. Так, он высказался за «улучшение и развитие отношений на базе пяти принципов мирного сосуществования со всеми государствами», в том числе с Советским Союзом, за расширение обменов, продолжение диалога, повышение уровня

⁴ См.: «Правда», 15.IV.1983.

советско-китайских контактов. Вместе с тем им были сделаны высказывания и иного порядка, цель которых, очевидно, состояла в том, чтобы в Вашингтоне не очень беспокоились по поводу изменений к лучшему в советско-китайских отношениях.

В интервью газете «Нью-Йорк таймс» премьер Госсовета КНР вновь повторил известные китайские предварительные условия, а точнее, требования к Советскому Союзу, затрагивающие интересы Монголии, Вьетнама, Кампучии и Афганистана, отношения этих стран с СССР. «Если эти преграды не будут устранены, — заметил он, — то не может быть и значительного улучшения в китайско-советских отношениях»⁵. Находясь в Соединенных Штатах, Чжао Цзяян считал нужным подчеркнуть, что китайское руководство выступает «против очень многих направлений политики Советского Союза». Более того, он выразил надежду на то, что Китай и США «смогут координировать свои усилия, с тем чтобы сдерживать советский экспансионизм» в районе Афганистана и Кампучии.

Отвечая на вопрос о советско-китайских переговорах по пограничному урегулированию, которые, как известно, после 1978 г. не возобновлялись из-за позиции китайской стороны, премьер Госсовета КНР заявил: «Наша позиция не изменилась». В интервью «Нью-Йорк таймс» он, по существу, выразил территориальные претензии к СССР, вопреки историческим фактам обвинив «русских» в «захватах китайских территорий» и ссылаясь в качестве подтверждения на так называемые «неравноправные договоры» между Китаем и Россией⁶.

Заслуживает внимания следующий факт: будучи в США, Чжао Цзяян заявил, что Китай и США не угрожают друг другу, и вместе с тем дал понять, что в Китае по-прежнему рассматривают Советский Союз в качестве «угрозы» безопасности страны. В те же дни заместитель председателя Комиссии по иностранным делам Всекитайского собрания народных представителей Хуань Сян в интервью корреспонденту Франс Пресс внес некоторые уточнения в эти формулировки. Формулируя свою точку зрения, он отметил, что Советский Союз, который якобы «самым непосредственным образом угрожает Китаю в военном отношении», по-прежнему представляет главную угрозу безопасности Китая, но, заявил он, и Вашингтон тоже представляет «определенную угрозу для суверенитета и безопасности Китая». Он, правда, заметил, что угроза со стороны Соединенных Штатов «не является прямой» и касается Тайваня.

На переговорах премьера КНР с представителями администрации США при рассмотрении двусторонних отношений подчеркивалась взаимная заинтересованность в их «стабилизации» и дальнейшем развитии. Если американцы заявляли, что трудные проблемы преодолены и наступил период «взаимного доверия», то китайская сторона высказывалась сдержаннее — за равное, поступательное сотрудничество, «несмотря на сохраняющиеся трудности». Чжао Цзяян вместе с тем говорил, что китайско-американское сотрудничество вступает в новый этап.

В качестве «главного препятствия» к «полному развитию отношений» с США Чжао Цзяян по-прежнему называл тайваньскую проблему, которую он активно поднимал на встречах с представителями администрации и конгресса, хотя и органичивался пожеланием, чтобы Вашингтон выполнил уже достигнутые с Пекином договоренности по Тайваню. С китайской стороны было заявлено, что Пекин не может дать обязательства о неприменении других, кроме мирного, способов объединения с Тайванем и что требования к Китаю на этот счет означают вмешательство в его внутренние дела. Американская сторона подтвердила намерение постепенно сокращать поставки оружия на Тайвань в соответствии с положениями совместного американо-китайского коммюнике от 17 августа 1982 г. В то же время Рейган заявил, что США «не бросят старых друзей».

Новым в постановке Чжао Цзяяном тайваньской проблемы явилось выражение обеспокоенности китайской стороны «движением за независимость Тайваня» и обращение с просьбой к администрации Р. Рейгана не поддерживать такое движение. По мнению политических обозревателей, тайваньская проблема надолго останется раздражителем в китайско-американских отношениях. Такой вывод напрашивается и в связи с заявлением председателя комиссии сената США по ассигнованиям Хэтфилда по завершении его визита на Тайвань в январе 1984 г. Как бы ни развивались отношения США с Китаем, сказал сенатор, это не окажет отрицательного влияния на существующие связи между

⁵ Цит. по: «Жэньминь жибао», 18.I.1984.

⁶ Ип: «New York Times», 20.I.1984.

США и Тайванем. Он добавил, что в 1984 г. военная помощь Тайваню будет предоставлена в том же объеме, что и в 1983 г., то есть на сумму 750—780 млн. долл.

В ответ на проявленные американской стороной опасения по поводу того, не окажут ли отрицательного воздействия внутренние процессы в Китае на его сотрудничество с западными странами, Чжао Цзянь настойчиво уверял в неизменности намерения Пекина и впредь проводить политику «открытых дверей» в отношении Запада.

По наблюдениям журналистов, китайский премьер во время своего визита использовал любую возможность для настойчивого рекламирования идеи перспективности для американского бизнеса практически «неограниченного» китайского рынка. По его выражению, Китай «открыл свою дверь и никогда ее не закроет». Были даны обещания продолжать усилия по улучшению политического и юридического климата для американских инвесторов в Китае.

Премьер Госсовета КНР особо приветствовал меры Вашингтона по смягчению ограничений в передаче Китаю современной технологии, что оказало, по его словам, «очень хорошее воздействие на американо-китайские отношения». Он добивался дальнейшего расширения льгот на импорт в Китай американской технологии, на экспорт китайского текстиля в Соединенные Штаты. Выступая в конгрессе США, Чжао Цзянь потребовал вывести КНР из-под действия закона о запрещении предоставлять помощь «коммунистическим странам». При этом он заявил, что Китай является для США дружественной, несоюзной страной, а не враждебным государством.

Здесь следует сказать, что Соединенные Штаты уже вышли на третье место среди важнейших торговых партнеров Китая. Предполагается, что в текущем году товарооборот между двумя странами возрастет до 5,5—6 млрд. долл. по сравнению с 4,3 млрд. долл. в 1983 г.⁷ Намечается увеличение американских инвестиций в экономику Китая, рост числа совместных американо-китайских предприятий. Ряд крупнейших американских компаний подтвердили свое намерение расширить торгово-экономические связи с Китаем на основе совместных долгосрочных программ, рассчитанных на 10—15 лет. К этому можно добавить, что в течение прошлого года американская сторона выдала экспортные лицензии на поставку в Китай товаров и технологии, которые потенциально могут быть использованы в военных целях, на 800 млн. долл. По американским оценкам, в текущем году такие поставки могут возрасти до 1,5 млрд. долл.

Накануне визита Чжао Цзяня в США представитель Международного банка реконструкции и развития явно по совету из Вашингтона объявил о планах расширения банком финансово-экономической помощи КНР. Можно напомнить, что со времени вступления Китая в МБРР (1980) ему было предоставлено займов и кредитов на общую сумму 1 млрд. 68 млн. долл. Со второй половины 80-х годов планируется выделять Китаю уже по 2 млрд. долл. ежегодно. Как заявил указанный представитель, МБРР будет содействовать и развитию «новых форм» сотрудничества капиталистических стран с Пекином.

Растущая финансовая помощь Китаю различных международных организаций и западных государств уже сейчас вызывает серьезную озабоченность в развивающихся странах, на роль защитника интересов которых так усиленно претендует Пекин. Американский профессор Г. Гардинг высказывает в связи с этим следующее соображение: «Получение Китаем доступа к западным капиталам, рынкам и технологии может создать определенные проблемы для политики США в отношении «третьего мира», так как развивающиеся страны также заинтересованы в таком доступе. Вступление Китая в МБРР уже вызвало беспокойство крупных развивающихся стран, которые опасаются, что могут сократиться кредиты, предоставляемые им МБРР на льготных условиях. То же касается и американской экономической помощи, в которой доля развивающихся стран может сократиться в результате предоставления экономической помощи США Китаю»⁸.

В ходе визита китайского премьера в США было подписано соглашение о сотрудничестве в области промышленности и технологии, имеющее целью стимулировать привлечение в более широких масштабах американского капитала в экономику КНР. Главное внимание по соглашению будет обращено на развитие угледобывающей и нефтяной промышленности, транспорта, телекоммуникаций, на модернизацию китайских заводов и обновление оборудования. Соглашение предусматривает передачу американцам информации о строящихся в Китае промышленных предприятиях. Создается специальная

⁷ "Monde", 6.I.1984.

⁸ The China Factor: Sino-American Relations and Global Scene. New Jersey, 1981.

группа по промышленному сотрудничеству в рамках двусторонней комиссии по торговле. Было также возобновлено соглашение о сотрудничестве в области науки и техники, заключенное в 1979 г. сроком на пять лет. В рамках этого соглашения сейчас действует 21 протокол по конкретным вопросам.

Остается пока открытым один из важных пунктов переговоров Чжао Цзяяна в Вашингтоне — выработка соглашения о сотрудничестве в области мирного использования ядерной энергии. Стороны предприняли усилия обойти имеющиеся разногласия, связанные с тем, что Китай не присоединился к международному договору о нераспространении ядерного оружия и отказывается предоставить США гарантии неперехода американской ядерной технологии третьим странам. Премьер сделал ряд успокоительных заявлений, в частности о том, что Пекин «не поддерживает и не поощряет» распространение ядерного оружия.

Этого было достаточно, чтобы в Вашингтоне изменили тон и стали говорить о наличии «прочной основы» для сотрудничества США и КНР в этой области, поскольку стороны якобы «разделяют некоторые основные принципы нераспространения». Заявлено, что Китай и США «на девяносто пять процентов» согласовали и это соглашение. Ожидается, что оно будет подписано во время визита Р. Рейгана в Китай.

Состоялась встреча Чжао Цзяяна с К. Уайнбергером, в ходе которой обсуждались вопросы активизации американо-китайского военного сотрудничества. Премьер подтвердил заинтересованность Китая в закупке оружия тех видов, которые Вашингтон готов продать Пекину, а КНР захочет и сможет купить. Администрация США, как известно, ранее дала Пекину согласие на поставку нескольких десятков наименований оружия и боевой техники. Одновременно Пекин оговаривает ограниченный характер закупок, поскольку Китай, будучи огромной страной, не может опираться на зарубежные страны в модернизации своих вооруженных сил. Конкретные вопросы сотрудничества в военных областях будут, видимо, обсуждаться в полном объеме во время запланированного визита в США министра обороны КНР Чжан Айпина.

В передовой статье «Жэньминь жибао» по итогам визита Чжао Цзяяна в США указывалось, что переговоры китайского руководителя с президентом и другими деятелями нынешней администрации Белого дома имеют «позитивное значение» и «завершились успехом», что «достигнуто углубленное взаимопонимание», что они были «откровенными и дружественными», «заложили хороший фундамент» для дальнейшего развития отношений между двумя странами.

По заявлениям официальных представителей администрации США, визит китайского премьера оправдал все надежды, которые на него возлагались в Вашингтоне, и были достигнуты те цели, которые ставила перед собой американская сторона.

Судя по всему, правящие круги США будут продолжать добиваться расширения конкретных областей стратегического сотрудничества с Пекином по международным вопросам с учетом растущей заинтересованности китайского руководства в экономических и научно-технических связях с Западом. В Пекине же кое-кому, очевидно, хотелось бы использовать антисоветскую настроенность американских лидеров с целью прежде всего приобретения льгот в вопросах торговли, поставок новейшей технологии, американских инвестиций в китайскую экономику, с целью извлечения политических выгод за счет маневрирования между системами мирового империализма и мирового социализма.

Отклики на американо-китайскую встречу в верхах (а за ней, как известно, следует визит Р. Рейгана в Китай в апреле с. г.) показывают, что мировую общественность тревожит опасная игра, которую ведет в настоящее время администрация США, пытаясь использовать так называемый китайский фактор для нагнетания международной напряженности и прежде всего в Азиатско-тихоокеанском районе. По мнению многих наблюдателей, нынешний президент США, находясь в антикоммунистическом угаре, пытается вести своего рода тотальное наступление на силы социализма и прогресса, прежде всего против Советского Союза, на национально-освободительное движение, и именно исходя из этих целей он добивается «понимания» и более активной поддержки своего курса со стороны Пекина. Ряд обозревателей, в том числе американских, считают такой подход администрации Рейгана в своей политике в отношении Китая авантюристическим и построенным в значительной мере на конъюнктурной основе, которая может быть, по их мнению, размыта дальнейшим ходом событий как в самом Китае, так и на международной арене.

Страны Индокитая за нормализацию отношений с КНР

Д. М. ПОСПЕЛОВ,
кандидат исторических наук

В последнее десятилетие произошли настоящие исторические перемены, преобразившие облик трех стран Индокитая. Народы Вьетнама, Лаоса и Кампучии в результате победы в трудной и длительной совместной борьбе против империалистической агрессии обрели возможность самостоятельного независимого развития. Вьетнамский народ создал единое государство — Социалистическую Республику Вьетнам. Лаосский народ после осуществления национальной народно-демократической революции приступил к созданию основ социалистического общества. Строительство новой жизни начато в Народной Республике Кампучии, образованной в результате свержения в 1979 г. кровавого полпотовского режима.

Решающую роль во всех победах народов Индокитая сыграли их боевая солидарность, а также всесторонняя помощь Советского Союза и других стран социализма. Поэтому страны Индокитая прилагают большие усилия для дальнейшего развития сотрудничества в деле защиты независимости и суверенитета, в строительстве новой жизни, придают исключительно важное значение интернациональной помощи Советского Союза и других государств социалистического содружества.

Империалистическая и другая реакционная пропаганда, чтобы нагнетать напряженность вокруг Индокитая, грубо искажает происходящие в регионе события, представляет в ложном свете содружество трех суверенных стран, обусловленное объективной исторической необходимостью и обеспечивающее успех их борьбы за свободу, независимость и социальный прогресс. Идеологические и политические противники стран Индокитая пытаются убедить мировое общественное мнение, будто напряженность здесь создается согласованными действиями Вьетнама, Лаоса и Кампучии. Вьетнам обвиняется в каких-то «агрессивных акциях» в отношении соседних государств. Одновременно кое-кто пытается опорочить политику СССР в регионе, извратить смысл его помощи народам Индокитая. Однако вопреки клеветнической пропаганде и подрывным действиям империалистов и гегемонистов день ото дня укрепляются особые отношения между тремя государствами Индокитая, узы дружбы и сотрудничества между этими странами и Советским Союзом. Новым ярким свидетельством этого стала дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова с Генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии Вьетнама Ле Зуаном. Во время встречи Ю. В. Андропов заявил, что СССР будет и впредь содействовать конструктивным усилиям социалистического Вьетнама, выступающего совместно с Лаосом и Кампучией, которые направлены на превращение Юго-Восточной Азии в зону мира, сотрудничества и стабильности. Руководители двух партий выразили удовлетворение успешным развитием всесторонних братских отношений между КПСС и КПВ, Советским Союзом и Вьетнамом, отметили важное значение советско-вьетнамского Договора о дружбе и сотрудничестве, пятилетие которого отмечено в 1983 г.¹

Правительства и народы Вьетнама, Лаоса и Кампучии, осуществляющие планы послевоенного восстановления экономики, социального и культурного строительства, считают одной из главных своих задач во внешней политике упрочение мира в Азии, установление добрососедских отношений со всеми государствами региона. Ведя неустанную борьбу за превращение Юго-Восточной Азии в зону мира и стабильности, они прилагают большие усилия для нормализации отношений со своим северным соседом — Китайской Народной Республикой, отношения с которой в последние пять лет отнюдь не по вине государств Индокитая развивались крайне неблагоприятно, в ущерб интересам вьетнамского, лаосского, кампучийского и китайского народов. Дело дошло до вооруженного нападения на Вьетнам, подстрекательства кхмерской реакции на борьбу против народной Кампучии, создания военной угрозы Лаосу.

В сложных условиях остроконфликтной ситуации страны Индокитая, прежде всего СРВ, проявляют и проявляют большую выдержку и гибкость в решении проблемы нормализации отношений с КНР. Особенно ярко принципиальность и объектив-

¹ См.: «Правда», 30. VII. 1983.

ность подхода Вьетнама выявилась весной 1979 г. в его настойчивых усилиях добиться проведения переговоров с КНР, чтобы обсудить вопросы, представляющие взаимный интерес. В частности, в одной из многих нот МИД СРВ посольству КНР во Вьетнаме говорилось: «Выражая добрую волю, стремление сохранить традиционную дружбу между народами Вьетнама и Китая, прийти к решению спорных вопросов в отношениях между сторонами, удовлетворить чаяния народов двух стран и народов мира, внести вклад в защиту мира и стабильности в Юго-Восточной Азии, вьетнамская сторона вновь заявляет о своей готовности начать переговоры с китайской стороной для обсуждения вопросов отношений между двумя странами и стабильности на основе уважения суверенитета, территориальной целостности, обсуждения вопросов о восстановлении отношений между двумя странами»².

Добившись согласия Китая на ведение переговоров на равноправной основе, правительство СРВ придерживалось выдержанной в духе миролюбия и добрососедства линии, проявляло готовность в конструктивном плане рассматривать все проблемы двусторонних отношений. На переговорах вьетнамская сторона неизменно настаивала на обсуждении как неотложных мер по обеспечению мира и стабильности на границе, так и коренных принципов взаимоотношений двух стран. Особое внимание в своих предложениях вьетнамская сторона уделяла выработке мер по прекращению инцидентов на границе и нормализации обстановки в приграничных районах. В целом ее предложения сводились к необходимости «незамедлительно прекратить всякие вооруженные акции и любые формы враждебной деятельности, ведущие к нарушениям суверенитета и территориальной целостности другой стороны и угрожающие ее безопасности», «восстановить нормальные отношения между двумя странами на основе принципов мирного сосуществования», урегулировать «пограничные и территориальные проблемы между двумя странами в соответствии с принципами уважения исторически сложившейся границы»³.

Следует особо подчеркнуть, что все предложения вьетнамской стороны соответствовали как нормам и традициям международного права, так и практике государств, которые оказывались в состоянии пограничного конфликта.

Однако не по вине вьетнамской делегации делового обсуждения не получилось. Партнеры вьетнамской стороны по переговорам были совершенно не готовы к конструктивному обсуждению важнейших вопросов вьетнамо-китайских отношений. Несмотря на прямой отказ, затяжки и проволочки другой стороны, СРВ продолжала выступать с новыми инициативами в целях достижения серьезного и делового обсуждения важнейших вопросов вьетнамо-китайских отношений, поисков общей основы для их урегулирования. Благодаря ее настойчивости удалось провести второй раунд переговоров.

Вьетнамская сторона стремилась прежде всего найти пути обеспечения мира и спокойствия в пограничных районах, предложив заключить соглашение, содержащее обязательства воздерживаться от каких-либо действий, ставящих под угрозу безопасность друг друга⁴. Однако и это предложение было отвергнуто под тем предлогом, будто оно представляет собой «трюк для обмана мирового общественного мнения»⁵.

На переговорах вьетнамская сторона не только выступала с конструктивными инициативами по нормализации двусторонних отношений, но и давала принципиальные, научно обоснованные оценки по некоторым коренным принципам взаимоотношений между странами. В частности, вьетнамский представитель изложил позицию СРВ по вопросу о противодействии гегемонизму, часто поднимаемому китайской стороной на переговорах. По мнению вьетнамской стороны, обсуждение этого вопроса должно сводиться к следующим пунктам:

- отказ от территориальной экспансии в любых формах, немедленное прекращение захвата чужих земель;
- недопущение агрессии и использования силы или угрозы силой для того, чтобы «наказать» какую-либо страну или «преподать ей урок»;
- недопущение навязывания собственной идеологии, взглядов или линии другим странам;
- отказ от использования каких-либо рычагов, включая экономическую помощь, для того чтобы вынудить другие страны отказаться от политики независимости и суверенитета;
- невмешательство в дела других стран в какой-либо форме, в том числе с использованием зависимых организаций и своих граждан, проживающих в той или иной стране;
- недопущение союза с империализмом и другими реакционными силами против мира, национальной независимости, демократии и социализма⁶.

После того как Китай в одностороннем порядке прекратил переговоры в начале 1980 г., вьетнамская сторона продолжала настойчивые попытки побудить КНР продолжать двусторонние встречи. Правительство СРВ по-прежнему считало переговоры

² «Нян Зан», 5. IV. 1979.

³ Там же, 19. IV. 1979.

⁴ См. там же, 29. VI. 1979.

⁵ «Жэньминь жибао», 30. VI. 1979.

⁶ См.: «Нян Зан», 6. VII. 1979.

единственным средством урегулирования вьетнамо-китайских отношений и поэтому выражало готовность обсудить любую проблему в рамках двусторонних отношений⁷. И хотя китайская сторона до сего дня отказывается возобновить двусторонние переговоры, предложения и инициативы Вьетнама не потеряли своего значения, так как отвечают национальным интересам Вьетнама, Китая и других стран региона.

Важнейшей вехой в совместной борьбе народов Индокитая за нормализацию отношений с КНР явилась Первая конференция министров иностранных дел Народной Республики Кампучии, Лаосской Народно-Демократической Республики и Социалистической Республики Вьетнам, состоявшаяся в январе 1980 г. в Пномпене. В коммюнике конференции особо подчеркивалось огромное значение солидарности трех стран, их неразрывной связи с Советским Союзом и другими социалистическими странами, что позволило отразить нападки всех агрессоров, изменить соотношение сил в Юго-Восточной Азии в пользу национальной независимости и социального прогресса⁸. Министры иностранных дел трех стран подчеркнули «неизменное стремление своих народов к солидарности и дружбе с китайским народом и выразили уверенность в возможности возрождения духа солидарности, объединяющей эти три народа с китайским народом»⁹.

Проблема нормализации отношений с Китаем занимала важное место в повестке дня Второй конференции министров иностранных дел стран Индокитая (Вьентьян, июль 1980 г.). В совместном заявлении по итогам конференции ЛНДР и НРК полностью поддержали справедливую и успешную борьбу братского вьетнамского народа в защиту его независимости, суверенитета и территориальной целостности, правильную позицию и политику доброй воли правительства СРВ, направленную на решение проблемы между Вьетнамом и Китаем путем переговоров, в соответствии с чаяниями и интересами народов двух стран¹⁰.

О стремлении к нормализации отношений с Китаем говорилось в докладе премьер-министра СРВ Фам Ван Донга на торжественном заседании по случаю 35-й годовщины Августовской революции. «Мы хотим мира и дружбы с китайским народом, мы хотим нормализации отношений с КНР, — заявил Фам Ван Донг. — Мы хотим сосредоточить все силы страны и народа на строительстве новой, социалистической жизни»¹¹.

Продолжая борьбу за создание благоприятных внешнеполитических условий для решения насущных народнохозяйственных проблем, Вьетнам, Лаос и Кампучия на Третьей конференции министров иностранных дел (Хошимин, январь 1981 г.) выступили с новой внешнеполитической инициативой, получившей широкий отклик во всем мире. В декларации, принятой на конференции, отмечалось, что в Юго-Восточной Азии сохраняется напряженность, по-прежнему национальная независимость, суверенитет и территориальная целостность Вьетнама, Лаоса и Кампучии находятся под угрозой. В связи с этим подчеркивалось, что главным условием восстановления мира и стабильности в ЮВА является проведение Китаем такой политики в отношении трех государств Индокитая, которая исключала бы враждебность и вмешательство в дела других стран региона. Участники конференции заявили о своей готовности подписать двусторонние договоры о мирном сосуществовании с КНР на принципах, вошедших в практику международных отношений¹².

Это предложение получило высокую оценку мирового общественного мнения как конкретный и конструктивный путь смягчения напряженности вокруг Индокитая.

В июне 1981 г. Четвертая конференция министров иностранных дел СРВ, ЛНДР и НРК вновь обратилась к правительству Китая с предложением подписать двусторонние договоры о ненападении и мирном сосуществовании. «В интересах народов Индокитая и китайского народа, в интересах дружбы между этими народами, — говорилось в декларации конференции, — желательно, чтобы правящие круги в Китае дали положительный ответ на это предложение»¹³. В «Жэньминь жибао» эти новые предложения квалифицировались как «давно отвергнутые старые»¹⁴.

Несмотря на такую позицию КНР, Вьетнам в 1981 г. настойчиво продолжал добиваться нормализации отношений с Китаем: в течение года СРВ пять раз предлагала возобновить переговоры. В упомянутой выше декларации Третьей конференции министров иностранных дел, проходившей в январе, говорилось: «СРВ призывает КНР к скорейшему возобновлению переговоров для урегулирования проблем, связанных с отношениями между двумя странами... Вьетнамская сторона еще раз подтверждает свою готовность обсудить в рамках этих переговоров вопросы, которые сочтет нужным поднять Китай»¹⁵. 14 июня МИД СРВ направил ноту министерству иностранных дел Китая, в которой китайской стороне вновь предлагалось возобновить переговоры. МИД СРВ подчеркивал, что этот разумный шаг будет способствовать уменьшению

⁷ См.: «Нян Зан», 9. III. 1980.

⁸ См. там же, 8. I. 1980.

⁹ Там же.

¹⁰ См. там же, 19.VII.1980.

¹¹ Там же, 2. IX. 1980.

¹² См. там же, 29.I.1981.

¹³ Там же, 15.VI. 1981.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 17. VI. 1981.

¹⁵ «Нян Зан», 29. I. 1981.

напряженности во вьетнамо-китайских отношениях, обеспечению мира на границе между двумя странами, решению других проблем, представляющих взаимный интерес¹⁶. В декларации Четвертой конференции министров иностранных дел трех стран СРВ еще раз обращалась к Пекину с предложением о переговорах, особо указав на необходимость согласовать неотложные меры для восстановления мира и стабильности, в частности разведение вооруженных сил двух сторон, создание демилитаризованной зоны¹⁷. Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан в речи на открытии первой сессии Национального собрания СРВ седьмого созыва (25 июня 1981 г.) заявил следующее: «Проводя нашу дружественную политику по отношению к китайскому народу, мы хотим добиться нормализации отношений между двумя странами на основе принципов мирного сосуществования, взаимного уважения независимости и суверенитета друг друга и урегулирования конфликтов путем переговоров»¹⁸.

В указанной декларации министров иностранных дел (январь 1981 г.) по проблеме развития отношений с Китаем выступили ЛНДР и НРК. Лаос и Кампучия указали на то, что для восстановления нормальных дружественных отношений между ЛНДР и НРК, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой — с другой, необходимо неукоснительное соблюдение независимости, суверенитета и территориальной целостности, прекращение вмешательства во внутренние дела этих стран.

Принципиальная и последовательная позиция трех государств в отношении Китая вновь была подтверждена в 1982 г. на Пятой и Шестой (февраль и июль) конференциях министров иностранных дел Индокитая. Участники конференций констатировали дальнейшее укрепление солидарности и единства трех стран, плодотворность их совместных выступлений на дипломатическом фронте, выразили удовлетворение неуклонным укреплением сотрудничества между тремя странами Индокитая и Советским Союзом, мировым социалистическим содружеством, снова выразили настоятельное пожелание, чтобы «китайская сторона дала положительный ответ на предложение трех стран Индокитая от 28 января 1981 г. относительно подписания договоров о мирном сосуществовании с КНР»¹⁹.

В коммюнике февральской конференции обращалось особое внимание на то, что отказ обсуждать предложения Вьетнама, направленные на стабилизацию положения на вьетнамо-китайской границе, а также предложения стран Индокитая, имеющие целью нормализацию отношений с Китаем, вызывает недовольство мирового общественного мнения²⁰. В коммюнике июльской конференции ЛНДР и НРК «поддержали исполненное доброй воли предложение СРВ о возобновлении вьетнамо-китайских переговоров с целью урегулирования отношений между двумя странами» и обратили внимание на «важность установления в ближайшем будущем контактов между странами для подготовки к возобновлению переговоров»²¹.

Однако миролюбивые призывы трех стран Индокитая были оставлены в КНР без внимания. Китайская сторона обходила молчанием все предложения о нормализации отношений с этими странами, сосредоточивая внимание на так называемой кампучийской проблеме. В связи с этим орган ЦК КПВ «Нян Зан» в августе 1982 г. выступил со статьей «Наша последовательная позиция по вопросам отношений с Китаем». В статье особо подчеркивалось, что состояние вьетнамо-китайских отношений важно не только с точки зрения ближайших и долгосрочных интересов народов обеих стран; отношения между ними являются определяющим фактором сохранения мира и стабильности в ЮВА. Вьетнамский народ, указывалось в статье, полон решимости оградить свою независимость и суверенитет и защитить каждую пядь своей родной земли. В то же время он ценит тесную, проверенную временем вьетнамо-китайскую дружбу — важное завоевание обоих народов. Газета приводила цитату из Отчетного доклада ЦК КПВ V съезду партии, сделанного Генеральным секретарем ЦК Ле Зуаном: «Проводя политику дружбы и добрососедства по отношению к китайскому народу, мы выступаем за восстановление нормальных взаимоотношений между двумя странами на основе принципов мирного сосуществования, взаимного уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности, а также урегулирования споров путем переговоров». В статье акцентировалось внимание на следующем: «Вьетнам не сделал ничего такого, что могло бы привести к ухудшению отношений или к конфронтации двух стран, вьетнамский народ проявляет искреннее желание урегулировать все разногласия путем мирных переговоров, делает все для этого; Вьетнам постоянно выступает инициатором создания благоприятных условий для проведения двусторонних переговоров и обеспечения их успеха; после прекращения Пекином переговоров МИД Вьетнама уже 10 раз официально обращался к Китаю с предложениями начать третий раунд переговоров»²².

Усилия трех государств Индокитая по разрядке напряженности в регионе, нормализации отношений с Китаем неизменно поддерживались Советским Союзом. В 1982 г. эта поддержка была выражена во время встреч руководителей КПСС и Советского

¹⁶ См.: «Нян Зан», 14.VI.1981.

¹⁷ См. там же, 15.VI. 1981.

¹⁸ Там же, 26.VI.1981.

¹⁹ Там же, 18.II. и 8.VII.1982.

²⁰ См. там же, 18.II. 1982.

²¹ Там же, 8.VII.1982.

²² Там же, 23.VIII.1982.

государства с Генеральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном, Генеральным секретарем ЦК НРПН, Председателем Совета Министров ЛНДР К. Фомвиханом, членом Политбюро ЦК КПВ, Председателем Государственного совета СРВ Чыонг Тинем, Генеральным секретарем ЦК НРПК, Председателем Государственного совета НРК Хенг Самрином во время их визитов в СССР. В ходе обмена мнениями с К. Фомвиханом и Хенг Самрином было отмечено, что Советский Союз высоко ценит и поддерживает усилия Лаоса и Кампучии по оздоровлению обстановки в Юго-Восточной Азии²³. В совместном советско-вьетнамском коммюнике по итогам визита партийно-правительственной делегации СРВ во главе с тов. Чыонг Тинем указывалось: «Особое внимание на переговорах было уделено положению в Юго-Восточной Азии. Обе стороны выразили готовность внести активный вклад в дело мира и стабильности в этом районе. Они констатировали, что продолжающаяся напряженность в регионе вызывается политикой гегемонистских и империалистических сил, направленной против Вьетнама, Лаоса и Кампучии.

Советский Союз выражает солидарность с борьбой трех стран Индокитая против прожектов этих сил, полностью поддерживает предложение СРВ, ЛНДР и НРК о заключении двусторонних или многосторонних договоров о мирном сосуществовании между этими странами и Китаем»²⁴. На обеде в Кремле в честь партийно-правительственной делегации СРВ Чыонг Тинь в своей речи еще раз подчеркнул стремление Вьетнама к нормализации отношений с КНР: «Мы выступаем за восстановление нормальных отношений между СРВ и КНР на принципах взаимного уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности обеих стран, невмешательства во внутренние дела, уважения законных интересов друг друга, равенства и взаимной выгоды и в то же время решения спорных вопросов путем переговоров.

В этом духе мы выдвинули разумные предложения, получившие одобрение и поддержку СССР, других братских стран и миролюбивой общественности всего мира»²⁵.

1983 г. ознаменовался новыми совместными инициативами и практическими шагами правительств СРВ, ЛНДР и НРК по разрядке напряженности вокруг Индокитая. В феврале во Вьентьяне состоялось совещание высших руководителей Лаоса, Кампучии и Вьетнама. Его участники, обсудив обстановку в мире и в Индокитае, вновь со всей решимостью выразили волю народов Индокитая добиваться добрососедских отношений со всеми государствами. «Народы трех стран Индокитая связывает вековая традиционная дружба с китайским народом, — говорилось в документе. — Они всегда ценили и ценят эти традиционные отношения дружбы. Взаимная помощь и поддержка между китайским народом и народами трех стран Индокитая в их революционной борьбе — это историческая реальность, отрицать существование которой невозможно. Нынешнее ненормальное состояние отношений между ЛНДР, НРК, СРВ и Китайской Народной Республикой возникло не по вине трех стран Индокитая. Три страны, настойчиво проводя свою политическую линию, не пожалеют усилий для восстановления отношений с КНР на основе мирного сосуществования в интересах народов этих стран и китайского народа»²⁶.

Решения вьентьянского совещания с одобрением восприняты в странах социализма. Советский Союз полностью солидаризировался с конструктивным курсом СРВ, ЛНДР и НРК, направленным на ослабление напряженности в Юго-Восточной Азии. Солидарность СССР с тремя государствами Индокитая, отмечалось в приветствии ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР участникам совещания во Вьентьяне, отражает общность высоких идеалов социализма, нашу решимость совместно бороться против империализма, за мир, безопасность и социальный прогресс²⁷.

Вместо конструктивного ответа на эту инициативу руководство КНР предприняло попытку обелить в глазах мирового общественного мнения свою позицию в вопросе нормализации отношений с тремя странами Индокитая. МИД КНР опубликовал заявление, содержащее ряд требований к суверенному Вьетнаму; только при условии выполнения этих требований китайская сторона давала согласие начать переговоры о нормализации отношений.

Истинный характер заявления МИД КНР был раскрыт в передовой статье газеты «Нян Зан», где обращалось внимание на несостоятельность аргументов китайской стороны²⁸.

Требования, изложенные в китайском заявлении, были с полным основанием отвергнуты Чрезвычайной и очередной, Седьмой, конференциями министров иностранных дел СРВ, ЛНДР, НРК, состоявшимися в апреле и июле 1983 г. В коммюнике конференций вместе с тем отмечалось: «Сейчас, как и прежде, три страны Индокитая придают большое значение давним узам солидарности и дружбы с китайским народом и неуклонно стремятся восстановить дружественные, добрососедские отношения с Китаем на основе пяти принципов мирного сосуществования.

²³ См.: «Правда», 30. IX. 1982.

²⁴ Там же, 9.X.1982.

²⁵ Там же.

²⁶ «Нян Зан», 24. II. 1983.

²⁷ См.: «Правда», 24. II. 1983.

²⁸ См.: «Нян Зан», 3. III. 1983.

Лаосская Народно-Демократическая Республика и Народная Республика Кампучия полностью поддерживают предложение СРВ о возобновлении вьетнамо-китайских переговоров по всем вопросам, представляющим взаимный интерес... Две стороны должны принять предложения, выдвинутые каждой из них, за основу переговоров. Конференция выражает полную поддержку предложению Социалистической Республики Вьетнам относительно мер, направленных на ослабление напряженности на китайско-вьетнамской границе»²⁹.

Новые инициативы трех стран Индокитая были поддержаны в СССР и других социалистических странах. В комментарии газеты «Правда» подчеркивалась добрая воля и исключительная выдержка трех братских стран, их готовность к диалогу с заинтересованными государствами без предварительных условий, в духе добрососедства и уважения принципов мирного сосуществования, с учетом взаимной безопасности³⁰.

В совместном советско-вьетнамском заявлении по итогам официального дружественного визита в СРВ партийно-правительственной делегации СССР во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиевым указывалось: «Советский Союз полностью поддерживает миролюбивый внешнеполитический курс СРВ, конструктивные предложения Социалистической Республики Вьетнам, Лаосской Народно-Демократической Республики и Народной Республики Кампучии, направленные на оздоровление обстановки в Юго-Восточной Азии, превращение ее в зону мира, стабильности и сотрудничества, поддерживает усилия СРВ по нормализации отношений с КНР на основе пяти принципов мирного сосуществования в интересах народов двух стран и мира в Азии»³¹.

В январе 1984 г. во Вьентьяне состоялась Восьмая конференция министров иностранных дел трех государств Индокитая. Участники конференции вновь выразили непреклонное стремление своих народов и правительств нормализовать отношения с КНР. В коммюнике конференции указывается: «У народов трех стран Индокитая и у китайского народа имеется общая заинтересованность в сохранении мира, чтобы они могли использовать свои ресурсы и свою энергию для национального восстановления. В этом духе три страны Индокитая вновь подтверждают свои предложения, направленные на восстановление отношений дружбы и добрососедства с Китайской Народной Республикой на основе принципов мирного сосуществования. Лаосская Народно-Демократическая Республика и Народная Республика Кампучия целиком и полностью поддерживают Социалистическую Республику Вьетнам в ее усилиях, направленных на восстановление мира на вьетнамо-китайской границе и возобновление вьетнамо-китайских переговоров в любом месте и в любое время. Предложения обеих сторон, направленные на нормализацию отношений между ними, должны стать предметом двусторонних консультаций»³². Таким образом, СРВ, ЛНДР и НРК вновь продемонстрировали готовность обеспечить все необходимые условия для развития и поступательного движения в условиях мира и добрососедства.

Правительствам и народам трех государств Индокитая еще предстоит трудная и, судя по всему, долгая борьба за нормализацию отношений с КНР. Страны Индокитая преисполнены решимости строить свои отношения с Китаем, а также с другими своими соседями на незыблемых принципах мирного сосуществования. На их стороне — народы Советского Союза и других социалистических стран. Можно выразить уверенность, что в конечном счете конструктивные, проникнутые доброй волей инициативы стран Индокитая сыграют свою положительную роль в стабилизации обстановки в регионе.

²⁹ «Нян Зан», 21. VII. 1983.

³⁰ См.: «Правда», 25. VII. 1983.

³¹ Там же, 5.XI.1983.

³² «Нян Зан», 30.I.1984.

Китайские исследования конца 70-х—начала 80-х годов по международным отношениям

В конце 70-х — начале 80-х годов в КНР значительно активизировались исследования международных отношений и их истории. Ныне эту работу ведут специализированные научно-исследовательские институты в рамках Академии общественных наук, министерства иностранных дел, исторические факультеты вузов, многочисленные всекитайские и региональные научные исторические общества.

Только за период 1978—1982 гг. в Китае было проведено свыше 40 научных конференций по проблемам изучения всемирной истории, на большинстве которых рассматривались также вопросы современных международных отношений и их истории. К числу крупных форумов следует отнести всекитайские конференции по изучению всемирной истории (Пекин, апрель 1980 г.; Лэшань, пров. Сычуань, август 1981 г.) и истории второй мировой войны (Харбин, июль 1979 г.; Куньмин, июнь 1980 г.; Пекин, август 1982 г.). В 18 конференциях, проведенных в 1980 г., приняло участие более 1400 человек и было представлено свыше 800 докладов¹.

Существенно расширился круг периодических изданий, публикующих статьи по международным отношениям. Помимо органа ЦК КПК журнала «Хунци», журнала «Лиши яньцзю» («Исторические исследования», выпуск возобновлен в 1974 г.), вузовских вестников, их регулярно публикуют журналы «Шицзе чжиши» («Знания о мире», выпуск возобновлен в 1979 г.), «Шицзе лиши» («Всемирная история», выходит с 1979 г.), «Лиши цзяосюе» («Преподавание истории», выпуск возобновлен в 1979 г.), «Вайго ши чжиши» («Знания об истории зарубежных стран», выходит с 1981 г.), «Шицзе ши яньцзю дунтай» («Положение в изучении всемирной истории», выходит с 1979 г.). С 1981 г. выходят специализированные издания по проблемам современных международных отношений — ежеквартальный журнал «Гоцзи вэньти яньцзю» («Изучение международных проблем») и нерегулярно выходящий сборник исследований «Сяньдай гоцзи гуаньси» («Современные международные отношения», орган Института современных международных отношений). Переводы работ зарубежных авторов публикуются в журнале «Шицзе лиши ицун» («Сборник переводов по всемирной истории»).

Быстро растет число справочных изданий, освещающих те или иные аспекты международных отношений и их истории. С 1980 г. из-

¹ См.: Чжунго байке няньцзянь 1981. Пекин — Шанхай, 1981, с. 408.

дается «Китайский энциклопедический ежегодник»², с 1982 г. — «Ежегодник международной обстановки»³. В 1982 г. после 17-летнего перерыва возобновлено издание ежегодника «Знания о мире»⁴. С 1979 г. выходит «Китайский ежегодник исторической науки» (Чжунго лиши-сую няньцзянь). Заслуживают упоминания изданные в последние годы «Словарь международных событий»⁵, «Справочник международных знаний»⁶, «Словарь современных международных деятелей»⁷, словарь «Цыхай», включающий международный раздел⁸.

Большими тиражами издавалась в КНР в последние годы переводная литература по проблемам международных отношений⁹, в частности мемуары Г. Киссинджера, Э. Карделя, В. Мичуновича (посол Югославии в СССР в 1956—1958 гг.). Среди работ китайских авторов появились и первые труды по комплексным вопросам международных отношений. Следует прежде всего выделить работу коллектива авторов «Вторая мировая война»¹⁰ и книгу Хун Юйи «Краткая история международных отношений в 1931—1939 гг.»¹¹

Вышла в свет двухтомная «История международных отношений» (издание Уханьского университета)¹². История американо-китайских отношений рассматривается в книге Хуан Шао-сяня «Краткая история США»¹³; различные аспекты истории международных отношений анализируются в сборнике статей по новейшей всемирной истории, подготовленном Китайским обществом изучения новейшей всемирной истории по материалам конференции в Лэшани в 1981 г.¹⁴ Переиздан переработанный восьмитомный труд Ван Юнь-шэна о китайско-японских отношениях в 1871—1913 гг.¹⁵; подготовлены переиздания трехтомного сборника договоров Китая с зарубежными странами в 1689—1949 гг. (ранее издавался в 1957—1962 гг.) и сборников документов о международных отношениях в Европе в 1871—1898 и 1898—1914 гг.¹⁶

В годы, предшествующие данному периоду, проблематика международных отношений не занимала ведущих позиций в китайской исторической науке, тем не менее определенная работа в данной области была проделана. Общее представление о ней дает выступление историка Ван Шэнцзу на учредительном собрании Китайского научного обще-

² Чжунго байкэ няньцзянь.

³ Гоцзи синши няньцзянь 1982, 1983. Шанхай, 1982, 1983. Подготовлены Шанхайским институтом международных проблем.

⁴ Шинце чжиши няньцзянь 1982. Пекин, Шинце чжиши чубаньшэ, 1982. Содержит, в частности, сведения о 210 странах и районах мира, об их отношениях с КНР, СССР, США, Японией.

⁵ Гоцзи шиши цыдянь. Пекин, Шан'у иньшугуань, 1981. Освещает события по началу 1980 г. включительно.

⁶ Гоцзи чжиши шоуцэ. Гуанси жэньминь чубаньшэ, 1981 (в двух частях). Подготовлен кафедрой международных отношений 2-го Пекинского института иностранных языков. Освещает события по сентябрь 1979 г.

⁷ Дандай гоцзи жэньу цыдянь. Шанхай, 1980.

⁸ Цыхай. Шанхай, 1978.

⁹ В их числе — работа Дж. Брауна (США) «Отношения СССР с его союзниками в Восточной Европе» (Сулянь юй ци Дун Оу мэngo ды гуаньси. Пекин, 1980), работа японских авторов «Японо-советские отношения — территориальная дипломатия и экономическое сотрудничество» (Жи Су гуаньси — линту вайцзяо хэ цзинцзи хэцзо. Тяньцзинь, 1981).

¹⁰ Чжу Гуйшэнь, Ван Чжэньдэ и др. Ди эр цы шице дачжань. Пекин, 1982.

¹¹ Хун Юйи. 1931—1939 гоцзи гуаньси цзяньши. Пекин, Санлянь шудянь, 1980.

¹² Гоцзи Гуаньси ши. Ухань дасюе чубаньшэ, 1983.

¹³ Хуан Шаосянь. Мэйго тунши цзяньбянь. Пекин, 1979.

¹⁴ Шинце сяндай ши луньвэньцзи. Пекин, Санлянь шудянь, 1982.

¹⁵ Ван Юньшэнь. Люши нянь лай Чжунго юй Жибэнь. Пекин, Санлянь шудянь, 1979—1980. Первые семь томов были опубликованы в 1931—1934 гг. в Тяньцзине.

¹⁶ См.: «Шэкэ синь шуму», 1982, № 64.

ства изучения истории международных отношений¹⁷. Так, в период до образования КНР были изданы работы Чжоу Гэншэна «История европейской дипломатии в новое время» (1926), Цянь Дуаньшэна «Преобразование послевоенного мира» (1947), Юй Фэйхуана «История советско-германской войны» (1947), Ду Фанцзюня «Ситуация в Европе и Дальний Восток» (1939), Цзэн Юхао «История китайской дипломатии» (1925), Чжан Чжунфу «История дипломатии Китайской Республики» (1936) и «Международные отношения Китая» (1933), Чэнь Фугуана «Китайско-русские отношения в период династии Цин» (1947). Был также опубликован ряд сборников документов, «Большой дипломатический словарь»¹⁸.

В 50-е годы наиболее активно исследуется история империалистической агрессии в Китае, особенно агрессии американского империализма. Вышли в свет книги Ху Шэна «Империализм и политика Китая» (1953), Лю Даняня «Краткая история американской агрессии в Китае» (1950), коллективный труд «История империалистической агрессии против Китая» (1958, переиздан в 1973), семитомные сборники «Китайско-японская война» (Шанхай, 1956) и «Китайско-французская война» (Шанхай, 1955). Следует отметить также издание таких работ, как «Сборник материалов о советско-китайской дружбе» (1953) и «История китайско-советской дружбы» (1957) Пэн Мина.

Ныне в Китае ценность исследований по истории международных отношений в 50-е годы ставится под сомнение. Общественной науке Китая тех лет приписывается некая «догматическая тенденция», якобы вызванная учебой у Советского Союза, декларируется, что в дальнейшем возникла «порочная тенденция упрощения, абсолютизации и формализации некоторых теоретических взглядов Маркса и Ленина»¹⁹.

С начала 60-х годов в трудах китайских историков начинает преобладать националистический подход к освещению проблем всемирной истории²⁰, который в 70-х годах становится господствующим. Наиболее полное воплощение он нашел в статьях Ши Цзюня, подробно рассмотренных советскими учеными-китаеоведами²¹. Среди крупных работ середины 70-х годов, затрагивающих проблемы международных отношений, можно назвать «Новую и новейшую всемирную историю»²² и «Краткую историю второй мировой войны» (Ши Цзяньсы, 1975).

Согласно приводимым Ван Шэнцзу данным, в периодике КНР в 1949—1966 и 1973—1980 гг. было опубликовано 677 статей по истории международных отношений. Из них 373 статьи посвящены отношениям Китая с зарубежными странами (в том числе 274 — с капиталистическими), а 304 статьи — международным отношениям (в том числе 176 — международным отношениям стран Европы, США, Японии). В 126 статьях рассматривались события периода после второй мировой войны, в 105 — периода между мировыми войнами, в 446 — периода до первой мировой войны.

Попытки китайских историков фальсифицировать историю международных отношений подверглись научно обоснованной критике в работах советских ученых. Наибольшее внимание, естественно, было при этом

¹⁷ См.: Ван Шэнцзу. Энергично разворачивать изучение истории международных отношений. — «Шинцзе ши яньцзю дунтай» (Пекин), 1981, № 3, с. 1—6.

¹⁸ Ван Чжожань, Лю Дажэнь. Вайцзяо да цыдянь. Куньмин, Чжунхуа шуцзюй, 1940.

¹⁹ «Шинцзе ши яньцзю дунтай», 1981, № 3, с. 2.

²⁰ Переводы некоторых работ китайских авторов первой половины 60-х годов опубликованы в приложении к книге «Историческая наука в КНР» (М., 1971).

²¹ Статьи Ши Цзюня были опубликованы в журнале «Хунци», 1972, № 4, 5, 6, 11.

²² Шинцзе цзиньдайши, ч. 1, 2. Шанхай, 1974. Рассматриваются события по 1918 г. включительно.

сосредоточено на вопросах русско-китайских²³ и советско-китайских отношений. Вместе с тем рассматривались и проблемы отношений Китая с соседними государствами²⁴, а в обзорном плане — освещение в китайских источниках и литературе истории международных отношений²⁵.

Китаеведение стран социалистического содружества также дало отпор попыткам извращения и «пересмотра» всемирной истории, свидетельством чему явилось проведение в Москве в марте 1979 г. специальной международной конференции²⁶. На конференции, в частности, были подвергнуты критике фальсификация истории второй мировой войны, неверное освещение роли России в борьбе балканских народов за освобождение от османского ига, истории Польши, истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы, а также вышедшая в КНР в 1977 г. брошюра, посвященная анализу советской исторической науки²⁷.

Исследования международных отношений в КНР все еще остаются «сравнительно слабой отраслью исторической науки»; тем не менее стремление в сжатые сроки изменить «ситуацию отставания», «крайне неподобающую великой державе с миллиардным населением»²⁸, уже принесло некоторые результаты: возросло число исследований, выявились определенные тенденции, методология подхода к освещению в КНР отдельных проблем и истории международных отношений в целом. Это, на наш взгляд, ставит сегодня перед марксистским китаеведением задачу систематизированного критического анализа концепций китайских историков в области международных отношений.

Основные тенденции современной китайской историографии международных отношений определяются задачами и целями внешней политики. Первый номер «Шицзе лиши» (1979) ориентировал китайских ученых на то, чтобы «проанализировать развитие международных отношений и борьбу империализма за мировую гегемонию, вскрыть источники международных конфликтов и войн, разоблачать империализм и социал-империализм». При этом акцент предлагалось сделать на изучение событий периода новой и новейшей истории, «все еще оказывающих влияние на сегодняшнюю международную жизнь», «и особенно на борьбу народов Азии, Африки, Латинской Америки против империализма, колониализма и гегемонизма, на историю международных отношений периода империализма, историю после второй мировой войны»²⁹.

Китайским ученым без обиняков предлагалось занять «самостоятельную позицию» в изучении международных отношений: «Коль скоро Китай является мировой державой, он должен вести исследования во всех научных дисциплинах, вносить свой вклад в науку и создавать собственную научную систему»³⁰.

²³ См., например, сборник статей «Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений». М., 1982.

²⁴ См., например: Китай и соседи в новое и новейшее время. Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 1982.

²⁵ См.: Г. В. Ефимов. — Историко-библиографический обзор источников и литературы по новой и новейшей истории Китая, ч. 1. Л., 1965; ч. 2, 1968; ч. 3, 1972; ч. 4, 1980; История международных отношений Китая в конце XIX века в китайских источниках и литературе. — В кн.: Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского. Л., 1958, с. 235—250.

²⁶ См.: Актуальные проблемы борьбы с маоистскими фальсификациями в области истории. Материалы конференции. М., 1979.

²⁷ Сулянь сючжэнчжун шицюе гуандянь пипань, вып. 1. Пекин, 1977.

²⁸ См.: Ч жу Цзе цинь. Несколько мнений об изучении истории внешних сношений Китая. — «Синьхуа вэньчжай», 1982, № 12, с. 60.

²⁹ «Шицзе лиши», 1979, № 1, с. 4, 5.

³⁰ «Шицзе ши яньцзю дунтай», 1981, № 3, с. 1.

В известной степени наблюдается расширение проблематики исследований, выход их за рамки работ антирусского и антисоветского характера, преобладавших в 1977—1978 гг.³¹

Тем не менее во многих исследованиях по-прежнему проводятся китаецентристские взгляды на международные отношения и их историю.

Китайские исследователи порой вступают в полемику с буржуазной историографией³², критикуют западных исследователей за «подмену всей истории международных отношений историей международных отношений Европы и США»³³. Гораздо чаще, однако, оспариваются оценки советских исследователей. Фактически противоборство с советской исторической науке стало в конце 70-х — начале 80-х годов одной из главных тенденций китайской историографии международных отношений.

Полемика с советской исторической наукой выходит за традиционные рамки проблем внешней политики царской России и истории русско-китайских отношений³⁴ и становится, по существу, тотальной, охватывая все новые и новые сферы: историю советско-китайских отношений, оценку внешней политики СССР накануне и во время второй мировой войны, оценку исторических деятелей (Рузвельта, Черчилля), тех или иных международных событий (например, Локарнского пакта 1925 г., причин разгрома Франции в 1940 г., американского закона о ленд-лизе и т. д.).

Это отнюдь не преследует цели восстановления исторической истины в рамках академических исследований, а направлено на то, чтобы представить в неверном свете мотивы действий Советского Союза на мировой арене, принизить роль СССР в международной жизни. Попутно решается и задача «освобождения исторических кругов Китая» от влияния советской исторической науки³⁵, что, в свою очередь дает основание китайским исследователям пересмотреть под предлогом «односторонности» свои собственные оценки и подходы периода 50-х годов, не отвечающие потребностям нынешнего внешнеполитического курса Пекина.

В целом для китайских исследований по истории международных отношений весьма характерна тенденция к использованию исторических событий для проведения параллелей с сегодняшней ситуацией в мире, к «осовремениванию» процессов прошлого таким образом, чтобы это «работало» на реализацию нынешних концепций Пекина.

Попытки трактовать историю международных отношений с позиций сегодняшнего дня получили особенно наглядное выражение в ряде работ по истории китайско-американских отношений. Например, Ван Си в статье «О некоторых вопросах истории китайско-американских отношений»³⁶ попытался представить США единственной из ведущих империалистических держав, не совершавшей территориальных захва-

³¹ Например, в перечне статей о внешних сношениях Китая, опубликованных в 1978 г. в КНР, 15 из 25 представляют собой материалы антирусской направленности, а перечень из 7 книг по этой же проблематике целиком составлен из работ антирусского содержания. — См.: «Цзиньдай ши яньцзю», 1979, № 2, с. 289—290, 310.

³² См., например: Ци Ши жун. Подлинный облик Мюнхенского кризиса нелегко извратить. — Критика некоторых распространенных положений исторических работ западной буржуазии. — «Шицзе лишн», 1979, № 1, с. 34—45.

³³ «Шицзе лишн», 1981, № 6, с. 73.

³⁴ Работы такого рода также продолжают публиковаться. См., например: Лу Вэй, Янь Цзяньсин. Советская историческая наука защищает агрессию и экспансию старых царей. О некоторых вопросах истории экспансии царской России в Средней Азии. — «Хунци», 1981, № 21, с. 30, 44—48.

³⁵ См.: «Шаньси дасюе сюэбао», 1981, № 3, с. 79.

³⁶ «Шицзе лишн», 1979, № 3, с. 12—19.

тов в Китае, оценивал провозглашенную США политику «открытых дверей» как сыгравшую объективно положительную для Китая роль и т. п. Столь откровенная тенденциозность встретила решительный отпор не только советских³⁷, но и самих китайских ученых. Критикуя статью Ван Си как «классический образец прагматизма», Дин Миннань и Чжан Чжэнькунь справедливо указали, что подобный подход не случаен. «Под влиянием восстановления китайско-американских отношений и подписания договора с Японией о мире и дружбе в КНР среди историков получили распространение рассуждения о том, что ...вместо «истории агрессии империализма против Китая теперь следует писать и об «истории отношений и о дружбе», «отыскивать некие «нормальные» отношения в истории»³⁸. Тем не менее их призыв не превращать историю в «служанку сегодняшних потребностей» на практике не был поддержан — в лучшем случае китайские исследователи стали стремиться к «сбалансированному» освещению «истории дружбы» и «истории агрессии»³⁹.

Показателен, например, такой «методологический совет» Чжу Цзециня: «Изучая историю внешних сношений, необходимо рассматривать как мирные, так и военные отношения... Мы не можем односторонне пропагандировать дружеские связи и культурный обмен между двумя странами в мирный период и абсолютно умалчивать о враждебных действиях двух сторон в период войны. Однако мирные отношения более длительны по времени, чем отношения войны... Поэтому главное содержание внешних сношений Китая составляет возникновение и развитие дружбы между Китаем и народами всех стран...»⁴⁰ Однако рецепт Чжу Цзециня не распространяется на освещение истории русско-китайских отношений.

Еще одной характерной чертой современной китайской историографии истории международных отношений является чрезмерный акцент на военных проблемах, включая вопросы развертывания, ведения и политических последствий войны. Даже сама по себе важность изучения истории международных отношений китайские историки видят прежде всего в том, что оно позволяет «выяснить типы, характер, причины, следствия и законы развития войн». И хотя повышенное внимание к данному аспекту международных отношений объясняется «благородным стремлением» «отыскать пути предотвращения, отсрочки или уничтожения войны»⁴¹, на деле оно призвано в первую очередь подкреплять современные взгляды китайского руководства на проблемы войны и мира, служить основанием для проведения исторических параллелей. Известно, что при «четверке» весьма популярны были исследования гитлеровской политики «создания видимости на Востоке и нанесения удара на Западе»⁴²; проводилась параллель между мюн-

³⁷ См.: В. Н. Никифоров. Современные пропагандисты политики «открытых дверей». — «Проблемы Дальнего Востока», 1980, № 1, с. 82—89.

³⁸ Динь Миннань, Чжан Чжэнькунь. Изучение истории китайско-американских отношений: продвижение вперед или движение вспять? По поводу статьи «О некоторых вопросах китайско-американских отношений». — «Цзиньдай ши яньцзю» (Пекин), 1979, № 2.

³⁹ Например, Хэ Кэ в рецензии на книгу Хуан Шаосяна «Краткая история США» пишет, что в прошлом, особенно в 50—60-е годы, при освещении китайско-американских отношений США были только объектом критики. В последние же годы кое-кто, напротив, забывает и о плохих делах. Подобные целиком позитивные или целиком негативные оценки неверны, указывает рецензент. — См. «Шицзе лиши», 1981, № 1, с. 84.

⁴⁰ «Синьхуа вэньчжай», 1982, № 12, с. 60.

⁴¹ «Шицзе ши яньцзю дунтай», 1981, № 3, с. 1.

⁴² См.: например: Туи Чэ. Гитлеровская политика создания видимости на Востоке и нанесения удара на Западе. — «Сюеси юй пипань» (Шанхай), 1973, № 3, с. 75—77.

хенским сговором и Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 г. в Хельсинки⁴³, на исторических примерах доказываются бесполезность каких бы то ни было переговоров о разоружении⁴⁴.

В конце 70-х — начале 80-х годов, как и ранее, китайские ученые уделяют главное внимание вопросам истории международных отношений таких стран, как СССР, США, Япония, государства Западной Европы. Страны других регионов в этом плане затрагиваются лишь эпизодически.

Изучение в 1977—1978 гг. истории международных отношений царской России шло в основном в том же ключе, что и в середине 70-х годов, то есть с упором на «захват» Россией китайской территории и на балканскую политику России⁴⁵. Наметилась, однако, и новая тенденция: создание работ, которые могли бы претендовать на фундаментальность. Так, помимо выпуска двух первых томов «Истории агрессии царской России в Китае», были изданы работы «Агрессия и экспансия царской России»⁴⁶ и «Китайско-русский Нерчинский договор», а также ряд других работ.

В дальнейшем расширяется география привлечших внимание китайских исследователей «направлений экспансии царской России» в целом, при этом выбор тем явно основывается на тезисах современной китайской пропаганды о якобы «усилении экспансии СССР в районе Дальнего Востока и Тихого океана» и некоей «стратегии продвижения СССР на Юг».

Из всего комплекса международных отношений и внешней политики СССР китайские исследователи сосредоточили в последние годы внимание на некоторых вопросах внешней политики СССР в 30—40-е годы. Интерес к внешней политике СССР 30—40-х годов преследует вполне определенную политическую цель: доказать, что исторические корни так называемого «советского гегемонизма» следует искать не только в действиях царской России, но и в целом ряде внешнеполитических акций СССР.

Несколько активизировалась в последние годы публикация материалов по истории советско-китайских отношений и современному их состоянию. Как правило, эти публикации призваны подкрепить версию китайской стороны по таким проблемам, как оценка обращения Советского правительства к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая 25 июля 1919 г. и обращения к правительству Китайской Республики 27 сентября 1920 г.⁴⁷, «китайско-советский пограничный вопрос»⁴⁸, отъезд советских специалистов из Китая в 1960 г.

Быстро нарастает число исследований по истории внешней политики США. Наибольшее внимание привлекают такие вопросы, как оценка доктрины Монро, предвоенная политика США и оценка деятельности Рузвельта, политика США в отношении Японии, проблема по-

⁴³ См.: Лю Шэнцзюнь. От «Мюнхена» к «Хельсинки». Пекин, 1977, 83 с.

⁴⁴ См., например: Фэн Чжидань. «Люди, будьте бдительны!» Беседы по истории переговоров в XX в. о разоружении. — Пекин. Саньянь шудянь, 1979.

⁴⁵ Например, в 1978 г. был издан сборник статей 1974—1977 гг. из журнала «Лиши яньцзю» — «Неизменная цель царской России — мировая гегемония».

⁴⁶ См., например: Шахуан Эго цинлюэ кочжан. Пекин. Жэньминь чубаньшэ, 1978. Подготовлена историческим факультетом Ланьчжоуского университета.

⁴⁷ См.: Фан Мин. Две декларации Советской России к Китаю и вопрос отказа от неравноправных русско-китайских договоров. — «Лиши яньцзю», 1980, № 6, с. 63—76.

⁴⁸ См., например: Китайско-советский пограничный вопрос. — Гоцзи шиши цыдянь, с. 85; Ли Гуичуань. В чем суть затруднений на китайско-советских пограничных переговорах? — «Гоцзи взньти яньцзю» (Гяньцзинь), 1981, № 1, с. 11—20.

ворота в политике США в отношении Китая на заключительном этапе антияпонской войны⁴⁹.

В оценке внешней политики США для современной китайской историографии характерен отход от позиций 50-х годов, когда, как утверждают китайские исследователи, «историю США изучали, исходя из потребностей борьбы с американским империализмом, так что главное в исследованиях сводилось почти целиком к разоблачению и критике сущности американского империализма»⁵⁰.

Эта тенденция прослеживается в освещении большинства проблем. Так, объявляется, что доктрина Монро сыграла «содействующую и протекционистскую роль в деле национального освобождения всей Латинской Америки в 20-х годах XIX века», которую, дескать, нельзя отрицать по той причине, что в дальнейшем под ее знаменем имела место экспансия США в Латинской Америке⁵¹. Обсуждая выдвинутую Рузвельтом концепцию «решения судеб мира крупными державами», Цзинь Юнхуа в то же время декларирует, что «неоколониализм Рузвельта... объективно создавал некоторые благоприятные условия для восстановления экономики ряда стран и районов после войны, для вступления... старых колоний на путь независимости»⁵².

Особенно заметно стремление как бы ненароком обелить политику США в отношении Китая. Заявляется, что, хотя в предвоенной политике в отношении Японии «Рузвельт подвергся... влиянию умиротворенческих деятелей, в целом он не проводил политики капитулянтства, подобной чемберленовской», в коренных вопросах не шел на «продажу» Китая Японии⁵³. Помощь, предоставленная США Китаю по ленд-лизу, якобы «объективно помогла китайской войне сопротивления, опора на доллар была одной из причин, по которой Чан Кайши не пошел на компромисс с японским фашизмом»⁵⁴.

Разумеется, в общем потоке встречаются и более объективные исследования, в частности справедливая критика принятого в США 31 августа 1935 г. закона о нейтралитете как «поощрения агрессии» содержится в статьях Оу Я и Ван Гуйчжэна⁵⁵.

Следует также отметить, что публикации по китайско-американским отношениям используются в КНР для демонстрации время от времени «принципальной позиции» Китая в том или ином вопросе. Пример такого рода представляет статья «В чем загвоздка в китайско-американских отношениях?», критикующая подход США к проблеме Тайваня⁵⁶.

Широким фронтом идет исследование в Китае различных аспектов и проблем второй мировой войны. Уже на первой Всекитайской научной конференции по изучению второй мировой войны (Харбин, 1979 г.) были представлены десятки материалов по таким вопросам, как причины, сущность, исходный момент и периодизация войны; по-

⁴⁹ См., например: Ван Цзяньхуй. Поворот в политике США в отношении Китая накануне победы в войне сопротивления. — «Шицзе лишэ», 1982, № 3, с. 73—75.

⁵⁰ «Шаньси дасюе сюебао», 1981, № 3, с. 79.

⁵¹ См.: Чжу Лимин. О сущности и роли доктрины Монро. — «Шицзе лишэ», 1981, № 5, с. 49—55.

⁵² Шицзе сяньдай ши луньвэньцзи. Пекин, 1982, с. 130, 136.

⁵³ Там же, с. 340 (статья Дэн Шуэна «Американо-японские отношения перед войной на Тихом океане»). Подобная версия не соответствует действительности. — См.: Международные отношения на Дальнем Востоке, кн. 2, 1917—1945. М., 1973, с. 169—173.

⁵⁴ Ян Цзяньцзэн. Краткий обзор роли закона о ленд-лизе во второй мировой войне. — «Шаньси дасюе сюебао», 1982, № 3, с. 110—115, 94.

⁵⁵ Оу Я. Об американском законе о нейтралитете 30-х годов. См.: Шицзе сяньдай ши луньвэньцзи, с. 99—120; Ван Гуйчжэн. Американская политика умиротворения в 30-е годы. — «Цзилинь дасюе сюебао», 1979, № 2, с. 87—96.

⁵⁶ См.: «Гоцзи вэньти яньцзю», 1982, № 2, с. 3—7. См. также: Цзы Чжунюнь. Испытание историей. Политика США в отношении Тайваня в период зарождения Нового Китая. — «Гоцзи вэньти яньцзю», 1982, № 3, с. 34—42.

литика «умиротворения», проводившаяся Англией, Францией и США в предвоенный период; роль и место в войне китайского фронта и антифашистской освободительной войны угнетенных народов. Было намечено в дальнейших исследованиях сделать упор на «научной исторической оценке» важнейших проблем второй мировой войны, на анализе истоков возникновения и исторических уроков войны⁵⁷. Более детально, в частности, рассматривались в дальнейшем причины быстрого разгрома Франции в 1940 г., война на Тихом океане, вопрос о решающих факторах капитуляции Японии. В КНР не скрывают, что разработкам тематики по вопросам второй мировой войны придается современная политическая направленность⁵⁸.

Одна из главных целей китайских исследователей — утверждение идеи большей роли китайского фронта во второй мировой войне, чем та, которая отводится ему в зарубежной историографии.

Для этого используется целая совокупность приемов. Один из них — попытки отнести дату начала второй мировой войны на 7 июля 1937 г. или даже на 18 сентября 1931 г., то есть в любом случае географически переместить исходный пункт войны в Китай. Следует сказать, что далеко не все исследователи в самом Китае поддерживают эту не выдерживающую критики точку зрения.

Другим характерным приемом является утверждение о непонимании «на Западе» специфики войны сопротивления Китая Японии как «особой формы ведения войны — затяжной народной войны», предопределившей отсутствие на китайском фронте крупных сражений, подобных Сталинградской битве⁵⁹. При этом полемика, по сути дела, ведется не только с западными, но и с советскими учеными, считающими, что «даже на азиатском театре войны китайский фронт не играл главенствующей роли. Фактически в течение всей войны китайскими войсками не было проведено ни одной крупной стратегической операции»⁶⁰. Китайские авторы, напротив, заявляют, что «до развязывания войны на Тихом океане китайский фронт превратился в главный фронт борьбы с японским фашизмом; после развязывания войны на Тихом океане он по-прежнему остался главным фронтом борьбы с японскими агрессорами на Азиатском континенте»⁶¹. Настойчиво проводится мысль, что «без героической войны сопротивления китайского народа Япония... вторглась бы в Индию и Австралию, а на севере напала бы на Советский Союз»⁶². Наконец, особый акцент делается на «доказательстве» решающей роли Китая в разгроме Японии и попутно принижении в этом роли СССР.

Откровенно тенденциозный характер носят китайские исследования современных международных отношений. По сути дела, они не выходят за рамки интерпретации и разъяснения внешнеполитических концепций руководства КНР, его взглядов на те или иные события и проблемы. Показательно, что в отличие от изучения истории международных отношений в работах на современную тематику практически нет дискуссий, разнобоя в оценках.

Несмотря на формально значительный круг исследований, их основные идеи немногочисленны и сводятся к обоснованию таких пропагандистских тезисов, как усиление напряженности в мире вследствие «борьбы за гегемонию» между СССР и США; развитие ситуации в мире от «биполярности» к «многополюсности», растущая роль в мировых делах Китая, проводящего «независимую и самостоятельную»

⁵⁷ См.: «Шинцзе лишн», 1979, № 5, с. 8.

⁵⁸ См. там же, с. 19.

⁵⁹ См. там же, 1980, № 4, с. 13.

⁶⁰ История второй мировой войны. 1939—1945, т. 11, М., 1980, с. 461.

⁶¹ «Шинцзе лишн», 1980, № 4, с. 7.

⁶² Ди эр цы шинцзе дачжань, с. 718.

внешнюю политику. В целом эта линия сохраняется и в материалах, опубликованных после XII съезда КПСР.

Послесъездовский нюанс касается роли самого Китая на международной арене. В 1981 г. декларировалось, что «Китай сковывает абсолютное большинство советских наземных сил на Дальнем Востоке и Японии, и США будут продолжать использовать эту ситуацию»⁶³. После съезда столь откровенно проимпериалистические формулировки уже не используются ввиду их явного несоответствия декларациям о «независимой и самостоятельной» внешней политике, напротив, подчеркивается, что в отношениях с США, как и с СССР, «Китай стоит на принципиальных позициях, то есть связывает воедино развитие государственных отношений с борьбой против гегемонизма»⁶⁴.

* * *

В настоящем обзоре затронуты лишь некоторые из аспектов освещения основных проблем международных отношений и их истории в публикациях КНР последних лет. Несомненно, эта работа требует продолжения и углубления.

В. Я. ЖУРАВЛЕВ

⁶³ Чжоу Чжисянь. Перспективы японо-американских отношений. — «Сяндай гоцзи гуаньси» (Луньцун), 1981, № 1, с. 21.

⁶⁴ «Гоцзи взньти яньцзю», 1983, № 1, с. 10.

Периодические издания КНР о борьбе с «духовным загрязнением»

В последнее время китайские средства массовой информации много внимания уделяют проблеме так называемого «духовного загрязнения». Борьба с ним тесно увязывается с задачей «упорядочения» Коммунистической партии Китая, выдвинутой на II пленуме ЦК КПК двенадцатого созыва, который проходил в Пекине 11—12 октября 1983 г.

Вскоре после пленума, выступая в Пекине на совещании представителей демократических партий Китая, Председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) Пэн Чжэнь указал на необходимость решения двух основных задач в ходе «упорядочения» партии — укрепления партийных рядов и ликвидации «духовного загрязнения». Борьбу с «духовным загрязнением» в КНР рассматривают сейчас как важную предпосылку решения задачи «упорядочения» партии, залог успешного осуществления социалистической модернизации страны.

Содержание явления, которое в Китае именуют «духовным загрязнением», трактуется весьма широко. В китайской печати упоминаются различные категории идеологических ошибок, заблуждений и даже преступлений, которые относятся к понятию «духовное загрязнение». Так, член Секретариата ЦК КПК, заведующий отделом пропаганды ЦК КПК Дэн Лицунь в беседе с иностранными корреспондентами указал на четыре категории «духовного загрязнения»: «Непристойные, варварские поступки и реакционные по сути явления»; «Низменные вкусы в художественных произведениях, в которых людям преподносится на потребу извращенность»; «Погоня за личными благами»; «Выступления устные или в печати, идущие вразрез с социалистическими идеалами».

Орган ЦК КПК журнал «Хунци» приводит следующие категории «духовного загрязнения»: «Все меряют на деньги, стремятся полностью превратить в товар продукт духовной деятельности»; «В печатной продукции наблюдается смешение хорошего и дурного, пышным цветом расцвела непристойность»; «В деревне и в некоторых городах заметно больше стало суеверных, вновь появились колдуны, гадалки, предсказатели и т. д.»; «В мире литературы, в искусстве процветают безнравственность, легкомыслие и порок, нелегально распространяются такие непристойные вещи, как порнографические открытки»; «В философию и другие общественные науки кое-кто активно привносит разномысленные буржуазные идеи. Это стало прямо-таки модой в кругах теоретиков. Такие вредные идеи в теоретической области общественных наук являются источником их загрязнения, что имеет далеко идущие последствия»¹.

Говоря о причинах широкого распространения отрицательных явлений в обществе, что вызвало необходимость развернуть широкомасштабную кампанию борьбы с ними, Дэн Лицунь в упомянутой беседе с корреспондентами назвал в числе этих причин еще не изжитое порочное на-

¹ «Хунци», 1983, № 20, с. 35.

следие прошлого, причем в последнее время, сказал он, эти социальные болезни особенно обострились. Дэн Лицюнь указал также на отрицательные последствия широких связей с миром капитализма.

Нынешний курс китайской внешнеэкономической политики расширения связей с заграницей, в первую очередь с Западом, который в печати КНР рассматривается как одна из причин «духовного загрязнения», имеет своей целью развитие торгово-экономических и научно-технических связей КНР, прежде всего, с развитыми капиталистическими странами, заимствование передовой технологии и опыта в области управления предприятиями. КНР заинтересована также в привлечении иностранного капитала в экономику, в частности в форме создания смешанных предприятий и так называемых «специальных экономических зон» в стране, где иностранному капиталу предоставляются особо выгодные условия инвестирования. В Китае вместе с этим проникает реклама западного образа жизни, что и оказывает деформирующее влияние на те или иные слои китайского общества, в первую очередь на молодежь.

Как сообщает китайская пресса, опросы общественного мнения, проводимые среди молодежи во многих районах страны, свидетельствуют, что многие молодые люди стали стремиться лишь к обогащению, поддаются тлетворному воздействию капиталистического «общества потребления», утрачивают духовные идеалы социализма и коммунизма.

Все это рождает в стране серьезное беспокойство и даже тревогу. Ведь молодежь — это будущее общества. Журнал «Хунци» отмечает: «Особую опасность духовное загрязнение представляет для молодежи. Еще не до конца преодолено негативное влияние культурной революции, а в условиях, когда стала проводиться политика расширения связей с заграницей, проблема приобрела особую остроту. Молодые люди, которые подверглись воздействию ряда идей буржуазной либерализации, пытаются уклониться от общественных обязанностей, идут по пути так называемого «освобождения личности», «борца-одиночки». Отдельные представители молодежи, начитавшиеся философских и художественных произведений, пропагандирующих нигилизм и декадентские настроения, воспринимают жизнь как сон, в идейном плане погрязли в растерянности и неопределенности и даже ищут утешения в религии»². На исключительную важность борьбы с «духовным загрязнением» среди молодежи Китая указал первый секретарь ЦК Коммунистического Союза молодежи Китая Ван Чжаогу³.

Поискам решения проблемы «духовного загрязнения» придается сейчас важнейшее значение. «Хунци» подчеркивает: «Духовное загрязнение уже приняло устрашающие, нетерпимые размеры»⁴. Эпидемия «загрязнения» охватывает различные слои и группы китайского общества, затронула и КПК.

В печати КНР настойчиво проводится мысль, что подавляющее большинство коммунистов относится к категориям «хороших» и «сравнительно хороших» и лишь очень немногие не поддаются воспитанию и должны быть исключены из партии. Утверждается, что все члены КПК подразделяются на две группы: первая — это ветераны партии, люди, прошедшие большую школу революционной борьбы, хозяйственного строительства, прошедшие через горнило внутривнутриполитических событий в стране. Про этих людей говорится, что они обладают революционной закалкой, но якобы не всегда успевают за развитием событий. Вторая группа — более молодые члены партии, в основном вступившие в нее в период «культурной революции» (1966—1976). Эта группа КПК (а в этой группе насчитывается более 17 млн. человек) расценивается как

² «Хунци», 1983, № 20, с. 37.

³ См.: «Жэньминь жибао», 6.XI.1983.

⁴ «Хунци», 1983, № 20, с. 35.

недостаточно закаленная в идейном отношении. С учетом такой ситуации и намечаются в КНР конкретные направления идейно-воспитательной работы с членами партии.

Согласно сообщениям китайской печати, остро стоит вопрос о «духовном загрязнении» в стиле работы партийного аппарата различных ступеней, что выражается в таких негативных явлениях, как бюрократизм, групповщина, местничество, фракционность и т. д. Признается, что это фактически ставит под угрозу идейно-политическое и организационное единство партии, весьма затрудняет решение многих задач народнохозяйственного строительства в стране. В этой связи пекинская «Гуанмин жибао» с тревогой отмечает: «Ни в коем случае нельзя сказать, что в настоящее время в КПК нет людей, занимающихся сектантством, местничеством и групповщиной. Эти люди по-прежнему подменяют партийную сплоченность фракционностью, ко всему подходят с точки зрения фракционности, назначают на посты своих приближенных, третируют сторонних, сколачивают лагеря, наносят серьезный ущерб сплоченности и единству партии, последовательному проведению линии, курса, политики партии»⁵.

В китайской печати нередко появляется материал о различного рода экономических злоупотреблениях. Так, среди партийных кадровых работников (ганьбу) нередко встречаются лица, использующие служебное положение с целью личного обогащения. В стране довольно широко распространилась так называемая система «черного хода», что значит использование личных связей для незаконного присвоения жизненных благ. С этим явлением можно столкнуться и при поступлении в вузы, и при приеме на работу, продвижении по службе, распределении жилья, приобретении дефицитных товаров и т. д. Газета «Чайна дейли» отмечает, что эта система «позволяет быстро добиваться того, что в иных условиях кажется невозможным, она нарушает престиж партии, отношения между кадровыми работниками и массами, противоречит социализму... В этой деятельности замешаны и высокопоставленные кадровые работники»⁶.

В последнее время на страницах газет и журналов КНР все чаще дискутируют о так называемой «теории отчуждения при социализме». Сущность этой «теории», согласно печати КНР, проявляется в работах по проблемам общественных наук, в произведениях искусства. Как известно, отчуждение — это объективный социальный процесс, присущий классово антагонистическому обществу. Он характеризуется тем, что деятельность человека и ее результат превращаются в самостоятельную, враждебную человеку силу. Истоки этого явления коренятся в частной собственности, в антагонистическом разделении труда. Отчуждение проявляется в господстве овеществленного труда над живым трудом, в отсутствии контроля над условиями, средствами и продуктом труда, в превращении личности в объект манипуляции со стороны господствующих классов. Отчуждение отражается в сознании индивида в виде чувства апатии, одиночества. Оно является источником различных пороков, стремления властвовать над людьми и т. д.

Социализм уничтожает главные источники отчуждения — эксплуатацию и частную собственность, в ходе своего развития ведет к полному преодолению отчуждения. Однако, если судить по сообщениям китайской печати, в определенных кругах в КНР, особенно среди теоретизирующей интеллигенции, кое-кто ставит под сомнение возможность избежать явления отчуждения при социализме.

О широком распространении этого вида «духовного загрязнения» говорит хотя бы такой факт, что даже председатель Всекитайской ассоциации литературы и искусства Чжоу Ян был вынужден выступить с само-

⁵ «Гуанмин жибао», 8. XI. 1983.

⁶ «Чайна дейли», 4. VIII. 1983.

критикой, заявив, что его «высказывания об отчуждении в социалистическом обществе создали определенную идеологическую неразбериху»⁷.

Активно критикуется в китайской печати и принцип так называемого «буржуазного гуманизма». Утверждается, что этот ложный принцип несовместим с задачами борьбы против преступников и лиц, вредящих делу социалистической модернизации Китая. Одновременно в некоторых выступлениях подчеркивается необходимость отличать «буржуазный гуманизм» от социалистического.

Говоря о «духовном загрязнении» в области литературы и искусства, «Хунци» указывает, что в «художественные произведения и теоретические статьи проникли идеи буржуазного либерализма, анархизма и нигилизма». В некоторых произведениях, говорится в журнале, отрицаются непримиримые классовые противоречия. В других изданиях открыто пропагандируют социал-дарвинизм, представляют отношения между людьми в социалистическом обществе как борьбу за существование. Встречаются и такие высказывания, в которых в отрыве от исторического материализма отдельные несовершенства, объективно неизбежные для нового социалистического общества, развивающегося по непроторенному пути, представляют как присущий ему процесс «отчуждения», который якобы имманентен социализму. По существу, эти извращенческие взгляды, указывает «Хунци», являются собой пропаганду неверия в дело социализма и коммунизма в Китае, в руководство со стороны КПК⁸.

Анализируя процесс «духовного загрязнения» в среде работников искусства, министр культуры КНР Чжу Мучжи указал на две его основные формы: во-первых, на отрыв от принципов марксизма-ленинизма, пропаганду «буржуазного гуманизма» и теории «отчуждения»; во-вторых, на пропаганду падения нравов, фальшивых ценностей, культ насилия, идеалов «буржуазного общества потребления»⁹.

Таким образом, как это трактуется в китайской печати, «духовное загрязнение» в области литературы и искусства увязывается с проникновением в страну идей буржуазного искусства и буржуазной идеологии в целом. «Жэньминь жибао» в одном из своих номеров поместила комментарий, специально посвященный борьбе с негативными явлениями в области литературы и искусства. В нем говорится, что ряд творческих работников пропагандируют концепцию «трех «не»: не затрагивать сложных вопросов, не вдаваться в подробности, не касаться личностей; эти деятели, — указывает газета, — выступают против народности в искусстве и его национальных особенностей, ведут пропаганду модернизма, иррационализма» и т. д.¹⁰

Как подчеркивает печать, руководство КНР и КПК, добиваясь того, чтобы литература и искусство служили целям развития социализма, проводит известную политику по формуле: «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Говорится, что этот курс подразумевает развитие искусства в духе социалистических принципов, что социализм — это не просто «одна из ста школ», такой подход недопустим. Так, «Хунци» указывает: «Очищение от духовного загрязнения — это сражение на фронте идеологии в новых исторических условиях. Основной способ ведения этой борьбы — неуклонное следование курсу «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Но при социалистическом строе, в условиях руководящей роли коммунистической партии, марксизм — это не просто одна школа из ста, ибо марксизм должен занимать ведущее место в сфере идеологии. Понимание курса «двух ста» как поощрение абсолютной свободы для распространения ложных идей,

⁷ «Жэньминь жибао», 6. XI. 1983.

⁸ См.: «Хунци», 1983, № 20, с. 36.

⁹ «Жэньминь жибао», 2. XI. 1983.

¹⁰ Там же, 31. VIII. 1983.

как недопущение марксистской критики и борьбы с ними — это либо серьезное заблуждение, либо извращенное понимание курса КПК»¹¹.

Многие видные деятели искусства в Китае уже выступают с призывами бороться против «духовного загрязнения». В таком духе, например, было выдержано выступление ректора Шанхайской консерватории, одного из старейших исполнителей и композиторов КНР Хэ Лудина на торжественном вечере, посвященном 60-летию его творческой деятельности.

Средства массовой информации КНР сообщают, что «духовное загрязнение» затронуло и область общественных наук. В последние годы ученые в КНР под предлогом формирования концепции «социализма с китайской спецификой» активно изучают работы зарубежных ученых, причем главным образом буржуазных социологов, экономистов. В результате ряд ученых в КНР, занимающихся общественными науками, стали склоняться к полному отрицанию общих закономерностей социалистического строительства, опыта, накопленного как в КНР, так и в других странах социализма в ходе экономического строительства. Такие ученые заявляют, будто опыт реального социализма не подходит к условиям КНР, делают акцент лишь на специфике Китая.

В этой связи известный китайский ученый-экономист Лю Гогоуан пишет: «В результате распространения в КНР взглядов буржуазных ученых в среде китайских экономистов возникли колебания относительно основополагающих идей Маркса. Небольшое число товарищей считают, что в КНР вообще нельзя строить социализм, а только капитализм, они отрицают плановую экономику, считают, что для нее недостаточно развиты в стране материально-техническая база»¹². На опасность «духовного загрязнения», связанного с распространением в Китае буржуазных идей Запада, указывал также Президент Академии общественных наук Китая Ма Хун в одном из своих выступлений, посвященных вопросам стратегии экономического, социального и научно-технического развития. Вопросы борьбы с «духовным загрязнением» среди ученых-обществоведов прозвучали в выступлении в Нанкинском университете члена Политбюро ЦК КПК, ректора Высшей партийной школы при ЦК КПК Ван Чжэня. Он даже заявил о необходимости проведения чистки среди преподавателей общественных наук. Некоторые ученые деятели в КНР, сказал он, «под видом преподавания марксизма занимаются антимарксистской деятельностью», «распространяют ошибочные теории, идущие вразрез с марксизмом-ленинизмом». Ван Чжэнь призвал «занять четкую и смелую позицию в борьбе против буржуазной либерализации», «создать крепкий отряд теоретиков марксизма»¹³.

Сейчас, когда в Китае идут поиски оптимальных методов решения задач модернизации страны, общественные науки могли бы сыграть важную позитивную роль в этих поисках. Распространение же в этой сфере явлений «духовного загрязнения», увлечение в некоторых кругах ученых в КНР идеями буржуазных исследователей, естественно, не может не вызывать определенные трудности в развитии общественных наук в стране, затрудняет выполнение этими науками прогрессивной функции.

«Духовное загрязнение», по мнению китайской печати, проявляется и в росте так называемой экономической преступности в КНР, куда включаются контрабанда, спекуляция, взяточничество, вымогательство, различные финансовые махинации. Почву для такого рода преступности, по мнению печати КНР, создают остатки «левацкой» идеологии, наследие «культурной революции», а также активное расширение связей с капиталистическим Западом. Эти причины аналогичны тем, что выдвигаются для объяснения возникновения других видов «духовного загрязнения». В экономическую преступность оказались втянутыми представи-

¹¹ См.: «Хуши», 1983, № 20, с. 38.

¹² «Жэньминь жибао», 8. XI. 1983.

¹³ См. там же, 24.X.1983.

Форумы общественных организаций КНР в минувшем году

О. Б. ГОРОДОВИКОВА

Т. М. ЕМЕЛЬЯНОВА

В. Н. УСОВ,

кандидат исторических наук

Т. В. ХАРИТОНОВА

В истекшем году состоялись съезды и другие форумы ряда массовых общественных организаций Китая — профессиональных, молодежных и женских. Все форумы были созваны в уставные сроки, что свидетельствует о стремлении оживить работу массовых организаций страны, поставить эти организации на службу внутренней и внешней политике КПК и КНР. Оживление деятельности общественных организаций вместе с тем соответствует чаяниям китайских трудящихся, которые связывают с ними воспоминания о первой половине 50-х годов — времени расцвета общественной деятельности в стране, направлявшейся на построение основ социализма в Китае, который следовал по пути прогресса в едином строю стран мировой социалистической системы. Уставные документы общественных организаций КНР, принятые в 1983 г., приблизили федерации к организационным формам 50-х годов, формулируя, однако, задачи соответствующих общественных организаций в духе нынешней политики партии и государства, основные направления которой были сформулированы III пленумом ЦК КПК одиннадцатого созыва в декабре 1978 г. Как известно, этот пленум принял решение о перенесении «центра тяжести работы всей партии» на осуществление «четырех модернизаций», одновременно предусматривая широкое развитие различных видов общественной деятельности, направленных на выполнение этой задачи.

Пленум отменил прежнюю практику «массовых движений», проходивших вне рамок партии и общественных организаций. В области внешней политики пленум принял решение об одобрении «правильности и эффективности внешнеполитического курса партии и страны», лейтмотивом которого является «борьба с гегемонизмом», под которым в политических документах и печати обычно подразумевается политика Советского Союза и других социалистических стран.

Всекитайский съезд профсоюзов

X съезд Всекитайской федерации профсоюзов (ВКФП) проходил в Пекине с 18 по 29 октября 1983 г. Он состоялся через пять лет после предшествовавшего ему IX съезда ВКФП¹. В работе съезда приняли участие 2326 человек, среди которых было 1998 делегатов, представлявших более 73,3 млн. членов китайских профсоюзов, и 328 специально приглашенных участников съезда.

В состав делегатов вошли 1014 профсоюзных работников, 236 профсоюзных активистов, 394 передовика труда, 301 представитель от интеллигенции, прочих — 54 человека². Среди делегатов съезда беспартийные составили 31,4%, женщины — 588 человек. 244 делегата представляли неханьские народы, 13 человек — Тайвань, 20 — хуацяо, 4 — смешанные предприятия. Китайская печать, широко освещавшая работу съезда ВКФП, отметила, что делегаты моложе 35 лет составили 660 человек, средний возраст делегатов равнялся 41,1 года. Кроме того, было отмечено, что высшее и среднее специальное образование имели 550 делегатов.

Среди приглашенных на съезд, как отмечала китайская печать, были ветераны рабочего и профсоюзного движения Китая, рабочие и служащие Гонконга и Макао, кустари-единоличники³.

Состав делегатов X съезда ВКФП отразил ряд моментов, характерных для нынешнего состояния профессионального движения в стране: делегаты съезда избраны «в результате неоднократных обсуждений и консультаций»; на съезде были представлены 29 профсоюзных организаций провинций, автономных районов, городов центрального подчинения и лишь два отраслевых профсоюза (железнодорожников и работников гражданской авиации); впервые в истории ВКФП на съезде был представлен индивидуальный сектор.

¹ ВКФП была создана в мае 1925 г. на II Всекитайском съезде профсоюзов. Последний съезд ВКФП перед ее ликвидацией в период «культурной революции» состоялся в декабре 1957 г. ВКФП была восстановлена в 1978 г.

² См.: «Жэньминь жибао», 13.X.1983.

³ См. там же.

Повестка дня включала следующие вопросы: 1) обсуждение Отчетного доклада Исполкома ВКФП девятого созыва; 2) обсуждение и принятие Устава китайских профсоюзов; 3) доклад о финансовой работе профсоюзов; 4) выборы нового состава Исполкома и финансово-ревизионной комиссии ВКФП.

На открытии X съезда присутствовали руководящие партийные и государственные деятели КНР. На церемонию открытия съезда были приглашены иностранные журналисты, аккредитованные в Пекине. С приветствием к съезду от имени ЦК КПК и Госсовета КНР выступил член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, Председатель КНР Ли Сяньнянь. Делегаты заслушали Отчетный доклад Исполкома ВКФП девятого созыва (докладчик — председатель ВКФП Ни Чжифу), доклады о финансовой работе китайских профсоюзов (докладчик — Цзян И), о международных связях ВКФП (докладчик Цянь Дадун) и др. Кроме профсоюзных деятелей, на съезде выступили член Госсовета КНР, председатель Государственного экономического комитета КНР Чжан Цзиньфу, вице-президент АН КНР Чжао Дунфань, заместитель министра иностранных дел КНР Цянь Цичэнь, первый секретарь ЦК КСМК Ван Чжаого, заместитель председателя ВКФЖ Чжан Гоин, заместитель начальника Главного политуправления НОАК Хуан Юйкунь, заместитель заведующего отделом по изучению политики при Секретариате ЦК КПК Линь Цзяньцин и др.

Перед съездом стояли задачи обобщить опыт рабочего движения и профсоюзной работы после IX съезда ВКФП (октябрь 1978 г.), определить курс и цели рабочего и профсоюзного движения на «новом этапе развития». Съезд был призван, по словам Ли Сяньняня, сыграть «важную стимулирующую роль» в сплочении рабочих и служащих Китая на осуществление социалистической модернизации и выполнение поставленной XII съездом КПК задачи увеличения в четыре раза валовой продукции промышленности и сельского хозяйства к концу нынешнего столетия.

На X съезде был почти полностью обновлен состав высшего профсоюзного руководства страны. Избран новый состав Исполкома в количестве 241 члена и 83 кандидатов в члены Исполкома, финансово-ревизионная комиссия ВКФП в составе 42 человек. На I пленуме Исполкома ВКФП десятого созыва, состоявшемся 29 октября 1983 г., председателем ВКФП был избран Ни Чжифу (член ЦК КПК и член Политбюро ЦК КПК двенадцатого созыва), заместителями председателя — Гу Дачунь, Вэй Цзяньсин (кандидат в члены ЦК КПК), Ло Гань (кандидат в члены ЦК КПК), Ван Чунлунь (член ЦК КПК), Чжан Жуйин (женщина), Ван Цячун, Цзян И. В секретариат ВКФП вошли Ни Чжифу (первый секретарь), Вэй Цзяньсин, Ло Гань, Ван Чунлунь, Чжан Жуйин, Чжан Бинцюань, Лю Ши, Ван Шэньсян, Ван Сюнь, Чжан Фую и Ли Сюебао (женщина) — члены Секретариата. Пленум избрал также 34 члена Президиума Исполкома и руководство финансово-ревизионной комиссии ВКФП (председатель — Хуан Миньвэй, член Центральной комиссии ЦК КПК по проверке дисциплины, заместители председателя — Му Цибинь, Ван Юнчэн и члены Постоянного комитета комиссии в составе 7 человек)⁴.

Решения X съезда ВКФП отразили попытки руководства КПК изменить акценты в профсоюзной политике.

Съезд поставил перед рабочим классом и профсоюзами Китая задачу усиления идейно-политической работы. Необходимость развертывания идейно-политической работы среди рабочих и служащих рассматривается в настоящее время как средство идеологического строительства рядов рабочего класса и непосредственно увязывается с задачами осуществления экономических преобразований и, следовательно, с «модернизацией» страны.

В своем выступлении на съезде Ли Сяньнянь отметил, что в сознании рабочих и служащих еще не ликвидировано «тлетворное влияние культурной революции», что их сознание подвергается разлагающему воздействию буржуазной идеологии. Ли Сяньнянь особо подчеркнул, что в современных условиях идейно-политическая работа среди широких масс рабочего класса и служащих, особенно среди молодого поколения рабочих, должна быть тесно связана с необходимостью вести «борьбу против духовного загрязнения» и «борьбу с проникновением буржуазной идеологии»⁵.

Следует отметить, что Ни Чжифу, говоря о сохранении «негативного влияния анархизма и экстремизма» среди некоторой части рабочего класса, выдвинул задачу «повышения классового сознания» рабочих и служащих путем осознания рабочим классом своего «исторического места» и «исторической ответственности» в осуществлении «четырех модернизаций». «Сознательность» рабочего класса, по его словам, должна выражаться в «самоотдаче» делу осуществления «четырех модернизаций».

В Отчетном докладе Исполкома ВКФП, а также в выступлениях на съезде первого секретаря КСМК Ван Чжаого, заместителя начальника Главного политуправления НОАК Хуан Юйкуна и заместителя заведующего отделом по изучению политики при Секретариате ЦК КПК Линь Цзяньцина была подчеркнута важность усиления идейно-политического воспитания широких масс рабочих и служащих на основе принятых ЦК КПК (июнь 1983 г.) «Тезисов идейно-политической работы среди рабочих и служащих государственных предприятий (для проведения в опытном порядке)».

X съезд ВКФП принял новый устав и ряд постановлений. По сравнению с предыдущим уставом 1983 г. расширен до 8 глав и 36 статей. В нем рассматриваются об-

⁴ См.: «Жэньминь жибао», 30. X. 1983.

⁵ Там же, 19.X.1983.

щие положения, вопросы о членстве в профсоюзах, об их организационной структуре, центральных и местных органах, первичных организациях, профсоюзных средствах. Впервые введена специальная глава «Кадровые работники и активисты профсоюза», состоящая из пяти статей, в которых определены требования, предъявляемые к кадровым работникам и активистам профсоюза, и задачи профсоюзов в создании системы обучения и подготовки кадровых работников и активистов⁶.

По сравнению с уставом 1978 г. в новом уставе сняты некоторые прежние формулировки и лозунги («политика — командная сила», «продолжение революции при диктатуре пролетариата» и др.). Вместе с тем оставлено в силе положение, что профсоюзы Китая, воспитывая широкие массы трудящихся, должны «вооружать массы рабочих и служащих марксизмом-ленинизмом и идеями Мао Цзэдуна ...укреплять внутреннюю сплоченность рабочего класса, оказывать активное сопротивление разлагающему влиянию идеологии буржуазного класса и всех остальных идеологий, не имеющих ничего общего с идеологией пролетариата». Более того, в новом уставе, принятом съездом, «работа по идейно-политическому воспитанию рабочих и служащих» поставлена на первое место среди основных задач первичного комитета профсоюзных организаций всех ступеней.

Особое место на съезде было уделено вопросам претворения в жизнь «четырех модернизаций». Устав зафиксировал, что в работе китайских профсоюзов «центральное место ...занимает осуществление программы четырех модернизаций», что профсоюзы должны строить свою работу «исходя из этого курса».

В Отчетном докладе, в выступлениях Чжан Цзиньфу и делегатов съезда много места уделялось вопросам повышения качества продукции, эффективности производства и улучшения работы предприятий. Говоря о работе профсоюзов в производственной области, Ни Чжифу отметил активное участие профсоюзных организаций всех ступеней в проведении экономической реформы, организации трудового социалистического соревнования, движения за рационализацию и др. За период с 1980 по 1982 г., например, рабочими и служащими страны было подано 4 млн. 330 тыс. рационализаторских предложений, решено 16 тыс. технических проблем⁷.

Основной упор в деятельности профсоюзов Китая в период между съездами, как отметил Ни Чжифу, делался на организации на предприятиях и в учреждениях собраний представителей рабочих и служащих (СПРС), которые рассматриваются как «укрепление демократической системы» в стране. К концу 1982 г. СПРС были введены на 200 тыс. предприятиях⁸. На съезде отмечалось, что главным содержанием работы СПРС было развитие производства, улучшение условий труда и жилищных условий рабочих и служащих, совершенствование системы заработной платы, налаживание трудового соревнования и др.⁹. Устав обязал первичные комитеты профсоюзных организаций всех ступеней «организовывать демократическое участие рабочих и служащих в управлении предприятиями, учреждениями». Следует отметить, что собрания представителей рабочих и служащих в отличие от аналогичных собраний конца 50-х годов вновь (как и на IX съезде ВКФП) лишены каких-либо контролирующей функций. Если в уставе 1957 г. говорилось, что собрания являются «формой... осуществления контроля над администрацией предприятия» (ст. 30)¹⁰, то последний устав повторил практически формулировку IX съезда ВКФП: «Профсоюз берет на себя ответственность за выполнение функций рабочего органа общего собрания представителей рабочих и служащих предприятия» (ст. 26)¹¹.

Важнейшим направлением деятельности ВКФП между съездами было профсоюзное строительство. По признанию Ни Чжифу, в профсоюзном вопросе «серьезно недооценивалась особенность профсоюза как массовой организации, что выражалось в неумении правильно строить отношения между профсоюзной и партийной организацией, между органами власти и хозяйственными органами, в неумении исходить в своей работе из реального уровня сознательности рабочих и служащих и их пожеланий, в непонимании необходимости самого существования профсоюзов и защиты ими интересов рабочих и служащих»¹². Ни Чжифу был вынужден признать, что «левацкие ошибки в профсоюзном вопросе, выразившиеся в отрицании «закономерности профсоюзной работы в условиях социализма», допущенные как во время «культурной революции», так и до нее, «причинили огромный ущерб».

К своему X съезду ВКФП пришла с определенными достижениями в области профсоюзного строительства. Численность членов китайских профсоюзов увеличилась с 1979 г.¹³ на 42% и охватывает в настоящее время, как говорилось выше, более 73,3 млн. человек. В стране насчитывается 433,6 тыс. профсоюзных организаций, 5479 тыс. профгрупп, в которых работает 256 тыс. кадровых профсоюзных работников

⁶ См.: «Жэньминь жибао», 24. X. 1983.

⁷ См. там же, 27. X. 1983.

⁸ См. там же.

⁹ См. там же.

¹⁰ См.: VIII Всекитайский съезд профсоюзов. Материалы и документы. М., 1958, с. 338.

¹¹ См.: «Жэньминь жибао», 24. X. 1983. В уставе 1978 г. говорилось, что профсоюзы должны «выполнять функции рабочих органов собраний представителей рабочих и служащих». — «Жэньминь жибао», 22. X. 1978.

¹² «Жэньминь жибао», 27. X. 1983.

¹³ На IX съезде отсутствовали данные о количественном составе ВКФП.

и 9,3 млн. активистов¹⁴. И тем не менее приходится констатировать, что к настоящему моменту профсоюзы Китая не охватывают все слои рабочего класса. Из 112,92 млн. рабочих и служащих Китая не состоят в профсоюзах около 39,37 млн. человек (или 34,81 %). Наибольшие препятствия для образования профсоюзов возникают на мелких государственных, кооперативных (то есть предприятиях коллективной собственности) и частных предприятиях.

В условиях, когда в Китае уже сложились отрасли народного хозяйства и система отраслевого управления, приобретает особое значение вопрос об отраслевых союзах. Ранее говорилось, что на съезде присутствовали всего два отраслевых профсоюза — железнодорожников и работников гражданской авиации. В вопросах организации отраслевых профессиональных объединений, хотя и не отрицается их необходимость, сохраняются установки IX съезда. Устав 1983 г. оставил в силе принцип подчиненности отраслевых профсоюзов советам профсоюзов провинций, городов центрального подчинения и автономных районов, что уже является нарушением принципов профсоюзного строительства. Практика профсоюзной жизни социалистических стран показывает, что вся работа профсоюзов по организации социалистического соревнования, по охране труда и улучшению материальной и культурной жизни рабочих и служащих должна основываться на особенностях каждой отрасли и организовываться по отраслевой системе.

В Отчетном докладе Исполкома ВКФП имеется специальный раздел «Всемерно крепить профсоюзное строительство», основной тезис которого — «укрепление связи профсоюзов с массами». На съезде говорилось о том, что необходимо «глубоко осознать особенности профсоюза как организации». В уставе, принятом съездом, профсоюзы квалифицируются как массовая организация рабочего класса, руководимая КПК, организация, которая заботится о рабочем классе и является его представителем. Вместе с тем (и это очень важно для профсоюзной работы в целом) было подчеркнуто, что профсоюзы, признавая руководство партии, «должны разворачивать свою деятельность активно и инициативно, не боясь самостоятельности и ответственности», но при этом должны соотносить стремления и пожелания рабочих и служащих с политикой партии, «увязать ответственность перед партией с ответственностью перед массами»¹⁵. В принятом уставе большое внимание уделено перестройке и укреплению низовых профсоюзных организаций.

Впервые после VIII съезда ВКФП на состоявшемся съезде прозвучал призыв к опоре в профсоюзной работе на активистов из масс. Выдвижение активистов и подготовка кадров для работы в профсоюзах особенно актуальны в настоящее время для продвижения Китая. На съезде было сказано, что в стране, помимо школы кадров при ВКФП, существует 26 школ по подготовке профсоюзных кадровых работников на уровне провинций и 23 подобные школы городского подчинения. Кроме того, более 40 тыс. низовых профсоюзных организаций открыли кратковременные курсы. В 1979—1982 гг. школа кадров при ВКФП подготовила 4900 кадровых работников, профсоюзные школы провинций и городов — 72 тыс. человек¹⁶. Внимание к подготовке профсоюзных кадров проявилось также в том, что в устав включен специальный раздел «Кадровые работники и активисты профсоюза».

Отмечалось, что за отчетный период произошли некоторые сдвиги в области налаживания социального страхования, возобновления работы по удовлетворению культурных потребностей широких масс трудящихся, улучшению условий труда и жилищных условий рабочих и служащих. До «культурной революции» средства на социально-бытовую работу профсоюзов поступали из фондов трудового страхования. В настоящее время ежегодные отчисления делаются министерством финансов. Для работы в этой области, говорилось на съезде, Всекитайской федерации профсоюзов было выделено с 1979 по 1982 г. 143 млн. 540 тыс. юаней¹⁷. К концу 1982 г. на средства профсоюзов было построено или расширено 1486 клубов и дворцов культуры, 115 школ для рабочих и служащих, обучающихся без отрыва от производства, 43 народных университета, 16 стадионов для рабочих, 12 научно-технических станций, 2 интернациональных клуба моряков. За четыре года было восстановлено 126 санаториев и домов отдыха для рабочих и служащих на 27 тыс. мест, где за этот период отдохнуло более 600 тыс. ударников труда и передовиков производства. Много внимания уделялось обучению рабочих и служащих без отрыва от производства. За четыре года 4 млн. 490 тыс. рабочих и служащих окончили различные школы, организованные профсоюзными организациями всех ступеней. В мероприятиях по обмену техническим опытом приняли участие 2 млн. 770 тыс. человек¹⁸.

ВКФП активизировала культурно-массовую и спортивную работу. Однако масштабы ее деятельности в этом направлении явно недостаточны для более чем 70-миллионного состава китайских профсоюзов, что объясняется рядом причин, из которых немаловажное значение имеют вопросы финансирования. Цзян И, выступая на съезде, сказал, что в течение 12 лет у ВКФП не было возможности самостоятельно распоряжаться финансовыми средствами¹⁹.

¹⁴ См.: «Жэньминь жибао», 27. X. 1983.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См. там же.

¹⁷ См.: «Гуңжэнь жибао», 24. X. 1983.

¹⁸ См. там же.

¹⁹ См. там же.

На съезде указывалось, что имеются серьезные упущения в охране труда в ряде отраслей и на ряде предприятий. В связи с этим на съезде было подчеркнуто, что «осуществление безопасности производства, усиление охраны труда — один из важных моментов защиты интересов рабочих и служащих»²⁰.

Таким образом, решения X Всекитайского съезда профсоюзов свидетельствуют об известных изменениях в работе китайских профсоюзов. Наряду с позитивными моментами (организационное строительство профессиональных организаций, рост численности профсоюзов, активизация работы в области охраны труда, в улучшении социально-бытовых условий широких масс трудящихся и др.) в деятельности профсоюзов наблюдаются и негативные явления.

У съезд Всекитайской федерации женщин

Со 2 по 12 сентября 1983 г. в Пекине проходил очередной V съезд Всекитайской федерации женщин (ВКФЖ)²¹. Съезд был проведен, в соответствии с Уставом ВКФЖ, через пять лет после IV съезда ВКФЖ, состоявшегося в сентябре 1978 г.

На съезде присутствовало более 2 тыс. делегатов, представлявших 56 национальностей Китая. Среди делегатов съезда были отличники труда, передовые работницы, представительницы «примерных семей» и лучшие работницы различных отраслей и профессий страны.

В повестку дня съезда были включены следующие вопросы: 1) отчетный доклад Исполкома ВКФЖ четвертого созыва; 2) принятие нового Устава ВКФЖ; 3) выборы Исполкома ВКФЖ пятого созыва; 4) награждение передовых коллективов и лиц, завоевавших Красное знамя «8 марта», и семей, получивших звание «примерная семья».

На открытии съезда присутствовали видные партийные и государственные деятели КНР. От имени ЦК КПК с приветственной речью к участникам съезда обратился член Политбюро ЦК КПК Дэн Инчао — вдова бывшего премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая. В своем выступлении Дэн Инчао заявила, что ЦК КПК постоянно заботится о женщинах страны, возлагает на них большие надежды и призывает их как можно активнее участвовать в социалистическом строительстве. Она призвала женщин страны вести борьбу с гегемонизмом. «Гегемонизмом» в Китае ныне именуются, в частности, и многие внешнеполитические шаги СССР и других социалистических стран.

В центре внимания съезда находился отчетный доклад председателя ВКФЖ Кан Кэцин «Усиленно и активно бороться за создание новой обстановки в женском движении». Докладчик, подводя итоги развития женского движения в стране после IV съезда ВКФЖ, отметила важное значение решений III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва и роль женщин Китая в реализации «линии, курса и политики» пленума. Одновременно в докладе заявлялось, что «десятилетняя смута» (имеется в виду культурная революция). — Авт.) нанесла серьезный вред женскому движению в стране, а ныне оно развивается на «здоровой основе». В докладе отмечалось, что после II пленума ЦК КПК число женщин — рабочих и служащих, занятых на предприятиях всенародной и коллективной собственности, возросло с 31,28 млн. в 1978 г. до 40,93 млн. в 1982 г., что составило 36,2 % общего числа рабочих и служащих страны по сравнению с 32,9 % в 1978 г. В текстильной промышленности и торговле женщины составили свыше 80 % всех работающих. Говорилось также о значительно возросшей роли женского труда в сельском хозяйстве. Что же касается участия женщин в политической жизни страны, то в 1982 г. женщины — делегаты собраний народных представителей различных уровней составили около 20 % общего числа делегатов²².

В отчетном докладе критиковалась точка зрения тех, кто считает, что женщины должны заниматься только домашним хозяйством и не должны участвовать в производстве. С трибуны съезда Кан Кэцин подтвердила, что курс IV съезда ВКФЖ на активное вовлечение женщин в осуществление программы «четырёх модернизаций» является «абсолютно правильным».

На съезде обращалось внимание на продолжающую существовать открытую и скрытую дискриминацию женщин, особенно при трудоустройстве и поступлении на учебу, на отсутствие охраны труда работающих женщин, на трудности с продвижением и ростом женских кадров. Особо подчеркивалось, что подавляющее большинство неграмотных — 70 % от 200 млн. неграмотных в стране — составляют женщины.

Выступавшие говорили о том, что «возродились исчезнувшие после образования КНР» некоторые феодальные обычаи и представления, рассматривающие женщину как существо «низшего порядка». Довольно распространенными стали явления денежного выкупа невест, продажа женщин, избивание женщин, родивших девочек, умерщвление новорожденных девочек и другие преступления, направленные против женщин и детей.

²⁰ «Жэньминь жибао», 27. X. 1983.

²¹ Всекитайская федерация женщин, первоначально называвшаяся Всекитайской демократической федерацией женщин (ВДФЖ), была создана до провозглашения КНР на I Всекитайском съезде женщин, который проходил в Пекине с 24 марта по 3 апреля 1949 г. В 1957 г. на III Всекитайском съезде женщины ВДФЖ была переименована в ВКФЖ.

²² Такая же доля участия женщин в местных собраниях народных представителей была характерна для середины 50-х годов, о чем говорилось на III Всекитайском съезде женщин в 1957 г. — См.: «Дружба», 11. IX. 1957.

Подобные явления были названы «нетерпимыми для такой социалистической страны, как Китай».

На съезде поднимались кадровые вопросы. Как известно, большая часть деятелей, выдвинувшихся в период «культурной революции», подверглась чистке, и нынешнее китайское руководство крайне заинтересовано в подготовке новых руководящих женских кадров из числа «лучших представительниц среднего и молодого поколений, обладающих необходимыми деловыми и профессиональными качествами». На федерации женщин возлагалась задача «революционизации, омоложения состава, повышения образовательного и профессионального уровня их кадровых работников». С целью «регулярной и систематической подготовки» кадровых работников для женских федераций предлагалось создавать различные школы и курсы.

Обсуждался вопрос о превращении ВКФЖ в «действительно массовую организацию, обладающую авторитетом и способную защищать права и интересы женщин и детей»²³. Выступавшие призвали усилить деятельность женских организаций, особенно на низовом уровне, активно сотрудничать с правительственными ведомствами в деле защиты законных прав и интересов женщин и детей.

Если внутри страны женские организации работали недостаточно эффективно, то международная деятельность ВКФЖ за последние годы заметно активизировалась. Как отмечалось на съезде, Китай принимал участие в мероприятиях, связанных с Международным годом ребенка, в деятельности ООН, связанной с Десятилетием женщины (1975—1985), в работе конференций ряда международных женских организаций. Как отмечалось в отчетном докладе, ВКФЖ установила связи с 226 организациями, занимающимися работой с женщинами и детьми из 123 стран мира.

На съезде был принят новый Устав ВКФЖ²⁴. «ВКФЖ, — как определяется в уставе, — является руководимой КПК массовой организацией рабочих и служащих женщин, крестьянок, представительниц женской интеллигенции и других трудящихся женщин всех национальностей, женщин-патриоток, поддерживающих социализм и поддерживающих объединение родины, является приводным ремнем, связывающим партию с массами женщин». (В уставе, принятом на IV съезде ВКФЖ, в определении ВКФЖ отсутствовала часть о включении в федерацию «женщин-патриоток, поддерживающих социализм и поддерживающих объединение родины».)

Среди задач, поставленных перед ВКФЖ в новом уставе, главное место, как и раньше, отведено вопросам идейно-политического воспитания женщин, начиная от изучения ими марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна и кончая вопросами любви, брака, семьи и охраны прав женщин и детей.

Что же касается внешнеполитических задач ВКФЖ, записанных в уставе, то в них по-прежнему сохраняются элементы антисоветизма.

На съезде были избраны новые руководящие органы ВКФЖ. В соответствии с новым Уставом ВКФЖ упразднен пост почетного председателя ВКФЖ, который, по решению IV Всекитайского съезда женщин, был предоставлен трем старейшим деятельницам женского движения Китая: Сун Цинлинь (скончалась в мае 1981 г.), Цай Чан и Дэн Инчао. В связи с тем, что Цай Чан и Дэн Инчао оставили свои посты в ВКФЖ, на съезде им была выражена благодарность за «большой вклад в дело освобождения женщин».

Председателем ВКФЖ была повторно избрана член ЦК КПК двенадцатого созыва Кан Кэцин²⁵. Ее заместителями избраны 13 деятельниц, три из которых входят в состав ЦК КПК двенадцатого созыва. Пять заместителей председателя ВКФЖ впервые избраны в руководящие органы ВКФЖ. О некоторых из них известно, что они принадлежат к среднему поколению кадровых работников и являются членами КПК. Председатель и 13 заместителей, один из которых по совместительству является первым секретарем Секретариата ВКФЖ, образовали руководящую группу ВКФЖ. В состав Постоянного комитета было избрано 42 человека. Более половины деятельниц нового состава Постоянного комитета исполкома (свыше 60 %) избраны впервые. В Секретариат — рабочий орган, ведающий повседневной работой ВКФЖ, — были также включены новые деятельницы. Пять секретарей из восьми, включая первого секретаря Чжан Гоин, избраны впервые. Это — представительницы среднего и молодого поколений кадровых работников, в возрасте от 39 до 55 лет, члены КПК, четверо из которых вступили в

²³ До «культурной революции» ВКФЖ была самой массовой из всех общественных организаций страны и насчитывала около 100 млн. женщин. В настоящее время ее численность неизвестна и связь ВКФЖ с массами женщин ослаблена. В частности, о «серьезном характере аппаратизации федераций женщин на всекитайском уровне, уровне провинций, автономных районов и городов центрального подчинения» говорилось на одном из заседаний Постоянного комитета Исполкома ВКФЖ. — См.: «Чжунго фэньюнь», 1982, № 6, с. 6.

²⁴ См.: «Жэньминь жибао», 13. IX. 1983.

²⁵ Кан Кэцин (род. в 1912 г.), вдова выдающегося китайского военачальника Чжу Дэ, в прошлом занималась активной политической деятельностью. В годы «культурной революции» Чжу Дэ подвергался критике со стороны хунвэйбинов. На IX и X съездах КПК Кан Кэцин не избиралась в состав ЦК КПК. После устранения «четверки» вошла в состав ЦК одиннадцатого созыва, является заместителем председателя ВКФЖ шестого созыва, председателем Всекитайского народного комитета защиты детей.

Подобные явления были названы «нетерпимыми для такой социалистической страны, как Китай».

На съезде поднимались кадровые вопросы. Как известно, большая часть деятелей, выдвинувшихся в период «культурной революции», подверглась чистке, и нынешнее китайское руководство крайне заинтересовано в подготовке новых руководящих женских кадров из числа «лучших представительниц среднего и молодого поколений, обладающих необходимыми деловыми и профессиональными качествами». На федерации женщин возлагалась задача «революционизации, омоложения состава, повышения образовательного и профессионального уровня их кадровых работников». С целью «регулярной и систематической подготовки» кадровых работников для женских федераций предлагалось создавать различные школы и курсы.

Обсуждался вопрос о превращении ВКФЖ в «действительно массовую организацию, обладающую авторитетом и способную защищать права и интересы женщин и детей»²³. Выступавшие призывали усилить деятельность женских организаций, особенно на низовом уровне, активно сотрудничать с правительственными ведомствами в деле защиты законных прав и интересов женщин и детей.

Если внутри страны женские организации работали недостаточно эффективно, то международная деятельность ВКФЖ за последние годы заметно активизировалась. Как отмечалось на съезде, Китай принимал участие в мероприятиях, связанных с Международным годом ребенка, в деятельности ООН, связанной с Десятилетием женщины (1975—1985), в работе конференций ряда международных женских организаций. Как отмечалось в отчетном докладе, ВКФЖ установила связи с 226 организациями, занимающимися работой с женщинами и детьми из 123 стран мира.

На съезде был принят новый Устав ВКФЖ²⁴. «ВКФЖ, — как определяется в уставе, — является руководимой КПК массовой организацией рабочих и служащих женщин, крестьянок, представительниц женской интеллигенции и других трудящихся женщин всех национальностей, женщин-патриоток, поддерживающих социализм и поддерживающих объединение родины, является привоным ремнем, связывающим партию с массами женщин». (В уставе, принятом на IV съезде ВКФЖ, в определении ВКФЖ отсутствовала часть о включении в федерацию «женщин-патриоток, поддерживающих социализм и поддерживающих объединение родины».)

Среди задач, поставленных перед ВКФЖ в новом уставе, главное место, как и раньше, отведено вопросам идейно-политического воспитания женщин, начиная от изучения ими марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна и кончая вопросами любви, брака, семьи и охраны прав женщин и детей.

Что же касается внешнеполитических задач ВКФЖ, записанных в уставе, то в них по-прежнему сохраняются элементы антисоветизма.

На съезде были избраны новые руководящие органы ВКФЖ. В соответствии с новым Уставом ВКФЖ упразднен пост почетного председателя ВКФЖ, который, по решению IV Всекитайского съезда женщин, был предоставлен трем старейшим деятельницам женского движения Китая: Сун Цинлин (скончалась в мае 1981 г.), Цай Чан и Дэн Инчао. В связи с тем, что Цай Чан и Дэн Инчао оставили свои посты в ВКФЖ, на съезде им была выражена благодарность за «большой вклад в дело освобождения женщин».

Председателем ВКФЖ была повторно избрана член ЦК КПК двенадцатого созыва Кан Кэцин²⁵. Ее заместителями избраны 13 деятельниц, три из которых входят в состав ЦК КПК двенадцатого созыва. Пять заместителей председателя ВКФЖ впервые избраны в руководящие органы ВКФЖ. О некоторых из них известно, что они принадлежат к среднему поколению кадровых работников и являются членами КПК. Председатель и 13 заместителей, один из которых по совместительству является первым секретарем Секретариата ВКФЖ, образовали руководящую группу ВКФЖ. В состав Постоянного комитета было избрано 42 человека. Более половины деятельниц нового состава Постоянного комитета исполкома (свыше 60 %) избраны впервые. В Секретариат — рабочий орган, ведающий повседневной работой ВКФЖ, — были также включены новые деятельницы. Пять секретарей из восьми, включая первого секретаря Чжан Гоин, избраны впервые. Это — представительницы среднего и молодого поколений кадровых работников, в возрасте от 39 до 55 лет, члены КПК, четверо из которых вступили в

²³ До «культурной революции» ВКФЖ была самой массовой из всех общественных организаций страны и насчитывала около 100 млн. женщин. В настоящее время ее численность неизвестна и связь ВКФЖ с массами женщин ослаблена. В частности, о «серьезном характере аппаратизации федераций женщин на всекитайском уровне, уровне провинций, автономных районов и городов центрального подчинения» говорилось на одном из заседаний Постоянного комитета Исполкома ВКФЖ. — См.: «Чжун-го фуюнь», 1982, № 6, с. 6.

²⁴ См.: «Жэньминь жибао», 13. IX. 1983.

²⁵ Кан Кэцин (род. в 1912 г.), вдова выдающегося китайского военачальника Чжу Дэ, в прошлом занималась активной политической деятельностью. В годы «культурной революции» Чжу Дэ подвергался критике со стороны хунвэйбинов. На IX и X съездах КПК Кан Кэцин не избиралась в состав ЦК КПК. После устранения «четверки» вошла в состав ЦК одиннадцатого созыва, является заместителем председателя ВК НПКСК шестого созыва, председателем Всекитайского народного комитета защиты детей.

партию в период с 1949 по 1961 г., и одна — в 1980 г., имеют высшее или специальное образование²⁶.

Всего в Исполком ВКФЖ пятого созыва было избрано 294 человека — 250 членов и 44 кандидата в члены Исполкома. Из них только незначительная часть (около 16 %) входила ранее в Исполком ВКФЖ четвертого созыва, насчитывавший 300 человек — 245 членов и 55 кандидатов в члены Исполкома. Остальные же (около 84 %) были избраны впервые.

Произведенные на съезде изменения состава Исполкома ВКФЖ свидетельствуют прежде всего о стремлении китайских руководителей усилить партийную прослойку и предоставить руководящие посты в ВКФЖ новым деятелям, наиболее способным, с их точки зрения, проводить среди женских организаций и масс женщин нынешний политический курс Пекина внутри страны и на международной арене.

Определяя задачи ВКФЖ на будущее пятилетие, съезд призвал ВКФЖ руководствоваться указанием Секретариата ЦК КПК²⁷, состоящим «в безоговорочной защите законных прав и интересов женщин и детей, в обеспечении здорового роста подрастающего поколения и предоставлении женщинам возможности играть большую роль в строительстве социалистической материальной и духовной культуры». Съезд призвал женщин страны повышать свою идеологическую и политическую сознательность, поднимать культурный и научно-технический уровень, совершенствовать профессиональные навыки, пользоваться правами, предоставленными женщинам Конституцией КНР и государственными законами, бороться против дискриминации женщин.

Анализ материалов V съезда ВКФЖ выявил всю сложность проблем, связанных с положением женщины в КНР. Как показал съезд, в сегодняшнем Китае чрезвычайно остро стоят вопросы трудоустройства женщин, брака, деторождения, нарушения законодательства в отношении женщин и пр.

При рассмотрении женского вопроса в Китае обращает на себя внимание несоответствие между значительной ролью женщин в сфере производства, возросшей за время существования КНР, и явно недостаточной их ролью в общественно-политической жизни страны.

Шестая сессия Всекитайской федерации молодежи

Четыре года назад, в мае 1979 г., в Пекине была проведена пятая сессия Всекитайской федерации молодежи (ВКФМ)²⁸, на которой организация была формально воссоздана после ее роспуска в годы «культурной революции». После воссоздания ВКФМ, формирования ее руководящих органов и принятия устава развернулась деятельность по восстановлению местных организаций на уровне провинций, городов центрального подчинения и автономных районов, а затем и на более низком уровне.

К апрелю 1981 г. в ВКФМ насчитывалось более 170 млн. членов. С 1980 г. ВКФМ начала устанавливать более активно контакты с зарубежными молодежными организациями, чтобы выйти из изоляции, в которой оказалась китайская молодежь в результате «культурной революции», и играть более активную роль в международном молодежном движении. Причем акцент в установлении контактов делался на молодежь капиталистических стран. В первую очередь были установлены связи с некоторыми молодежными организациями США. Как сообщала китайская печать, к весне 1981 г. ВКФМ поддерживала отношения с 220 молодежными и студенческими организациями более чем 90 стран мира.

На заседании Постоянного комитета ВКФМ, состоявшемся в апреле 1981 г., вновь была подчеркнута необходимость расширения и усиления связей федерации с зарубежной молодежью. После этого увеличились контакты с зарубежными организациями. В 1980—1983 гг. делегации китайской молодежи посетили ряд стран Европы, Азии и Латинской Америки.

В августе 1981 г. на втором заседании ВКФМ пятого созыва были произведены изменения в руководстве федерации: дополнительно были избраны шесть заместителей председателя ВКФМ (вероятно, их предшественники были сняты со своих постов).

С 17 по 24 августа 1983 г. в Пекине в соответствии с уставными сроками была проведена шестая сессия ВКФМ. На заседаниях сессии присутствовали Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, член Политбюро ЦК КПК, премьер Госсовета Чжао Цзяян,

²⁶ См.: «Жэньминь жибао», 12. IX. 1983.

²⁷ Указание Секретариата о работе ВКФЖ было подготовлено в апреле 1983 г. и специально обсуждалось на седьмом расширенном заседании Постоянного комитета Исполкома ВКФЖ четвертого созыва. — См.: «Жэньминь жибао», 27. IV. 1983.

²⁸ Всекитайская федерация молодежи была основана в мае 1949 г. как массовая организация единого фронта китайской молодежи. Она строилась по принципу коллективного членства. В нее входили: Коммунистический союз молодежи Китая, Всекитайская федерация студентов, Патриотическая ассоциация тибетской молодежи, Христианский союз молодых людей, Христианский союз молодых женщин, Всекитайская федерация девушек и Федерация молодежи провинций, городов и автономных районов. Задачи федерации — воспитание китайской молодежи в духе патриотизма и интернационализма; мобилизация юношей и девушек на участие в социалистическом строительстве; расширение и укрепление дружеских связей с молодежью социалистических стран, других государств.

член Политбюро ЦК КПК, Председатель КНР Ли Сяньнянь, член Политбюро ЦК КПК Пэн Чжэнь, член Политбюро ЦК КПК, секретарь ЦК Юй Цюли, член Политбюро ЦК КПК, председатель ВКФП Ни Чжифу, член Постоянного комитета Центральной комиссии советников КПК Сяо Кэ, член ЦК КПК, представитель НОАК Ляо Ханьшэн, член ЦК КПК, заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК Ван Жэньчжун и др. Состав присутствовавших на сессии ВКФМ руководителей страны говорит о том значении, которое придается сейчас молодежи и ее роли в развитии китайского общества.

С докладом от ЦК КПК на сессии, как и в 1979 г., выступил член Политбюро ЦК КПК, заместитель Председателя КНР Уланьфу, который призвал молодежь Китая «отдать все свои силы процветанию и могуществу родины, развивать дух патриотизма». От различных общественных организаций и ЦК КСМК выступил с приветствием первый секретарь ЦК КСМК Ван Чжаогу.

Как отмечалось в выступлениях, сессия проходила в атмосфере, когда в стране продолжают усиленные поиски путей реализации идеологических, экономических, организационных и внешнеполитических установок XII съезда КПК, состоявшегося в сентябре 1982 г., выдвинутого им лозунга о «строительстве социализма с китайской спецификой».

Официально открыл работу сессии бывший заместитель председателя ВКФМ Ян Лэ. С «рабочим докладом» от имени руководства ВКФМ выступил другой заместитель председателя — Каюм Баудун. Он в оптимистическом духе подытожил деятельность ВКФМ за прошедшие четыре года, подчеркнув, что ВКФМ руководствовалась в работе линией III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва (1978), что в области идеологии за этот период «покончили с беспорядками». Каюм Баудун отметил, что федерация способствовала созданию единого фронта китайской молодежи в новый исторический период». Его доклад под названием «Сплачивать молодежь разных национальностей и различных кругов, посвятить свою молодость объединению, процветанию и могуществу родины» призвал создать широчайший единый фронт из «трудовой социалистической молодежи, любящей родину», из «молодежи, поддерживающей социализм и любящей родину», из «молодежи, поддерживающей единство родины», включая молодежь Тайваня, Гонконга и Макао, а также из молодых представителей зарубежных китайских эмигрантов. Была поставлена задача «выше поднять знамя патриотизма, воспитывать у молодежи чувство горячей любви к родине, осуществлять еще более тесную связь с молодежью из различных кругов и национальностей, усилить связи с молодежью различных зарубежных стран». Разъясняя, что имеется в виду под словами «патриотизм» и «любовь к родине», Каюм Баудун указал на «необходимость усиливать социалистическую модернизацию, бороться за объединение родины, включая Тайвань, выступать против гегемонизма». Доклад призывал всех членов ВКФМ глубоко пропагандировать национальную политику партии, «выступать против великоханьского национализма». Последнее положение, вероятно, свидетельствует о том, что отношения между ханьцами и представителями других национальностей страны все еще до конца не отрегулированы и «великоханьский национализм», видимо, и под маской «патриотизма» дает о себе знать во всех сферах жизни страны. Молодые люди в Китае постоянно сталкиваются с множеством проблем, связанных с образованием, трудоустройством, жильем, досугом, низким жизненным уровнем, созданием семьи, получением специальности, с буржуазным влиянием и многими другими, которые окончательно не решены до сегодняшнего дня. В докладе отмечалась необходимость и в дальнейшем уделять внимание этим вопросам.

На сессии отмечалось, что в настоящее время Постоянный комитет ВКФМ насчитывает 523 члена, представляющих молодежь 56 организаций. Число членов партии и комсомола в комитете несколько сократилось, одновременно увеличилось представительство молодой интеллигенции, молодежи Гонконга, Макао, Тайваня, патриотических китайских эмигрантов, что говорит об очевидном акценте на политику «единого патриотического фронта».

23 августа 1983 г. сессией был принят новый устав организации. Он несколько увеличен по объему по сравнению с предыдущими и насчитывает 5 разделов и 21 параграф (предыдущий устав содержал 4 раздела и 16 параграфов). В преамбуле, где определяются название организации и ее функции, записано, что ВКФМ «является патриотической организацией единого фронта широких слоев молодежи различных национальностей и разных кругов нашей страны». В параграфе об основных задачах организации добавлено, что необходимо еще «выше поднимать знамя патриотизма». В новом уставе оставлено положение о необходимости «борьбы против империализма, гегемонизма и колониализма» с добавлением слова «расизм». Причем «гегемонизм» перемещен с третьего места на второе. Данный раздел дополнен параграфом, где говорится: «Вся деятельность федерации осуществляется на основе норм Конституции Китайской Народной Республики». Уставом определено, что сессия федерации будет созываться один раз в пять лет (по предыдущему уставу — раз в 4 года). В новом уставе выделены в отдельный параграф из трех пунктов права Постоянного комитета ВКФМ.

Впервые специально оговорено, что кандидатуры одного секретаря и нескольких его заместителей предлагаются председателем ВКФМ и утверждаются Постоянным комитетом ВКФМ.

Введен новый раздел об организациях ВКФМ на местах.

Как и в прошлом уставе, говорится, что ВКФМ должна «поощрять молодежь изучать марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна» (в прежнем уставе, правда, «усердное

изучение марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна» было одной из основных задач членов ВКФМ; сейчас это положение вынесено из раздела задач в преамбулу), в то же время отсутствует формулировка прошлого устава о необходимости «выше поднимать великое знамя идей Мао Цзэдуна».

На шестой сессии ВКФМ был избран новый руководящий состав федерации. В Постоянный комитет ВКФМ избрано 53 человека, увеличилось число женщин до 20 % всего состава (ранее — 17 %), 8 представителей от национальных меньшинств. В Постоянном комитете уменьшено число заместителей председателя ВКФМ до 11 человек. Из предыдущего состава остались трое заместителей председателя: Ли Хайфэн, которая также была членом комиссии по подготовке X съезда КСМК, членом ЦК КСМК десятого созыва, секретарем комитета комсомола Дацинских нефтепромыслов, Ян Лэ и Лю Хоумин — единственный, кто был в составе заместителей председателя ВКФМ 1965 г., то есть до «культурной революции». В составе Постоянного комитета из старого состава осталось 11 человек, то есть состав его обновлен на 80 %. Председателем ВКФМ избран Ху Цзиньтао, являющийся одновременно секретарем ЦК КСМК. Секретарем утвержден Каюм Баудун, одновременно являющийся заместителем председателя ВКФМ, секретарем ЦК КСМК, введенным в Секретариат ЦК КСМК на III пленуме ЦК в 1981 г.

В китайской печати приведены сведения о профессиональном составе заместителей председателя ВКФМ шестого созыва. В частности, Лю Хоумин — писатель, Ян Лэ — математик, Ли Фужун — тренер по настольному теннису, У Инфу — доцент, Ци Лююнь — бывший чемпион мира по плаванию, Сунь Цзячан — научный работник. В информации о новом руководстве ВКФМ подчеркивалось, что 60,4 % общего числа членов Постоянного комитета ВКФМ — лица со специальным и высшим образованием. Средний возраст членов комитета — 38 лет.

Впервые за тридцать последних лет на сессию ВКФМ были приглашены иностранные корреспонденты.

XX съезд Всекитайской федерации студентов

С 18 по 24 августа 1983 г., одновременно с заседанием ВКФМ, проходил XX съезд Всекитайской федерации студентов (ВКФС)²⁹.

В работе XX съезда федерации участвовало 665 делегатов и 18 человек с правом совещательного голоса. Они представляли 50 млн. студентов вузов и техникумов Китая.

В повестку дня съезда входили: отчет о работе руководящих органов; принятие нового устава; избрание руководящего состава федерации.

Съезд проходил под лозунгом «Еще выше поднять знамя патриотизма, воспитывать молодежь в духе сплоченности, быть передовиками в борьбе за расцвет китайской нации».

На съезд были приглашены руководители КПК и общественных организаций, среди них — Сун Жэньцун, У Сюцюань, Хань Саньчу и др.

Со вступительным словом к съезду обратился заместитель председателя Постоянного комитета ВКФС Юань Чуньцин, делегатов съезда приветствовали первый секретарь ЦК КСМК Ван Чжаоги и заместитель председателя научно-технического общества Китая Ван Шуньтун. С заключительным словом на съезде студентов выступил председатель Всекитайской федерации молодежи Ху Цзиньтао.

Отчетный доклад зачитал председатель Постоянного комитета ВКФС Линь Яньчжи. Он подвел итоги работы федерации за предыдущие четыре года, определил дальнейшие задачи. Главной задачей, по заявлению докладчика, остается осуществление «четырёх модернизаций» Китая. Линь Яньчжи призвал молодежь усердно учиться, овладевать научно-техническими и другими знаниями, воспитывать в себе высокие идеалы. Все это, как явствует из доклада, должно основываться на «патриотизме». Понятие «патриотизм» трактовалось как «правильное» применение сил и знаний студенческой молодежи для «быстрого преодоления отсталости» и осуществления «модернизированного строительства» Китая.

В частности, студенческую молодежь ориентируют приложить силы и знания в самых отсталых районах страны, «не бояться трудностей», что предполагает, как отмечалось в докладе, труд «на любом посту, где идет строительство родины». Такая ориентация направлена на преодоление нежелания грамотной молодежи отправляться на работу в отдаленные горные и неразвитые сельские районы КНР.

Доклад призвал студентов повышать научно-технические и общеобразовательные знания, развивать новаторство в студенческой деятельности, воспитывать таланты, пропагандировать «новые нравы» в обществе. Постановка этих вопросов на съезде не случайна: Китай ощущает острую нехватку грамотных специалистов в различных областях промышленности и сельского хозяйства, многие молодые люди лишены идеалов и учатся лишь для повышения личного благосостояния, имеют место многочисленные факты нарушения законов и дисциплины.

²⁹ Всекитайская федерация студентов была учреждена в 1919 г. и воссоздана в 1949 г. После «культурной революции» федерация возобновила свою работу в 1979 г. XIX съезд ВКФС прошел в мае того же года.

Линь Яньчжи призвал студенческую молодежь руководствоваться курсом партии в деле воспитания, твердо придерживаться линии на «три хорошо» (хорошо развиваться в моральном, физическом и умственном отношении).

Задачи ВКФС в главном полностью перекликаются с задачами ВКФМ, а именно спланировать и использовать свои знания для осуществления «четырёх модернизаций».

На съезде принят новый устав федерации. По сравнению с предыдущим он почти не увеличен — в нем 4 главы, 15 статей (в уставе 1979 г. — 4 главы, 12 статей). В основе принятого устава лежит ранее действовавший.

Из преамбулы устава исключено положение о том, что студентам необходимо «выше поднимать знамя марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна», и, таким образом, совершенно не упоминается об идеологической основе федерации. В первой статье говорится, что ВКФС «является организацией учащейся молодежи высших и средних учебных заведений, руководимой КПК». Напомним, что по старому уставу членами федерации могли быть только учащиеся вузов страны. То есть вновь, как это было до «культурной революции», в федерацию стали включаться школьники. Смысл данного изменения, видимо, сводится к тому, чтобы, включив учащихся средних школ, увеличить состав союза студентов (напомним, что в КНР студентов чуть более миллиона), иначе он не сможет оказывать того воздействия на молодежь, какое может оказывать союз, насчитывающий 50 млн. человек.

Одна из основных обязанностей члена ВКФС, по новому уставу, — «пропаганда и воспитание патриотизма и коммунизма», что отсутствовало в прежнем уставе. В новом уставе еще более подчеркнута руководящая роль партии в отношении федерации студентов. Более четко и подробно сформулированы основные цели и задачи федерации. Внесены уточнения относительно организационной структуры федерации.

Согласно уставу, ВКФС осуществляет систему коллективного членства. Высшим ее органом является съезд Всекитайской федерации студентов, срок полномочий которого увеличен с 4 до 5 лет. В период между съездами работой федерации руководит комитет, который согласно новому уставу, в период своих полномочий проводит как минимум три пленума. Это положение отсутствовало в уставе 1979 г. Комитет в свою очередь избирает коллективного члена — председателя и несколько коллективных членов — заместителей председателя ВКФС. Избранные коллективные члены выдвигают своего представителя в состав Президиума комитета, который руководит работой федерации в период между пленумами. Проведение в жизнь решений комитета ВКФС и вся текущая работа входит в функции Секретариата.

По существу, вся система организации федерации студентов в настоящее время подчинена, как и система организации ВКФМ, основной цели — «превращению Китая в модернизированное социалистическое государство».

На съезде был избран комитет ВКФС двадцатого созыва, в который вошло 182 коллективных члена. Коллективным членом-председателем стал Пекинский университет. По сравнению с предыдущим составом комитета произошло полное его обновление. Председателем комитета ВКФС двадцатого созыва был избран Лю Нэньюань. Другие 18 студентов избраны его заместителями.

24 августа 1983 г. состоялось совместное заседание комитета ВКФМ шестого созыва и делегатов XX съезда ВКФС, на котором с докладом выступил заместитель председателя КНР, член Политбюро ЦК КПК Уланьфу. Он подвел итоги работы этих двух форумов, подробно разъяснил понятие «патриотизм», призвал молодежь приложить все силы на выполнение «трех задач», выдвинутых Дэн Сяопином: осуществление социалистической модернизации страны, объединение родины, борьба против гегемонизма в защиту мира во всем мире.

* * *

В заключение следует отметить, что прошедшие в 1983 г. высшие форумы основных массовых общественных организаций КНР, как и состоявшийся в декабре 1982 г. съезд китайского комсомола³⁰, свидетельствуют о стабилизации организационных форм политической структуры общества с учетом опыта 50-х годов, но на основе новых политических установок, в центре которых стоят политика «четырёх модернизаций» и «китайский патриотизм».

³⁰ Информацию об XI съезде КСМК см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 2, с. 183—185.

О едином фронте Китая

Г. А. СТЕПАНОВА,
кандидат исторических наук

Народно-демократический единый фронт был сформирован накануне провозглашения КНР, и первая сессия Народного Политического Консультативного Совета Китая (НПКСК) сыграла роль учредительного собрания, провозгласившего 1 октября 1949 г. образование Китайской Народной Республики.

В период «культурной революции» НПКСК в отличие от профсоюзных, молодежных и женских организаций формально не подвергся роспуску. Требования хунвэйбинов распустить партии китайской буржуазии продолжались недолго. На информационном совещании ЦК КПК по вопросам политической работы в октябре 1966 г. Мао Цзэдун заявил: «Я считаю, что демократические партии и группировки лучше, чем Пэн, Ло, Лу, Ян (имелись в виду Пэн Дэгуай, Ло Жуйцин, Лу Диньи и Ян Шанкунь. — Г. С.). Демократические партии и группировки все еще нужны. Народный Политический Консультативный совет тоже еще нужен. Это нужно разъяснить хунвэйбинам».

Не будучи разгромленными, НПКСК и демократические партии с началом «культурной революции» практически бездействовали.

Отдельные сообщения об участии тех или иных деятелей демократических партий в различного рода протокольных мероприятиях стали появляться в китайской печати в начале 70-х годов. Начиная с визита в Китай президента США Никсона в 1972 г. использовались все случаи для демонстрации «активности» деятелей различных кругов, являющихся, как правило, членами демократических партий, хотя названия самих партий не упоминались.

В Конституции КНР 1975 г. появилась новая формулировка единого фронта — он назывался «революционным единым фронтом» вместо «народно-демократического», как прежде. Эта же формулировка была повторена и в Конституции 1978 г. Вскоре после смерти Мао Цзэдуна и устранения «четверки» были возрождены многие установки по единому фронту, существовавшие в 50-е годы. В декабре 1976 г. была опубликована статья Мао Цзэдуна «О десяти важнейших взаимоотношениях», датированная 1956 г., в которой, в частности, говорилось: «...Как мы теперь видим, лучше, пожалуй, иметь несколько партий. То же самое можно сказать не только о прошлом, но и о будущем, а это означает длительное сосуществование и взаимный контроль... Мы сознательно сохранили демократические партии»¹. Опубликование этой речи практически означало возвращение к политике сосуществования КПК с некоммунистическими партиями на длительный период времени. В статье по случаю наступления нового 1977 г. заявлялось, что необходимо «и дальше расширять революционный единый фронт»². В отчетном докладе XI съезду КПК в августе 1977 г. были повторены эти установки³.

Весной 1979 г. по указанию ЦК КПК с рабочих органов единого фронта, ведающих делами национальностей и религии, был снят ярлык «проводящие капитулянтскую, ревизионистскую линию», были приняты меры к исправлению положения, при котором «более 10 лет все было поставлено вверх ногами». В начале 1979 г. представителям бывшей национальной буржуазии был предоставлен ряд льгот: подлежали возврату конфискованные у них в период «культурной революции» вклады, облигации, материальные ценности, жилые дома, подлежали компенсации потери и недополученные суммы⁴. В специальных пунктах оговаривалась возможность использования их на предприятиях без какого-либо ущемления прав в вопросах оплаты в случае болезни, медицинского обслуживания и пр. Предусматривалась возможность для молодежи из этих кругов в отличие от прошлого вступать в ряды КСМК и КПК, получать образование и работу⁵. Циркуляр, принятый двумя отделами ЦК КПК — организационным

¹ Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 5. Пекин, 1977, с. 354—355.

² «Жэньминь жибао», 1. I. 1977.

³ См.: XI Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (Документы). Пекин, 1977, с. 124.

⁴ Выплата фиксированного процента на уровне 5 % годовых величины капитала, имевшегося у национальной буржуазии ко времени поотраслевого преобразования промышленности и торговли в 1956 г. — См.: В. И. В а н и н. Государственный капитализм в КНР. М., 1974, с. 196—212.

⁵ См.: «Жэньминь жибао», 26. I. 1979.

и единого фронта, обязывал парткомы заниматься вопросами трудоустройства бывших промышленников и торговцев, 1/5 которых, согласно официальным данным, еще являются трудоспособными⁶.

Как утверждается теперь, работа по единому фронту стала вновь разворачиваться после III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва, состоявшегося в декабре 1978 г. Действия в отношении единого фронта и его представителей на протяжении последних 20 с лишним лет называются теперь «левыми» ошибками, допущенными начиная со второй половины 1957 г. в результате проведения «ошибочной политической борьбы» в отделе единого фронта ЦК КПК в 1962—1964 гг., а также действиями «контрреволюционной группировки Линь Бяо и Цзян Цин» в период «культурной революции»⁷.

В отличие от прошлых лет единый фронт на современном этапе называется «единым фронтом в новый период». В ходе развернутой в последнее время в Китае кампании по изучению «Избранных произведений Дэн Сяопина» обсуждается и комментируется его выступление «Единый фронт в новый период и задачи НПКСК»⁸. Согласно приводимой формулировке Дэн Сяопина, «единый фронт... уже стал широким союзом социалистических тружеников и патриотов, поддерживающих социализм, руководимым рабочим классом, имеющим своей основой союз рабочего класса и крестьянства»⁹. Эта характеристика относилась к 1979 г. Через год в формулировке, принадлежащей ему же, находим изменения: «Революционный патриотический единый фронт нашей страны имеет небывало широкий характер, на основе социализма и патриотизма он еще более упрочился и развился. Мы должны и дальше усиливать широкое сплочение социалистических тружеников, патриотов, поддерживающих социализм, и патриотов, поддерживающих объединение родины...»¹⁰.

Как зафиксировано в Уставе НПКСК, принятом в 1982 г., единый фронт в Китае в настоящее время — это «широчайший патриотический единый фронт, руководимый Коммунистической партией Китая, в котором принимают участие демократические партии, беспартийные демократические деятели, народные организации, деятели из числа нацменьшинств и патриотические деятели из различных кругов, сформированный из социалистических тружеников, патриотов, поддерживающих социализм, и патриотов, поддерживающих объединение родины, включая соотечественников на Тайване, в Гонконге, Макао и китайцев за рубежом»¹¹. Можно видеть, таким образом, что в последних определениях единого фронта упор делается на том, что этот фронт — широчайший, а также на том, что он включает не только «социалистических тружеников», но и патриотов двух видов: «поддерживающих социализм» и «поддерживающих объединение родины». Специально указывается, что от соотечественников с Тайваня, Гонконга и Макао, а также от соотечественников за рубежом нельзя требовать поддержки социализма. Надо только, чтобы они «горячо любили родину, поддерживали объединение родины, и даже если они не одобряют социалистической системы, с ними также надо спланиваться»¹².

Если говорить о составе единого фронта, то согласно указаниям Генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана, в него включаются следующие 10 объектов: 1) демократические партии; 2) известные беспартийные деятели; 3) беспартийные кадровые работники из числа интеллигенции; 4) бывшие гоминьдановские военные и чиновники, перешедшие на сторону Китая; 5) бывшие промышленники и торговцы; 6) представители высших слоев из числа нацменьшинств; 7) патриотически настроенные высшие религиозные деятели; 8) семьи, уехавших на Тайвань; 9) соотечественники на Тайване, в Гонконге и Макао; 10) китайцы, вернувшиеся на родину, и китайцы, находящиеся за рубежом¹³. Эти 10 объектов работы единого фронта указывались в печати и в 1982 г.¹⁴ В 1983 г., сверх того, к ним стали причислять также частных промышленников и торговцев¹⁵.

В последнее время появились количественные оценки входящих в единый фронт представителей указанных выше категорий населения. Их насчитывается примерно 100 млн. человек¹⁶. Отмечается, что этот 100-миллионный контингент, представители которого имеются практически во всех слоях общества в стране и за ее пределами в китайских общинах, обладают «неоценимыми достоинствами и качествами». Как правило, это люди, имеющие богатые знания, навыки и опыт управления, широкие связи внутри страны и за рубежом, часть из них владеет капиталами и готова вкладывать их в Китае. Считается, что повышение их политического веса в стране, предоставление им различных льгот, подогревание их патриотических чувств может повысить

⁶ См. там же, 17. I. 1981.

⁷ «Хунши», 1983, № 7, «Жэньминь жибао», 19. VIII. 83.

⁸ См.: «Хунши», 1983, № 20.

⁹ Дэн Сяопин. Избранные произведения. Пекин, 1983, с. 173 (на кит. яз.).

¹⁰ Там же, с. 383.

¹¹ «Жэньминь жибао», 12. XII. 1982.

¹² «Хунши» 1983, № 20.

¹³ См. там же, 1983, № 7.

¹⁴ См. там же, 1982, № 9.

¹⁵ См. там же, 1983, № 7.

¹⁶ См. там же, 1982, № 9.

их активность и интерес к участию в жизни общества. В Уставе НПКСК записано, что «...на новом историческом этапе единый патриотический фронт... по-прежнему является важным чудодейственным средством в борьбе за сплочение китайского народа, строительство родины и объединение родины...»¹⁷ В Китае полагают, что с помощью единого фронта необходимо объединить все силы, которые можно объединить, привести в действие все позитивные факторы, превратить все пассивные факторы в активные с целью внесения «нового вклада в дело социалистического строительства, завершения объединения родины и защиты мира во всем мире»¹⁸.

О внимании к деятельности единого фронта свидетельствует проведение ЦК КПК ряда всекитайских совещаний и заседаний по работе единого фронта. Первое после «культурной революции» совещание в масштабах всей страны было проведено летом 1979 г. На нем были определены характер, курс и задачи единого фронта «на новый период». На другом всекитайском совещании, созванном в конце 1981 — начале 1982 г., о важности и долгосрочном характере единого фронта в новый период говорили Ху Яобан, Си Чжунсюнь, Уланьфу и другие китайские руководители, которые призвали всю партию создать новую обстановку в работе по единому фронту. В конце 1982 г. проводилось Всекитайское собеседование по вопросам единого фронта, на котором с докладом выступил заведующий отделом единого фронта ЦК КПК Ян Цзинжэнь. Весной 1983 г. отделом единого фронта ЦК КПК было организовано собеседование по вопросам теории единого фронта, в котором приняли участие представители 10 провинций и городов страны. В печати отмечается, что в течение трех последних лет Ху Яобан, Дэн Сяопин, Си Чжунсюнь, Сун Жэньцун и другие руководители КПК высказали много важных мнений по работе единого фронта, ими также сделано более 30 практических замечаний о политике единого фронта, в частности в отношении представителей бывшей буржуазной интеллигенции, демократических партий, бывших гоминьдановцев, религиозных кругов. В печати сообщалось, что важные указания о работе единого фронта были даны Ху Яобаном во время собеседования летом 1983 г.¹⁹

В последние годы проведены в жизнь такие меры в отношении представителей единого фронта, как повторная проверка и реабилитация «несправедливых, ложных и ошибочных дел», налаживание быта и трудоустройство лиц, ошибочно отнесенных в прошлом к «правым элементам», рациональное трудоустройство лиц, имеющих богатый опыт в хозяйственном управлении, расстановка и продвижение на руководящие посты в различных областях представителей интеллигенции и беспартийных деятелей и т. п.²⁰

Возобновлена практика организации собеседований и встреч руководителей ЦК КПК с деятелями единого фронта. Подобная практика существовала до «культурной революции». На таких консультативных встречах руководители партии и государства знакомят с проектами готовящихся решений и важных документов, с кандидатурами на руководящие посты накануне выборов и т. д. Так было, например, накануне V и VI пленумов ЦК КПК одиннадцатого созыва (в феврале 1980 и июне 1981 гг.), на которых принимались важные решения КПК; так было с проектом Конституции КНР в 1982 г.; подобное совещание было проведено накануне сессий ВСНП и НПКСК шестого созыва в мае 1983 г., такая же встреча была организована после II пленума ЦК КПК двенадцатого созыва в октябре 1983 г.

Свидетельством активизации деятельности единого фронта в стране является также возобновление регулярной уставной деятельности НПКСК, который представляет собой организационную форму единого фронта. Первая после «культурной революции» сессия НПКСК пятого созыва была проведена в начале 1978 г. Вопросы, связанные с ее созывом и проведением, а также кандидатуры в руководящий состав ПК ВК НПКС рассматривались на II пленуме ЦК КПК одиннадцатого созыва в феврале 1978 г.

После проведения 1-й сессии НПКСК пятого созыва сессии созывались ежегодно. Последняя, 5-я сессия пятого созыва состоялась в конце 1982 г. На ней был принят новый, ныне действующий Устав НПКСК. Решение о внесении существенных изменений в устав было принято еще на 3-й сессии ВК НПКС в сентябре 1980 г. С этой целью была создана представительная комиссия в составе 91 человека во главе с председателем ВК НПКС Дэн Сяопином. В докладе об изменениях в уставе, с которым на сессии выступил «по поручению председателя комиссии Дэн Сяопина» заместитель председателя ВК НПКС Лю Ланьтао, необходимость внесения изменений в устав 1978 г. объяснялась тем, что «...после разгрома контрреволюционной группировки Цзян Цин и особенно со времени III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва вслед за огромными изменениями в стране в области политики, экономики и культуры большое развитие получила деятельность НПКСК, работа по укреплению единого фронта и НПКСК вступила в новый исторический этап своего развития. Новая обстановка и новые задачи требуют отражения в уставе НПКСК». В докладе говорилось, что была проделана небывалая по масштабам работа по запросу мнений о внесении изменений в устав²¹.

Новый устав НПКСК 1982 г. был принят 11 декабря 1982 г. В нем указывается, что НПКСК является «организацией патриотического единого фронта народа Китая», «одной

¹⁷ «Жэньминь жибао», 12. XII. 1982.

¹⁸ Там же 5. VI. 1983; «Хунши», 1983, № 7, 20.

¹⁹ См.: «Жэньминь чжэнсебао», 17. VIII. 1983.

²⁰ См.: «Хунши», 1983, № 7.

²¹ См.: «Жэньминь жибао», 25. XI. 1982.

из важных форм проявления социалистической демократии в политической жизни», что КПК, следуя курсу «длительного сосуществования и взаимного контроля» с различными демократическими партиями и беспартийными деятелями, проводит консультации относительно политического курса государства и жизни народа и повышает роль этих партий в усилении демократического контроля над деятельностью государственного аппарата путем внесения предложений и критических замечаний. Как говорится в Общей программе устава, НПКСК будет и впредь развивать свою роль в ускорении социалистической модернизации, в объединении родины, включая Тайвань, в борьбе против «гегемонизма», за мир во всем мире. НПКСК, указывается в новом уставе, должен на основе патриотизма, поддержки руководства КПК и дела социализма прилагать все усилия к дальнейшему укреплению и развитию патриотического единого фронта. В Общей программе нового устава отмечается, что в социально-классовой обстановке произошли коренные изменения, подавляющее большинство людей, принадлежавших ранее к эксплуататорскому классу, уже стали трудящимися, живущими за счет собственного труда.

В новом уставе указывается, что члены НПКСК на основе добровольности изучают марксизм-ленинизм и «идеи Мао Цзэдуна».

В новом уставе более полно определены функции и задачи Всекитайского и местных комитетов НПКС, их взаимоотношения, принципы организации комитетов НПКСК на местах, организация специального собрания при Постоянном комитете ВК НПКС для ведения повседневной работы и т. д.

В целом новый устав НПКСК был скорректирован соответственно изменениям, происшедшим в Китае после смерти Мао Цзэдуна и устранения «четверки»: были сняты «левацкие» установки и лозунги, связанные с культом Мао Цзэдуна и «культурной революцией». Однако, как отмечалось, в числе основных задач НПКСК неизменно указывается «борьба против гегемонизма», под которым понимается и внешнеполитический курс СССР и других социалистических стран. Единый фронт ориентируется на построение мощного модернизированного государства и возвращение Тайваня.

Постоянным органом НПКС является Всекитайский комитет, который формируется из представителей КПК, демократических партий, беспартийных деятелей, народных организаций, тайваньских соотечественников, представителей нацменьшинств, соотечественников из Гонконга и Аомэня, а также специально приглашенных деятелей. Таким же образом создаются комитеты НПКСК на местах. Право на вступление в НПКСК имеют все партии и организации, одобряющие устав и получившие согласие ПК ВК НПКС. Отдельные лица с согласия и по приглашению ПК ВК НПКС также имеют право вступить во ВК НПКС. Срок полномочий ВК НПКС — пять лет. Сессии ВК НПКС проводятся один раз в год. Для ведения дел ВК НПКС создает Постоянный комитет, куда входят председатель, заместители председателя, начальник Секретариата и члены Постоянного комитета. Кандидатуры в члены ПК ВК НПКС выдвигаются путем консультаций с входящими в состав ВК НПКС демократическими партиями и организациями и избираются на сессии ВК НПКС.

В июне 1983 г. была проведена 1-я сессия НПКСК шестого созыва. Накануне, в конце апреля 1983 г., было объявлено решение ЦК КПК о снижении представительства членов КПК в составе ВК НПКС с 60 до 40 %²².

На открытии сессии присутствовало 1794 члена ВК НПКС, в их числе руководители КПК и Госсовета Дэн Сяопин, Ли Сяньнянь, Пэн Чжэнь, Вань Ли, Си Чжунсюнь, Ван Чжэнь, Вэй Гоцин, Уланьфу и др. На открытие и закрытие сессии приглашались главы дипломатических миссий в Китае и журналисты, аккредитованные в Пекине. В докладе дана характеристика состава Всекитайского комитета НПКС шестого созыва, освещена деятельность НПКСК пятого созыва. Особо подчеркивалось значение речи Дэн Сяопина на 2-й сессии НПКСК пятого созыва в июне 1979 г., в которой он «научно проанализировал коренные изменения в социально-классовой обстановке в стране, выявил характер, задачи, курс и политику единого фронта в новый период». В речи был выдвинут лозунг: «Развивать и укреплять великое сплочение и великое единство китайской нации». Специальные разделы были посвящены таким сторонам деятельности единого фронта, как работа с демократическими партиями, представителями интеллигенции, национальных меньшинств, в области религии и мирного объединения родины.

В принятой на сессии резолюции отмечалась небывало широкая представительность данной сессии. В ней говорилось: «Надежной гарантией развития и процветания нашего дела являются великое сплочение и великое единство китайской нации»²³, указывалось, что выдвинутый Ху Яобаном во время демократического консультативного совещания с представителями различных кругов накануне сессии лозунг «Не забывать о борьбе за сплочение, отдавать все силы делу развития китайской нации» является для НПКСК основным, руководящим курсом для работы в дальнейшем. Вступительная речь Дэн Инчао на сессии названа документом, важным для развития и упрочения патриотического единого фронта в новых условиях.

В резолюции указывалось, что в современной сложной международной обстановке НПКСК должен активно и инициативно разворачивать внешнеполитическую деятельность, полностью используя широкие связи и влияние демократических партий, на-

²² См.: «Жэньминь жибао», 26. IV. 1983.

²³ Там же, 23. VI. 1983.

родных организаций и деятелей различных кругов на международной арене. В резолюцию включена формулировка борьбы против «гегемонизма».

Председателем ВК НПКС вместо Дэн Сяопина была избрана член Политбюро ЦК КПК Дэн Инчао. Дэн Инчао принимала участие в работе ВК НПКС первого созыва в качестве члена его Постоянного комитета. В последние годы она занимала посты заместителя председателя ПК ВСНП, второго секретаря Центральной комиссии ЦК КПК по проверке дисциплины. Было избрано также 29 заместителей председателя ВК НПКС.

В Постоянный комитет ВК НПКС избрано 297 человек. Это самый представительный руководящий состав по сравнению с прошлыми созывами. Как отметила в заключительной речи Дэн Инчао, среди членов Постоянного комитета ВК НПКС удельный вес представителей демократических партий и патриотических деятелей различных кругов повысился до 64%, а доля представителей интеллигенции из области культуры превысила $\frac{1}{3}$, возросло число представителей от национальных меньшинств, соотечественников с Тайваня, из Гонконга, Макао, китайцев, находящихся за рубежом. В состав Постоянного комитета были введены 11 иностранцев, принявших китайское гражданство. Это деятели, работающие в области печати, народного образования и медицины, которые, как отмечалось в печати, «отдают все свои силы делу революции и строительства Китая»²⁴. Среди 29 заместителей председателя ВК НПКС нет представителей таких массовых общественных организаций страны, как Всекитайская федерация профсоюзов, комсомол Китая, Всекитайская федерация молодежи. Вместе с тем в руководящий состав ВК НПКС вошли пять крупных военных деятелей, хотя армия не является организационной единицей НПКС, три заместителя представляют одну из немногочисленных демократических партий — Революционный комитет гоминьдана.

Общее число членов ВК НПКС, как об этом говорилось во вступительной речи Дэн Инчао, составило 2039 человек. Увеличилось до 31 и число организационных единиц, принимающих участие в работе ВК НПКС. В состав ВК НПКС введены 18 представителей Всекитайской ассоциации дружбы с соотечественниками-тайваньцами и 44 «соотечественника из Гонконга и Макао»²⁵. Представительство от КПК, демократических партий и Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев не изменилось, если не считать незначительного увеличения мест для представителей партии Чжигундан — с 8 до 12 человек. Существенно не изменилось представительство от молодежных организаций: от КСМК — уменьшилось с 13 до 12 человек, ВМФ — увеличилось с 10 до 14 человек. Значительно увеличилось представительство «беспартийных демократических деятелей» — с 25 до 50, реэмигрантов — с 21 до 31, Всекитайской федерации профсоюзов — с 49 до 80, нацменьшинств — с 56 до 88, Всекитайской федерации женщин — с 42 до 74, религиозных деятелей — с 16 до 44. В несколько раз возросло число интеллигенции, работающей в области культуры и искусства, просвещения, медицины и здравоохранения, печати, общественных наук, сельского и лесного хозяйства.

Во Всекитайском комитете НПКС создано три комиссии (по учебе, изучению материалов культуры и истории и предложениям НПКСК) и 15 рабочих групп (по объединению родины, экономическому строительству, сельскому хозяйству, науке и технике, образованию, медицине и здравоохранению, физкультуре, иностранным делам, законодательству, делам женщин, национальностей, религии, китайских эмигрантов, изучению международных вопросов). К работе в группах привлекаются специалисты и разного рода деятели, не являющиеся членами НПКСК. За пять лет деятельности ВК НПКС пятого созыва рабочими группами выдвинуто и направлено в ЦК КПК и Госсовет много предложений по самым различным вопросам. В ходе работы 1-й сессии ВК НПКС шестого созыва ее участники также внесли более тысячи предложений.

Как отмечалось на последней сессии, на местах имеется довольно широкая сеть местных организаций НПКС. На конец 1982 г. их насчитывалось более 1800. Число членов НПКСК превысило 200 тыс.

К мероприятиям по активизации деятельности единого фронта в стране следует отнести также решение Секретариата ЦК КПК об издании с апреля 1983 г. печатного органа НПКСК «Жэньминь чжэнсебао». В этом издании освещается деятельность организаций единого фронта, пропагандируются курс и политические установки ЦК КПК в отношении единого фронта.

В состав единого фронта входят 8 демократических партий, а также Всекитайская ассоциация промышленников и торговцев. На съездах этих партий, проведенных после создания КНР, заявлялось, что они принимают руководство со стороны КПК и будут оказывать ей содействие в строительстве социализма. В качестве политической программы ими была принята Общая программа первой сессии НПКСК 1949 г. Со своей стороны КПК, в соответствии с установками VIII съезда КПК (1956), проводила курс на длительное сосуществование с демократическими партиями и использовала единый фронт для «воспитания и перевоспитания буржуазии, чтобы она своими знаниями служила делу социалистического строительства»²⁶. Деятельность демократических пар-

²⁴ «Жэньминь жибао», 23. VI. 1983.

²⁵ Всекитайская ассоциация дружбы с соотечественниками тайваньцами была создана в конце 1981 г. Перед ней поставлены задачи налаживания контактов с тайваньцами, оказания им всяческой помощи и пр. — «Жэньминь жибао», 23 и 28. XII. 1981.

²⁶ Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М., 1956, с. 195, 50, 447.

тий, как и НПКСК, в значительной степени была подорвана в результате борьбы с «правыми», проводившейся в стране с 1957 г., а затем в годы «культурной революции».

В 1979 г. впервые после «культурной революции» были проведены всекитайские съезды всех партий. На них были определены новые задачи, внесены изменения в уставы, избраны руководящие органы. Основными направлениями деятельности партий, как и единого фронта в целом, объявлялись активизация всех членов для осуществления программы «четырёх модернизаций» и воссоединение с Тайванем.

В конце 1983 г. снова были проведены всекитайские съезды демократических партий, в ряде случаев досрочные (например, съезд Общества «3 сентября»). На повестке дня были отчеты, внесение изменений в уставы и принятие новых уставов, выборы новых руководящих органов. В приветствиях съездам от имени ЦК КПК говорилось, что проходящее в стране упорядочение КПК является внутривнутрипартийным вопросом и от демократических партий не требуется проведения упорядочения своего стиля и организации²⁷. Социальной основой для создания этих партий послужили представители бывшей национальной буржуазии, городской мелкой буржуазии, другие непролетарские слои населения. Согласно нынешней трактовке, в «новый исторический период класс капиталистов перестал существовать как класс» и единый фронт, который «первоначально включал представителей национальной буржуазии», стал союзом «социалистических тружеников и патриотов, поддерживающих социализм, и патриотов, поддерживающих единство родины». «Социальная основа демократических партий, — как утверждается в печати, — непрерывно изменяется и развивается, и каждая из них по своему основному составу представляет собой в настоящее время «союз, объединяющий и представляющий часть социалистических тружеников и патриотов, поддерживающих социализм»²⁸. Согласно характеристике демократических партий, данной заведующим отделом единого фронта ЦК КПК Ян Цзингзнем, это «дружественные партии на службе социализма, тесно сотрудничающие с КПК», имеющие три преимущества: 1) они в большинстве своем состоят из представителей интеллигенции, многие из которых являются учеными и специалистами; 2) у них широкие связи с Гонконгом, Макао, Тайванем и границей; 3) они полны желания приложить силы для развития страны²⁹.

Существование в стране, помимо КПК, некомунистических партий используется как основание для заявлений китайских руководителей и выступлений в печати о том, что «многочастное сотрудничество» является «преимуществом и особенностью» политической системы Китая³⁰. Одновременно заявляется, что отношения между коммунистической и демократическими партиями не являются обычными отношениями между правящей и оппозиционными партиями, а являются отношениями сотрудничества и дружественных партий, при котором КПК играет руководящую роль³¹.

В конце 1983 г. эти партии насчитывали в своих рядах более 120 тыс. человек. Благодаря принятым мерам за последние годы их численность значительно увеличилась. Количественный состав некоторых из них превысил наивысший уровень в прошлом. Это относится, например, к Ассоциации содействия развитию демократии, Обществу «3 сентября», Лиге демократической автономии Тайваня.

Демократические партии имеют свои организации на местах: в 1983 г. насчитывалось 800 местных и более 5 тыс. низовых организаций.

Несмотря на малочисленность этих партий, они имеют значительное представительство в руководстве ВСНП и НПКСК в центре и на местах. Более 18 % депутатов ВСНП шестого созыва составили представители демократических партий. Члены демократических партий имеются среди заместителей председателя ПК ВСНП, заместителей председателя ПК СНП на уровне провинций, в числе вице-губернаторов провинций и мэров городов. Демократические партии и беспартийные деятели являются основной составной частью НПКСК. На их долю приходится почти 1/6 всех мест во Всекитайском комитете НПКС, более 3/5 мест в Постоянном комитете ВК НПКС, а среди 29 заместителей председателя ПК ВК НПКС 11 представляют руководящий состав шести демократических партий и Всекитайскую ассоциацию промышленников и торговцев. Члены этих партий занимают большое число руководящих постов в административно-управленческом аппарате, а также на многих крупных предприятиях. Почти половину членов общего собрания Академии наук Китая составляют члены демократических партий.

Подчеркнутое внимание было оказано этим партиям во время проведения XII съезда КПК. На нем с правом совещательного голоса были приглашены участвовать ответственные лица от демократических партий. В своих речах на XII съезде КПК Дэн Сяопин и Ху Яобан отметили роль демократических партий в жизни страны, заверили, что КПК и впредь будет осуществлять с ними долгосрочное сотрудничество.

Конкретно в состав единого фронта входят следующие партии:

Революционный комитет гоминьдана. Партия создана в 1948 г. из числа патриотических элементов гоминьдана. В настоящее время в ее рядах состоят бывшие гоминьдановские военные и чиновники. Принимаются меры к пополнению и омоложению состава партии. В настоящее время в партии насчитывается 18 тыс. членов.

²⁷ См.: «Жэньминь жибао», 9 и 10. XI. 1983.

²⁸ «Хунци», 1983, № 7; «Жэньминь жибао», 12. XII. 1982.

²⁹ См.: «Ляован», 1983 № 4.

³⁰ См. там же; «Жэньминь жибао», 5.VI.1983; «Beijing review», 7.XI.1983.

³¹ См.: «Хунци», 1983, № 7.

Основное направление деятельности партии — оказание содействия делу воссоединения Тайваня с Китаем. Совместно с другими партиями члены РКГ участвуют в работе в области просвещения и образования, организации предприятий бытового обслуживания и кустарной промышленности и пр.

РКГ имеет свой печатный орган — газету «Туаньцзе бао». Председатель ЦК РКГ Ван Куньлунь и два его заместителя — Цянь Чанчжао и Цюй У — являются заместителями председателя ПК ВК НПКС шестого созыва.

Демократическая лига Китая — самая крупная из демократических партий. Образована в 1941 г. Состоит в основном из интеллигенции, $\frac{2}{3}$ состава лиги — педагоги. В последние годы проводилась активная работа по увеличению численного состава партии. С 1980 г. в ряды лиги принято более 14 тыс. человек, свыше 70 % новых членов — молодежь и лица моложе 55 лет³². Главными сферами приложения сил членов лиги являются просвещение, образование, культура. Как сообщалось, членами Демократической лиги Китая организовано более 100 школ, где обучается 80 тыс. учащихся. Кроме того, члены лиги используются для оказания содействия делу воссоединения Тайваня с Китаем, как имеющие исторически сложившиеся связи и влияние в соответствующих кругах на Тайване.

Ассоциация содействия развитию демократии образована в 1945 г. Большинство членов ассоциации — деятели в области культуры и образования. Председатель ЦК ассоциации Чжоу Цзяньжэнь и его заместитель Е Шэнтао являются одновременно заместителями председателя ПК ВК НПКС. В ее рядах ныне 15 тыс. членов.

Ассоциация демократического национального строительства Китая создана в 1945 г. В ее составе в основном представители торгово-промышленных кругов и часть интеллигенции. Главным в деятельности ассоциации является «содействие ускорению социального модернизированного строительства». Характерно, что свою деятельность она осуществляет совместно со Всекитайской ассоциацией промышленников и торговцев. Согласно сообщениям печати, этими организациями создано несколько тысяч коллективных предприятий, где были трудоустроены десятки тысяч молодых людей; в 68 административных центрах страны созданы консультативные органы по вопросам экономического курса и политики, работы в торговле, трудоустройства, профессиональной подготовки молодежи; создано несколько сот специальных курсов и школ для профессиональной подготовки и пр.³³

Крестьянско-рабочая демократическая партия Китая создана в 1930 г., первоначально называлась «Временный комитет действий гоминьдана Китая». Нынешнее название получила в 1947 г. Основную массу членов партии составляют деятели в области медицины и здравоохранения. Так, согласно предложению членов этой партии совместно с Ассоциацией демократического национального строительства и Всекитайской ассоциацией промышленников и торговцев относительно развития китайской фармацевтики в Пекине был создан консультативный центр по китайской народной медицине, в 15 провинциях и городах страны организованы группы по повышению квалификации работников китайской фармацевтики³⁴. Партия насчитывает 13 700 членов.

Председатель ЦК партии Цзи Фан является заместителем председателя ТК ВК НПКС шестого созыва.

Партия «Чжунго Чжигундан» («Стремление к справедливости») включает в основном возвратившихся на родину китайских эмигрантов и членов их семей. Главное направление деятельности — установление связей и сотрудничество с соотечественниками в Гонконге, Макао, на Тайване и с китайскими эмигрантами за рубежом, содействие государственным органам, ведающим делами эмигрантов. Несмотря на малочисленный состав партии (в настоящее время 2200 человек), ее организации имеются в 14 административных единицах провинциального уровня, $\frac{1}{5}$ часть ее членов является депутатами ВСНП и СНП на уровне провинций, а также НПКСК на всекитайском или местном уровне.

Общество «3 сентября». Первоначальное название этой партии — «Демократическое научное общество». В сентябре 1945 г. было решено изменить название его на нынешнее в честь победы над Японией. Основной состав общества образуют представители высших и средних слоев интеллигенции, работающей в области науки и техники, образования и культуры. Численный состав партии сильно изменился в последние несколько лет: в 1978 г. он насчитывал около 4,5 тыс. человек, ко времени созыва VI Всекитайского съезда в нем было более 11 тыс. человек. О представительности и весомости этой партии в общественной и научной жизни страны говорят такие данные: каждый восьмой ее член — депутат СНП различных ступеней и член ВК НПКС, почти $\frac{1}{4}$ членов Академии наук Китая — члены Общества «3 сентября», 55 членов общества в 1982 г. получили государственные премии за успехи в области естественных наук, за различные изобретения и открытия.

Лига демократической автономии Тайваня основана в 1947 г. и объединяет в основном уроженцев Тайваня. Главным в ее деятельности является оказание содействия воссоединению Тайваня с Китаем.

Всекитайская ассоциация промышленников и торговцев создана в 1953 г. Объединяет в основном представителей из промышленно-торговых кругов. Совместно с Ассоциацией демократического национального строительства Китая ведет активную дея-

³² См.: «Beijing review», 7.XI.1983.

³³ См.: «Жэньминь жибао», 21.VII.1982; «Beijing review», 7.XI.1983.

³⁴ См.: «Ляован», 1983, № 10.

тельность, направленную на «ускорение социалистического модернизированного строительства», а также на «завершение дела объединения родины». Члены ассоциации используются в административно-управленческом аппарате.

В ряде случаев несколько демократических партий выступают совместно — в частности, в развернутой в 1983 г. кампании «интеллектуальной помощи приграничным районам», населенным в основном нацменьшинствами. Более 3 тыс. членов Революционного комитета гоминьдана, Демократической лиги Китая, Ассоциации содействия развитию демократии, Крестьянско-рабочей демократической партии Китая, Общества «3 сентября» направлены или будут отправлены на добровольных началах в районы нацменьшинств для чтения лекций, помощи в подготовке преподавателей учебных заведений, консультаций в области экономики и пр.

* * *

Подытоживая изложенное выше, можно сказать, что налицо явная тенденция к всемерной активизации деятельности единого фронта в Китае в последние годы, находящая свое выражение в самых различных формах — от совещаний по теории единого фронта до активного привлечения членов демократических партий и НПКСК к конкретной работе. Среди причин этого возросшего внимания к вопросам единого фронта можно указать следующие:

— этот политический союз в качестве дополнения к государственным органам и партийному аппарату является удобной формой связи с самыми различными прослойками населения, инструментом активной пропаганды и проведения политического курса;

— этот союз используется для осуществления контактов и налаживания сотрудничества с Тайванем с целью его воссоединения с Китаем;

— чрезвычайно удобным является он и в плане налаживания сотрудничества с зарубежными китайцами, которых, как известно, насчитывается за пределами Китая приблизительно 20 млн. и которых усиленно увлекают пропагандируемыми в последнее время лозунгами патриотизма и сплочения китайской нации с целью, в частности, привлечения их капитала.

— Демократические партии, общественные организации и беспартийные деятели в дальнейшем, вероятно, все активнее будут привлекаться для расширения сотрудничества и связей с зарубежными странами, в особенности со странами «третьего мира»³⁵.

³⁵ «Жэньминь жибао», 23. VI. 1983.

Страницы революционной борьбы на Дальнем Востоке

Г. И. Андреев. Революционное движение на КВЖД в 1917—1922 гг., Издательство «Наука», Сибирское отделение. — Новосибирск, 1983. — 141 с.

В истории героической борьбы трудящихся России на Дальнем Востоке за власть Советов против белогвардейцев и иностранных интервентов немало ярких страниц, связанных с революционной деятельностью пролетариата Китайско-Восточной железной дороги.

Революционное движение на КВЖД в 1917—1922 гг. — уникальное явление в истории Великой Октябрьской социалистической революции. Его уникальность состоит в том, что довольно большой отряд российского железнодорожного пролетариата (к началу 1917 г. обслуживанием КВЖД было занято свыше 50 тыс. российских рабочих и солдат) вел борьбу за власть Советов, находясь за пределами России. Важной особенностью революционной борьбы на КВЖД являлось также участие в ней китайских рабочих, занятых на обслуживании дороги (они составляли около половины всех работавших на дороге).

Хотя отдельные вопросы революционных выступлений русских железнодорожников на КВЖД, участия в них китайских рабочих в условиях почти полного захвата дорог империалистическими государствами Антанты и разгула здесь белогвардейщины затрагивались в литературе, однако эта важная тема еще не получила должного освещения. Вот почему заслуживает внимания книга Г. И. Андреева о революционном движении на КВЖД, выпущенная Сибирским отделением издательства «Наука».

В монографии рассматривается ход борьбы российского железнодорожного пролетариата за власть Советов в полосе отчуждения КВЖД, исследуются отношения русских и китайских рабочих в ходе революционных выступлений, раскрывается общность классовых целей и интересов трудящихся России и Китая, их интернациональная солидарность, показана роль рабочего класса КВЖД в процессе нормализации советско-китайских отношений в начале 20-х годов.

Достоинством книги является то, что революционные выступления трудящихся

КВЖД рассматриваются не изолированно, а в тесной связи с общим процессом борьбы за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке. Для исследования автор привлек значительное число документов и материалов из партийных и государственных архивов, мемуарную литературу, периодическую печать Харбина, Владивостока и Японии, что позволило ему дать аргументированные, развернутые характеристики рассматриваемых вопросов.

Начало самостоятельных выступлений рабочих КВЖД относится к периоду первой русской революции, когда они 26 ноября 1905 г. примкнули к забастовке железнодорожных служащих и рабочих России. В 1908 г. харбинские рабочие впервые провели первомайские митинги на КВЖД (с. 24—25).

Анализируя революционное движение на КВЖД в 1917 г. до победы Великого Октября в России, Г. И. Андреев выделяет в нем два этапа: первый — с марта по июнь, второй — с июля по ноябрь.

Первый этап характеризуется отсутствием на КВЖД организационно оформленных ячеек РСДРП(б), что негативно сказалось на деятельности возникших здесь после Февральской революции Советов рабочих и солдатских депутатов, а также различных общественных организаций.

На втором этапе революционного движения на КВЖД оформляются большевистские организации РСДРП. Так, в ходе острой борьбы между большевиками, меньшевиками и эсерами по основным вопросам деятельности Совета рабочих и солдатских депутатов в конце июля 1917 г. был создан большевистский партийный комитет из пяти человек. С этого времени в полосе отчуждения под руководством Харбинского партийного комитета начали создаваться социал-демократические организации РСДРП(б). Харбинские большевики установили связь с партийными организациями Дальнего Востока (с. 37).

Весть о победе Великой Октябрьской социалистической революции в России передовая часть рабочих и солдат КВЖД встретила как свое кровное дело и готова была выступить на ее защиту. Об этом было прямо заявлено харбинскими большевиками 30 октября 1917 г. в опубликованном обращении «Ко всем гражданам Маньчжурии» по поводу Октябрьской революции в России. 7 ноября в Харбине общее собрание рабочих Главных механических мастерских и революционно настроенных воинских дружин вынесло постановление о признании Советской власти в России (с. 42).

Однако борьба за установление Советской власти на КВЖД осложнилась грубым вмешательством империалистических

держав во внутренние дела русского населения полосы отчуждения, а фактически во внутренние дела Советской России. Представители США, Англии и Японии в Китае, предлагая помощь управляющему КВЖД генералу Хорвату в подавлении революционного движения, преследовали собственные корыстные цели: захват КВЖД или установление своего контроля над ней. В ноябре 1917 г. КВЖД становится яблоком раздора для империалистических держав. В то же время ей отводится роль заповедника русской контрреволюции, плацдарма для организации военных походов против молодого Советского государства.

На дальнейший ход борьбы за власть Советов на КВЖД большое влияние оказали непосредственные указания В. И. Ленина. 21 ноября 1917 г. в адрес Харбинского Совета рабочих и солдатских депутатов и Маньчжурской закупочной управы поступила подписанная им телеграмма, в которой четко и ясно говорилось о том, что власть в полосе отчуждения должна принадлежать Советам (с. 46).

Провозглашение Советской власти на КВЖД ни в коей мере не являлось нарушением суверенитета Китая и тем более не угрожало безопасности китайских и иностранных граждан. Опасность для китайских властей была в другом. Китайские капиталисты и помещики, как и буржуазия всех капиталистических стран, боялись, говоря словами В. И. Ленина, «...как бы искры нашего пожара не перепали на их крыши»¹.

Китайское правительство милитаристов и феодалов, испытывая давление со стороны империалистических держав, превративших Китай в полуколонию, отказалось от признания Советской России. Более того, 13 декабря 1917 г. китайские войска были введены в Харбин, где они совместно с белогвардейцами разоружили русские революционные дружины, разгромили Совет рабочих и солдатских депутатов.

В результате антисоветской акции китайских милитаристов власть в Харбине и полосе отчуждения перешла в руки белогвардейцев. Пекинское правительство одним из первых встало на путь экономической блокады Советского государства. 6 января 1918 г. китайские таможи получили распоряжение не пропускать никакие товары в Советскую Россию (с. 57).

Анализируя падение Советской власти на КВЖД, Г. И. Андреев приводит следующие обстоятельства. Так, Советская власть здесь была провозглашена раньше, чем во Владивостоке, Хабаровске и Чите. Поэтому рабочие и солдаты КВЖД могли рассчитывать лишь на собственные силы и поддержку китайских рабочих.

К декабрю 1917 г. значительная часть рабочих еще находилась под влиянием меньшевиков и эсеров, которые своей предательской политикой усиливали позиции местной контрреволюции, обратившейся за помощью к империалистическим державам.

Положение усугублялось колебаниями и медлительностью руководства харбинских большевиков, что дало контрреволюции выиграть во времени.

Главная же причина падения Советской власти на КВЖД — вооруженное вмешательство в дела русского населения дороги империалистических держав, использовавших для этого китайских милитаристов.

Оказавшись после падения Советской власти в очень трудных условиях, пролетариат КВЖД не прекратил борьбы. Под руководством ушедших в подполье большевистских организаций трудящиеся КВЖД повели борьбу против белогвардейцев и иностранных интервентов в защиту Советской власти в России. Не имея возможности сражаться с оружием в руках, железнодорожники КВЖД применяли испытанное средство — забастовку. В 1918—1919 гг. рабочие на КВЖД провели две крупные всеобщие забастовки, которые нанесли чувствительные удары по контрреволюции и интервентам в Сибири и на Дальнем Востоке: в сентябре 1918 г. дорога была выведена из строя на 12 дней, а в июле — августе 1919 г. — на 30 дней. Кроме этого, в течение 1918—1920 гг. рабочие провели несколько забастовок продолжительностью от одного до трех дней (с. 118).

Администрация дороги обрушивала жестокие репрессии против бастующих. В сентябре 1918 г. командование войск интервентов приняло решение подавить забастовку русских рабочих при помощи американских солдат, из которых было сформировано 60 паровозных и кондукторских бригад для замены забастовщиков (с. 77—78).

Большое внимание в книге уделяется работе большевиков по укреплению международных связей с китайскими рабочими, занятыми обслуживанием КВЖД. Необходимо было привлечь китайских рабочих на свою сторону в борьбе против белогвардейцев и интервентов — общих врагов трудящихся.

Харбинские большевики развернули активную агитационную и пропагандистскую работу в среде китайских рабочих, причем не только устную, но и письменную. В период подготовки к празднику 1 Мая 1918 г. впервые на китайском языке были написаны воззвания и плакаты революционного содержания (с. 70). Участие в первомайской демонстрации китайских рабочих, которые прошли в колонне в национальных костюмах со своим оркестром, предотвратило расправу над демонстрантами со стороны белогвардейских карателей.

В решении Дальневосточного комитета РКП(б) от 22 июня 1919 г. «О тактике коммунистов на Дальнем Востоке» наряду с указаниями по разрушению транспорта, военной промышленности и всего аппарата государственной власти Колчака в качестве важнейшей задачи выдвигалась «агитация среди иностранных войск и восточных народов» (с. 81).

Следуя этим указаниям, харбинские большевики сумели в июле 1919 г. привлечь к активному участию в забастовке китайских рабочих, а у китайского населения и значительной части китайских солдат, нахо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 324.

дившихся на КВЖД, вызвать сочувственное отношение к забастовке.

В одной из листовок стачечного комитета, обращенной к китайским рабочим, говорилось: «...Забыв различия наших национальностей, будем действовать дружно и твердо, в полном единении и солидарности, за наше общее дело, за наши общие интересы» (с. 83—84).

В последующих выступлениях рабочие КВЖД стремились заручиться поддержкой китайских пролетариев. Так, Объединенная Конференция профессиональных, политических и общественных организаций — официальный орган власти, представлявший интересы всего русского населения полосы отчуждения, — в марте 1920 г. обратился с воззванием к железнодорожникам о проведении забастовки с целью свержения белогвардейской администрации КВЖД. В этом документе содержалось обращение к китайским трудящимся: «Китайские рабочие, к вам обращаются ваши русские товарищи! Вы понимаете, что наши нужды и требования справедливы и своевременны. Мы обращаемся к вам с призывом поддержать нас в нашей борьбе. Вы были верными товарищами, работая рука об руку с русскими железнодорожниками, и это убеждает нас, что среди вас не найдется предателей дела русских рабочих. Забастовка продолжается до полного удовлетворения, без всяких уступок!».

Совместные выступления русских и китайских рабочих на практике демонстрировали пролетарскую солидарность трудящихся различных наций в борьбе против их общего врага — эксплуататоров.

После разгрома белогвардейцев и интервентов в Сибири и на Дальнем Востоке и образования Дальневосточной республики трудящиеся КВЖД под руководством большевиков внесли большой вклад в начавшийся процесс нормализации отношений между РСФСР и ДРВ, с одной стороны, и Китаем — с другой. Трудящиеся КВЖД решительно выступали против попыток империалистических стран установить свой контроль над дорогой. Немалую роль сыграли трудящиеся полосы отчуждения в благоприятном для Советского государства и Китая разрешении проблемы КВЖД в 1924 г.

Книга Г. И. Андреева о революционном движении на КВЖД в 1917—1922 гг. раскрывает новые страницы героической летописи борьбы за Советскую власть на Дальнем Востоке, явившейся подтверждением универсальности ленинской теории социалистической революции, ярким примером проявления пролетарского интернационализма на практике.

*Б. Н. ГОРБАЧЕВ,
кандидат исторических наук*

Незабываемое в истории

- В небе Китая. 1937—1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев.—М., 1980.—380 с.; В. И. Чуйков. Миссия в Китае. Записки военного советника.—М., 1983.—270 с.; И. Стражева. Там течет Янцзы. Воспоминания. М., 1983, 143 с.

«Не забывай прошлого — оно учитель будущего», — гласит китайская пословица. Но прошлое многообразно. Оно может стать подлинным учителем будущего, если память о нем ведет к верной, отвечающей тенденциям исторического развития оценке минувших событий. В противном случае воспоминания о былом могут вести лишь к ретроградству, к реакционным мечтаниям, которые никогда не приносили народам добра.

Ход истории, в том числе истории международных отношений, сложен, противоречив, а порой просто причудлив. Во все времена прогресс человеческого общества, об-

условленный объективными закономерностями его развития, сопровождался не только скачками вперед, но и попятными движениями. К сожалению, эта особенность истории не обошла китайско-советские отношения даже в период, когда они стали отношениями стран, входящих в одну мировую социально-экономическую систему.

Годы широкого развития дружественного сотрудничества между КНР и СССР, как известно, сменились напряженностью в их отношениях. Противостоятельность этого факта с точки зрения интересов социализма, к счастью, постепенно начинают понимать и в Пекине. Об этом свидетельствуют определенные позитивные сдвиги в советско-китайских отношениях, наметившиеся в последнее время, и заявления руководителей КНР. В частности, Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан в одном из интервью сказал: «Нормализация отношений между Китаем и Советским Союзом отвечает коренным интересам китайского и советского народов и коренным интересам народов всего мира... Я не согласен с мнением о том, что старая вражда между Китаем и Советским Союзом очень глубока и ее сразу трудно устранить»¹.

Это высказывание примечательно, помимо всего прочего, подходом к вопросу о

¹ «Жэньминь жибао», 21.II.1983.

том, что в прошлом действительно существовало и может быть истинно полезным для будущего, от какого наследия истории следует отказаться, а какое приумножить.

Пронсходящее в последнее время сближение оценки китайской стороной значимости улучшения отношений между КНР и СССР с советской оценкой — обнадеживающий симптом. Нельзя в связи с этим не отметить также вновь появляющиеся в китайской печати после долгого перерыва добрые слова о боевом братстве двух народов в борьбе против империализма, об их сотрудничестве в революции и строительстве социализма.

В КНР по сей день широко популяризируются призывы: «Ставить историю на службу современности». К сожалению, этот призыв давно уже на практике работает в направлении, противоположном тому, по которому объективно продолжает продвигаться китайское общество. Негативный характер указанной практики особенно четко проявляется в сфере внешних отношений КНР, создавая серьезные препятствия процессу нормализации и развитию ее связей со странами социализма, в первую очередь с СССР.

Что касается советской стороны, то неотъемлемым элементом ее позиции, проникнутой беспокойством за настоящее и будущее отношений двух народов и государств, всегда было стремление отстоять и защитить все то подлинно прогрессивное, все то позитивное в истории этих отношений, что и сегодня служит интересам борьбы за социалистические и коммунистические идеалы. Даже в самые сложные и трудные периоды в отношениях с КНР КПСС и Советское государство твердо держали курс на восстановление добрососедства с этой страной, широко и интенсивно продолжали работу по воспитанию советского народа в духе высоких интернационалистических принципов солидарности с китайским народом. «...Остаются неизменными наши чувства уважения и дружбы к китайскому народу», — подчеркнул XXVI съезд КПСС².

Существенным вкладом в эту работу явилось издание серии мемуаров, написанных советскими участниками китайской революции и строительства нового Китая. В последние годы серия эта пополнилась еще тремя книгами³.

Авторами сборника «В небе Китая» являются пятнадцать советских ветеранов войны сопротивления китайского народа японской агрессии (1937—1945). Сборник открывает вступительная статья, дающая обзор положения Китая в первые три года войны, раскрывающая роль и значение политики СССР в отношении этой страны, в особенности значение советской военной мо-

щи в срыве китайским народом плана «молинической войны», разработанного японскими милитаристами. Эта широкая по масштабам и разнообразная по формам помощь была тем более ценна для Китая, что он в начале антияпонской войны практически не получал реальной поддержки ни от одной другой страны.

В рамках военной помощи борющемуся Китаю особенно важное значение имели поставки советской боевой авиационной техники и участие советских летчиков-добровольцев в воздушных сражениях. Дело в том, что в начале войны 1937—1945 гг. Китай практически потерял почти все свои боевые самолеты. Японские воздушные пираты безнаказанно хозяйничали в небе Китая. «От бомбардировок особенно пострадали крупные города, — вспоминает Герой Советского Союза генерал-полковник в отставке Ф. П. Полюнин. — Зажигательные бомбы вызвали многочисленные пожары, и люди гибли тысячами в огне. Японская авиация буквально деморализовала население и войска. Советский Союз протянул своему дальневосточному соседу руку помощи. Советские летчики-добровольцы, прибывшие в Китай в конце 1937 г., способствовали резкому изменению положения. У китайского народа появился в воздухе не только надежный щит, но и разящий меч» (с. 29).

Страна Советов направила в борющийся Китай опытных авиационных командиров и умелых боевых летчиков. Организаторами действий китайской авиации были такие выдающиеся советские военачальники, как П. Н. Анисимов, П. Ф. Жигарев, Ф. П. Полюнин, А. Г. Рытов, П. В. Рычагов, Г. И. Тхор, Т. Т. Хрюкин и др.

Многие из них обладали богатым практическим опытом ведения воздушных боев. В частности, комбриг П. В. Рычагов до прибытия в Китай воевал в Испании и имел на своем счету 20 сбитых фашистских самолетов. За проявленный героизм при исполнении интернационального долга он был удостоен звания Героя Советского Союза. С японскими воздушными пиратами сражались в китайском небе известные советские авиаторы А. С. Благовещенский, А. А. Губенко, Г. Н. Захаров, К. К. Коккинаки, Г. П. Кравченко, Г. А. Кулишенко, С. П. Супрун и др. Сотни летчиков-добровольцев, проявивших самоотверженность и отвагу в воздушных сражениях, были награждены китайскими и советскими орденами. 14 из них стали Героями Советского Союза.

К 1940 г. Япония потеряла в Китае почти тысячу самолетов. От первоначального практически безраздельного господства японской авиации в китайском небе не осталось и следа. Этим в огромной мере Китай обязан самоотверженности советских летчиков-добровольцев, составлявших основную и самую активную часть кадров его боевой авиации в первые годы антияпонской войны. Более двухсот советских летчиков остались лежать в китайской земле. Память о героях, погибших при исполнении интернационального долга, жива не только на Родине, но и в Китае. По сей день их могилам люди разных поколений

² Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 11.

³ В подготовке рецензируемых изданий, как и ряда других книг серии, деятельное участие принял кандидат исторических наук Ю. В. Чудодеев, многие годы посвятивший организации издания мемуарной литературы, относящейся к новейшей истории Китая.

приносят цветы, склоняют головы перед светлой памятью погибших.

Сборник «В небе Китая» содержит воспоминания, большая часть которых публикуется впервые. Авторы повествуют о том, что каждый из них пережил в Китае, главным образом о боевых буднях, о героических подвигах советских и китайских соотечественников, о взаимоотношениях с местным населением и с гоминьдановским командованием. Через все воспоминания красной нитью проходит мысль о неразрывной связи интересов мировой страны социализма и народов, борющихся против империализма, за свою независимость. Понимание этой связи советскими летчиками-добровольцами как раз и выражалось в том, что они сражались в небе Китая с той же полной самоотдачей, с какой защищали потом и небо своей Отчизны в годы фашистского нашествия. Воспитанные в духе пролетарского интернационализма, они и не могли действовать иначе.

Высокий моральный и боевой дух советских летчиков-добровольцев резко контрастировал с настроениями, царившими среди волонтеров из стран Запада. Об их «деятельности» вспоминает, в частности, Л. П. Прокофьев. «Кучка летчиков-волонтеров из Англии, США и других капиталистических стран прибыла в Китай в надежде разбогатеть. Эти «защитники» не искали боя, а предпочитали вообще не подниматься в воздух, отсиживались на тыловых аэродромах, развлекались, собирали сувениры и делали бизнес». А. П. Прокофьев отмечает также, что деморализованные катастрофическими потерями в первых воздушных боях с японцами «некоторые китайские летчики выводили из строя самолеты, не желая подвергать свою жизнь опасности» (с. 203).

Сорвав с японских асов ореол непобедимости, советские летчики во многом способствовали укреплению боеспособности китайского летного состава, обучением которого занимались главным образом советские инструкторы. Подготовленные ими китайские летчики достойно проявили себя в совместных с советскими добровольцами воздушных операциях и составили костяк кадрового состава военно-воздушных сил Китая после отъезда советских добровольцев на родину в 1941 г.

Если воспоминания советских летчиков-ветеранов антияпонской войны китайского народа живо и ярко воскрешают картины боевого сотрудничества двух соседних стран, так сказать, на тактическом уровне, то мемуары дважды Героя Советского Союза маршала В. И. Чуйкова — на стратегическом.

Уже будучи командующим армией, В. И. Чуйков в конце 1940 г. получил назначение в Китай на должность военного атташе, а затем и главного военного советника при главнокомандующем китайской армии. Это была его третья командировка в Китай. Еще в 1926 г. В. И. Чуйков, слушатель восточного факультета Военной академии им. Фрунзе, побывал в этой стране на практике, которую сочетал с выполнением обязанностей дипкурьера. По окончании учебы, осенью 1927 г., он, как и

ряд других выпускников факультета, был командирован в качестве советника для работы в китайских войсках, находившихся под влиянием компартии Китая. «По роду своей деятельности, — вспоминает маршал, — я много ездил по стране. Мне довелось побывать в районах Пеккина, Тяньцзиня, в провинции Сычуань, я исколесил почти весь Северный и Южный Китай, научился довольно бегло говорить по-китайски» (с. 28). Профессиональная кишеведческая подготовка во многом помогла В. И. Чуйкову успешно справиться со своими многообразными и сложными задачами главного военного советника в Китае.

В мемуарах маршала содержится глубокий и подробный анализ военной и политической обстановки в этой стране, раскрывается сложное и противоречивое переплетение интересов противоборствующих сил как внутри, так и вокруг нее. Через призму своей повседневной деятельности в качестве главного военного советника В. И. Чуйков показывает, как Советское государство в труднейшей международной обстановке на рубеже 30—40-х годов осуществляло политику противодействия расширению агрессии держав антикоммунистического пакта, как изменяющаяся обстановка в мире влияла на ход войны в Китае, какие новые осложнения это вносило в дело оказания помощи борющемуся китайскому народу. «Особенно сложной задачей, — пишет В. И. Чуйков, — было удержать в борьбе с японцами единый фронт партии и войск гоминьдана (Чан Кайши) и Коммунистической партии Китая (Мао Цзэдун), между которыми в начале 1941 г. уже начались военные действия, спровоцированные Чан Кайши и его контрреволюционными генералами...» (с. 5). Тому, как решалась эта задача, и посвящены интереснейшие страницы мемуаров.

Книга В. И. Чуйкова, детально освещая положение с единым фронтом в Китае, дает исчерпывающий ответ на вопрос о том, почему эта огромная страна не смогла стать непреодолимой преградой на пути расширения японской агрессии, хотя китайские вооруженные силы при всех их слабостях и в конце 30-х, и в начале 40-х годов были способны вести активные военные действия, опираясь на широкую и многообразную помощь СССР, в том числе на помощь высококвалифицированными военными советниками. А они сыграли выдающуюся роль в успешных оборонительных и, к сожалению, редких наступательных операциях китайских войск в 1938—1941 гг. «При нашей советнической помощи, — пишет В. И. Чуйков, — китайские войска в 1941 г. отбили атаки японцев на всех фронтах» (с. 261).

«Миссия в Китае» — это книга, написанная человеком, который не только был выдающимся полководцем, обладающим широким военно-стратегическим и политическим кругозором, но и способным литератором. Именно поэтому она представляет интерес как для специалистов по истории дальневосточной политики, так и для самого массового читателя.

Переходя к последнему из трех рецензируемых изданий, хотелось бы подчеркнуть,

что книга И. Стражевой стоит несколько особняком в довольно обширной советской мемуарной литературе о Китае, а точнее говоря, о советско-китайском сотрудничестве. Тысячи советских людей многие годы работали в народном Китае, многое из увиденного и пережитого в этой стране до сих пор свежо в их памяти.

Воспоминания И. Стражевой — это яркий рассказ о совместной работе с китайскими коллегами — учеными и преподавателями ряда авиационных институтов, о встречах с инженерами и рабочими предприятий авиационной промышленности КНР, который подкупает своей искренностью, неиссякаемой верой в историческую закономерность добрососедства и сотрудничества двух великих народов. Страницы воспоминаний И. Стражевой живо воскрешают ту атмосферу доверия и дружбы, которая царил в советско-китайских отношениях в первый период существования КНР.

Небольшая по объему книга И. Стражевой содержит множество интересных фактов, живописно поданных впечатлений о китайской старине, о тогдашней жизни, заботах и чаяниях китайских тружеников, будь то в Пекине, Шэньяне, Сиани или на берегах Янцзы.

Где бы ни побывала И. Стражева во время своей годичной командировки в Китай, она видела обстановку всеобщего творческого и трудового подъема, вызванного перестройкой жизни великого народа на новых социальных началах. Неотъемлемым элементом в картине этого подъема была животворная советско-китайская дружба, с развитием которой трудящиеся массы народного Китая связывали и нарождающуюся социалистическую новь и ее будущий расцвет.

Для народов, вдохновляемых социалистическими и коммунистическими идеалами, нет ничего более естественного, чем идти рука об руку, сотрудничать во имя достижения общей цели. Это ускоряет, делает более надежным и стабильным продвижение к ней. Время убедительно подтвердило

неоценимую значимость сплочения международных социалистических сил и в борьбе с классовым противником, и в строительстве нового общества. В частности, в Китае теперь признают, что годы первой пятилетки, когда строительство социализма на китайской земле осуществлялось при тесном сотрудничестве с братскими странами, были периодом самого успешного и здорового развития страны за все тридцать с лишним лет существования КНР.

Со страниц книги И. Стражевой предстает перед читателем Китай середины 50-х годов, Китай, сделавший немалые шаги по пути социального прогресса, Китай, устремленный в социалистическое будущее, Китай, впервые во всей возможной полноте познавший и оценивший плодотворную силу дружбы с братскими странами социализма и в первую очередь с Советским Союзом.

Автор вспоминает об этой дружбе отнюдь не как о чем-то безвозвратно ушедшем. От начала до конца ее книга пронизана уверенностью в том, что отношения СССР и Китая в 50-е годы — это та незабываемая страница прошлого, которая дает единственно верную ориентировку на будущее.

Все три рецензируемые книги уже нашли и, несомненно, найдут еще немало своих заинтересованных читателей в самых разных кругах советской общественности. Они не могут не привлечь внимания всех, кто стремится расширить свои знания о Китае, о содержании важных периодов новейшей истории отношений наших двух стран в том виде, как оно преломилось в жизни и восприятии советских людей — непосредственных участников освободительной борьбы китайского народа и строительства основ социализма на китайской земле.

В этих книгах прошлое прямо переключается к современности, они позволяют глубже понять и то, и другое.

А. Г. ЯКОВЛЕВ,
доктор исторических наук

Рабочее движение в Китае

.....
Т. Н. Акатова. Рабочее движение в гоминьдановском Китае. 1927—1937 гг. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1983, 272 с.
.....

Выявление конкретно-исторической роли пролетариата колониальных и зависимых стран на различных этапах революционного процесса входит в число центральных проблем советского востоковедения. Исследованию этой общенсторической проблемы на китайском материале посвящена обширная

литература, насчитывающая сотни названий¹. Последние годы ознаменовались расширением тематики и углублением подхода к изучению истории рабочего движения в Китае, вышли в свет монографии В. Г. Гельбраса, С. А. Горбуновой, А. И. Каргуновой, В. И. Хорькова, несколько сборников документов. В то же время советской историографии недостает обобщающих трудов по истории китайского рабочего движения в период демократической революции 20-х—40-х годов. На этом фоне заметным явлением стал капитальный труд доктора исторических наук Т. Н. Акатовой, представляющий собой первое в советской и мировой

¹ См.: Л. А. Кувшинникова. Рабочее движение в Китае, 1917—1949. Указатель источников и литературы на рус., кит. и западно-европ. яз., опубл. в 1917—1978 гг. М., 1982.

синологии комплексное монографическое исследование всех основных аспектов рабочего движения в период так называемого «нанкинского десятилетия» (1927—1937).

Обращение автора к периоду 1927—1937 гг. особенно актуально потому, что именно это время отмечено перебазируанием основных сил Компартии Китая из города в деревню, ее прогрессирующим отрывом от рабочего класса, с одной стороны, и наибольшими успехами национал-реформистской рабочей политики гоминьдана — с другой. Важно также отметить, что анализ проблем собственно рабочего движения проведен автором в тесной связи с общими проблемами китайской революции и всего исторического развития Китая в новейшее время. Системный подход автора к конкретному историческому исследованию позволил ему прийти к выводам, значение которых далеко выходит за рамки темы и периода. Этому способствовало и то, что написанию рецензируемого труда предшествовала многолетняя работа автора над проблемами китайского рабочего движения в 20-е годы. Поэтому хотя монография формально ограничена хронологическими рамками «нанкинское десятилетия», в ней фактически аккумулярованы результаты тридцати лет самостоятельных исследований автора в области китайского рабочего движения 20-х и 30-х годов. Это дает основание считать исследование Т. Н. Акатовой также и первым обобщающим трудом по истории китайского рабочего движения вообще.

Исследование Т. Н. Акатовой выполнено на фундаментальной источниковедческой базе. Автором кропотливо изучены многочисленные китайские первоисточники, в большинстве своем впервые вводимые в научный оборот (в частности, материалы нанкинского архива), а также практически вся доступная литература на китайском, английском и русском языках, прямо или косвенно относящаяся к теме исследования. Автором в равной мере использованы, проанализированы и сопоставлены источники, исходившие от противоборствующих политических сил — КПК и гоминьдана, дававших поэтому, как правило, диаметрально противоположные оценки процессов в рабочем движении. Сопоставление и перекрестная проверка противоречивых источников позволили автору избежать нередко еще встречающейся в исследованиях подобного рода односторонности и дать достаточно взвешенную, научно объективную картину изучаемых событий.

В советской и особенно в зарубежной историографии довольно прочно утвердилось представление о том, что главной ареной революционной, освободительной борьбы в Китае в рассматриваемый период была деревня и что основными причинами отрыва КПК от рабочего класса были резкий спад социально-политической активности пролетариата, глубокая депрессия и полная дезорганизация рабочего движения. Вместе с тем при освещении рабочей политики гоминьдана в нашей литературе основной акцент обычно делался на репрессивных аспектах этой политики.

Исследования Т. Н. Акатовой, обобщенные в рассматриваемом труде, вносят весьма

существенные коррективы в имеющиеся представления о ходе общественно-политической борьбы в период «нанкинского десятилетия» и особенно о роли рабочего класса в этой борьбе.

Одна из основных проблем, исследуемых в монографии, — это соотношение национальных и социальных аспектов рабочего и общереволюционного движения в Китае. Вывод автора сводится к тому, что как в 20-е, так и в 30-е годы рост национального сознания китайского пролетариата намного опережал рост его классового сознания и что во всех основных политических выступлениях рабочего класса наблюдается явное преобладание национальных мотивов, в то время как собственно классовая борьба пролетариата не выходила, как правило, за рамки ограниченных экономических требований. Не оспаривая указанного вывода по существу, хотелось бы все же заметить, что в действительности здесь скорее имели место неразчлененность, слитность национального и классового сознания пролетариата, выявление и развитие его классового самосознания преимущественно через национально-освободительную борьбу. Подобное предположение вполне согласуется с приводимой в монографии характеристикой рабочего класса дореволюционного Китая как социального конгломерата с чрезвычайно сложной внутренней структурой, с абсолютным преобладанием рабочих, связанных с зачаточными и начальными формами капиталистического производства и с докапиталистическими традиционными промыслами. Слабо выраженная классовая дифференцированность основной массы китайского пролетариата подтверждается и данными новейших исследований социальной структуры дореволюционного Китая, полученных рядом других советских китаеведов (В. Г. Гельбрасом, А. В. Меликсетовым, А. С. Мугрузиным и др.).

В книге на многих примерах показана политическая разобщенность рабочего движения как следствие социальной неоднородности пролетариата (побойше между рикшами и работниками трамвая, стычки между профсоюзами, отчужденность между постоянными и временными рабочими в угольных коях и др.). Эти и другие слабые стороны китайского рабочего движения давали гоминьдану дополнительную возможность выступать в роли «надклассового» арбитра и обрабатывать рабочие массы в национал-шовинистическом духе.

В свете сказанного выше особенно важен вывод автора о том, что китайский рабочий класс, несмотря на резко ухудшившиеся условия его борьбы, и в 30-е годы сумел в ряде случаев выступить в качестве авангардной ударной силы национально-освободительного движения. Вместе с тем исследователем Т. Н. Акатовой решительно опровергаются известные концепции об утрате китайским городом и рабочим классом своих революционных потенций после революции 1925—1927 гг. Как показано в монографии, китайское рабочее движение в 30-е годы оставалось весьма существенным фактором национально-освободительной и классовой

борьбы в стране, отвлекало на себя значительные силы гоминьдановского государственного и партийного аппарата, оказывая тем самым реальную помощь вооруженной борьбе коммунистов в советских районах Китая, содействуя формированию единого антияпонского фронта, сыгравшего историческую роль в решении дальнейших судеб страны.

Большое внимание в монографии уделено работой политике КПК и гоминьдана. Автором раскрывается не только явно контрреволюционный, но и отчетливо выраженный национал-реформистский характер рабочей политики гоминьдана, ее сложность и гибкость, сочетание в ней наряду с открытым террором в отношении коммунистов и революционного рабочего актива также широкой социальной демагогии, националистической пропаганды и ряда вполне реальных уступок рабочему классу. Вывод автора о наличии в китайском рабочем движении объективных предпосылок для распространения национал-реформистской идеологии представляется принципиально новым и важным.

Рассматривая рабочую политику КПК и ее деятельность в городах, автор приходит к выводу, что почти полный отрыв компартии от рабочего класса, ее вытеснение из рабочего движения к концу 30-х годов явились следствием не только беспощадного гоминьдановского террора, но и тяжелых «лево»-сектантских ошибок коммунистов, сводивших на нет все их героические усилия возглавить пролетарские массы, а также недооценки глубины влияния национал-реформизма на рабочие массы. Особенно пагубное влияние на работу КПК в городах оказала лилсаневщина как концентрированное выражение в наиболее однозной форме бытовавших в партии настроений «левого» экстремизма и национализма. Автор правмерно связывает возникновение лилсаневщины и других проявлений «левизны» в КПК как с неблагоприятным социальным составом партии, слабостью ее пролетарского базиса, малочисленностью марксистско-ленинского ядра, влиянием догматизма, так и с более широкими причинами — общим уровнем социально-экономического развития страны и связанной с ним слабо дифференцированной классовой структурой общества. Вместе с тем устойчивость левацких тенденций в КПК на всем протяжении ее истории нуждается в дополнительном изучении. В частности, многие левацкие перегибы в теории и практике КПК напоминают свойственное ряду современных развивающихся стран реальное противоречие между стремлением революционного авангарда к скорейшему, кратчайшему и «простейшему» решению сложных социально-экономических проблем и отсутствием адекватных подобным решениям экономических, социальных, культурных и психологических предпосылок.

Заслуживает внимания также вывод о том, что для многих руководителей КПК было характерно отождествление понятий «город» и «пролетариат», связанное с недооценкой национально-освободительного стимула в рабочем движении и сектантским

подходом к определению общественно-политической роли пролетариата (с. 115). Проявления подобного искаженного подхода автор обнаруживает в решениях VI съезда КПК и других партийных документах 30-х годов. Но точно такие же тенденции наблюдались в партийной документации и публицистике КПК во время революции 1925—1927 гг. Таким образом, отмеченный вывод выходит за рамки исследуемого периода и приобретает более общее значение одной из наиболее устойчивых черт теории и практики КПК. Следует, однако, отметить, что в конце 40-х годов, накануне победы национально-демократической революции, традиционная для КПК трактовка понятия «город» претерпевает существенные изменения. В то же время нельзя не признать, что для отождествления понятий «город» и «пролетариат» имелись и определенные объективные основания. Общеизвестно, что подъемы рабочего движения в период революции 1925—1927 гг., в середине 30-х и в конце 40-х годов хронологически полностью совпадали с пиками общепатриотических, демократических движений самых широких слоев городского населения (студенчества, мелкой и средней буржуазии, интеллигенции и пр.) и являлись неразрывной составной частью этих движений. Материалы рецензируемой монографии дают обильные подтверждения данной закономерности.

В соответствии с сугубо «городской» по своему характеру темой исследования автор неоднократно подчеркивает, что «самый сокрушительный» удар гоминьдановской реакции в 1927 г. и позднее обрушился на революционный актив рабочего класса и кадры КПК в промышленных центрах страны. Это утверждение верно, но не совсем точно, так как в 1927 г. КПК потеряла не менее сокрушительное поражение и в деревне, где были истреблены активисты крестьянского движения. Более того, после относительно кратковременного развития сельских опорных баз КПК в начале 30-х годов они были в 1934—1937 гг. почти полностью уничтожены гоминьдановцами; остатки вооруженных сил КПК вынуждены были перебазироваться в глухой пограничный северо-западный угол страны. Последующее возрождение и развитие сельских опорных баз КПК происходит уже в принципиально иной обстановке японо-китайской войны и связано с прямым воздействием СССР на гоминьдановское руководство, нуждавшееся в советской военной помощи. Таким образом, во второй половине 30-х годов КПК потеряла второе крупное поражение не только в городе, но и в деревне.

Автор верно определил 1931 год как переломный в развитии китайского рабочего движения в рамках исследуемого периода. «Захват Маньчжурии и усиление японской агрессии в 1931—1937 гг. — говорится в монографии, — определили главное направление рабочего движения в эти годы — отпор захватчикам» (с. 228). При этом, как свидетельствуют материалы монографии и как неоднократно подчеркивает автор, руководство рабочим движением безраздельно принадлежало гоминьдановским легальным профсоюзам. В то же время автор постоянно

но подчеркивает «капитулянтский» характер гоминьдановской внешней политики «умиротворения» японского агрессора. Здесь имеет место явное противоречие, проистекающее из употребления стандартной терминологии, которая не отражает всей сложности внешней политики гоминьдана в трудный период нарастания японской агрессии в 1931—1937 гг. Используемые в книге материалы гоминьдановского архива по рабочему движению выявляют сложность, противоречивость политики правительства в отношении антияпонской борьбы рабочих, являющейся серьезным фактором в сопротивлении агрессору. На основании документов, свидетельствующих о том, что правительство тайно принимало меры по организации и материальной поддержке антияпонских рабочих забастовок, автор делает вывод: в ряде случаев гоминьдан, поддерживая патриотические рабочие выступления, держался в тени, чтобы иметь возможность сослаться на необузданность, стихийность национальных чувств рабочих и не обострять отношений с Японией, которую он не оставлял надежд «умиротворить». Эта тайная дипломатия, безусловно, должна быть учтена при определении истинной роли гоминьдана. В то же время несомненно, что гоминьдан принимал все меры, вплоть до репрессий (обширные материалы о них также имеются в его архиве), чтобы ограничить антияпонскую борьбу пролетариата. Это обстоятельство наряду с нерешительностью правительства в организации воору-

женного отпора агрессору вызывало движение протеста легальных рабочих организаций, подчас принимавшее отчетливый антиправительственный характер. Подобное «полевенне» легального профдвижения, вынудившее правительство отменить запрет на создание крупных региональных и отраслевых профобъединений, высокий подъем антияпонской борьбы пролетариата, далеко перешагнувшей рамки, которыми гоминьдан пытался ее ограничить, активизация повседневной экономической борьбы — все это автор расценивает как свидетельство «кризиса» рабочей политики гоминьдана. Такая оценка представляется слишком категоричной. Речь в данном случае может идти скорее о кризисе политики гражданской войны и умиротворения японского агрессора, вынудившем гоминьдан прекратить военные действия против КПК и пойти на создание единого антияпонского фронта.

Монография Т. Н. Акатовой является серьезным вкладом в советское Китаеведение, в изучение истории рабочего и коммунистического движения. Этот первый в советской историографии опыт комплексного исследования положения и борьбы китайского пролетариата за длительный исторический период служит солидным заделом для дальнейших исследований с целью создания обобщающего труда о рабочем движении Китая в период 1919—1949 гг.

В. И. ГЛУНИН,
доктор исторических наук

Ежегодник «Азиатская безопасность, 1982» о разоружении и мерах доверия.

«Азиатская безопасность, 1982». Научно-исследовательский институт по изучению проблем мира и безопасности. Токио, 183 с. Asian Security, 1982. Research Institute for Peace and Security.—Токио, 1982, 183 p.

Рецензируемая работа — четвертый по счету ежегодник созданного в 1978 г. Научно-исследовательского института по изучению проблем мира и безопасности, ректором которого является бывший начальник академии обороны Японии, профессор-советолог Масамити Иноки, получивший докторскую степень в США. В штате института — 20 научных сотрудников, которые принимали участие в подготовке настоящего ежегодника под редакцией профессора-международника Масатака Косака. В редактировании этого исследования участвовали также генерал-лейтенант Кацуити Цукамото, вице-ад-

мирал Наотоси Сакондзё и американский бригадный генерал Кеннет Хант.

Книга знакомит с тем, как правящие круги Японии оценивают позиции СССР, США, стран Западной Европы и Азии по отношению к проблеме обеспечения мира и стабильности в Азиатско-тихоокеанском регионе, а также с собственной позицией Японии по данному вопросу, и прежде всего по вопросу распространения на эту часть земного шара мер доверия.

В рецензируемом исследовании признается важность внесенных Советским правительством предложений о мерах доверия на Дальнем Востоке. В то же время в нем утверждается, что, прежде чем перейти к реализации этих предложений, нужно решить ряд проблем. К первой из них авторы относят «наращивание советской военной мощи на Дальнем Востоке», якобы в одностороннем порядке, полностью игнорируя при этом вопрос противостоящих СССР вооруженных силах США, Японии и других государств. Они заявляют, что это будто бы «является серьезной угрозой для многих стран Азии», и ставят под сомнение искренность намерения Советского Союза укреплять меры доверия.

В качестве другой надуманной помехи для принятия советского предложения о мерах доверия выдвигается отсутствие достаточной информации о численности советских вооруженных сил (с. 171).

Не отвергая самой идеи распространения

мер доверия в данном регионе, авторы ежегодника предлагают ряду стран Азии и Соединенным Штатам «скоординировать» свои шаги по этому вопросу, с тем чтобы выступить единым фронтом против Советского Союза. В особенности это касается тех стран и режимов, которые, подобно США, Китаю, Японии и Южной Корее, находятся, по их выражению, в «исключительно сложных геополитических отношениях с СССР...» (с. 172).

Говоря о важности советско-американских переговоров об ограничении ракетно-ядерного оружия, авторы ежегодника признают, что обсуждаемые на переговорах проблемы глубоко затрагивают интересы Японии и других стран Азии. Но при этом все сложные вопросы безопасности в Азии ими сводятся к одному — к надуманной проблеме «передислокации» советских ракет «СС-20» из Европы в Азию (с. 29—30). В рассматриваемой работе утверждается, что до тех пор, пока не будет заключено соглашение о сокращении ракетно-ядерных вооружений средней дальности, Запад якобы должен держать развернутыми ракеты с ядерными боеголовками в качестве «сдерживающей силы» в Северо-Восточной Азии. Хотя общеизвестно, что Советский Союз, уточняя свою позицию в отношении устранения советских ракет средней дальности из европейской части СССР в случае отказа Вашингтона от размещения в странах Западной Европы американских ядерных ракет, предложил полностью ликвидировать сокращаемые ракеты. Советское предложение полностью выбивало всякую почву из-под распространяемых в странах НАТО утверждений, будто Советский Союз на самом деле намеревается сохранить подлежащие сокращению ракеты «СС-20», просто перебазировав их из Европы на Восток. Тем самым лишалась каких-либо оснований и высказываемая Китаем и Японией озабоченность по поводу возможности такого перебазирования.

В исследовании указывается, что США начиная с 1982 г. приступили к размещению на Дальнем Востоке более 3000 крылатых ракет, запускаемых с самолетов, а также намерены вооружить ими надводные и подводные корабли (с. 29—30). Китай, как отмечается, собирается наращивать свою ядерную мощь, и лишь Япония, будучи защищенной американским «ядерным зонтиком», продолжает придерживаться «безъядерной политики» (с. 77—78, 173).

Авторы ежегодника высказывают мнение, что контроль над вооружениями необходим прежде всего на Корейском полуострове, но что представители Севера и Юга не готовы сесть за стол переговоров по этому вопросу.

В ежегоднике обращается также внимание на то, что между США, с одной стороны, и их западными союзниками и Японией — с другой, имеют место противоречия по проблемам, связанным с выработкой единой позиции в отношении Советского Союза. Это объясняется тем, что Вашингтон и Токио расходятся в выводах по вопросу о «наращивании военной мощи

СССР». В Вашингтоне считают, что СССР стремится использовать свою военную мощь «в экспансионистских целях» и рассчитывает достичь этих целей до того, как США и их союзники сумеют подготовиться, чтобы оказать должное сопротивление. Другими словами, США, несмотря на проведение Советским Союзом миролюбивого курса, усматривают в политике СССР прежде всего «военный вызов», что якобы требует от США и их союзников «ответных военных мер противодействия» (с. 7).

В противоположность этому, по мнению ученых из Института по изучению проблем мира и безопасности, Япония и страны Западной Европы, «воспринимая как реальность» советскую военную мощь, видят «непосредственную угрозу» в расширении политического влияния СССР, подкрепленного его вооруженными силами. В соответствии с этими надуманными представлениями они проявляют заинтересованность в том, чтобы Запад приложил усилия для выработки общей политической стратегии, без чего его военная политика, как считают в Токио, будет неэффективной. Более того, эти страны не считают, что корни многих местных проблем, в частности в таком жизненно важном районе, как Средний Восток, уходят в напряженность вообще между Востоком и Западом. В Токио не без оснований полагают, что разногласия здесь вызваны внутрирегиональными причинами и подлежат разрешению региональными средствами.

По мнению составителей ежегодника, потребность в больших военных усилиях представляет собой лишь один и, вопреки утверждениям Вашингтона, отнюдь не обязательно единственный элемент в стратегии Запада. Причем политические, дипломатические и экономические меры воздействия сохраняют по крайней мере такое же важное значение. Японские политологи справедливо полагают, что разрядка отнюдь не изжила себя, что она должна углубляться по мере ее распространения на военную область. Согласно их взглядам, как указывается в ежегоднике, экономические и политические мероприятия могут послужить серьезным вкладом в дело укрепления стабильности, в особенности в «третьем мире». Однако утверждение Вашингтона о необходимости для Токио так называемой «всеобъемлющей политики обеспечения безопасности», в которой ее военный компонент должен быть большим, чем в настоящее время, вызывает у японской общественности негативное отношение, поскольку оно лишь способствует тому, что в этом случае Япония окажется в еще большей зависимости от агрессивного курса США.

Считая политику администрации Р. Рейгана в отношении СССР, в частности в области контроля над вооружениями, чрезмерно жесткой, авторы сборника полагают, что ее определенное смягчение способствовало бы сближению позиций Японии и США по этому вопросу. Однако в действительности в основе позиции правящих кругов Японии лежит лишь стремление уменьшить собственный вклад в военные расходы Запада за счет увеличения доли своего старшего партнера.

Формирование имеющей антисоветскую направленность «системы безопасности» с участием Японии, США, Западной Европы, Северо-Восточной Азии (Южная Корея, АНЗЮС), Китая, а также стран АСЕАН, по мнению авторов ежегодника, следует считать не «оригинальной концепцией» премьер-министра Накасонэ, а скорее глобальной стратегией президента Р. Рейгана. Я. Накасонэ играет лишь роль «активного коммивояжера» этой стратегии. Подобная политика не только не внесет вклад в обеспечение мира и стабильности в Азии, но и вызовет рост напряженности в отношениях с Советским Союзом в этом регионе, который может привести к усилению советской военной мощи на Дальнем Востоке за счет других регионов. По мнению авторов, это «не соответствует интересам Японии и стран АСЕАН, даже если и совпадает со стратегией Р. Рейгана» (с. 48—49).

Для того чтобы оправдать граничащий с враждебностью курс Японии в отношении СССР, в Токио часто прибегают к такому несостоятельному приему, как ссылки на тенденциозные опросы общественного мнения, подвергающегося в течение ряда лет интенсивной идеологической обработке в ходе различных антисоветских кампаний, сливающихся в единое целое. При этом используются данные опросов, проводимых не прогрессивными организациями, а канцелярией кабинета министров.

Хотя действительной причиной ужесточения политики Японии и других империалистических стран в отношении СССР является резкий сдвиг вправо политики правящих кругов этих стран вследствие ослабления их позиций на международной арене и успехов национально-освободительного движения, в официальных кругах Токио в качестве «аргументов» в пользу такого курса приводят события в Афганистане в 1979 г. и ПНР в 1980 г. и «твердую» позицию СССР в отношении территориальных притязаний Японии.

Меры по укреплению безопасности советского Дальнего Востока, осуществляемые в ответ на растущую мощь вооруженных сил США, Японии и Китая, авторы ежегодника преподносят как продолжающуюся демонстрацию советской военной мощи с целью «наказания Японии». Эти меры совершенно необоснованно расцениваются ими как аргумент в пользу свертывания экономических связей между Японией и СССР.

Из ложного тезиса о неправомерности якобы осуществляемой СССР политики «возмездия» в отношении Японии делается фальшивый вывод о нелогичности расчетов Советского Союза на то, чтобы Япония пошла на переговоры о расширении торгово-экономических связей.

По вопросам сокращения вооружений и о мерах укрепления доверия между государствами Азиатско-тихоокеанского региона авторы ежегодника занимают в целом уклончивую и скорее даже отрицательную позицию с оглядкой на Вашингтон. Это объясняется усилением давления США с намерением добиться резкого повышения роли Токио как в системе отношений с союзниками в Азиатско-тихоокеанском регионе, так и на глобальном уровне.

Нажим Вашингтона приобрел особенно резкий характер с переходом администрации Рейгана от «многополюсной дипломатии» предшествующего периода, при которой главное внимание уделялось попыткам вызвать конфликты между различными социалистическими и капиталистическими странами, к «двуполюсной дипломатии» с ее курсом на идеологическую и военно-стратегическую конфронтацию между двумя мировыми системами на глобальном уровне¹.

При рассмотрении проблем безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе авторы ежегодника неправомерно делают главный упор на «рост военного могущества СССР» в этом районе мира, создавая ложное впечатление, будто Советский Союз стремится не к соблюдению принципа одинаковой безопасности, а к достижению военного превосходства.

Ложь эта неоднократно разоблачалась в выступлениях советских руководящих деятелей, несостоятельность подобных утверждений признают и многие здравомыслящие деятели на Западе. В то же время, как было сказано в сентябрьском Заявлении Ю. В. Андропова, «под всякими надуманными предлогами расширяется американское военное присутствие за тысячи километров от территории США... В реализацию всех этих опасных планов Вашингтона все больше втягивают другие страны НАТО. Мало того, предпринимаются усилия возродить японский милитаризм и подключить его к военно-политической машине этого блока»².

Именно в сколачивании военной структуры США — Япония — Западная Европа и лежит подлинная угроза безопасности народов Азии и всего мира, как бы ни тщились авторы ежегодника доказать обратное.

*К. Е. ЧЕРЕВКО,
кандидат филологических наук*

¹ См. подробнее: В. П. Лукин. Азиатско-тихоокеанская стратегия: рейгановский вариант. — «США: экономика, политика, идеология», 1983, № 9, с. 7—11.

² «Правда», 29.IX. 1983.

Актуальные проблемы современной Японии

Япония 1982. Ежегодник. М., «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1983, 336 с. с ил.

В Советском Союзе уделяется большое внимание изучению Японии и популяризации знаний об этой стране. За послевоенные годы в СССР вышло немало исследований по различным проблемам современной Японии. В их числе десятки публикаций, в которых рассматриваются такие проблемы, как борьба демократических сил страны, рабочее движение, внутриполитическое положение, политика правящих кругов, международные отношения Японии, а также ее экономика, культура и т. д. В благородное дело ознакомления советских людей с их весьма своеобразным дальневосточным соседом значительный и, что особенно важно, постоянный вклад вносит ежегодник «Япония», выпускаемый совместно институтами Востоковедения, Дальнего Востока, Мировой экономики и международных отношений.

Рецензируемый ежегодник содержит материалы, главным образом ограниченные временными рамками 1981 года.

Что же представляла собой Япония в 1981 г., и как это отражено на страницах одиннадцатого выпуска ежегодника «Япония»?

В 1981/82 фин. г. прирост валового национального продукта Японии составил лишь 2,7 %. Это самый низкий прирост за последние 7 лет. По сравнению с другими странами развитого капитала (там картина еще более плачевная. — Ю. Б.) это как будто бы и немало, однако вспомним, что еще совсем недавно темпы роста промышленного производства в Японии исчислялись двузначными цифрами. Несомненно, японское правительство и деловые круги очень волнует вопрос о том, как стимулировать экономический рост.

Сейчас уже очевидно, что после известного нефтяного кризиса (1973) началась и продолжает осуществляться в настоящее время глубокая перестройка японского производства с развитием смелых в сырьевом и энергетическом отношении отраслей на отрасли, получившие название «интеллектуальноемкие». Технология количества, объема уступает (а во многом уже уступила) технологии качества, в основе которой — наука, высочайшая точность, ювелирное мастерство проектировщиков, конструкторов и исполнителей. Структурная перестройка экономики сопровождается реализацией широкомасштабной программы экономии ресурсов (гэирё кэйэй), имеющей «главной целью обеспечение высокого уровня прибылей за счет сокращения издержек производства на энергию, сырье и материалы, оплату труда (в основном с помощью сдерживания роста заработной платы и увольне-

ний), а также с помощью уменьшения выплат по процентам за заемный капитал» (с. 5—6).

Автор экономического обзора сборника А. И. Кравцевич справедливо указывает на негативное воздействие обеих основных тенденций в развитии японской промышленности на темпы ее роста. Кроме того, «резкое ухудшение общих условий воспроизводства в результате значительного повышения цен на нефть в 1979 — начале 1980 г. (получившее в Японии название «второй нефтяной шок») еще более стимулировало указанные тенденции, оказав серьезное сдерживающее воздействие на процесс экономического роста в 1981 г.» (с. 6).

Наиболее характерной чертой развития японской экономики в 1981 г., как и в предыдущем, 1980, являлась очень высокая зависимость от внешнего спроса. За счет экспорта было обеспечено три четверти роста ВНП. Это объясняется в обзоре А. И. Кравцевича (и, на наш взгляд, совершенно правильно) наличием главного фактора ослабления хозяйственной конъюнктуры — стагнацией частного потребительского спроса. Последняя явилась результатом прежде всего наступления монополий на «жизненный уровень трудящихся... В 1980/81 г. (финансовом. — Ю. Б.) было предпринято прямое наступление — впервые за послевоенный период произошло сокращение реальной заработной платы» (с. 13). Предпринимаемая в целях стимулирования экономики административно-финансовая реформа (подробнее см. с. 24—25, 30—32), предполагающая, в частности, сокращение государственной собственности и предпринимательства также может в конечном счете обернуться «дополнительным налогом» на трудящихся в пользу капитала» (с. 25).

Думается, как положительный, следует расценивать тот факт, что в одиннадцатом выпуске ежегодника «Япония» экономические проблемы в той или иной степени рассматриваются или затронуты в работах 10 из 17 представленных в основных разделах сборника авторов: А. И. Кравцевича, Ю. Д. Кузнецова, В. Б. Рамзеса, В. А. Попова, А. Д. Богатурова, А. И. Соколова, И. П. Лебедевой, Ю. П. Чегодаря, Ю. С. Столярова, В. И. Прохорова. Это уже само по себе говорит о роли и месте экономических проблем в жизни современной Японии, и надо отдать должное составителям настоящего ежегодника, уделившим достаточное внимание их освещению.

Большое значение для японского общества, пережившего атомную трагедию, имеют вопросы борьбы за мирное будущее, против осуществляемой сейчас ускоренной милитаризации страны. Эти вопросы приобрели особую остроту в последнее время, в связи с приходом к власти кабинета Я. Накасонэ, на которого возлагают свои надежды ярые сторонники возрождения милитаризма в Японии. Воинственные высказывания и действия нынешнего японского премьера отражают настроения и планы тех реакционных кругов, которые в последнее время буквально из кожи вон лезут ради укрепления союза с Вашингтоном и фактического соучастия в американской политике конфронтации с Советским Союзом. Так называе-

мая «оборонная» политика Японии приобретает все более наступательный характер.

Нарастание милитаристских тенденций, лживость всякого рода «оборонительных» теорий японской военщины убедительно раскрываются в помещенной в одиннадцатом выпуске ежегодника «Япония» статье В. Н. Бунина «Концепция «комплексного обеспечения национальной безопасности».

Напомним, что несмотря на записанный в конституции запрет иметь вооруженные силы, «с 1957 по 1976 г. в Японии были реализованы четыре пятилетние программы укрепления и развития «сил самообороны», в результате чего была создана современная армия, по своей боевой мощи сопоставимая с армиями ведущих империалистических держав» (6-е место, — Ю. Б.) (с. 68).

Все это осуществлялось за ширмой самых различных «оборонительных концепций»: «ограниченного вооружения оборонительного характера», «самостоятельной обороны», «самообеспечения» и, наконец, концепции «комплексного обеспечения национальной безопасности», о которой идет речь в настоящем ежегоднике. Японский народ решительно отвергает милитаристский курс правящих кругов. В стране ширится борьба за предотвращение угрозы термоядерной войны, против наращивания военного потенциала и намерений Пентагона разместить в регионе Дальнего Востока крылатые ракеты. В первых рядах борцов за мир, за демократической возрождение страны и обновление государственной политики идут коммунисты Японии, 60-летие партии которых широко отмечалось демократической общественностью страны в июле 1982 г. Юбилей боевого авангарда японских трудящихся нашел свое отражение в статье И. И. Коваленко «Коммунистическая партия Япо-

нии: 60 лет борьбы за мир и социализм». По существу, это своего рода краткий очерк истории КПЯ, в котором с исчерпывающей полнотой прослеживаются основные вехи шестидесятилетнего пути партии от ее учредительного съезда, состоявшегося 15 июля 1922 г., до наших дней.

В настоящем обзоре не ставилась задача рассмотрения всех материалов ежегодника. Однако, завершая знакомство с ним, хотелось бы особо упомянуть статью «Японская литература в СССР» Л. Л. Громковской и А. А. Долгина. В СССР ведется большая работа по ознакомлению советского читателя с прозой и поэзией Японии. Об этой работе и рассказывается в статье. И хотя авторы специально оговариваются, что «предлагаемый обзор не может считаться исчерпывающим» (с. 225), вряд ли в каком еще материале вы найдете собранные в одном месте более подробные данные о публикациях переводов японской литературы в СССР. Весьма полезная вещь для японоведов, да и для всех интересующихся японской культурой.

Впрочем, этой цели — служить своего рода справочным пособием для широкого круга японоведов и всех, кто стремится больше узнать о Японии и ее народе, — отвечает, на наш взгляд, и все содержание ежегодника, в котором, помимо статей общего и проблемного характера, масса справочного материала, вынесенных в приложение документов, хронология, библиография, статистические выкладки и пр. В этом одно из главных достоинств издания серии ежегодников «Япония», комплект которых представляет собой последовательное собрание ценных источников по актуальным проблемам современной Японии.

Ю. И. БУГАЕВ

Китайско-французские отношения: 1949—1981 гг.

Т. И. Сулицкая. Китай и Франция (1949—1981). М., 1983, 184 с.

XII съезд КПК и 1-я сессия Всекитайского собрания народных представителей 6-го созыва вновь продемонстрировали неизменность стремления правительства КНР играть все более активную роль в мировых делах. И хотя акцент делается на отношениях с развивающимися странами, на том, что «укрепление сплоченности и сотрудничества с другими странами третьего мира — главная точка опоры внешней поли-

тики нашей страны»¹, важное место во внешнеполитической стратегии КНР отводится странам Западной Европы, а среди них — Франции. Однако именно этот аспект европейской политики Китая долгое время оставался вне поля зрения советских исследователей, тогда как взаимоотношения КНР с другими государствами Западной Европы, в частности с ФРГ и Великобританией, были подвергнуты советскими учеными тщательному конкретно-историческому анализу².

Выход в свет монографического исследования Т. И. Сулицкой «Китай и Франция (1949—1981)» ликвидирует существовавший пробел. При этом следует сразу подчеркнуть,

¹ «Жэньминь жибао», 23.VI. 1983.

² См.: Китай и капиталистические страны Европы. М., 1976; М. И. Сладковский. Китай и Англия. М., 1980; А. И. Степанов. ФРГ и Китай (К истории отношений. 1949—1974 гг.). М., 1974.

что указанная работа является первым комплексным исследованием отношений КНР с Францией во всем их проблемно-хронологическом диапазоне не только в советской, но и в зарубежной историографии. Монография написана на широкой источниковедческой и историографической базе, причем значительная часть использованных автором источников и литературы вводится в научный оборот впервые. Исследование двусторонних отношений ведется на широком международном фоне, что дает возможность наглядно представить их место в общей системе международных отношений и во внешней политике КНР и Франции в отдельности, выявить сферу соприкосновения интересов двух государств, определить пределы политического сотрудничества между ними и т. д.

Победа народной революции в 1949 г., поддержка со стороны Советского Союза и других социалистических стран открыла для Китая возможность установления на новой основе широких международных связей, в том числе и с капиталистическими странами Европы. Очевидно, и европейские страны были заинтересованы в установлении с новыми властями Китая таких отношений, которые позволяли бы им сохранить тесные экономические связи с этой страной. Этому, однако, препятствовала политика США, с самого начала проявивших враждебность к народной власти и старавшихся добиться от своих союзников в Европе согласованности действий в отношении Китая. Франция оказалась в этом плане более зависимой от политики США, чем, скажем, Великобритания, признавшая 6 января 1950 г. новое правительство Китая де-юре.

Париж все же старался сохранить каналы контактов и обмена информацией с КНР. Автор особенно подчеркивает, что, хотя КНР не была признана французским правительством, несмотря на отсутствие дипломатических отношений, даже на то, что Франция в первые годы существования КНР занимала далеко не дружественную ей позицию, стороны поддерживали отношения на неофициальном уровне. Вполне возможно, что объективная заинтересованность обеих сторон во введении этих отношений в официальное русло могла бы привести к нормализации их уже летом 1950 г., если бы, как справедливо отмечает автор, не американская интервенция в Корее, обострившая весь комплекс дальневосточных проблем (с. 20—21).

Важнейшим этапом во франко-китайских отношениях стало участие Китая в Женевском совещании 1954 г. Женевское совещание вообще является важной вехой в истории международных отношений КНР, ибо впервые эта страна была представлена на международном совещании, в работе которого участвовали все великие державы. «Для Китайской Народной Республики, — пишет Т. И. Сулицкая, — участие в представительном международном совещании давало возможность ведения непосредственного политического диалога с представителями ведущих держав капиталистического мира — Англии и Франции» (с. 36). Об участии Китая в Женевском совещании написано уже много,

тем не менее Т. И. Сулицкая нашла новые материалы, проливающие дополнительный свет на это очень важное событие. И важно оно не только для Китая и китайско-французских отношений, но и для судеб народов Индокитая.

Обсуждение проблем Индокитая на Женевском совещании началось вскоре после исторической победы вьетнамского народа под Дьенбьенфу, которая поставила на грань полного краха колониальное господство Франции в этом районе. Однако китайское правительство имело свою точку зрения на развитие событий в регионе и строило планы использования возникшей ситуации прежде всего в собственных интересах. Выступая как будто в поддержку народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, китайский представитель на Женевском совещании в ходе конфиденциальных контактов с руководящими деятелями Франции согласился на серьезные уступки им. Именно в процессе этих контактов китайская сторона заявила о своей готовности признать существование двух администраций во Вьетнаме, значительно сократив при этом пределы распространения юрисдикции ДРВ, признать королевские правительства Лаоса и Камбоджи и поставить вопрос о выводе из Лаоса и Камбоджи всех иностранных войск, включая вьетнамских добровольцев (с. 37).

Опасаясь возможности вмешательства США в события в Индокитае, что усилило бы угрозу самому Китаю, и стремясь путем раздела Вьетнама и нейтрализации Лаоса и Камбоджи создать своеобразную «буферную зону» на своих южных границах, китайское правительство оказывало определенное давление на руководство ДРВ, с тем чтобы побудить его к уступкам Франции и не затягивать достижение соглашения. Примечательно, что глава китайской делегации обращался по этим вопросам непосредственно к руководству ДРВ и ПТВ в обход вьетнамской делегации в Женеве (с. 37—38).

В целом итоги деятельности китайской делегации на Женевском совещании следует оценить как достижение политического компромисса между Францией и КНР, причем компромисс этот был достигнут за счет третьей стороны — за счет интересов народов Индокитая. Однако и в этот период официальные отношения между ними еще не были установлены, главным образом из-за еще сохранявшейся значительной политической зависимости Франции от США. В то же время, несмотря на отдельные недружественные в отношении КНР тенденции во внешней политике Франции, можно, думается, говорить о том, что опыт их плодотворного сотрудничества в Женеве и чрезвычайная заинтересованность китайской стороны в расширении контактов с Западом, а Франции — в китайском рынке послужили основой, на которой стало возможным установление дипломатических отношений между обоими странами. Этот вопрос, а также его решение — и по форме, и по содержанию — заслуживают особого внимания.

В целом подход китайского правительства к вопросу установления дипломатических отношений с другими странами был предельно четко сформулирован еще при провозглашении КНР в 1949 г. Статья 56 Об-

шей программы НПКСК определила, что Китай может устанавливать отношения со странами, «которые порвут отношения с гоминьдановскими реакционерами и займут дружественную позицию в отношении КНР»³. На протяжении ряда лет правительство КНР придерживалось принципов, изложенных в приведенной статье, настаивая прежде всего на прекращении всех связей страны, желающей установить отношения с КНР, с гоминьдановской администрацией Тайваня.

На начало 60-х годов, как известно, приходится важные принципиальные изменения во внешнеполитическом курсе Китая. Эти изменения совпали, по определению Т. И. Сулицкой, «со значительным перераспределением сил в капиталистическом мире, одним из следствий которого было стремление западноевропейских стран освободиться от американской опеки» (с. 65), причем именно Франция стала выразителем подобных тенденций в Западной Европе. Возникшая ситуация усилила заинтересованность Китая в установлении официальных отношений с Францией.

Целый ряд важных обстоятельств, подробно проанализированных автором, послужил стимулом для положительного решения вопроса об установлении дипломатических отношений, причем стимулом настолько мощным, что правительство КНР фактически игнорировало существование дипломатических отношений между Францией и гоминьдановскими властями на Тайване. Более того, китайская сторона согласилась на такую формулу установления дипломатических отношений, которая вообще не содержала признания Францией суверенных прав КНР на Тайвань. С нашей точки зрения, детальный показ в книге дипломатической предыстории установления франко-китайских отношений (с. 78—84) — большая удача автора.

Китайская дипломатия активно использовала «французский плацдарм» для расширения внешнеполитических связей КНР, причем она пользовалась в этом плане помощью, поддержкой и даже посредничеством официальных кругов Франции. Именно в Париже происходили переговоры об установлении дипломатических отношений КНР с рядом стран, в том числе с Италией и Чили. Французские дипломаты приняли участие в выработке компромиссной «канадской формулы», послужившей основой для установления дипломатических отношений с рядом капиталистических стран, которые отказывались от официального признания Тайваня неотъемлемой частью КНР, но в развитии отношений с которыми она была крайне заинтересована (с. 105, 167).

И еще один важный результат франко-китайского сближения не обойден вниманием автора — роль Франции в установлении и развитии непосредственных китайско-американских контактов, приведших в конце концов к нормализации и установлению дипломатических отношений между двумя странами. Франция выполняла посредниче-

скую миссию на стадии подготовки конфиденциальных поездок в Пекин Г. Киссинджера, а затем и визита туда президента США.

Небезынтересно отметить двойственный характер реакции Франции на итоги визита Р. Никсона в КНР. С одной стороны, во Франции приветствовали достигнутые результаты личных встреч руководителей двух государств. Но с другой стороны, наблюдалась определенная сдержанность в оценках. Объяснялось это пониманием французским правительством того, что по мере укрепления и расширения американо-китайских отношений связи Франции с Китаем постепенно утратят свой привилегированный характер (с. 110).

И хотя нормализация американо-китайских отношений, а затем установление дипломатических отношений КНР с Японией и рядом других капиталистических государств действительно ослабили «привилегированность» франко-китайских отношений, ряд факторов обуславливает сохранение заинтересованности обеих сторон в поддержании довольно высокого уровня политического сотрудничества. Важнейшее место среди них, безусловно, занимает совпадение или близость позиций обеих стран по целому ряду вопросов международных отношений (с. 110—115). И хотя по многим аспектам мировой политики стороны с пониманием относятся к позиции друг друга, однако существует по крайней мере одна проблема, подход к которой Франции вызывает резкую критику и недовольство китайской стороны: отношения Парижа с СРВ и Кампучией. К сожалению, автор очень бегло охарактеризовал отношения Франции со странами Индокитая, причины заинтересованности Парижа в сохранении связей с ними, общую позицию его по проблемам, связанным с Индокитаем (с. 152—153).

Думается, монография только бы выиграла, если бы автор предпослал изложению основного материала небольшую ретроспективу китайско-французских отношений до создания в Китае народной республики.

В 50-х годах, выступая в едином ряду социалистических стран, Китай предпринимал активные действия в рамках их общего политического курса. Эти действия, направленные на предотвращение угрозы военного конфликта, на пресечение империалистической политики вмешательства в дела других стран, на всеобщее и полное запрещение ядерного оружия, были тогда положительно встречены мировой общественностью. Однако эта сторона деятельности правительства КНР на мировой арене в 50-е годы не шла, к сожалению, должного отражения в исследовании.

Отмеченные недостатки, впрочем, ни в коей степени не умаляют достоинств монографического исследования Т. И. Сулицкой. С полным основанием можно говорить о том, что оно явилось вкладом в советскую историографию внешней политики не только КНР, но и Франции.

Е. Д. СТЕПАНОВ,
кандидат исторических наук

³ Сборник документов внешней политики КНР, т. 1. Пекин, 1957, с. 1 (на кит. яз.).

Создание Всесоюзной ассоциации китаеведов

22 июня 1983 г. в Москве, в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялась учредительная конференция Всесоюзной ассоциации китаеведов. Около 250 делегатов, принявших участие в ее работе, представляли все основные центры китаеведения РСФСР, Украины, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, городов Москва, Ленинград, Киев, Алма-Ата, Ташкент, Душанбе, Фрунзе, Владивосток, Хабаровск, Чита, Улан-Удэ и др. Более 60 научных и других организаций Москвы были представлены на конференции. В ее работе приняли участие практически все ведущие китаеведы нашей страны.

В своем вступительном слове вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев отметил, что конференция проводится непосредственно после июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, который призвал обеспечить более высокий уровень идейно-политической работы в области общественных наук. Главной целью ассоциации является не только усиление научно-практической деятельности в области китаеведения, но и укрепление организационных связей и сотрудничества между специалистами — китаеводами и обществоведами в масштабах всей страны, объединение их усилий и координация их работы. Неразрывная связь с современностью, результаты научных исследований, принципиальный подход к изучению Китая с позиций пролетарского интернационализма завоевали авторитет советскому китаеведению у мировой научной общественности. Академик П. Н. Федосеев подчеркнул, что наши стремления всегда направлены к дружбе с китайским народом и они последовательны и неизменны. Устав ассоциации предусматривает содействие проводимой Советским государством ленинской внешней политике в отношении Китая, развитию дружбы и взаимопонимания между советским и китайским народами.

С докладом о создании Всесоюзной ассоциации китаеведов выступил директор Института Дальнего Востока АН СССР член-корреспондент АН СССР М. И. Сладковский. Докладчик остановился на роли и значении июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС и задачах советского китаеведения, которые вытекают из его решений. М. И. Сладковский отметил, что современное советское китаеведение унаследовало лучшие традиции китаеведения 20—30-х годов, а также русского дореволюционного китаеведения.

Говоря о сложных процессах, происходящих в Китае, докладчик подчеркнул, что в тяжелый период «двух потерянных десятилетий», как его характеризует китайская общественность, советское китаеведение выполняло свой интернациональный долг перед китайским народом, и выразил уверенность, что создание ассоциации послужит дальнейшей, еще более продуктивной деятельности советских китаеведов.

В своем выступлении первый заместитель заведующего отделом ЦК КПСС О. Б. Рахманин выразил уверенность, что образование Всесоюзной ассоциации китаеведов активизирует процесс глубокого изучения различных аспектов политики КНР, ее экономики, философии, права, культуры, традиций, языка, явится новым шагом в пропаганде достижений советского и русского демократического китаеведения, будет способствовать дальнейшему укреплению международных связей нашей синологии, в том числе с китайскими учеными, с общественностью КНР. О. Б. Рахманин отметил, что подлинный интернационализм и научная объективность в подходе к изучению Китая завоевали советской синологии высокий престиж за рубежом, в том числе и в КНР. Он подчеркнул, что линия Советского Союза и нашей партии в отношении КНР ясная, принципиальная и последовательная. Она не подвержена конъюнктурным колебаниям, учитывает интересы советского народа, интересы мира и прогресса. Эта линия совершенно не противоречит коренным интересам и китайского народа, интересам китайской революции, делу социализма в КНР. Курс в отношении Китая был выработан на съездах КПСС и вновь подтвержден на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС. Генеральный секретарь нашей партии Ю. В. Андропов, выступая на этом пленуме, заявил об искренней заинтересованности нашей партии и страны в развитии и улучшении отношений со всеми социалистическими государствами, в том числе с Китайской Народной Республикой. В то же время отмечалось, что готовность к нормализации отношений не должна быть связана с требованием каких-либо предварительных уступок от Советского Союза. О. Б. Рахманин подчеркнул, что ассоциация и ее секции должны стать генератором

многих интересных идей, предложений, инициатив по широкому изучению Китая и пропаганде достижений советского китаеведения, способствовать взаимопониманию между народами Советского Союза и Китая, их дружбе и добрососедству.

Академик С. Л. Тихвинский в своем выступлении отметил, что советские китаеведы полностью одобряют линию КПСС на нормализацию отношений с Китаем, установление дружбы с китайским народом, и создание ассоциации свидетельствует о желании нашего народа, нашей страны жить в мире и дружбе со своим соседом Китаем.

Советское китаеведение, отметил С. Л. Тихвинский, за годы, прошедшие после провозглашения Китайской Народной Республики, добилось значительных успехов в изучении Китая, в деле ознакомления советской общественности с культурой этой страны, ее искусством, историей. Наши китаеведы заслуженно гордятся тем, что в годы разгула «культурной революции», официально осужденной ныне в КНР, они смело выступили в защиту дела социализма в Китае.

Член-корреспондент АН СССР Н. Т. Федоренко напомнил, что еще в дореволюционные времена российские китаеведы думали о необходимости сплочения своих сил. Они тоже стремились совместно решать стоящие перед ними задачи. Теперь у нашего китаеведения появились новые отряды, выросла огромная научная общественность. Сама синология стала многогранной, многоплановой комплексной наукой. Стоящие перед ней задачи требуют сосредоточения сил китаеведов, а задача ассоциации — способствовать этому.

Чрезвычайный и полномочный посол Советского Союза в КНР И. С. Щербаков в своем обращении к конференции от имени посольства СССР в Китайской Народной Республике пожелал Всесоюзной ассоциации китаеведов успехов в работе. И. С. Щербаков сказал, что советское китаеведение вносит достойный вклад в дело нормализации советско-китайских отношений, и выразил уверенность в том, что решения июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС будут успешно претворены в жизнь и в области китаеведения.

Заведующий отделом, член Коллегии Министерства иностранных дел СССР И. А. Рогачев в своем выступлении выразил убеждение, что создание ассоциации — это назревшая, своевременная мера, которая целиком отвечает линии Центрального Комитета нашей партии. И. А. Рогачев осветил некоторые аспекты современного состояния советско-китайских отношений.

От имени китаеведов Казахстана приветствовал создание ассоциации член-корреспондент Академии наук Казахской ССР Р. Б. Сулейменов. Он отметил, что казахское китаеведение сформировалось в лоне российской демократической синологии, но особенно успешно оно развивалось в советское время. Р. Б. Сулейменов отметил большую помощь институтов Дальнего Востока и востоковедения АН СССР казахским китаеведческим научным учреждениям и выразил убеждение в своевременности и необходимости создания такой координирующей научной организации, как Всесоюзная ассоциация китаеведов.

Заместитель директора Института востоковедения АН СССР профессор В. М. Солнцев заявил, что создание ассоциации давно назрело. Советское китаеведение представляет собой многоотраслевую область научных знаний, и велик диапазон работы наших китаеведов — с древнейших времен вплоть до сегодняшнего дня, до изучения самых острых проблем сегодняшнего Китая. Одной из важных функций ассоциации будет координация усилий китаеведов, работающих в разных сферах. Создание ассоциации организационно укрепит наше китаеведение, будет способствовать усилению социальной значимости нашей работы.

Заместитель председателя Советского комитета ветеранов войны, генерал-полковник авиации Н. П. Дагаев передал привет и поздравления участникам конференции от Советского комитета ветеранов войны, объединяющего около 7 млн. ветеранов гражданской и Великой Отечественной войн. Н. П. Дагаев отметил, что многие советские ветераны непосредственно участвовали в оказании помощи китайскому народу как в ратных делах против японских милитаристов, так и в укреплении вооруженных сил КНР и помнят благодарность трудящихся Китая и их искреннюю дружбу. Обращаясь к этим событиям и сохраняя стремление к дружеским отношениям с китайским народом, советские ветераны приветствуют учреждение Всесоюзной ассоциации китаеведов.

С приветствиями к участникам конференции обратились заведующий Отделом востоковедения АН Киргизской ССР доктор исторических наук М. Я. Сушанло, декан восточного факультета Дальневосточного государственного университета А. А. Хаматова, директор Ленинградской части Института этнографии АН СССР доктор исторических наук Р. Ф. Итс, доктор исторических наук, профессор Г. В. Астафьев (ИДВ АН СССР), председатель Совета молодых ученых ИДВ АН СССР кандидат экономических наук В. Н. Ремыга.

Конференция единогласно приняла решение об учреждении Всесоюзной ассоциации китаеведов. На конференции был также обсужден Устав Всесоюзной ассоциации китаеведов. С сообщением по этому вопросу выступил заместитель директора Института Дальнего Востока АН СССР, доктор исторических наук Ю. М. Галенович. Он отметил, что устав выработывался в течение нескольких месяцев путем широкого обсуждения, в том числе на сессии Научного совета по проблемам зарубежного Дальнего Востока в феврале 1983 г. Ассоциация, состоящая при секции общественных наук Президиума АН СССР, будет осуществлять регулярный обмен ин-

формацией и тесно сотрудничать с другими ассоциациями и научными советами АН СССР, с научно-исследовательскими и учебными заведениями страны, в том числе с Советской ассоциацией политических наук, Всесоюзной ассоциацией востоковедов, Советской ассоциацией международного права, Философским обществом СССР, Национальным комитетом историков Советского Союза. Углубленно и целенаправленно осуществляя деятельность, которая отражает интересы советских китаеведов, ассоциация будет использовать различные формы совместной работы при решении более широкого круга вопросов.

В уставе, единогласно принятом учредительной конференцией, говорится, что целями и задачами ассоциации является содействие на основе марксистско-ленинской методологии развитию исследований в области внутренней и внешней политики, экономики, истории, общественной мысли, языков, литератур и культур Китая; содействие проводимой Советским государством ленинской внешней политике в отношении Китая; выступление за развитие дружбы и взаимного понимания между советским и китайским народами; содействие популяризации знаний о Китае.

Устав подчеркивает также такие задачи ассоциации, как ознакомление советской и зарубежной общественности с проводимыми в СССР исследованиями по актуальным проблемам китаеведения, укрепление взаимопонимания и международного сотрудничества ученых — специалистов в области китаеведения.

После утверждения устава состоялись выборы правления и ревизионной комиссии, состав которых был утвержден единогласно.

В тот же день состоялось заседание правления, на котором председателем Всесоюзной ассоциации китаеведов единогласно был избран директор Института Дальнего Востока АН СССР член-корреспондент АН СССР М. И. Сладковский. Заместителями председателя избраны (в алфавитном порядке): заместитель директора ИДВ АН СССР доктор исторических наук Ю. М. Галенович; директор Института им. А. Донниша академик АН Таджикской ССР Б. И. Искандаров; заместитель министра иностранных дел СССР доктор исторических наук М. С. Капица; заместитель директора ИДВ АН СССР доктор исторических наук В. А. Кривцов; заместитель председателя Президиума ДВНЦ АН СССР, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока член-корреспондент АН СССР А. И. Крушанов; общественный деятель доктор исторических наук О. Б. Рахманин; заместитель директора Института востоковедения АН СССР доктор филологических наук В. М. Солнцев; член-корреспондент АН Казахской ССР Р. Б. Сулейменов (Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова); академик — секретарь Отделения истории АН СССР, ректор Дипломатической академии МИД СССР академик С. Л. Тихвинский.

На этом же заседании был избран Президиум правления ассоциации и секретариат ассоциации.

Американское китаеведение на современном этапе

14 декабря 1983 г. в Институте Дальнего Востока АН СССР состоялась научно-теоретическая конференция «Американское китаеведение на современном этапе». Открывший конференцию заместитель директора ИДВ АН СССР В. А. Кривцов подчеркнул, что конференция подводит определенный итог изучению американской буржуазной синологии в Институте Дальнего Востока. Представленные на ней доклады и сообщения позволяют судить об основных направлениях американского китаеведения на современном этапе, закладывают основу для его научного анализа и критики. Это тем более важно, что буржуазная синология достаточно точно и последовательно отражает политическую линию официального Вашингтона.

И. Н. Коркунов выступил на конференции с докладом «Американские синологи о социально-экономических проблемах КНР (70—80-е годы)». В докладе содержатся некоторые оценки и выводы о концепциях американских синологов по социально-экономическим проблемам КНР на современном этапе. Подразделяя эти проблемы на две группы — неотложные задачи (инфляция, проблема занятости, совершенствование системы управления экономикой и т. п.) и фундаментальные (развитие сельского хозяйства, ограничение роста населения и др.), синологи США, отмечает И. Н. Коркунов, утверждают, что даже если КНР в какой-то мере удастся решить первые задачи, то фундаментальные проблемы в ближайшем будущем разрешены не будут. Американские синологи в целом скептически оценивают возможность успеха в КНР экономических реформ в городе и деревне. Отмечая сложность проблем и противоречивость экономической ситуации в КНР, американские синологи пытаются «подсказать» Китаю выход из трудностей на путях сползания экономики на капиталистический путь (при этом имеются в виду теория сравнительных издержек производства, изучение

опыта Японии, Гонконга, Сингапура, Тайваня, а также опыт «вертикальной интеграции» сельского хозяйства в США).

Несколько докладов и сообщений было посвящено анализу и критике работ американских синологов, занятых исследованием внешней политики КНР. М. В. Коваль в докладе «Американские ученые о некоторых проблемах политики Китая в зоне развивающихся стран в 80-е годы» отметила, что ученые США на рубеже 70—80-х годов проявили большой интерес к политике Китая в зоне развивающихся стран. Перед ними стояла важная служебная задача определения места «третьего мира» в глобальной стратегии Китая в 80-е годы и разработки соответствующих рекомендаций для внешнеполитических ведомств США. Р. Б. Светличный в докладе «Современные американские ученые о некоторых проблемах советско-китайских отношений» на основе анализа работ А. Д. Барнетта, Р. Торнтон, Р. Скалапино, Д. Загория периода 1982—1983 гг. показал, что американские ученые серьезно обеспокоены перспективой возможной, по их мнению, нормализации советско-китайских отношений. Докладчик сделал вывод о том, что американскую буржуазную синологию более всего устраивает сохранение напряженного состояния советско-китайских отношений. А. Е. Блок посвятил свой доклад анализу взглядов известного американского синолога А. Д. Барнетта на роль КНР в Юго-Восточной Азии, показав служебно-утилитарные причины появления в его работах 1977—1982 годов, то есть периода быстрого развития китайско-американских отношений, мнения о «неагрессивности» политики КНР в ЮВА. М. Н. Юмин сделал сообщение об американской историографии советско-монгольских и китайско-монгольских отношений; Н. С. Кулешов выступил с докладом «Тибет. Внешнеполитическая интерпретация в американской историографии». К. П. Плешаков (Институт США и Канады АН СССР) представил доклад «Современная американская историография об образе США в Китае».

В. Н. Никифоров выступил с сообщением о двух юбилейных изданиях, выпущенных к 80-летию известного автора концепции «восточного деспотизма» Карла-Августа Витфогеля (Нью-Йорк). В. Н. Никифоров подробно остановился на научной биографии К.-А. Витфогеля, указав основные этапы формирования его концепции. Докладчик убедительно показал, что концепция К.-А. Витфогеля не позволяет понять реальный ход развития истории Китая и других стран Востока. Она носит ярко выраженный антимарксистский характер и активно используется в США антикоммунистическими и реакционными силами.

Е. В. Якимова выступила с докладом «О социально-психологическом направлении в синологии США». Е. В. Якимова подчеркнула, что социально-психологическая школа в США возникла в середине 60-х годов и получила ныне довольно широкое распространение. В работах американских социопсихологов «снимается» вопрос об объективных тенденциях развития КНР, и лишается, таким образом, смысла идейно-теоретическая критика «китаизированного марксизма». В этом и состоит антимарксистская направленность социально-психологической школы в американском китаеведении.

А. Н. Желоховцев в докладе «Двойственный подход к современной китайской литературе в американской синологии начала 80-х годов» отметил, что развитие китайско-американских отношений заставило синологию США отказаться от прежнего целиком негативного отношения к современной китайской литературе и культуре. Вместе с тем влиятельные силы в США стали оказывать разностороннюю поддержку таким явлениям в жизни китайского общества, которые встречают со стороны китайского руководства суровое осуждение. В частности, в США группа деятелей посвятила себя изучению «оппозиционных» элементов внутри китайского общества. Таким образом, в сторону КНР, подчеркнул А. Н. Желоховцев, американская синология обращена одновременно «двумя лицами» — приветливым и враждебным.

Ряд докладов и сообщений был посвящен некоторым проблемам истории Китая в работах американских синологов. Ф. Б. Белелюбский в своем докладе «Концепция китайской революции в работах американского ученого М. Майснера» рассмотрел некоторые аспекты оценки М. Майснером идеологических проблем истории китайской революции. По мнению докладчика, постановка М. Майснером вопроса о наличии популистских (народнических) элементов в мировоззрении китайских революционеров первой половины XX в. представляет собой шаг вперед по сравнению с эмпирическими и эклектическими работами многих его коллег. Бесспорно наличие революционно-демократических элементов в теории и практике китайской революции. Однако, как считает Ф. Б. Белелюбский, М. Майснер ошибочно игнорирует роль социальной активности крестьянства патриархального типа, еще не вступившего в систему товарно-денежных отношений.

В докладе И. А. Яковлева «Американская историография о соперничестве Ван Цзинвэя и Ху Ханьмина в 30-е годы» отмечается, что после смерти Сунь Ятсена его бывшие сторонники Ван Цзинвэй и Ху Ханьминь разошлись в интерпретации идей Сунь Ятсена о путях политического развития Китая. При рассмотрении этой проблемы американские авторы, как правило, некритически следуют чанкайшистской историографии.

Н. И. Новак в докладе «Р. Торнтон о проблеме единого антияпонского фронта в Китае в 30-е годы» на основе анализа нескольких работ американского синолога критически разбирает его попытки дать собственную интерпретацию событиям 30-х годов в Китае с антисоветских, антикоммунистических позиций. В. Н. Усов («Амери-

канская историография о периоде «урегулирования» в истории КНР») остановился на работах американских синологов, пытающихся на обширном фактическом материале проанализировать период, предшествовавший пресловутой «культурной революции».

Участники конференции отметили, что американская синология активно обслуживает курс Вашингтона на развитие отношений с КНР. Более того, в ряде случаев американское буржуазное китаеведение пытается прямо влиять на развитие ситуации в Китае в направлении, устраиваемом официальным Вашингтоном. Выводы американского китаеведения относительно истории Китая, различных сторон его внутренней, экономической, культурной жизни широко используются для нападок на марксистско-ленинскую теорию.

П. Ю. МАСЛОВ

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

75-летие Г. В. АСТАФЬЕВА

Исполнилось 50 лет научно-педагогической деятельности и 75 лет со дня рождения известного востоковеда доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР Геннадия Васильевича Астафьева.

Всю свою жизнь Г. В. Астафьев, где бы он ни находился — на практической работе в Народном комиссариате внешней торговли, в рядах Советской Армии, в стенах научно-исследовательских институтов Академии наук СССР, много и плодотворно трудится над решением сложных и актуальных научных проблем.

Нельзя не отметить широту научной эрудиции Г. В. Астафьева, выступающего в своих работах как географ, историк, экономист, специалист по международным отношениям. Среди написанных им монографий — «Экономическая география Синцзяна» (1938), «Американская экспансия в Китае» (1949), «Экономические проблемы Китая» (1950), «Американский империализм и внешняя торговля Китая» (1955), «Интервенция США в Китае и ее поражение» (1958), «Экономика развивающихся стран» (в книге «Мировая экономика», 1966, 1969). Г. В. Астафьев является также одним из основных авторов книг «Внешняя политика КНР» (1971), «От антиимпериализма к антисоциализму» (1974), «Внешняя политика и международные отношения КНР», т. 1—2 (1974), «Международные отношения на Дальнем Востоке», т. 1—2 (1978) и ряда других. Последние несколько лет Г. В. Астафьев как автор и редактор работает над крупными монографическими исследованиями, подготовленными в ИДВ АН СССР.

Наряду с интенсивной исследовательской работой Г. В. Астафьев многие годы трудился и как организатор науки (заведующий сектором, заместитель директора Института Дальнего Востока АН СССР).

Г. В. Астафьев активно занимался и занимается научно-педагогической деятельностью. Сотни советских востоковедов помнят глубокие по содержанию лекции, которые профессор Астафьев читал в Московском институте востоковедения, в МГУ им. М. В. Ломоносова, в Московском государственном институте международных отношений. Более двух десятков аспирантов — учеников Г. В. Астафьева защитили кандидатские и докторские диссертации. В настоящее время под его руководством успешно работают четыре аспиранта.

Г. В. Астафьев — бессменный член редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока».

Свой юбилей доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Г. В. Астафьев отмечает неустанным, активным творческим трудом. Все многочисленные ученики, друзья и коллеги Г. В. Астафьева желают ему крепкого здоровья, творческого долголетия, осуществления всех его научных планов.

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА», 1984, № 1. 216 стр.

Технический редактор *Серкина О.*

Сдано в набор 10.01.84. Подписано в печать 29.2.84. Формат 70×108^{1/16}. Бумага тип. № 1.
Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 18,9. Уч.-изд. л. 21,2. Усл. кр.-отт. 18,9.
Изд. № 39018. Тираж 13 236. Заказ 112. А 09436 29.2.84

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета
Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпром»
Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области